

ISSN 2077-3579

ВЕСТНИК

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Научный журнал

Основан в 2006 году

Том 16, № 3. 2024

Том 16, № 3. 2024
(июль — сентябрь)
Сквозной номер выпуска 71
16+

ISSN 2077-3579 (Print)

Vol. 16, No. 3. 2024
(July — September)
Continuous issue 71

**ВЕСТНИК
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

**BULLETIN
OF THE RESEARCH INSTITUTE OF THE HUMANITIES
BY THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC
OF MORDOVIA**

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное казенное учреждение
Республики Мордовия «Научно-исследо-
вательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005 Российская Федерация
Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Л. Толстого, д. 3
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Издается с 2006 года
Периодичность издания — 4 раза в год

Подписной индекс П5572

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution
“The Research Institute
of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia”

EDITORIAL OFFICE:

3 L. Tolstogo Str., Saransk,
Republic of Mordovia 430005,
Russian Federation
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Published since 2006
Periodicity: Quarterly

Subscription index П5572

e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru
<http://vestnikniign.ru>

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»,
допускается только по согласованию с редакцией

© НИИГН, 2024

Научный журнал «**Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия**» является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале, и рубрики, согласно которым осуществляется прием статей: **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39951 от 21 мая 2010 г.

Распространение — Россия.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций.

«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
 - 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
 - 5.6.3. Археология (исторические науки);
 - 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The scholarly journal “**Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia**” is a scientific periodical issued by NIIGN in order to inform the scientific community about the results of studies and to introduce materials of the regional humanitarian sciences into circulation. In this regard, the subjects covered in the journal and the sections to accept articles were determined: ECONOMIC SCIENCES, HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY, PHILOLOGICAL SCIENCES.

All materials submitted to the editorial office of the journal are peer reviewed.

The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with the international practice of editing, peer reviewing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Press, Broadcasting and Mass Media. Certificate of registration is ПИ No. ФС77-39951 dated May 21, 2010.

Distribution — Russia.

The journal provides open access to the full texts of publications.

“Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia” is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties and related branches of science should be published:

5.2.3. Regional and sectoral economics (economic sciences)

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.3. Archaeology (historical sciences)

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences)

5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation (philological sciences)

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Куршева Галина Александровна — главный редактор, директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Чернов Алексей Викторович — заместитель главного редактора, заместитель директора по научной работе НИИГН, кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Зарубина Ольга Владимировна — ответственный секретарь, главный научный сотрудник — заведующий отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Акимова Татьяна Ивановна — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Саранск, Россия)

Андреев Валерий Витальевич — главный научный сотрудник, профессор кафедры теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@rus.su (Чебоксары, Россия)

Арискина Ольга Леонидовна — профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Саранск, Россия)

Байнев Валерий Федорович — заведующий научно-исследовательской лабораторией «Комплексные исследования проблем социально-экономического развития» Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Минск, Республика Беларусь)

Белоусов Сергей Владиславович — заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Пенза, Россия)

Бельский Алесь Иванович — профессор кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, a_belsky@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Бикейкин Евгений Николаевич — заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Бирюкова Ольга Ивановна — профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbirukova@rambler.ru (Саранск, Россия)

Бурибаева Майнура Абильтяевна — Член Правления — Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт Ата, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Кызылорда, Республика Казахстан)

Бурланков Степан Петрович — профессор кафедры пищевых технологий и биоинженерии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru (Москва, Россия)

Водясова Любовь Петровна — профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Саранск, Россия)

Володин Виктор Михайлович — профессор кафедры «Социология, экономическая теория и международные процессы» Пензенского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Пенза, Россия)

Гераськина Инна Николаевна — профессор кафедры менеджмента в строительстве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Гусева Татьяна Михайловна — главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Загребин Алексей Егорович — исполняющий обязанности директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Москва, Россия)

Зайцева Татьяна Ивановна — заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Ижевск, Россия)

Зеленев Юрий Анатольевич — заведующий кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zeleneev@mail.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Идиатуллов Азат Корбангалиевич — профессор кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ульяновск, Россия)

Ильина Ирина Евгеньевна — директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Москва, Россия)

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Кечемайкин Владимир Николаевич — директор Рузаевского института машиностроения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Саранск, Россия)

Куканова Виктория Васильевна — директор Калмыцкого научного центра Российской академии наук, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Элиста, Россия)

Липатова Людмила Николаевна — профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук,

профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Минеева Елена Константиновна — профессор кафедры отечественной истории им. А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Мосина Наталья Михайловна — профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Саранск, Россия)

Никитина Татьяна Багишевна — главный научный сотрудник направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, доктор исторических наук, tshikaeva@yandex.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Никонова Людмила Ивановна — ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Романов Валерий Васильевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Ставицкий Владимир Вячеславович — профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Пенза, Россия)

Сысова Евгения Александровна — заведующий кафедрой статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Саранск, Россия)

Таймасов Леонид Александрович — профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Тарандо Елена Евгеньевна — профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна — профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова, кандидат исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Алматы, Республика Казахстан)

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор, 777nursulu@mail.ru (Алматы, Республика Казахстан)

Юрчёнкова Нина Георгиевна — профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Саранск, Россия)

EDITORIAL BOARD

Galina A. Kursheva — Editor-in-Chief, Director, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey V. Chernov — Deputy Editor-in-Chief, Deputy Director for Scientific Work, NIIGN, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga V. Zarubina — Executive Editor, Principal Researcher — Head of Department of Information and Analytical Support of Researches, NIIGN, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Tatyana I. Akimova — Professor of Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Andreev — Principal Researcher, Professor of Department of Theory and History of State and Law, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@ruc.ru (Cheboksary, Russia)

Olga L. Ariskina — Professor of Department of Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Saransk, Russia)

Valery F. Baynev — Head of Research Laboratory “Complex Studies of Problems of Social and Economic Development”, Belarusian State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Minsk, Republic of Belarus)

Sergey V. Belousov — Head of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Penza, Russia)

Ales I. Belski — Professor of Department of History of Belarusian Literature, Belarusian State University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, a_belsky@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Evgeny N. Bikeykin — Deputy Director — Academic Secretary, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga I. Biryukova — Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseev, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbiryukova@rambler.ru (Saransk, Russia)

Mainura A. Buribayeva — Member of the Board — Vice-Rector for Research and International Relations, Korkyt Ata Kyzylorda University, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Kyzylorda, Republic of Kazakhstan)

Stepan P. Burlankov — Professor of Department of Food Technologies and Bioengineering, Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, sburl@mail.ru (Moscow, Russia)

Lyubov P. Vodyasova — Professor of Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktor M. Volodin — Professor of Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Penza, Russia)

Inna N. Geraskina — Professor of Department of Management in Construction, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Tatyana M. Guseva — Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Dr. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey E. Zagrebina — Acting Director, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Izhevsk, Russia)

Tatyana I. Zaytseva — Head of Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Izhevsk, Russia)

Yury A. Zelenev — Head of Department of General History, Mari State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zelenev@mail.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Azat K. Idiatullov — Professor of Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State University of Education, Dr. Sc. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ulyanovsk, Russia)

Irina E. Ilyina — Director, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Moscow, Russia)

Aleksandra M. Katorova — Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Pedagogics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Vladimir N. Kechemaykin — Director of Ruzaevsky Machine Building Institute, National Research Ogarev Mordovia State University, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktoriya V. Kukanova — Director, Kalmyk Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Elista, Russia)

Lyudmila N. Lipatova — Professor of Department of Economics, North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Elena K. Mineeva — Professor of Department of National History named after A. V. Arsentieva, I. N. Ulianov Chuvash State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Natalya M. Mosina — Professor of Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Saransk, Russia)

Tatyana B. Nikitina — Principal Researcher of Archeology direction, V. M. Vasiliev Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Dr. Sc. (History), tshikaeva@yandex.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Lyudmila I. Nikonova — Leading Researcher of Department of Regional Studies and Ethnology, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Romanov — Professor of Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ulyanovsk, Russia)

Vladimir V. Stavitskiy — Professor of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Penza, Russia)

Evgeniya A. Sysoeva — Head of Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Saransk, Russia)

Leonid A. Taymasov — Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, I. N. Ulianov Chuvash State University. Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Elena E. Tarando — Professor of Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Saint Petersburg, Russian Federation)

Mendyganym D. Shaimerdenova — Professor of Department of History of Kazakhstan and Social Sciences, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Cand. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nursulu Zh. Shaimerdenova — Executive Director of Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Professor of Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, 777nursulu@mail.ru (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nina G. Yurchenkova — Professor of Department of Humanitarian and Special Disciplines, Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Saransk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бурланков С. П., Селиванов Д. Н., Бурланков П. С., Комаров В. А. Формирование моделей устойчивости организационно-технологических систем промышленных корпораций	12
Паринова О. В., Градусова В. Н. Оценка вклада основного капитала в формирование национального богатства Российской Федерации	26

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Пономарева В. В. Выпускницы Смольного института 1836 г.: социально-экономическая характеристика (по архивным данным)	38
Борисов Б. А., Носатов Ю. Н. Правоохранительная деятельность дворянских выборных в России в первой половине XIX в. в освещении дореволюционной историографии	48
Киприянова Н. В. Политический портрет графа Алексея Алексеевича Уварова	57
Исхаков Р. Р., Багаутдинова Х. З. Особенности хозяйственно-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья в XIX — начале XX в. (на примере деревни Шингальчи)	73
Филонов А. А. Лесничий Мартин Аполлинарьевич Контский (1856 — 1937)	87
Стариков С. В. Общественно-политические взгляды русского писателя А. А. Тихонова-Лугового (по материалам «Дневника свободного человека»)	98
Леонтьев А. П., Андреев В. В. Из истории газеты «Хыпар»: 1906 — 1907 гг.	109
Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Вхождение в 1937 год: начало «Большого террора» в Кировской области и борьба с троцкизмом	121
Гинзбург Б. Л., Орлов В. В., Подрепный Е. И. Исторический опыт развития металлургического производства на заводе «Красное Сормово» в предвоенные годы (1937 — июнь 1941 г.)	137
Асабин И. Ю. Индустриальный скачок: крупная промышленность МАССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.	150
Каймашикова Е. Б. Б. Е. Вотчал: страницы биографии выдающегося отечественного врача-терапевта	163
Горохов С. В. Проблемы интерпретации результатов дендрохронологических исследований памятников периода освоения Среднего Приуралья Российским государством (конец XVI — XVIII вв.)	174

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. И. «Арабский культурный код» в поэзии Н. Гумилёва	185
Клементьева Е. Ф., Веретенникова Ю. А. Сравнительная характеристика номинативных предложений в русском и эрзянском языках	196
Юрчёнкова Н. Г. Гипербола как средство выразительности речи в похоронно-поминальных причитаниях мордвы	205

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Литературная энциклопедия Мордовии». Буква Л	213
---	-----

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Струкова Е. Н., Кучанов И. С. Рязановские чтения в Исторической библиотеке	240
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Корнишина Г. А. «В творчестве народа его история, быт, нравы, мысли и чувства, его поэтичность и музыкальность». К 115-летию со дня рождения фольклориста, этнографа, краеведа Михаила Ивановича Чувашева	245
--	-----

CONTENTS

ECONOMIC SCIENCES

<i>Burlankov S. P., Selivanov D. N., Burlankov P. S., Komarov V. A.</i> Formation of Sustainability Models of Organizational and Technological Systems of Industrial Corporations	12
<i>Parinova O. V., Gradusova V. N.</i> Assessment of the Role of Fixed Capital in the Formation of the National Wealth of the Russian Federation	26

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Ponomareva V. V.</i> Graduates of the Smolny Institute in 1836: Socio-Economic Characteristics (According to Archival Data)	38
<i>Borisov B. A., Nosatov Yu. N.</i> Law Enforcement Nobility Elections in Russia in the First Half of the XIX Century in Lighting Pre-Revolutionary Historiography	48
<i>Kipriyanova N. V.</i> Political Portrait of Count Alexey Alekseevich Uvarov	57
<i>Iskhakov R. R., Bagautdinova Kh. Z.</i> Features of the Economic Development of the Tatar Village of Eastern Trans-Kama in the XIX — Beginning of the XX Centuries (Using the Example of the Village of Shingalchi)	73
<i>Filonov A. A.</i> Forester Martin Apollinariyevich Kontsky (1856 — 1937)	87
<i>Starikov S. V.</i> Socio-Political Views of the Russian Writer A. A. Tikhonov-Lugovoy (Based on the Materials of the “Diary of a Free Man”)	98
<i>Leontyev A. P., Andreev V. V.</i> From the History of the Newspaper “Khypar”: 1906 — 1907	109
<i>Bakulin V. I., Chemodanov P. A.</i> Entering 1937: the Beginning of the “Great Terror” in the Kirov Region and Fight Against Trotskism	121
<i>Ginzburg B. L., Orlov V. V., Podrepny E. I.</i> Historical Experience in the Development of Metallurgical Production at the Krasnoye Sormovo Plant in the Pre-War Years (1937 — June 1941)	137
<i>Asabin I. Yu.</i> Industrial Scrolling: Large-Scale Industry of the MASSR in the Second Half of the 1950s — First Half of the 1960s	150
<i>Kaymashnikova E. B.</i> B. E. Votchal: Biography Pages of the Outstanding Russian General Practitioner	163
<i>Gorokhov S. V.</i> Problems of Interpretation of the Results of Dendrochronological Studies of Archaeological Monuments of the Period of Development of the Middle Irtysh Region by the Russian State (Late XVI — XVIII Centuries)	174

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Akimova T. I., Ibrahim K. H. I.</i> «Arab Cultural Code» in the Poetry by N. Gumilyov	185
<i>Klementyeva E. F., Veretennikova Yu. A.</i> Comparative Characteristics of Nominative Sentences in the Russian and Erzya Languages	196
<i>Yurchenkova N. G.</i> Hyperbole as a Means of Expressive Speech in Funeral and Memorial Lamentations of the Mordovians	205

OUR PROJECTS

Literary Encyclopedia of Mordovia. Part II	213
--	-----

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

<i>Strukova E. N., Kuchanov I. S.</i> Ryazanov Readings at Historical Library	240
--	-----

OUR ANNIVERSARIES

<i>Kornishina G. A.</i> “In the Work of the People, its History, Way of Life, Customs, Thoughts and Feelings, Its Poetry and Musicality Is”. On the 115th Anniversary of the Birth of the Folklorist, Ethnographer, Local Historian Mikhail Ivanovich Chuvashhev	245
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 338.27
EDN TQFUVY

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ

С. П. Бурланков¹✉, Д. Н. Селиванов², П. С. Бурланков³, В. А. Комаров⁴

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия

² Московский финансово-юридический университет МФЮА,
г. Москва, Россия

³ Московский государственный университет технологий
и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет),
г. Москва, Россия

⁴ Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
✉spburl@mail.ru

Аннотация

Введение. Современные условия диктуют промышленным корпорациям (предприятиям, компаниям) необходимость повышать устойчивость деятельности, поскольку это удовлетворяет общественные и межпоколенческие интересы. Кроме того, стремление к устойчивым организационно-технологическим системам обеспечивает интеграцию экономических, социальных и экологических вопросов при планировании и осуществлении их деятельности.

Материалы и методы. В статье определены категории «корпорация», «промышленная корпорация», «организационно-технологическая система», «устойчивость», «устойчивое развитие» и «концептуальная модель». Обоснование элементов моделей устойчивости организационно-технологических и производственных систем промышленных корпораций (компаний, предприятий) проводилось с помощью категориального метода, логико-структурного анализа и синтеза, сами модели формализуются благодаря эвристическому, матричному и экономико-математическому подходам. Для визуализации перспектив устойчивых изменений в подобных системах выполнены модели основных блоков плана и прогнозируемого общего эффекта.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье предложена авторская концептуальная модель устойчивости организационно-технологических систем промышленной корпорации (компания, предприятия) и ее общий эффект, которая может послужить образцом ком-

понентов системы изменений для предприятий, выбирающих траекторию достижения стабильности в экономической, социальной и экологической сферах в контексте устойчивой мировой повестки. Разработанный системный подход SQDCME будет способствовать оперативному преобразованию объекта управления в устойчивую систему на основе комплексного управления по целям. Матричное отображение направлений устойчивого развития организационно-технологических систем позволило создать структуру комплекса мер, необходимого для управления событиями в масштабе промышленного субъекта хозяйствования согласно мировой экономико-социозкологической повестке.

Заключение. Анализ модели формирования устойчивости организационно-технологических систем на основе SQDCME помогает выдвинуть меры по повышению устойчивости деятельности объекта управления. Разработанные в исследовании модели направлены на применение в промышленных корпорациях (компаниях, предприятиях) и производственных системах для достижения баланса экономических, социальных и экологических целей.

Ключевые слова: устойчивое развитие, концептуальная модель, модель SQDCME, матричная модель, промышленное предприятие

Для цитирования: Бурланков С. П., Селиванов Д. Н., Бурланков П. С., Комаров В. А. Формирование моделей устойчивости организационно-технологических систем промышленных корпораций // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 12 — 25. EDN TQFUVY

Original article

FORMATION OF SUSTAINABILITY MODELS OF ORGANIZATIONAL AND TECHNOLOGICAL SYSTEMS IN INDUSTRIAL CORPORATIONS

S. P. Burlankov¹✉, D. N. Selivanov², P. S. Burlankov³, V. A. Komarov⁴

¹ Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

² Moscow University of Finance and Law MFUA,
Moscow, Russia

³ Moscow State University of Technology and Management
named after K. G. Razumovsky (First Cossack University),
Moscow, Russia

⁴ National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia

✉spburl@mail.ru

Abstract

Introduction. Modern conditions dictate to industrial corporations (enterprises, companies) the need to increase the sustainability of their activities, as long as it satisfies public and intergenerational interests. In addition, the pursuit of sustainable organizational and technological systems ensures the integration of economic, social and environmental issues in the planning and implementation of their activities.

Materials and methods. The article defines the categories “corporation”, “industrial corporation”, “organizational and technological system”, “sustainability”, “sustainable development” and “conceptual model”. The substantiation of the models elements of sustainability in organizational, technological and production systems of industrial corporations (companies, enterprises) was carried out using the categorical method, logical and structural analysis and synthesis. The models themselves are for-

malized through heuristic, matrix and economic-mathematical approaches. To visualize the prospects for sustainable changes in such systems, models of the main blocks of the plan and the predicted overall effect were performed.

Results and discussion. The article proposes the author's conceptual model of the sustainability of organizational and technological systems in an industrial corporation (company, enterprise) and its overall effect, which can serve as an example of the components of a system of changes for enterprises choosing the track of achieving stability in the economic, social and environmental spheres in the context of a sustainable global agenda. The developed SQDCME system approach will contribute to the operational transformation of the management object into a sustainable system based on integrated management by goals. The matrix representation connected with the directions of sustainable development of organizational and technological systems made it possible to work out the structure of a set of measures necessary to manage events on the scale of an industrial business entity in accordance with the global economic and socio-ecological agenda.

Conclusion. The analysis of the model of formation of stability of organizational and technological systems based on SQDCME helps to put forward measures to increase the stability of the management object. The models developed in the study are aimed at application in industrial corporations (companies, enterprises) and production systems. Their use will help to increase the validity of organizational and management decisions made in achieving a balance of economic, social and environmental goals.

Keywords: sustainable development, conceptual model, SQDCME model, matrix model, industrial enterprise

For citation: Burlankov SP, Selivanov DN, Burlankov PS, Komarov VA. Formation of Sustainability Models of Organizational and Technological Systems in Industrial Corporations. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):12—25. EDN TQFUVY

Введение

В условиях турбулентности внешней среды для предупреждения возникновения, а также предотвращения негативных явлений и угроз промышленные корпорации (предприятия, компании) вынуждены обеспечивать устойчивость деятельности. С целью уточнения объекта исследования следует обосновать понятийно-категориальный аппарат, включающий в себя соответствующие дефиниции — «корпорация», «промышленная корпорация», «организационно-технологическая система», «устойчивость», «устойчивое развитие» и «концептуальная модель».

Согласно Гражданскому кодексу РФ (ст. 65.1), корпорацией признаются юридические лица, учредители которых имеют право участия в управлении компанией и формируют высший орган (руководство организации). Промышленные корпорации представляют собой коммерческие организации, осуществляющие производственно-промышленную деятельность, учредители которых вносят вклад в формирование их капитала (имущества) и только на основании этого приобретают возможность на владение акциями, долями, паями в уставном (складочном) капитале.

Под организационно-технологической системой мы подразумеваем совокупность организационных и технико-технологических подсистем общей системы, каждая из которых предназначена для выполнения определенных функций в рамках вероятностного организационно-технологического процесса производства промышленной корпорации. Под ее устойчивостью интерпретируется свойство данной организационно-технологической системы предвидеть, подготавливаться, реагировать и адаптироваться к постепенным изменениям, наряду с ее способностью со-

хранять установленные показатели в рамках заданных производственных режимов в случае возникновения внезапных дестабилизирующих событий.

Под устойчивым развитием организационно-технологических систем корпораций В. М. Рябов понимает внутренние изменения, в связи с улучшением их приспособленности к перемене внешних условий и факторов, ростом уровня количественных параметров их деятельности, качественными трансформациями в структуре, поступательным увеличением уровня их организации, сложности техники и технологии [6, с. 273].

Модель формирования устойчивости организационно-технологических систем на основе SQDCME включает в себя аспекты уровня безопасности, качество функционирования, исполнительскую и корпоративную культуру, а также экологическую составляющую таких систем.

Развитию современных производственных систем способствуют формирование новых и усовершенствование существующих научно-теоретических положений и прикладного инструментария, которые учитывают процесс и результаты принятия управленческих решений в быстро меняющихся условиях. При этом не оспаривается мнение Б. Д. Пэрриша, что первым шагом к этому выступают разработка и использование моделей для практического решения общей экономической задачи — максимизации прибыли промышленных корпораций в системе ценностей устойчивого развития [12].

Актуальность проблематики моделирования устойчивого развития промышленных корпораций (компаний, предприятий) и производственных систем, включая их теоретико-методологические аспекты, требует дополнительной проработки в контексте непосредственной разработки и формализации моделей устойчивости организационно-технологических систем последних, в качестве которых идентифицированы:

- конкретизация и обоснование элементов модели их устойчивого развития;
- графическое, табличное и экономико-математическое представление информации о моделируемом объекте в виде моделей устойчивости организационно-технологических систем.

Материалы и методы

Научно-исследовательский концепт объекта изучения базируется на комплексном подходе, охватывающем спектр методов, инструментов и приемов анализа. При обосновании элементов моделей устойчивости организационно-технологических и производственных систем промышленных корпораций (компаний, предприятий) были использованы категориальный метод, логико-структурный анализ и синтез. Формализация моделей устойчивости осуществлена с помощью эвристического, матричного и экономико-математического подходов. Для визуализации перспектив устойчивых изменений в подобных системах применено моделирование основных блоков плана и прогнозируемого общего эффекта.

Обзор литературы

Отсутствие должного внимания к вопросам устойчивого развития со стороны собственников промышленных корпораций (компаний, предприятий), как считают А. Бавоно и Ф. Рахман, сокращает возможности для ведения бизнеса и его развития, поскольку бизнес-субъекты, ориентированные только на прибыль и игнорирующие

обеспечение экологической устойчивости и общественных потребностей рискуют разрушить свой бизнес [9]. Это подтверждается и в изысканиях других зарубежных исследователей (Э. Ендрых, М. Золло, Д. Климек, К. Нойманн, К. Сеннамо), доказавших необходимость устойчивого развития, помимо прочего, для стабильного развития бизнеса: пренебрегая связью между бизнесом и окружающей средой, они утрачивают новые возможности, что, в свою очередь, может привести к неизбежному краху как субъекта хозяйствования, так и общества в целом [13; 17].

О необходимости формирования моделей устойчивости организационно-технологических систем промышленных корпораций (компаний, предприятий), интегрированной с потребностью проектирования среды формирования их устойчивого развития, пишут Л. Дворжакова и Я. Зборкова [11], что концептуализировано Н. Д. Гуськовой, А. В. Ерастовой, П. Кернел, Л. В. Марабаевой, Б. Д. Пэрришем, М. Г. Умновой, О. В. Черкасовой, и чего следует придерживаться предпринимателям, чтобы сделать бизнес стабильным и прогрессирующим, балансируя между экономическими, экологическими и социальными целями для решения задачи оптимальности деятельности таковых с точки зрения гармонизации экономического развития и интересов разных поколений [4; 8; 12; 14].

Содержанию и методическим аспектам формирования адаптивного механизма устойчивого развития промышленных корпораций (компаний, предприятий) на основе целевого комплексного подхода, а также концептуальным моделям стратегического управления устойчивостью, стратегиям и перспективам их развития на уровне региона посвящены работы И. В. Бекренёва, С. П. Бурланкова, А. А. Воробьёва, Я. Н. Лозовской, М. Ю. Петренко, Д. Н. и А. Н. Селивановых и других авторов [1; 2; 3], построению математической и эконометрической моделей устойчивого развития промышленного предприятия — исследования Н. Д. Дмитриева, Л. Э. Дубаневича, Д. Г. Родионова, А. В. Сидорина [5; 7], режиму устойчивого развития малых и средних предприятий — публикации Н. Лаче и Г. Цимлея [10 и др.].

Результаты исследования и их обсуждение

Сфера устойчивого развития промышленных корпораций (компаний, предприятий) и их производственных систем подчинена установленным стандартам. В связи с этим от бизнес-сообщества требуется соблюдение особых положений, которые подразумевают стремление к следующим действиям и результатам:

- охрана окружающей среды, сокращение и возмещение экологического ущерба;
- уважение к людям на всех уровнях взаимодействия, создание достойных условий труда, реализация социальных проектов;
- наращивание стоимости промышленной организации.

Модель устойчивого развития корпораций промышленно-производственного сектора, по сути, как считает С. Сирси, выступает планом по достижению индивидуальных целей объекта управления в контексте соблюдения им глобальных принципов устойчивости [15]. С этим трудно не согласиться. В целом концептуальная модель устойчивости организационно-технологических систем промышленной корпорации (компаний, предприятий) — по нашему мнению, это алгоритм достижения сбалансированности деятельности объекта управления, сгенерировавшего в себе комплекс обязательных элементов качественных и количественных изменений в экономической, экологической и социальной сферах.

Схема модели устойчивости организационно-технологических систем промышленной корпорации (компании, предприятия) и ее общего эффекта представлена на рис. 1.

Предложенная на рис. 1 концептуальная модель устойчивости промышленной корпорации (компании, предприятия) включает в себя базовые компоненты плана ее развития: сферы воздействия, инструменты воздействия и результаты. Данная модель может быть применена в качестве эталонной в организационно-технологических системах различных отраслей, поскольку не содержит специфики конкрет-

Рис. 1. Концептуальная модель устойчивости организационно-технологических систем промышленной корпорации (компании, предприятия) и ее общего эффекта (составлена авторами)

Figure 1. Conceptual model of sustainability of organizational and technological systems of an industrial corporation (company, enterprise) and its overall effect (compiled by the authors)

ных сфер экономики и может быть адаптирована под организации с разными типами производства.

При этом для достижения заложенных в подобной модели ориентиров изменений ее руководству надо придерживаться следующих основных принципов в экономической сфере:

- оптимизация денежных потоков и максимизация прибыли;
- стремление к ликвидности и платежеспособности организации;
- обеспечение рентабельности деятельности.

В качестве принципов, необходимых для достижения социальной устойчивости промышленной корпорации (компании, предприятия), целесообразно указать следующее:

- повышение среднего и минимального размеров оплаты труда;
- сокращение текучести кадров;
- повышение удовлетворенности работников условиями труда и быта, а также уровня образования и квалификации членов трудового коллектива;
- реализация мер социальной поддержки работников;
- проведение досуговых и культурно-массовых мероприятий.

Принципами достижения экологической устойчивости ее организационно-технологических систем являются:

- увеличение расходов на охрану окружающей среды;
- уменьшение выбросов в окружающую среду;
- использование очистных сооружений;
- снижение потребления электрической энергии;
- сокращение использования природных ресурсов, в том числе водных;
- применение возобновляемых источников энергии, переработанных материалов и сырья.

Сегодня одной из популярных парадигм управления развитием и наиболее удачным при определении целей бережливой организации представляется использование формата SQDCME, применяемого в производственных системах в качестве метода управления продуктивностью бизнеса. Ее аббревиатура расшифровывается следующим образом (метрически она всегда неизменна): S — безопасность; Q — качество; D — выполнение заказов; C — затраты; M — корпоративная культура; E — экология.

Модель устойчивости организационно-технологических систем промышленных корпораций (компаний, предприятий) на основе парадигмы управления по целям SQDCME представлена на рис. 2.

Компоненты такой модели SQDCME являют собой конкретизацию направлений целевого развития, в рамках которых можно более подробно оценить содержание проектируемых результатов. С ее помощью можно управлять организационно-технологическими системами промышленных корпораций (компаний, предприятий) с ориентацией на непрерывное развитие на основе совместного целеполагания, определения и достижения КРІ через снижение потерь в процессах за счет улучшения операций и обеспечения эффективности указанных процессов.

Необходимо указать, что в каждой организационно-технологической системе могут быть установлены собственный уникальный комплекс показателей (индика-

Компоненты модели					
S — безопасность	Q — качество	D — исполнение заказов	C — затраты	M — корпоративная культура	E — экология
Направления достижения устойчивого развития					
Соблюдение производственной безопасности	Функционирование системы менеджмента качества	Выполнение заказов	Оптимизация расходов на деятельность	Социальная поддержка членов трудового коллектива	Сокращение уровня загрязнений и выбросов
Безопасность производимой продукции	Обеспечение качества продукции	Наращивание объемов деятельности	Сокращение потребления природных ресурсов	Функционирование системы обучения, повышения квалификации для персонала	Проведение природоохранных мероприятий
Показатели результативности устойчивого развития					
Уровень аварийности на производственных объектах	Наличие системы менеджмента качества	Прирост объемов деятельности	Объем затрат	Сумма расходов на социальную поддержку	Объем загрязнений и выбросов
Уровень безопасности продукции	Уровень качества продукции, доля брака	Доля заказов, выполненных с соблюдением договорных условий	Объем использования природных ресурсов	Сумма расходов на обучение персонала, число работников, повысивших уровень образования и квалификацию	Количество проведенных природоохранных мероприятий, расходы на них

Рис. 2. Модель устойчивости организационно-технологических систем промышленных корпораций (компаний, предприятий) на основе SQDCME (составлена авторами)

Figure 2. Model of sustainability of organizational and technological systems of industrial corporations (companies, enterprises) based on SQDCME (compiled by the authors)

торов) результативности устойчивого развития и их плановые значения. Деятельность объекта управления координируется в соответствии с запланированными целевыми значениями, а в случае фактических отклонений величин показателей (индикаторов) от них проводится работа по выявлению причин этого.

Для формализации политики устойчивости организационно-технологических систем объекта управления может быть применена матричная модель (рис. 3), где каждое направление, а также запланированное и проводимое мероприятия могут одновременно относиться к нескольким видам развития.

Проектирование устойчивости организационно-технологических систем промышленной корпорации (компаний, предприятия) в формате матричной модели мероприятий разрешает не только визуализировать меры и направления развития,

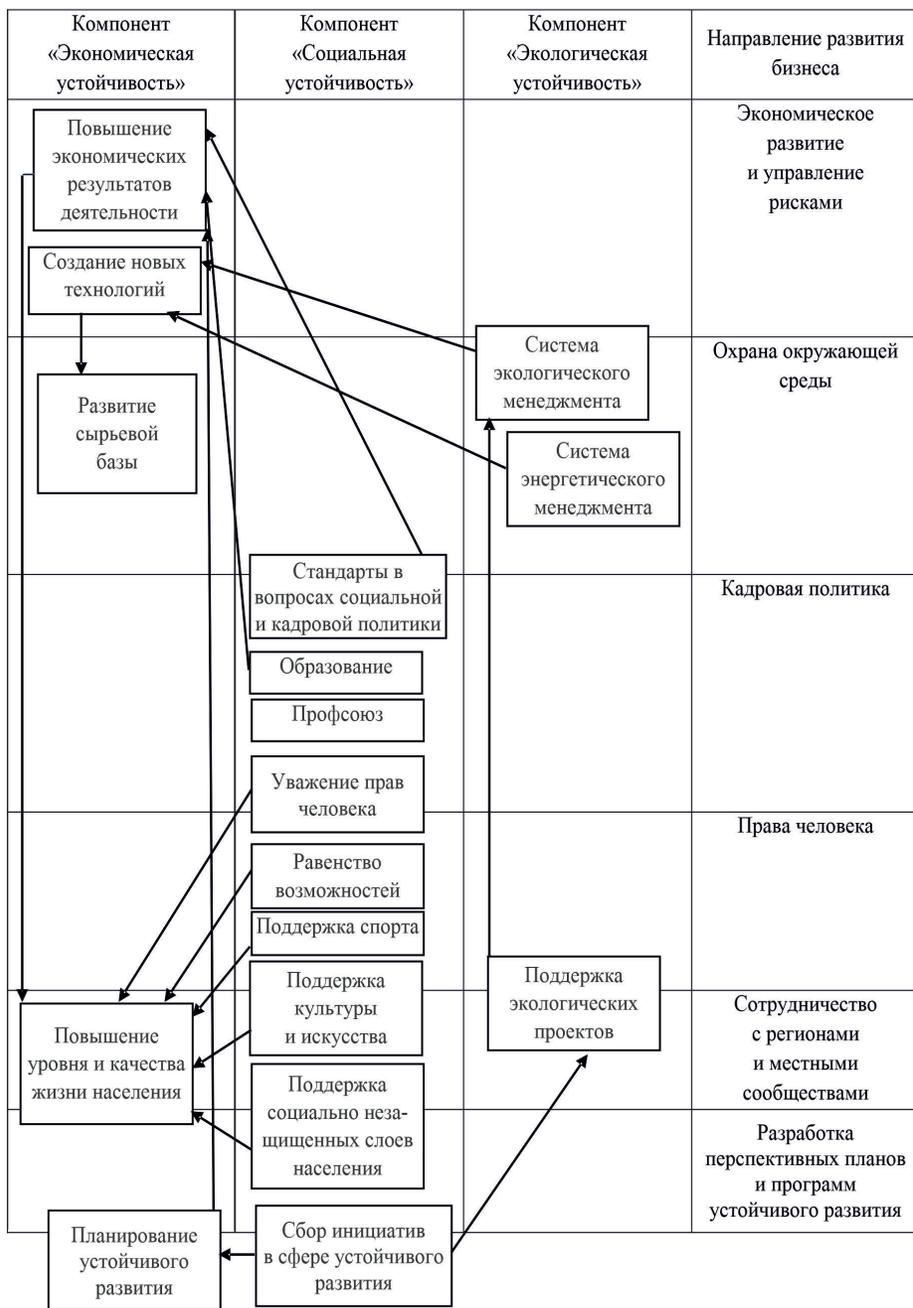

Рис. 3. Матричная модель мероприятий политики устойчивости организационно-технологических систем объекта управления (составлена авторами)

Future 3. Matrix model of policy measures for the sustainability of organizational and technological systems of the management object (compiled by the authors)

установить их взаимодействие и взаимовлияние, но и выявить точки пересечения и возможные эффекты. Распределенное влияние реализуемых мер позволяет достичь комплексного эффекта устойчивого развития объекта управления.

При формировании моделей устойчивости промышленных организаций особое внимание принято уделять экономико-математическому аппарату и способам их представления. Экономико-математическая модель устойчивости промышленной корпорации (компании, предприятия) на основе обобщения экономико-социологических компонентов исходит из того условия, что улучшение одного из трех параметров изменений может привести к ухудшению другого. Следовательно, параметры данной модели устойчивости бывают конфликтными.

Данное предположение доказывают следующие формулы:

$$\Pi + СК \quad \max, \quad \rightarrow \quad (1)$$

$$P_{\Pi} + P_c \quad \max, \quad \rightarrow \quad (2)$$

$$P_{oc} + P_{pc} \quad \max, \quad \rightarrow \quad (3)$$

$$\Delta\Pi + \DeltaСК - (\Delta P_{\Pi} + \Delta P_c) - (\Delta P_{oc} + \Delta P_{pc}) > 0, \quad (4)$$

где Π — прибыль промышленной компании; $СК$ — собственный капитал; P_{Π} — расходы на социальную поддержку персонала; P_c — расходы на социальные мероприятия; P_{oc} — расходы на окружающую среду; P_{pc} — расходы на ресурсосбережение.

В краткосрочном периоде увеличение расходов на социальную и экологическую устойчивость может отрицательно повлиять на величину прибыли и собственного капитала объекта управления. В связи с этим формула (4) устанавливает соотношение параметров устойчивости для обеспечения сбалансированного роста.

Основываясь на этом, предложенный нами научно-исследовательский инструментарий позволяет осуществлять формирование моделей устойчивости организационно-технологических систем промышленных корпораций (компаний, предприятий) на основе различных подходов. Например, графическая концептуальная модель устойчивости организационно-технологических систем объекта управления и ее общего эффекта воспроизводят ключевые функции и свойства самой системы управления стабилизации его деятельности.

Модель управления устойчивым развитием объекта управления в парадигме SQDCME расширяет возможности для достижения стабильной и сбалансированной работы, не допускает энтропии функционирования промышленной организации. Более того, она позволяет осуществлять менеджмент по целям в оперативном режиме, придерживаясь заранее установленных значений экономических показателей (индикаторов).

Разработанная матричная модель мероприятий политики устойчивости организационно-технологических систем промышленной корпорации (компании, предприятия) дает визуальное представление об основных точках соприкосновения и коллаборативной сети положительных преобразований для равновесия деятельности производственных процессов.

Экономико-математический формат модели устойчивости необходим для проведения аналитических процедур и расчетов в процессе трансформации органи-

зационно-технологических систем промышленной корпорации (компании, предприятия) с ее производственными системами по траектории достижения стабильности функционирования организации и ее сбалансированности с природой и обществом.

Заключение

Стремление к устойчивым организационно-технологическим системам промышленных корпораций (компаний, предприятий) представляет собой задачу интеграции экономических, социальных и экологических вопросов при планировании и осуществлении их деятельности. Концепцию устойчивого развития не могут игнорировать объекты управления, поскольку она отражает не столько текущие проблемы, сколько потенциальные возможности их развития.

Предложенная нами концептуальная модель устойчивости организационно-технологических систем промышленной корпорации (компании, предприятия) и ее общего эффекта может служить образцом компонентов системы изменений для объектов управления, выбирающих траекторию достижения стабильности в экономической, социальной и экологической сферах в контексте устойчивой мировой повестки. Системный подход SQDCME будет способствовать оперативному преобразованию промышленной корпорации (компании, предприятия) в устойчивую систему на основе комплексного управления по целям.

Матричное отображение направлений устойчивого развития организационно-технологических систем позволяет создать структуру комплекса мер, необходимого для управления событиями в масштабе промышленной организации согласно мировой экономико-социологической повестке. Комплекс формул описания векторов устойчивого развития ее деятельности представляет собой упрощенную экономико-математическую модель, необходимую объектам управления для оценки результативности изменений в них.

Таким образом, использование разработанных нами моделей в промышленных корпорациях (компаниях, предприятиях) и производственных системах будет способствовать повышению обоснованности принятых организационно-управленческих решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бекренев И. В., Лозовская Я. Н. Методические аспекты формирования адаптивного механизма устойчивого развития предприятия на основе целевого комплексного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. 2017. Т. 25, № 2. С. 233 — 241.

2. Бурланков С. П., Петренко М. Ю., Селиванов Д. Н., Селиванова А. Н. Пути повышения финансовой устойчивости промышленных предприятий региона // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 12 — 24. URL: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st01.pdf>

3. Воробьев А. А. Формирование концептуальной модели устойчивого развития организации: стратегия и перспективы развития // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. Т. 13, № 3. С. 226 — 233.

4. Марабеева Л. В., Гуськова Н. Д., Черкасова О. В., Ерастова А. В. Развитие концептуальных положений стратегического управления устойчивостью промышленных предприятий // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 12 — 24. URL: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-04.pdf>

5. Родионов Д. Г., Дмитриев Н. Д., Дубаневич Л. Э. Построение эконометрической модели устойчивого развития промышленного предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7—1. С. 61 — 71.
6. Рябов В. М. Устойчивое развитие промышленных предприятий в современных условиях // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4 (18). С. 271 — 273.
7. Сидорин А. В. Математическая модель устойчивого развития предприятия // Наукоедение: интернет-журнал. 2012. № 3. URL: <https://naukovedenie.ru/sbornik12/12-17.pdf>
8. Умнова М. Г. Современное понимание концепции устойчивого развития организаций // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 12. С. 2637 — 2658.
9. Bawono A., Rahmana F. Sustainable development toward sustainable enterprise // Management Science Letters. 2021. Vol. 11, No. 2. P. 657 — 668.
10. Ciemeleja G., Lace N. The Model of Sustainable Performance of Small and Medium-sized Enterprise // Engineering Economics. 2011. Vol. 22, No. 5. P. 501 — 509.
11. Dvořáková L., Zborková J. Integration of Sustainable Development at Enterprise Level // Procedia Engineering. 2014. No. 69. P. 686 — 695.
12. Kernel P. Creating and Implementing a Model for sustainable Development in Tourism and Enterprises // Journal of Cleaner Production. 2005. Vol. 13, No. 2. P. 151 — 164.
13. Klimek D., Jędrych E. A model for the sustainable management of enterprise capital // Sustainability. 2021. Vol. 13, No. 1. P. 183. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/1/183>
14. Parrish B. D. Designing the Sustainable Enterprise // Futures. 2007. T. 39, No. 7. P. 846 — 860.
15. Searcy C. Measuring Enterprise Sustainability // Business Strategy and the Environment. 2016. T. 25, No. 2. P. 120 — 133.
16. Skrynkovskyy R., Pavlenchuk N., Tsyuh S., Zanevskyy I., Pavlenchuk A. Economic-mathematical model of enterprise profit maximization in the system of sustainable development values // Agricultural and Resource Economics: International Scientific E-Journal. 2022. Vol. 8, No. 4. P. 188 — 214.
17. Zollo M., Cennamo C., Neumann K. Beyond What and Why: Understanding Organizational Evolution Towards Sustainable Enterprise Models // Organization & Environment. 2013. Vol. 26, No. 3. P. 241 — 259.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

Информация об авторах:

Степан Петрович Бурланков, профессор кафедры ресторанного бизнеса Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, 36), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru

Дмитрий Николаевич Селиванов, аспирант Московского финансово-юридического университета МФЮА (115191, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский Вал, 17/1), mail-sdn@bk.ru

Петр Степанович Бурланков, доцент кафедры экономики и менеджмента Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (109004, Россия, г. Москва, Земляной Вал, 73), кандидат экономических наук, petr1387@mail.ru

Владимир Александрович Комаров, профессор кафедры технического сервиса машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), доктор технических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1910-2923>, Researcher ID: G-8673-2018, komarov.v.a2010@mail.ru

Вклад авторов:

Бурланков С. П. — разработка концепции, критический анализ и научное редактирование текста;

Селиванов Д. Н. — анализ литературы, сбор и анализ данных, написание первоначального варианта статьи;

Бурланков П. С. — анализ литературы, сбор и анализ данных, написание первоначального варианта статьи;

Комаров В. А. — анализ литературы, сбор и анализ данных.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bekrenev IV, Lozovskaya YN. Methodological Aspects of the Formation of an Adaptive Mechanism for Sustainable Development of an Enterprise Based on a Targeted Integrated Approach. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2017;25(2):233—241. (In Russ.)
2. Burlankov SP, Petrenko MYu, Selivanov DN, Selivanova AN. Ways to Improve the Financial Stability of Industrial Enterprises in the Region. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):12—24. URL: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st01.pdf> (In Russ.)
3. Vorobyov AA. Formation of a Conceptual Model of Sustainable Development of an Organization: Strategy and Development Prospects. *Strategic Decisions and Risk Management*. 2022;13(3):226—233. (In Russ.)
4. Marabayeva LV, Guskova ND, Cherkasova OV, Erastova AV. Development of Conceptual Provisions of Strategic Management of Sustainability of Industrial Enterprises. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):12—24. URL: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-04.pdf> (In Russ.)
5. Rodionov DG, Dmitriev ND, Dubanevich LE. Building an Econometric Model of Sustainable Development of an Industrial Enterprise. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;(7—1):61—71. (In Russ.)
6. Ryabov VM. Sustainable Development of Industrial Enterprises in Modern Conditions. *Vector of Science of Tolyatti State University*. 2011;(4):271—273. (In Russ.)
7. Sidorin AV. Mathematical Model of Sustainable Enterprise Development. *Naukovedenie*. 2012;(3). URL: <https://naukovedenie.ru/sbornik12/12-17.pdf> (In Russ.)
8. Umnova MG. Modern Understanding of the Concept of Sustainable Development of Organizations. *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2021;11(12):2637—2658. (In Russ.)
9. Bawono A, Rahmana F. Sustainable Development Toward Sustainable Enterprise. *Management Science Letters*. 2021;11(2):657—668.
10. Ciemleja G, Lace N. The Model of Sustainable Performance of Small and Medium-sized Enterprise. *Engineering Economics*. 2011;22(5):501—509.
11. Dvořáková L, Zborková J. Integration of Sustainable Development at Enterprise Level. *Procedia Engineering*. 2014;(69):686—695.
12. Kernel P. Creating and Implementing a Model for Sustainable Development in Tourism and Enterprises. *Journal of Cleaner Production*. 2005;13(2):151—164.
13. Klimek D, Jędrych E. A Model for the Sustainable Management of Enterprise Capital. *Sustainability*. 2021;13(1):183. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/1/183>
14. Parrish BD. Designing the Sustainable Enterprise. *Futures*. 2007;39(7):846—860.
15. Searcy C. Measuring Enterprise Sustainability. *Business Strategy and the Environment*. 2016;25(2):120—133.
16. Skrynkovskyy R, Pavlenchuk N, Tsyuh S, Zanevskyy I, Pavlenchuk A. Economic-Mathematical Model of Enterprise Profit Maximization in the System of Sustainable Development Values. *Agricultural and Resource Economics*. 2022;8(4):188—214.
17. Zollo M, Cennamo C, Neumann K. Beyond What and Why: Understanding Organizational Evolution Towards Sustainable Enterprise Models. *Organization & Environment*. 2013;26(3):241—259.

The article was submitted 18.03.2024; approved after review 20.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Information about the authors:

Stepan P. Burlankov, Professor of the Department of Restaurant Business at the Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow 115054, Russia), Doctor of Economical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru

Dmitry N. Selivanov, Postgraduate Student at the Moscow University of Finance and Law MFUA (17/1 Serpukhov Val Str., Moscow 115191, Russia), mail-sdn@bk.ru

Pyotr S. Burlankov, Associate Professor of the Department of Economics and Management, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (73 Zemlyanoy Val, Moscow 109004, Russia), Candidate of Economical Sciences, petr1387@mail.ru

Vladimir A. Komarov, Professor of the Department of Technical Service of Machines of the National Research Ogarev Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Technical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1910-2923>, Researcher ID: G-8673-2018, komarov.v.a2010@mail.ru

Contribution of the authors:

Burlankov S. P. — concept development, critical analysis and scientific text editing;

Selivanov D. N. — literature analysis, data collection and analysis, writing the initial version of the article;

Burlankov P. S. — literature analysis, data collection and analysis, writing the initial version of the article;

Komarov V. A. — literature analysis, data collection and analysis.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have and approved the final version of the manuscript.

УДК 658.152
EDN RGGYVO<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

ОЦЕНКА ВКЛАДА ОСНОВНОГО КАПИТАЛА В ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. В. Паринова, В. Н. Градусова✉Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург, Россия
✉gradusova-vn@ranepa.ru*Аннотация*

Введение. Целью нашей научной работы является оценка состояния и развития основного капитала российской экономики. Актуальность исследований в данном направлении заключается в том, что основной капитал — один из видов активов, из которых складывается национальное богатство страны. Кроме того, основной капитал, будучи использованным в процессе производства, участвует в создании всех других видов активов, а также новых элементов основного капитала.

Материалы и методы. Источниками информации для проведения исследования стали научные публикации по раскрываемой теме, а также данные государственной статистики. Для подготовки обзора литературы были использованы методы анализа и синтеза, абстракции, обобщения, логические приемы. Анализ статистических данных проведен с применением экономико-статистических методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Основной капитал российской экономики в 2018 — 2022 гг. увеличился на 45 %. Однако его роль в формировании национального богатства России, укреплении ее экономической безопасности заметно ослабла, о чем говорит уменьшение удельного веса основного капитала в структуре экономических активов, которые, за вычетом обязательств, и формируют национальное богатство государства. Высокая степень износа основных фондов, составляющих большую часть основного капитала, не позволяет увеличить объемы производства, в том числе всех видов активов, составляющих национальное богатство России.

Заключение. Повышение инвестиционной активности хозяйствующих субъектов способствовало бы не только увеличению стоимости основного капитала (а значит, повышению стоимости экономических активов и величины национального богатства), но и созданию условий для роста производительности, которая (судя по показателю производства валового внутреннего продукта РФ в расчете на одного занятого) остается очень низкой.

Ключевые слова: система национальных счетов, произведенные активы, ценности, основной капитал, основные фонды организаций, видовая структура основных фондов, износ основных фондов, обновление основных фондов, инвестиционная активность хозяйствующих субъектов

Для цитирования: Паринова О. В., Градусова В. Н. Оценка вклада основного капитала в формирование национального богатства Российской Федерации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 26 — 37. EDN RGGYVO

Original article

ASSESSMENT OF THE ROLE OF FIXED CAPITAL IN THE FORMATION OF THE NATIONAL WEALTH OF THE RUSSIAN FEDERATION

O. V. Parinova, V. N. Gradusova✉

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,

Saint Petersburg, Russia

✉gradusova-vn@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the scientific research, the results of which are presented in this article, is to assess the state and development of the fixed capital of the Russian economy. The relevance of research in this area lies in the fact that fixed capital is one of the types of assets that make up the national wealth of a country. In addition, fixed capital, being used in the production process, participates in the establishing of all other types of assets, as well as new elements of fixed capital.

Materials and methods. The sources of information for the research were scientific publications on the disclosed topic, as well as data from state statistics. Methods of analysis and synthesis, abstraction, generalization, and logical techniques were used to prepare the literature review. The analysis of statistical data was carried out using methods of economic and statistical analysis.

Results and discussion. The results of the study and their discussion. The fixed capital of the Russian economy increased by 45 % in 2018 — 2022. However, its role in shaping Russia's national wealth and strengthening its economic security has noticeably weakened, as evidenced by a decrease in the share of fixed capital in the structure of economic assets, which, minus liabilities, form the national wealth of the state. The high degree of depreciation of fixed assets, which make up most of the fixed capital, does not allow increasing production volumes, including all types of assets that make up the national wealth of Russia.

Conclusion. An increase in the investment activity of economic entities would contribute not only to an increase in the cost of fixed capital (and therefore an increase in the value of economic assets and the value of national wealth), but also to the creation of conditions for productivity growth, which, judging by the indicator of the production of the gross domestic product of the Russian Federation per employee, remains very low.

Keywords: system of national accounts, produced assets, values, fixed capital, fixed assets of organizations, type structure of fixed assets, depreciation of fixed assets, renewal of fixed assets, investment activity of business entities

For citation: Parinova OV, Gradusova VN. Assessment of the Role of Fixed Capital in the Formation of the National Wealth of the Russian Federation. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):26—37. EDN RGGYVO

Введение

Основной капитал участвует в формировании национального богатства страны, увеличение которого способствует укреплению экономической безопасности государства и повышению уровня жизни населения. В связи с этим исследования, направленные на изучение различных аспектов формирования и использования основного капитала национальной экономики, представляются актуальными. Значимость таких исследований повышается во время кризисов, а также в периоды, для которых характерны резкие изменения в условиях ведения хозяйственной деятель-

ности, поскольку подобные изменения могут осложнить работу предприятий и даже привести к их закрытию, что неизбежно отразится на состоянии и использовании основного капитала.

Вследствие разрастания кризисных явлений прибыль предприятий может уменьшиться, а значит, существенно сократятся возможности инвестирования в основной капитал, так как именно нераспределенная прибыль является главным внутренним источником инвестиций, направляемых на модернизацию материально-технической базы производства и расширение его объемов. Кроме того, даже если финансовый результат экономической деятельности не ухудшится, предприниматели в условиях роста неопределенности и рисков становятся более осторожными, предусматривая, что, возможно, потребуется направить нераспределенную прибыль на текущие нужды предприятия, например в случае ухудшения финансового положения крупных потребителей и нарушения из-за этого графиков платежей.

Цель данного исследования — провести оценку вклада основного капитала в формирование национального богатства Российской Федерации в 2018 — 2022 гг.

Материалы и методы

Информационной базой для проведения исследования послужили научные труды по теме статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах; данные Федеральной службы государственной статистики о величине и динамике основного капитала российской экономики, а также статистические материалы по другим странам мира.

Содержание понятия «основной капитал» мы определили на основе критического анализа научных публикаций. Для характеристики роли основного капитала в экономике страны был проанализирован счет накопления в части основного капитала, разрабатываемый в системе национальных счетов.

Для разработки методологического инструментария исследования было проведено обобщение теоретических подходов к оценке состояния и использования основного капитала и на этой основе сформирована система показателей, включающая в себя:

- удельный вес основного капитала в структуре активов;
- коэффициент износа основных фондов;
- коэффициент обновления основных фондов;
- коэффициент выбытия основных фондов;
- удельный вес полностью изношенных основных фондов;
- валовой внутренний продукт в расчете на одного занятого.

При интерпретации данных о состоянии и изменении основного капитала российской экономики был использован метод межстрановых сопоставлений, для ретроспективной оценки влияния основного капитала на формирование национального богатства России проведено сравнение индексов физического объема валового накопления основного капитала в экономически развитых странах и государствах, входящих в группу стран с быстрорастущей экономикой (БРИКС), для определения перспектив развития основного капитала и увеличения на этой основе национального богатства страны проведено сравнение валового внутреннего продукта в расчете на одного занятого в РФ и экономически развитых странах мира.

Обзор литературы

Большинство специалистов отождествляют основной капитал и внеоборотные активы [1; 2; 3; 4; 7]. В. А. Подсорин трактует основной капитал как совокупность денежных средств, вложенных в ценности, многократно участвующие в процессе хозяйственной деятельности. Важнейшей частью основного капитала автор считает основные средства. В структуру основного капитала, по его мнению, могут также входить нематериальные активы и долгосрочные финансовые вложения¹. Л. Н. Фазлыева рассматривает основной капитал как часть внеоборотных активов организаций и дает следующее определение основного капитала — это денежные потоки, которые вложены в основные фонды [6].

А. Н. Соломахин, Е. А. Губертов дефинируют основной капитал как материально-финансовые и другие средства (основные фонды), используемые в течение продолжительного времени. В составе основного капитала эти авторы выделяют материальный капитал (производственные и непроизводственные фонды) и нематериальный капитал (активы, связанные с маркетингом, технологиями, творческой и инженерной деятельностью, обработкой информации, человеческим капиталом, землей, клиентской базой) [5].

Однако приведенные трактовки основного капитала не совсем верны. Дело в том, что понятие «основной капитал» имеет официальное определение, и разночтений быть не должно, поскольку это может привести к серьезным ошибкам в анализе, а значит, и в решениях, принятых на его основе.

Категория «основной капитал» используется в системе национальных счетов (СНС), которая базируется на положениях, разработанных международными организациями — ООН, МВФ, Всемирным банком, ОЭСР и Евростатом. С 1992 г. эта система, представляющая собой стандартный набор рекомендаций по определению макроэкономических показателей, применяется в России.

В СНС «основной капитал» рассматривается как произведенные активы, подлежащие использованию неоднократно или постоянно в течение длительного периода, но не менее одного года, для производства товаров, оказания рыночных и нерыночных услуг, для управленческих нужд либо для представления другим организациям за плату во временное владение и пользование или во временное пользование².

Здесь основной капитал учитывается в составе произведенных нефинансовых активов и включает в себя жилые и нежилые здания, сооружения, машины и оборудование, транспортные средства и прочие виды. Иными словами, не все виды основных средств можно отнести к основному капиталу. Например, земельные участки, объекты природопользования (вода, недра и другие природные ресурсы) учитываются в составе основных средств, но не могут быть отнесены к основному капиталу, поскольку природные ресурсы входят в состав произведенных активов.

В состав основного капитала, кроме основных средств, входят объекты интеллектуальной собственности, которые учитываются как нематериальные активы. Однако некоторые другие виды нематериальных активов, такие, как контракты,

¹ Подсорин В. А., Евдокимов О. Г. Экономика недвижимости: учеб. пособие. М., 2020. 232 с.

² Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 296.

договоры аренды и лицензии, приобретенный гудвилл, маркетинговые активы, согласно методологии системы национальных счетов, учитываются в составе непроизведенных активов, т. е. не могут быть отнесены к основному капиталу, поскольку возникли не в результате процессов производства, подпадающих под определение границ сферы производства в СНС.

Таким образом, в состав основного капитала из числа внеоборотных активов входит часть основных средств, за исключением непроизведенных природных ресурсов, и часть нематериальных активов, за исключением лицензий, деловой репутации, маркетинговых активов и т. п.

Результаты исследования и их обсуждение

Значение основного капитала в социально-экономическом развитии страны определяется его ролью в создании национального богатства. В соответствии с методологическим подходом системы национальных счетов, национальное богатство страны складывается из нефинансовых и финансовых активов за вычетом обязательств. Нефинансовые активы состоят из произведенных и непроизведенных активов. Произведенные нефинансовые активы, в свою очередь, формируются за счет основного капитала и ценностей.

Согласно данным Росстата, в 2018 — 2022 гг. величина основного капитала российской экономики повысилась на 45 %, а общая стоимость экономических активов государства почти удвоилась. Произошло это в основном за счет непроизведенных активов, отражающих стоимость природных ресурсов (которая выросла в 7,2 раза), финансовых активов (стоимость которых увеличилась в 1,5 раза), а также ценностей (представлены высокохудожественными ювелирными украшениями, предметами коллекционирования, драгоценными металлами и камнями и другими произведенными товарами, хранящимися в качестве запасов стоимости; ценности начали учитывать с 2018 г., и в 2022 г. стоимость этого актива превысила стоимость всех используемых на российских предприятиях машин и оборудования).

Быстрое увеличение стоимости ценностей объясняется тем, что данный актив стал оцениваться с 2018 г., и по мере расширения спектра оцениваемых ценностей это повышение было неизбежным и довольно стремительным. По сути, речь идет не о создании ценностей, а об их оценке, которая ранее не проводилась. Возрастание стоимости ценностей и усиление их роли в создании национального богатства страны будет происходить по мере увеличения перечня оцениваемых в качестве таковых объектов. Например, стоимость российских музейных коллекций в настоящее время не определяется³.

Конечно, нельзя умалять роль ценностей в формировании национального богатства страны, но ценности не используются в процессе производства и не участвуют в создании новых активов. А удельный вес основного капитала, который представлен по большей части основными фондами, с чьей помощью создаются новые активы, в структуре активов российской экономики в рассматриваемый период значительно снизился: с 39 % в 2018 г. до 29 % в 2022 г. Это говорит об ослаблении роли

³ Российский статистический ежегодник. 2023. С. 295.

основного капитала в формировании национального богатства страны. Еще в 2018 г. стоимость основного капитала почти в 6 раз превышала стоимость непроектированных активов. Однако в 2022 г. это соотношение уменьшилось до 116 % (таб. 1).

Таблица 1. Структура активов российской экономики
(в ценах на начало соответствующего года)

Table 1. The structure of assets of the Russian economy
(in prices at the beginning of the corresponding year)

Показатель	2018		2022		2022 г. к 2018 г., %
	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу	
Активы, всего	901 215	100,00	1 759 574	100,00	195,24
В том числе:					
нефинансовые активы	411 061	45,61	1 010 672	57,44	245,87
Из них:					
<i>произведенные</i> активы	350 038	38,84	573 427	32,59	163,82
основной капитал	350 038	38,84	507 897	28,86	145,10
жилые здания	141 294	15,68	221 949	12,61	157,08
нежилые здания	53 014	5,88	68 599	3,90	129,40
сооружения	82 538	9,16	107 025	6,08	129,67
машины и оборудование	41 227	4,57	62 619	3,56	151,89
транспортные средства	15 029	1,67	23 972	1,36	159,50
прочие виды основного капитала	16 936	1,88	23 733	1,35	140,13
ценности	—	—	65 530	3,72	—
<i>непроизведенные</i> активы	61 023	6,77	437 245	24,85	716,52
природные ресурсы	61 023	6,77	437 245	24,85	716,52
финансовые активы	490 154	54,39	748 902	42,56	152,79

Составлена по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 290.

Compiled by: Russian Statistical Yearbook: stat. collection / Rosstat. Moscow, 2023. P. 290.

Рассмотрим, за счет каких именно слагаемых основного капитала произошло ослабление влияния этого экономического актива на формирование национального богатства страны.

Наибольший относительный прирост в рассматриваемый период характерен для таких структурных элементов основного капитала, как транспортные средства (на 59,5 %), жилые здания (на 57,0), машины и оборудование (на 52,0 %). В наименьшей степени увеличилась стоимость таких слагаемых основного капитала, как нежилые здания (на 29 %) и сооружения (на 30 %).

Однако, несмотря на существенный рост стоимости каждого структурного элемента основного капитала, их удельный вес в структуре активов российской экономики значительно снизился. Больше всего уменьшилась структурная доля нежилых зданий и сооружений — на 34 %.

Удельный вес машин и оборудования стал меньше на 22 %. Однако при этом их стоимость повысилась значительно, чем стоимость производственных зданий

(соответственно на 52 и 29 %). Это свидетельствует об улучшении структуры основных фондов российской экономики, поскольку здания и сооружения только создают условия для производства товаров, без машин и оборудования организовать производство нельзя (указанные слагаемые основных фондов называются соответственно их пассивной и активной частью).

Чтобы правильно интерпретировать полученные результаты, обратимся к международной статистике (табл. 2).

Таблица 2. Индексы физического объема валового накопления основного капитала в отдельных странах мира (в постоянных ценах), % к предыдущему году

Table 2. Indices of the physical volume of gross fixed capital accumulation in some countries of the world (in constant prices), % of the previous year

Государство	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2017 — 2022
Россия	104,7	100,6	101,0	96,0	109,1	103,3	115,10
Германия	102,6	103,4	101,7	97,6	99,8	100,1	105,20
Великобритания	103,5	99,5	102,2	89,2	107,4	107,9	108,79
Финляндия	104,8	103,6	98,5	99,0	101,0	103,2	110,36
Франция	104,7	103,3	104,0	93,2	110,3	102,2	118,17
Индия	109,0	110,2	100,9	90,9	117,0	...	127,62*
Китай	106,2	107,3	105,3	103,4	103,5	...	128,41*
Япония	101,6	100,6	100,5	96,4	99,9	99,1	98,03
Южно-Африканская Республика	98,0	98,8	98,3	85,4	100,6	104,8	85,69
Бразилия	97,4	105,2	104,0	99,5	117,2	...	124,27*
Канада	103,3	102,5	100,8	97,6	107,4	98,5	110,20
США	103,8	104,7	102,6	98,8	105,7	99,5	115,86

Составлена по: Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 109 — 110.

Compiled by: Russia and the countries of the world: statistical collection / Rosstat. M., 2023. P. 109 — 110.

* 2017 — 2021 гг.

Если сравнивать российские показатели с показателями экономически развитых стран, то темпы роста такого важнейшего слагаемого национального богатства страны, как основной капитал, в Российской Федерации были близкими (в США примерно такой же прирост) и даже более высокими (чем, например, в Германии, Великобритании, Финляндии, Японии, Канаде). Однако, если проводить сравнение с показателями стран с быстро растущей экономикой, входящими в БРИКС, то отставание нашей страны в темпах приращения основного капитала от этих государств довольно сильное.

В основе расчета приведенного в табл. 2 валового накопления основного капитала лежит показатель «Инвестиции в основной капитал». Это означает, что вследствие недостаточно высокой инвестиционной активности российских предпринимателей внутри страны замедлено формирование национального богатства, а следовательно, укрепление ее экономической мощи и национальной безопасности.

Основной капитал участвует в создании национального богатства двумя способами — (1) прямым и (2) косвенным.

1. Стоимость основного капитала входит в счет произведенных активов, т. е. напрямую увеличивает национальное богатство.

2. Основной капитал, большую часть которого составляют основные фонды (нежилые здания, сооружения, машины и оборудование, транспортные средства), используется для производства всех других видов экономических активов: материальных оборотных средств, ценностей, финансовых активов, а также для разведки полезных ископаемых и повышения стоимости природных ресурсов (путем улучшения земель, восстановления лесов, регулирования воспроизводства некультивируемых биологических, охраны и очистки водных ресурсов и т. п.), т. е. косвенно способствует увеличению стоимости всех других видов активов, которые суммарно за вычетом обязательств и образуют национальное богатство. Для того чтобы создать новые элементы основного капитала, также нужны основные фонды.

Чтобы раскрыть второй способ воздействия основного капитала на формирование национального богатства России, рассмотрим характеристики основных фондов, отражающие не только их стоимость, но и степень износа и скорость обновления, что определяет их способность производить качественную продукцию и обеспечивать высокую производительность.

Данные Росстата свидетельствуют: стоимость основных фондов российской экономики в 2017 — 2022 гг. выросла в 2,2 раза. В 2022 г. в экономике РФ в целом было введено в строй основных фондов по стоимости в 2,5 раза больше, чем в 2017 г., что привело к уменьшению степени их износа (с 47,0 % в 2017 г. до 40,5 % в 2022 г.)⁴.

Коэффициент обновления основных фондов при такой степени их износа очень маленький. Коэффициент выбытия при этом уменьшился. Иными словами, предприятия и организации российской экономики используют полностью изношенные основные фонды. Это не только не позволяет достичь высокого уровня производительности и обеспечить высокое качество производимой продукции, но и, что опасно, повышает риски аварий, разрушений и других сложных случаев, в результате которых могут пострадать люди.

Ранее были рассмотрены показатели состояния главного элемента основного капитала российской экономики — основных фондов — по национальной экономике в целом, включая сектор некоммерческих организаций, большая часть которых относится к организациям государственной (муниципальной) собственности. Стоимость основных фондов организаций этого сегмента российской экономики составляет примерно 10 % от их общей стоимости (на конец 2022 г.), и их износ гораздо ниже, чем по кругу коммерческих организаций. Так, в 2022 г. коэффициент износа основных фондов некоммерческих организаций составлял 41,6 % (с тенденцией к снижению)⁵, в то время как в секторе коммерческих организаций этот пока-

⁴ Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 325 — 328; 2020. С. 315 — 316; 2023. С. 318 — 321.

⁵ Российский статистический ежегодник. 2023. С. 326.

затель был равен 53,0 %, и в анализируемый период износ основных фондов практически ежегодно нарастал (табл. 3).

Таблица 3. Степень износа и удельный вес полностью изношенных основных фондов коммерческих организаций по видам основных фондов

(по полной учетной стоимости, на начало года), %

Table 3. The degree of depreciation and the proportion of fully worn-out fixed assets of commercial organizations by type of fixed assets (at full book value, at the beginning of the year), %

Показатель	Степень износа основных фондов					Удельный вес полностью изношенных основных фондов				
	2018	2019	2020	2021	2022	2018	2019	2020	2021	2022
Все основные фонды	50,9	50,9	51,3	52,1	53,0	17,9	18,7	19,5	20,6	21,7
В том числе:										
здания	26,3	27,2	27,7	29,3	30,9	3,7	3,9	3,9	4,1	4,0
сооружения	53,7	53,0	53,5	54,3	55,9	17,9	19,0	20,4	21,7	24,3
машины и оборудование	60,4	61,3	62,1	63,0	63,4	27,0	27,8	28,7	30,2	30,2
транспортные средства	44,9	43,8	42,2	42,6	40,9	12,0	11,5	11,2	11,5	10,4

Составлена по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 332; 2021. С. 317; 2022. С. 318.

Compiled by: Russian Statistical Yearbook: statistical collection / Rosstat. M., 2019. P. 332; 2021. P. 317; 2022. P. 318.

Увеличился и удельный вес полностью изношенных основных фондов коммерческих предприятий — в 2022 г. почти 22 % используемых основных фондов были изношены полностью. В наибольшей степени изношены машины и оборудование — более 63 % в 2022 г. с тенденцией к нарастанию износа. Полностью изношена почти 1/3 часть (по стоимости) машин и оборудования, на которых производится продукция.

Очевидно, что используя устаревшие и полностью изношенные станки, машины, механизмы, оборудование и другие элементы активной части основных фондов, произвести качественную конкурентоспособную продукцию сложно. Показатели производительности это подтверждают.

Состояние основных фондов, степень совершенства используемых техники и технологий напрямую влияют на уровень производительности труда. Для проведения сравнительной оценки производительности труда в Российской Федерации и других странах мира нами использован показатель валового внутреннего продукта в расчете на одного занятого. Как свидетельствуют данные Росстата, уровень производительности труда (в постоянных ценах 2017 г.) в нашей стране ежегодно повышается — в 2021 г. этот важнейший показатель эффективности хозяйствования в Российской Федерации был на 6,6 % больше, чем в 2018 г. Заметим, что в некоторых экономически развитых странах, например в Германии, Франции, Японии, Канаде, рассматриваемый индикатор в 2018 — 2022 гг. даже уменьшился.

Тем не менее уровень рассматриваемого показателя в нашей стране, даже после его существенного роста в 2018 — 2021 гг., значительно меньше, чем в тех экономически развитых странах, где наблюдается его снижение. В 2021 г. валовой внутренний продукт в расчете на одного занятого в экономике США был в 2,3 раза больше, чем в РФ, в Германии, Финляндии и Франции — в 1,8, в Канаде и Великобритании — в 1,6, в Японии — в 1,3 раза больше, чем в нашей стране⁶. Это говорит о низкой эффективности хозяйственной деятельности, сохранении значительных масштабов ручного труда и, как было установлено ранее, использовании устаревшего низкопроизводительного оборудования.

Заключение

Влияние основного капитала на формирование национального богатства страны осуществляется прямыми и косвенными способами. В первом случае стоимость основного капитала входит в счет активов, которые (по методологии СНС) за вычетом обязательств и составляют национальное богатство государства. Кроме того, основной капитал, представленный основными фондами (за исключением непроектированных активов), нематериальными активами (за исключением непроектированных активов), используемыми в процессе производства товаров и оказания услуг в течение длительного периода времени, участвует в создании всех других видов активов, а также новых элементов основного капитала.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что роль основного капитала в создании национального богатства России в 2018 — 2022 гг. заметно снизилась. Вывод базируется на том, что удельный вес основного капитала в стоимости активов российской экономики в данный период уменьшился с 39 до 29 %. Это произошло из-за низкой инвестиционной активности хозяйствующих субъектов.

Высокая степень износа основных фондов — 53 % по кругу коммерческих организаций в 2022 г. (с тенденцией к росту), а также большой удельный вес полностью изношенных основных фондов — 22 % по кругу коммерческих организаций в 2022 г. (с тенденцией к росту) не позволяют увеличить объемы производства за счет роста производительности, что также ограничивают возможности увеличения национального богатства. Валовой внутренний продукт в расчете на одного занятого в России в 1,5 — 2,0 раза ниже, чем в экономически развитых странах мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградова Н. С., Виноградова М. В. Экономическое содержание основного капитала предприятия, его сущность и классификация // Вестник науки. 2022. № 7 (52), т. 1. С. 45 — 51.
2. Мусарский Ю. В. Управление развитием и использованием основного капитала промышленных предприятий России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 28 с.
3. Паршин А. Б., Огорокова О. А. Финансовые инструменты управления основным капиталом предприятия и особенности их применения в РФ // The Scientific Heritage. 2021. № 66. С. 12 — 15.
4. Солодкова А. В. Управление основным капиталом организации // Экономика и социум. 2016. № 12 (31). С. 754 — 758.

⁶ Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 106.

5. Соломахин А. Н., Губертв Е. А. Теоретические аспекты формирования основного капитала предприятия в современных условиях // Вестник экономической теории. 2017. № 9. С. 37 — 46.

6. Фазлыева Л. Н. Основной капитал: определение, сущность, состав // Экономика и социум. 2016. № 12 (31). С. 1456 — 1460.

7. Харитоновна А. В. Экономическое обоснование системы управления основным капиталом дочерних структур транспортного холдинга: дис. ... канд. экон. наук. М., 2014. 124 с.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 26.07.2024.

Информация об авторах:

Ольга Владимировна Паринова, начальник учебного отдела факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4655-7604>, parinova-ov@ranepa.ru

Валентина Николаевна Градусова, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Вклад авторов:

Паринова О. В. — подготовка обзора литературы, сбор и обработка статистических данных; Градусова В. Н. — интерпретация результатов исследования, формулирование выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Vinogradova NS, Vinogradova MV. The Economic Content of the Fixed Capital of the Enterprise, its Essence and Classification. *Bulletin of Science*. 2022;(7);1:45—51. (In Russ.)
2. Musarsky YuV. Management of the Development and Use of Fixed Capital of Industrial Enterprises in Russia. Abstract dis. ... Cand. of Econ. Sci. Moscow;2003. (In Russ.)
3. Parshin AB, Okorokova OA. Financial Instruments for Managing the Fixed Capital of an Enterprise and the Specifics of Their Application in the Russian Federation. *The Scientific Heritage*. 2021;(66):12—15. (In Russ.)
4. Solodkova AV. Management of the Fixed Capital of the Organization. *Economics and Society*. 2016;(12):754—758. (In Russ.)
5. Solomakhin AN, Hubertov EA. Theoretical Aspects of the Formation of the Fixed Capital of an Enterprise in Modern Conditions. *Bulletin of Economic Theory*. 2017;(9):37—46. (In Russ.)
6. Fazlyeva LN. Fixed Capital: Definition, Essence, Composition. *Economics and Society*. 2016;(12):1456—1460. (In Russ.)
7. Kharitonova AV. Economic Justification of the Fixed Capital Management System of the Subsidiaries of the Transport Holding. Dis. ... Cand. of Econ. Sci. Moscow;2014. (In Russ.)

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 26.07.2024.

Information about the authors:

Olga V. Parinova, Head of the Educational Department of the Faculty of Economics and Finance, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPA (57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4655-7604>, parinova-ov@ranepa.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of Department of Management, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPA (57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia), Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Contribution of the authors:

Parinova O. V. — preparation of a literature review, collection and processing of statistical data;
Gradusova V. N. — interpretation of research results, conclusions formulation.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have and approved the final version of the manuscript.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

УДК 93/94
EDN CDSPAW

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ВЫПУСКНИЦЫ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА 1836 г.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (по архивным данным)

В. В. Пономарева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
varvarapon@mail.ru

Аннотация

Введение. Смольный институт являлся старейшим женским учебным заведением Российской империи, служившим образцом для прочих. В двух отделениях института, Воспитательном обществе благородных девиц и Мещанском училище, обучались девочки разных сословий. Цель статьи — анализ социального состава выпускниц Смольного института в 1836 г., материального положения их семей, количественных данных о намерении выпускниц получить специальную педагогическую подготовку или поступить на службу.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужило впервые вводимое в научный оборот архивное дело, отложившееся в фондах Смольного института. При подготовке статьи применялись принцип историзма, формально-статистический и историко-биографический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно правилам института родители или опекуны при приеме девочек в учебное заведение давали обязательство забрать их по окончании учения. Однако нередко за долгие годы пребывания девочек в институте обстоятельства могли измениться. Смерть родителей, разорение или разрушение семьи делали невозможным возвращение их домой. Совет института собирал сведения о материальном положении семей своих подопечных, стараясь заранее определить, кому из них понадобится помощь в устройстве на службу, а кто выразит желание поступить в пепиньерский класс, где давалась специальная педагогическая подготовка.

Заключение. Изученные данные позволяют проследить тенденцию увеличения числа воспитанниц разной сословной принадлежности, нуждавшихся в заработке.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, модернизация, Российская империя, педагогика, женское образование, Смольный институт

Благодарности: работа выполнена в рамках НИР АААА-А17-117112850249-9 «История отечественной культуры».

© Пономарева В. В., 2024

Для цитирования: Пономарева В. В. Выпускницы Смольного института 1836 г.: социально-экономическая характеристика (по архивным данным) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № (3). С. 38 — 47. EDN CDSPA

Original article

GRADUATES OF THE SMOLNY INSTITUTE IN 1836: SOCIO-ECONOMIC CHARACTERISTICS (According to Archival Data)

V. V. Ponomareva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
varvarapon@mail.ru

Abstract

Introduction. The Smolny Institute was the oldest women's educational institution in the Russian Empire, serving as a model for others. In two departments of the Institute, the Educational Society of Noble Maidens and the Petty-Bourgeois College, girls of different classes studied. The purpose of the article is to analyze the social composition of graduates of the Smolny Institute in 1836, the status of their families, their financial situation, quantitative data on the intention of the graduates to receive special pedagogical training or enter the service.

Materials and methods. The main source was the archival business, which was put into scientific circulation for the first time, deposited in the funds of the Smolny Institute. The principle of historicism, formal statistical and historical-biographical methods were used in the preparation of the article.

Results and discussion. According to the institute's rules, parents or guardians, when admitting girls to an educational institution, gave an obligation to take them back without fail at the end of the study. However, often over the long years of the girls' stay at the Institute, circumstances could change. The death of parents, the ruin or destruction of the family made it impossible for the students to return home. The Council of the Institute collected information about the financial situation of the families of their wards, trying to determine in advance which of them would need help in getting into the service, and who would express a desire to enter the Pepinier class, where special pedagogical training was given. The article provides specific data characterizing this situation.

Conclusion. The studied data make it possible to trace the trend of an increase in the number of institutions of different classes who needed to earn money.

Keywords: Age of Enlightenment, modernization, Russian empire, pedagogy, women's education, Smolny Institute

Acknowledgements: the work was performed according to the research AAAAA-A17-117112850249-9 "History of national culture"

For citation: Ponomareva VV. Graduates of the Smolny Institute in 1836: Socio-Economic Characteristics (According to Archival Data). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):38—47. EDN CDSPA

Введение

Значимой частью образовательной системы России являлась женская школа, начало которой было положено основанием Смольного института в Петербурге, состоявшего из двух половин — Воспитательного общества благородных девиц (1764) и Мещанского училища (1765). Смольный институт был учебно-воспитатель-

ным интернатом со средним общеобразовательным курсом, предназначенным для девочек неподатных сословий Российской империи. Ключевое место, которое старейший и наиболее привилегированный Смольный институт занимал среди других женских институтов, роль, которую он сыграл в формировании институтской системы, определяют важность рассматриваемой темы.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужило впервые вводимое в научный оборот архивное дело, отложившееся в фондах Смольного института (ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391). В нем зафиксированы данные о выпускницах Воспитательного общества благородных девиц, Мещанского училища и Военного отделения при нем, окончивших учебный курс в 1836 г. При подготовке статьи применялись принцип историзма, формально-статистический и историко-биографический методы.

Обзор литературы

На сегодня по отдельным аспектам истории женских институтов появляются исследования, основанные на изучении обширного круга источников, тем не менее, до сих пор этот феномен остается недостаточно изученным. В современной историографии не раз встречается утверждение, что в Смольный институт «принимали только дочерей потомственного родовитого дворянства»¹, девочек «из знатных и богатых семей»², в целом в этих «приютах для аристократок» [8, с. 24], «институтах благородных девиц... могли обучаться исключительно особы дворянского происхождения» [1, с. 107]. Однако на самом деле доступ в женские институты Российской империи был открыт не только для дворянок. Специальное изучение социального состава воспитанниц института, обустройства их дальнейшей судьбы в современной историографии только начинается [5; 6; 7].

Результаты исследования и их обсуждение

Правила приема в оба отделения Смольного института вплоть до 1851 г. оставались такими же, как в первой четверти XIX в., при императрице Марии Федоровне [10, с. 134]. В Воспитательное общество благородных девиц принимались потомственные дворянки, преимущественно дочери старших военных и гражданских чинов, в Мещанское училище — дочери младших офицеров, низших чиновников, докторов, мещан и др. Кроме того, в 1814 г. при Мещанском училище было открыто Военное отделение «в связи с тяготами, постигшими семьи военных... в ходе военной компании 1812 — 1814 гг.»³. Для «дочерей военных чиновников сухопутных и морских, которые не из дворян, от прапорщичья до подполковничья чина» было предоставлено 50 вакансий [10, с. 564]. Военное отделение было упразднено в 1842 г., а его воспитанницы присоединены к Мещанскому училищу⁴.

Прием и выпуск воспитанниц Смольного института осуществлялся раз в три года. Когда заканчивались хлопоты по организации и проведению выпускных

¹ Барашев М. А. Воспитание и образование русского дворянства второй половины XVIII — начала XIX веков: учеб. пособие. Владимир, 2005. С. 13.

² Вахромеева О. Б. Новая женщина в старой России: очерки по ист. жен. образования: конец XVIII — начало XX века. СПб., 2011. С. 86.

³ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. № 23. Л. 1 — 2.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 293.

экзаменов и праздников, перед администрацией института вставала ответственная задача — отправить своих выпускниц в новую, взрослую жизнь. Иногда решить эту задачу было не просто.

По правилам, выработанным практикой, при поступлении девочек в институт от их родных или опекунов непременно брали подписку с обязательством принять их обратно по окончании учебного курса. За долгие годы, которые проводили воспитанницы в стенах института, порой ослабевали связи с семьей, мог измениться ее состав — умирали отец или мать, порой и оба, случались разводы, иногда исчезала связь с родственниками. Впрочем, сиротами или полусиротами было немало число поступавших в институты девушек. Администрация института заранее собирала сведения о семьях своих подопечных. При этом отмечалось, кто именно забирает воспитанницу. В случае, если ее забирал родной брат, обязательно уточнялось, холост он или женат, указывалось на наличие мачехи, появлялись отметки о раздельной жизни отца и матери. Семья могла разориться и тогда принять на полное обеспечение девушку становилось для родных делом весьма тягостным или невозможным. Выпускница в таком случае могла заявить о своем желании стать пепиньеркой (ученицей дополнительного педагогического класса) или сразу поступить на службу.

Традиция сбора данных о семьях воспитанниц складывалась уже в XVIII в., во времена И. И. Бецкого, который предписал записывать «обстоятельные сведения об имущественном и семейном положении выпускных воспитанниц, их родителей и близких родственников», о количестве земли, крепостных, «заложены ли эти земли и в какую сумму». Часть смолянок «принадлежала семьям мелкопоместных дворян, причем и небольшие их поместья часто были обременены долгами» [9, с. 171 — 172]. Выпускницам, получившим шифр, пожизненно выплачивалась определенная сумма (ежегодно), пособие предоставлялось и самым бедным из воспитанниц [4, с. 201].

Таким образом, для администрации института выпуск окончивших курс воспитанниц становился ответственной порой. Не раз приходилось напоминать родственникам о необходимости забрать девушек домой. Некоторых «родители не могли взять по своей бедности», у других вообще не было близких родных. Несколько смолянок первого выпуска Мещанского отделения (1776) находились на попечении своего института: двоих определили учительницами в училище, восемь «за неприятием их родственниками» оставили при училище за особую плату, внесенную за них разными лицами. Три воспитанницы следующего выпуска (1779) были определены «в службу придворного театра» [9, с. 179 — 180]. Выпускниц, оставшихся без поддержки близких, могли поместить в богатый дом в качестве компаньонки. Так, отец одной из них просил Совет Смольного института позаботиться о его дочери, поскольку он «ранен 17 раз, стар и болен», а сам он имеет «всего 16 душ крестьян» [4, с. 210]. Попечение о воспитанницах стало традиционным для Советов всех институтов [3, с. 30]. Постепенно число выпускниц, поступавших в гувернантки или учительницы, увеличивалось. Часть из них получала специальную подготовку в особых педагогических классах — пепиньерских, первый из которых был открыт в Смольном институте по приказанию императрицы Марии Федоровны в 1803 г. Как правило, в пепиньерки поступали наиболее отличившиеся

в учении и в то же время бедные выпускницы института, понимавшие, что в будущем им предстоит самим зарабатывать свой хлеб.

Предметом настоящего исследования является социальный состав воспитанниц обеих частей Смольного института — Воспитательного общества благородных девиц и Мещанского училища с Военным отделением, — окончивших учебный курс в 1836 г.

В Воспитательном обществе благородных девиц в 1836 г. насчитывалось 135 выпускниц⁵, из них 7 круглых сирот, 65 полусирот. В документе не содержится данных о семьях 31 смолянки.

Поместьями обладали семьи 16 воспитанниц. Причем поместья эти различались по своим размерам, от 791 души до 11 (например сельцо в Смоленской губернии, 122 крепостных и 3 детей в семье). «Избыточным» состоянием располагала семья одной «смолянки», «хорошим» или «порядочным» — 10, «умеренным» — 2, «скромным» и «посредственным» — 3. Бедными объявлялись семьи 65 воспитанниц («без всякого состояния», «в бедном положении», «10 детей, живут одним жалованьем», «8 детей, живут на пенсию», «10 детей, в семье, кроме пенсии 300 руб., ничего нет» и т. п.); всего в таком положении находилось 48 % семей.

Отцы 21 девушки из выпуска занимали высокое положение: это генерал-майоры (IV класс по Табели о рангах). У 4 из них было состояние, о 4 сведений нет. Про остальных (13 чел.) в документе отмечено, что они «без всякого состояния» и живут только на жалованье, а семьи умерших генерал-майоров располагают лишь пенсией в 300 руб.

Судьба одной из таких девушек, отец которой владел сельцом Алексеевское в Вышневолоцком уезде и имел 11 детей, оказалась благополучной. Это Мария Николаевна Сеславина, дочь героя Отечественной войны 1812 г., племянница знаменитого гусара-партизана. Она закончила учебный курс с шифром и стала фрейлиной великой княжны Александры Николаевны, а впоследствии вышла замуж за генерал-адъютанта Н. А. Огарева (ее сестры Анна, Елена и Любовь также учились в Воспитательном обществе.)

В документе отмечено, что родственники 12 воспитанниц просили поместить их в пепиньерский класс (8,8 %). Основной мотив родных — отсутствие состояния («по бедности своей»). С одной стороны, необходимость немедленно забрать девушку домой откладывалась — она оставалась на казенном попечении. С другой стороны, получение специальной педагогической подготовки могло обеспечить в будущем девушке заработок. Так, вдова умершего штаб-лекаря из дворян, жившая в Петербурге в Доме временного призрения потерпевших от наводнения, просила «по бедности» поместить дочь в пепиньер. В 1824 г. в Петербурге произошло одно из самых катастрофических наводнений, когда погибли сотни людей, было разрушено более 400 домов. В 1829 г. Дом был закрыт, часть детей поместили в учебные заведения: мальчиков — в кадетские корпуса, девочек — в институты. Во Вдовий Дом по распоряжению императрицы Марии Федоровны были помещены пострадавшие от наводнения бывшие воспитанницы ее учебных заведений с детьми.

⁵ ЦГИА СПб. (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 1 об. — 35 об.

Известно, что одна из дочерей выпускницы была принята в Воспитательное общество [10, с. 567].

Евдокию Ромашеву, полусироту, просила «по бедности» поместить в пепиньер ее тетя, классная дама Воспитательного общества. Уже в 1837 г. Евдокия служила там учительницей музыки⁶, служба продолжалась около 30 лет.

В числе пожелавших поступить в педагогический класс была Людмила Лукьяновна Охочинская (в замужестве Снегирева), воспоминания которой были записаны ее внучкой «со слов бабушки»⁷. В семье калужского помещика Охочинского было 9 детей, дать образование которым «при маленьких средствах» было «вечной заботой» матери. Два года после окончания учебного курса Людмила пробыла в пепиньерском классе. Известно, что на казенный счет позже училась в Воспитательном обществе и ее сестра Любовь (выпуск 1839 г.).

Примечательно, что выпускниц-бесприданниц из Воспитательного общества родственники стремились не «представить к месту», устроить на службу, а отправить в пепиньерский класс. Лишь для одной из них, дочери подполковника, генерал-вагенмейстера 2-й армии, у которой «матери нет, а отец в безвестности», сделана пометка, что для нее «по отзыву инспектрисы есть хорошее место».

Некоторым выпускницам «благородной» части Смольного института, не ставшими пепиньерками, после выпуска пришлось поступить на службу. Это оставшиеся без матери «шиферницы» Варвара и Анна Быковы, отец которых содержал семью на пенсию. После его смерти сестры остались с мачехой, потом некоторое время жили у брата, но его жена не слишком приветливо отнеслась к ним. Жизнь вынудила их поступить на службу. В 1845 г. классной дамой стала Анна, спустя год — Варвара. Она писала: «Я поступаю на службу Отечеству и ближним»⁸. В 1858 г. Анна была назначена начальницей Иркутского института, сестра последовала за ней, преподавала французский язык, музыку, была классной и лазаретной дамой.

Столь же неблагополучной была семейная ситуация еще одной выпускницы, Екатерины Ермолаевны Керн. Мать оставила семью, а отец, генерал-майор, рижский комендант, как удостоверял документ, «кроме жалованья, ничего не имеет». Екатерина Керн служила классной дамой в Воспитательном обществе. М. И. Глинка, бывавший на репетициях хора института, вспоминал, что причиной его частых посещений Смольного института была «милая Е. К.», разделявшая его чувства, в то время как отношения с женой «становились хуже и хуже»⁹. Позже Екатерина вышла замуж, но овдовев, осталась без средств и работала гувернанткой (ее сестра, Анна, также была принята «пансионеркой императорской фамилии»¹⁰, но курса не окончила). Классной дамой Воспитательного общества стала София Ушакова, дочь умерше-

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 977. Л. 3 об.

⁷ [Донаурова А.] Как я поступила в Смольный монастырь // Исторический вестник. 1903. Т. 91, № 1. С. 266 — 280.

⁸ Быкова В. П. Записки старой смолянки: (Императорского В. О. Б. Д.). Ч. 1: 1833 — 1878. СПб., 1898. С. 152.

⁹ Глинка М. И. Записки М. И. Глинки и переписка его с родными и друзьями. СПб., 1887. С. 145 — 147.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2255. Л. 5.

го инспектора Военно-Сиротского дома, в семье которого было пятеро детей¹¹. Возможно, одно и то же лицо — полусирота, выпускница Воспитательного общества Софья Княжнина и ее тезка, классная дама Киевского института в 1842 — 1845 гг. [2, с. 113]. Неполнота и разрозненность данных, смена фамилий при выходе замуж — все это затрудняет разыскания о дальнейших судьбах воспитанниц института.

Военное отделение при Мещанском училище было открыто в 1814 г. «в связи с тяготами, постигшими семьи военных в ходе военной кампании 1812 — 1814 гг.»¹². В 1836 г. здесь было подготовлено к выпуску 49 учениц¹³.

Отцы этих выпускниц находились в следующих званиях: подполковник (2), майор и секунд-майор (8), капитан, капитан-лейтенант, штаб-капитан, ротмистр и штурман (15), поручик и сотник (6), подпоручик (5), прапорщик и констапель (10), а также шкипер и полковой священник. Об отце одной из девочек нет никаких данных.

О 10 ученицах, кроме звания отцов, данных нет. Об остальных 39 известно следующее: сирот — 10, полусирот — 21. Лишь у 8 воспитанниц были живы оба родителя. Примечательно, что все сироты изъявили желание «определиться к месту», причем одна из них была готова либо поступить на службу либо быть зачисленной в пепиньерский класс; из полусирот «определиться к месту» пожелали 10, одна — либо в пепиньерки, либо на службу¹⁴. Итого из 49 выпускаемых девушек на службу были готовы поступить 18, или 36,7 %.

В документах указывалось, что семьи 18 учениц «бедного состояния» или же «без всякого состояния». Наиболее затруднительным было положение трех девушек, которые были «очень молоды для определения», а одна из них к тому же имела «мало успела в науках для поступления к месту».

Сиротой, пожелавшей поступить в пепиньерский класс или на службу, была Наталья Заржицкая, дочь подполковника, у которой из близких осталась только мачеха. В документах сообщается, что ее отец — «уволенный за ранами подполковник 2-го Карабинерного полка»¹⁵. Известно, что в том же Военном отделении Мещанского училища несколько ранее на иждивении Комитета о раненых обучались Анна и Мария Заржицкие, «назначенные в выпуск» в 1833 г., также «дочери уволенного за ранами 2-го Карабинерного полка подполковника»¹⁶. Надо полагать, что их отец, Иосиф Николаевич Заржицкий, георгиевский кавалер с 1830 г., чья жена, мать девушек, умерла в 1824 г.

В Мещанском училище в 1836 г. к выпуску предназначалось 80 воспитанниц¹⁷. Среди них больше всего было дочерей чиновников: титулярных советников (31), коллежских секретарей (7), губернских секретарей (5), чиновников низшего XIV класса (6). Кроме того, среди отцов воспитанниц Мещанского училища были купцы (2), лица духовного звания (священники (3), диакон (1), придворный протоиерей (1)), мещане (2), аптекари (2), квартирмейстеры (2), бургомистры (2), комиссионеры (2),

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 28 об. — 29.

¹² РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. № 23.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 37 об. — 50.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 49 об.

¹⁶ Прибавление № 302 к Санктпетербургским ведомостям. 1832. Дек. 22. С. 8.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 51 об. — 70.

а также столярный и часовой мастера, штаб-лекарь, учитель, архитектурный помощник и др. Чин отцов 6 девочек не указан.

Семьи 25 девочек, как отмечается в документе, «бедного состояния» («отец бедного состояния, имеет еще 4 детей», «небольшая пенсия у матери, которая для содержания себя и многих детей ничего не имеет», «отец слеп», «многочисленное семейство в крайней бедности» и т. п.). 8 девочек поступили из Дома временного призрения потерпевших от наводнения.

Из 19 сирот выпуска выразили желание «определиваться к месту» 10, из 24 полусирот — 11. Всего из выпуска 1836 г. выразили желание поступить на службу 24 воспитанницы (в том числе 2 из них готовы были стать пепиньерками), всего 30 %. Однако 6 девушек оказались «слишком молоды» для работы. Они поступили в институт рано и выпускались совсем юными. В связи с этим позднее был поднят вопрос о необходимости повышения возраста приема воспитанниц. Для одной «слишком молодой» из выпускниц ситуация оказалась особенно непростой, поскольку об ее отце было известно лишь, что он находится в Грузии, и от него не поступало «никакого известия».

Пятерых девушек принимали не родители, а родственники, одну — опекуны. От семей трех выпускниц известий не поступало.

Одной из воспитанниц, которую не была готова забрать семья, являлась Адель-Мальвина Каталани-Дарберг. В 1828 г. она поступила в Мещанское училище и была назначена к выпуску в феврале 1833 г.¹⁸ По каким-то причинам выпуск Адели состоялся в 1836 г. — по неуспеваемости или же по просьбе матери. Известно, что иногда воспитанниц оставляли в институте на несколько лет сверх обычая «по молодости лет» или из-за «неподходящих условий их семейной жизни, чаще всего неладов между родителями» [9, с. 170]. В документе указывалось, что девушка — дочь певицы Каталани-Дарберг «из чужих краев», которая живет в Москве, «не в состоянии взять ее [дочь] обратно и просит определить к какой-либо должности»¹⁹. Очевидно, что мать воспитанницы принадлежала известному семейству Каталани, гастролировала в России, других же подробностей о ее жизни найти не удалось.

Можно сделать достоверные предположения о судьбе еще нескольких выпускниц 1836 г. Сирота Евдокия Птицына, у которой из близких осталась лишь мачеха, пожелала поступить на службу. Впоследствии именно она, по всей видимости, стала учительницей рукоделия в своей alma mater²⁰, а затем преподавала в петербургском Николаевском сиротском институте²¹. Марию Некастер забрали в Киев родители²², а через семь лет в Киевском институте встречается классная дама с этим именем [2, с. 113]. Можно предположить, что классная дама Закавказского института Любовь Элькинская, фамилию которой мы обнаруживаем в «Кавказском календаре»²³, — это выпускница 1836 г., дочь архитектурного помощника, круглая

¹⁸ Прибавление № 302 к Санктпетербургским ведомостям. С. 11.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 68 об. — 69.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6263.

²¹ Тимофеев В. П. Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского Сиротского института. 1837 — 1887 г.: ист. очерк. СПб., 1887. С. 29.

²² ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3391. Л. 66.

²³ Кавказский календарь на 1859. Тифлис, 1859. С. 477.

сирота, не имевшая «никакого состояния» и «молодая для поступления в должность». Л. А. Элькинская прослужила в Закавказском институте до 1877 г.²⁴

Заключение

Воспитанницы Смольного института являлись представительницами разных слоев российского общества — от дочерей мещан и мастеров до потомков знатных фамилий. По большей части выпускниц «благородного» и «мещанского» отделений Смольного института ожидало различное будущее. В то же время возрастало число воспитанниц института, которым, независимо от их сословной принадлежности, была уготована сходная судьба: годы службы гувернанткой, классной дамой или учительницей. Доля бесприданниц во всех отделениях института была значительной. «Оскудение» дворянских хозяйств, нараставшее на протяжении XIX в., разложение патриархальной семьи, войны и эпидемии, оставлявшие множество сирот, — все это приводило к тому, что число женщин, нуждавшихся в заработке, неуклонно возрастало. Полученное в институтах образование давало им возможность обеспечить свое существование. Многие из воспитанниц Военного отделения Мещанского училища были вынуждены искать заработок сразу после выпуска. Очевидно, что впоследствии и другие выпускницы сталкивались с необходимостью «определиться к месту». Бесприданниц в Воспитательном обществе насчитывалось по крайней мере 48,0 %. Выпускницам благородного отделения было, безусловно, труднее смириться с трудовым будущим: о предстоящей службе встречается одно упоминание и лишь 8,8 % выпускниц заявили о желании поступить в пепиньерский класс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриева Н. А. Процесс формирования системы женского образования в России в XIX веке как объект исторического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 65. С. 107 — 110.
2. Захарченко М. М. История Киевского института благородных девиц: 1838 — 1888. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1889. 169 с.
3. Карцов Н. С. Мариинский институт: 1797 — 1897. СПб.: Тип. С.-Петербургского градоначальства, 1897. 80 с.
4. Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России (1086 — 1856). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 887 с.
5. Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX — начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск: Свиток, 2013. 416 с.
6. Пихтина Л. С. Социокультурная характеристика преподавательниц женских учебных заведений г. Иркутска первой половины XIX — начала XX в. // Вопросы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 46 — 51.
7. Пономарева В. В. Мещанские «институты благородных девиц»: сословный состав (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (25 — 26 мая 2023 г.). Самара: СГИК, 2023. С. 15 — 18.
8. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 — 1930. М.: РОССПЭН, 2004. 614 с.

²⁴ Памятная книжка Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным сих императорских величеств покровительством... на 1877 год. СПб., 1877. Ч. 3. С. 278.

9. Черепнин Н. В. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: 1764 — 1914. СПб.: Гос. тип., 1914. Т. 1. 630 с.

10. Черепнин Н. В. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: 1764 — 1914. Пг.: Гос. тип. 1914. Т. 2. 670 с.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 12.02.2024.

Информация об авторе:

Варвара Вигальевна Пономарева, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры Исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1707-2281>, varvarapon@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Dmitrieva NA. The Process of Formation of the Women's Education System in the XIX Century as an Object of Research. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;65:107—110. (In Russ.).

2. Zakharchenko MM. History of the Kiev Institute of Noble Maidens, 1838 — 1888. Kiev;1889. (In Russ.).

3. Karcov NS. Mariinsky Institute. 1797 — 1897. St. Petersburg;1897. (In Russ.).

4. Likhacheva EO. Data for the History of Female Education in Russia. St. Petersburg;1899. (In Russ.).

5. Mitsyuk NA. Women of the Russian Province of the XIX — early XX Centuries: Upbringing, Education, Sociocultural Space and Everyday Life (Based on Materials from the Smolensk Province). Smolensk;2013. (In Russ.).

6. Pichtina LS. Socio-Cultural Characteristics of Teachers of Women's Educational Institutions in Irkutsk in the First Half of the XIX — early XX Century. *Questions of Historical Science*. Proceedings. Moscow;2012:46—51. (In Russ.).

7. Ponomareva VV. Petty-bourgeois “Institutes of Noble Maidens”: exiled Composition (late XVIII — first half of the XIX Century). *Modernization of Culture: Dialogues about the Past and the Present in Science, Art, Education*. Samara;2023:15—18. (In Russ.).

8. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. 1860 — 1930. Moscow;2004. (In Russ.).

9. Cherepnin NV. Imperial Educational Society for Noble Maidens. Petrograd;1914;1. (In Russ.).

10. Cherepnin NV. Imperial Educational Society for Noble Maiden. Petrograd;1914;2. (In Russ.).

The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Information about the author:

Varvara V. Ponomareva, Senior Research Fellow, of the Laboratory for the History of Russian Culture of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University (27 Lomonosov Prospect, Moscow 119192, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1707-2281>, varvarapon@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 930.1:342.541
EDN PTVBGE<http://vestnikniin.ru>*Научная статья*

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯНСКИХ ВЫБОРНЫХ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В ОСВЕЩЕНИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б. А. Борисов¹✉, Ю. Н. Носатов²¹ ГУ МВД России по Нижегородской области,
г. Нижний Новгород, Россия² Академия управления МВД России,
г. Москва, Россия

✉borisa11nn@gmail.com

Аннотация

Введение. Дореволюционная историография правоохранительной деятельности дворянских выборных в России в первой половине XIX в. освещена в современной науке явно недостаточно. В связи с этим обращение к этому вопросу несомненно актуально. Данная тематика представляет помимо научного еще и практический интерес. Изучение опыта привлечения населения к поддержанию общественной безопасности весьма востребовано в условиях реформирования правоохранительных структур и органов местного самоуправления. Кроме того, исследование позволяет взглянуть на изучаемый аспект через «призму близкой исторической перспективы», глазами авторов, живших в эпоху Российской империи.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались следующие методы: сравнительно-исторический, историко-генетический, структурно-функциональный и системного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В дореволюционной историографии различные аспекты проблематики правоохранительной деятельности дворянских выборных в первой половине XIX в. исследовались М. Т. Яблочковым, А. В. Романович-Славатинским, С. А. Корфом, А. Д. Градовским, Н. В. Варадиновым, косвенно вопрос затрагивался в работах П. А. Кашкарова, Л. М. Савелова, В. М. Грибовского, А. В. Лохвицкого, И. Е. Андреевского, В. В. Ивановского. Основным достоинством данных трудов является накопление богатого фактического материала. Их типичным недостатком — использование ограниченного круга источников и попытки теоретизации с применением фактического материала, позаимствованного из публикаций предшественников.

Заключение. Публикации 1870-х — 1917 гг. по изучаемому вопросу представляли собой исследования, в которых в основном анализировалось законодательство, регламентирующее работу дворянских обществ. Дворянские корпорации и их представители описывались как опора престола, верные слуги императора, действовавшие успешно на всех порученных им верховной властью направлениях.

Ключевые слова: российское дворянство, дворянские выборные, первая половина XIX в., дореволюционная историография, изучение дворянского сословного самоуправления, исследование системы правоохранительных органов

Для цитирования: Борисов Б. А., Носатов Ю. Н. Правоохранительная деятельность дворянских выборных в России в первой половине XIX в. в освещении дореволюционной историографии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 48 — 56. EDN PTVBGE

© Борисов Б. А., Носатов Ю. Н., 2024

Original article

LAW ENFORCEMENT NOBILITY ELECTIONS IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN LIGHTING PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

B. A. Borisov¹✉, Yu. N. Nosatov²

¹ Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Nizhny Novgorod Region,
Nizhny Novgorod, Russia

² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

✉borisa111nn@gmail.com

Abstract

Introduction. Pre-revolutionary historiography of law enforcement activities of noble elected officials in Russia in the first half of the 19th century is clearly not sufficiently covered in modern science. Therefore, addressing this issue is undoubtedly relevant. In addition to scientific interest, this topic is also of practical interest. Studying the experience of involving the population in maintaining public safety is very much in demand in the context of reforming law enforcement structures and local governments. In addition, the study allows us to look at the aspect under study through the “prism of a close historical perspective”, through the eyes of authors who lived during the era of the Russian Empire.

Materials and methods. The following methods were used during the study: comparative historical, historical genetic, structural and functional, system analysis.

Results and discussion. In pre-revolutionary historiography, various aspects of the problems of law enforcement activities of noble elected officials in the first half of the XIX century were studied by M. T. Yablochkov, A. V. Romanovich-Slavatinsky, S. A. Korf, A. D. Gradovsky, N. V. Varadinov, the issue was indirectly addressed in the works of P. A. Kashkarov, L. M. Savelov, V. M. Gribovsky, A. V. Lokhvitsky, I. E. Andreevsky, V. V. Ivanovsky. The main advantage of these works is the accumulation of rich factual material, their typical drawback is the use of a limited range of sources in the work and attempts to make a theory.

Conclusion. Publications of 1870s — 1917 on the issue we are studying were studies that mainly analyzed the legislation regulating the work of noble societies. The noble corporations and their representatives were described by these authors as the support of the throne, faithful servants of the emperor, who acted successfully in all areas entrusted to them by the supreme power.

Keywords: Russian nobility, noble electors, first half of the XIX century, pre-revolutionary historiography, study of noble class self-government, study of the law enforcement system

For citation: Borisov BA, Nosatov YuN. Law Enforcement Nobility Elections in Russia in the First Half of the XIX Century in Lighting Pre-Revolutionary Historiography. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):48—56. EDN PTVBGE

Введение

Сегодня, ввиду переосмысления многих проблем отечественной истории, возвращение к истокам их изучения видится нам весьма актуальным. Это, в частности, касается деятельности дворянских выборных в России в первой половине XIX в. В 1870-х — 1910-х гг. ученые начали собирать фактический материал и предприняли первые попытки определения места выборных в административно-полицейских структурах и в органах сословного самоуправления. Конкретно-исторические

исследования того времени представляли собой в большинстве случаев анализ нормативно-правовых актов, иногда включали определенные обобщения опыта их применения на практике. Они заложили основу для последующего исследования вопроса, в связи с чем значение их трудно переоценить.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались следующие методы: сравнительно-исторический, историко-генетический, структурно-функциональный и системного анализа. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить работы различных исследователей. Историко-генетический метод позволил проанализировать общее и особенное в них. Использование структурно-функционального метода заключалось в разложении изучаемого объекта на составные части и выявлении внутренней связи, обусловленности, соотношения между ними. Метод системного анализа позволил сформулировать выводы и обобщения, дать оценку работам исследователей, имевшим место в рассматриваемый период. В целом, применение комплекса методов позволило всесторонне рассмотреть изучаемый вопрос.

Результаты исследования и их обсуждение

К исследованию роли дворянства в развитии правоохранительной системы Российской империи дореформенного периода первыми обратились сами дворяне. Делали они это, как правило, в рамках более общих трудов, посвященных генеалогическим и сравнительно-правовым изысканиям, сопровождавшимся сбором фактического материала, в редких случаях попытками его обобщения.

Ярким примером подобных исследований может служить работа «История дворянского сословия в России» дворянина из Тульской губернии М. Т. Яблочкова [12]. Он изучил и отчасти систематизировал значительный материал по истории дворянства родной губернии. Много внимания уделил вопросам развития и эволюции отечественного права в первой половине XIX в. в части его регулирования взаимодействия дворян-помещиков и крепостных крестьян.

Автор верно подчеркнул, что начиная с правления императора Александра I предпринимались непоследовательные и робкие попытки правящих кругов облегчить положение крепостных крестьян, которые нашли частичный отклик в среде наиболее передового дворянства. Они выражались как в установлении особой категории так называемых вольных хлебопашцев, так и в введении дворянской опеки над именными помещиков, злоупотреблявших своей властью над «крепостными душами» (что нередко выражалось в откровенном глумлении и издевательствах над крестьянами) [12, с. 654].

Хотя имеющийся в книге М. Т. Яблочкова материал не всегда полон и достоверность некоторых приводимых им фактов вызывает сомнение, автору надо отдать должное в том, что он весьма красноречиво описал «барство дикое, без чувства, без закона», а также стремление передовой части дворянства ограничить этот произвол в долгосрочных интересах самого же российского дворянства [12, с. 610]. Как косвенно видно из содержания книги, это ограничение предполагалось осуществить в том числе и через усиление роли дворянства в правоохранительной деятельности и в местном самоуправлении в целом. Однако цель эта, признает автор, была достигнута лишь отчасти.

При этом М. Т. Яблочков явно не замечает или просто замалчивает факт кризиса дворянского землевладения, когда имения значительной части представителей благородного сословия были заложены за долги, а само дворянство постепенно вырождалось. В этих условиях расширение правоохранительной деятельности дворянских выборных было обстоятельством крайне затруднительным. Немалая ангажированность автора сказалась и в несомненном преувеличении влияния «передовой части» дворянской элиты на привилегированное сословие в целом. Он явно стремится «не сгущать излишне краски» и не выставлять дворянство как таковое в невыгодном свете [12, с. 654].

Кроме того, хотя М. Т. Яблочков и пытается анализировать нормативно-правовую базу отношений дворян-помещиков и крепостных крестьян (и даже делает это в свете более общих вопросов рассмотрения роли дворянства в правоохранительной системе государства), на деле этот анализ получается весьма несовершенным и по сути представляет собой сплошные обрывки. Ему не хватает системности [12, с. 610]. Приводя отдельные выдержки из законов Российской империи по изучаемому вопросу, автор оставляет их без необходимых комментариев, либо дает явно апологетические и откровенно ангажированные комментарии, призванные возвысить в глазах читателя благородное сословие [12, с. 654].

Однако, несмотря на явные недостатки, работа М. Т. Яблочкова важна для нас как источник информации по исследованному вопросу. Кроме того, ее можно рассматривать как своеобразный (пусть и очень ангажированный) источник по истории России XIX в.

Некоторые недостатки работы М. Т. Яблочкова восполняет исследование «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» отечественного юриста А. В. Романович-Славатинского [10]. Скрупулезно исследовав право Российской империи XVIII — середины XIX в. в его динамике, автор выделил основные вехи развития сословного законодательства. По части дворянских выборных особое значение он придает Положению 1837 г., по которому «к выборному элементу в земских судах присоединился коронный — вновь учрежденные должности станowych приставов заполнялись по распоряжению губернских правлений» [10, с. 482]. В этом А. В. Романович-Славатинский вполне обоснованно видит «расширение роли дворянства в правоохранительной системе» [10, с. 482]. Им подчеркивается то обстоятельство, что согласно положению 1837 г. дворянство получило право выдвигать на должность станowych приставов своих кандидатов, которые затем утверждались «правлениями из чиновников» [10, с. 483].

В то же время исследователь вынужден констатировать, что в реальной практике такие выдвижения были не везде и не всегда. Часто все сводилось к прямому назначению станowych приставов вышестоящей властью (без участия выборного элемента) [10, с. 483].

Надо отдать должное автору в том, что один из существенных тормозов в развитии процесса участия дворянства в правоохранительной системе, он видел в неоднородности самого дворянства. В частности, А. В. Романович-Славатинский пишет о часто встречающемся «трепетном отношении» земских исправников (в иных случаях весьма властных и непреклонных) к владельцам богатых поместий, которые

на местах часто выступали фактической властью, подменявшей собой «всякую законную власть» [10, с. 362].

В то же время работа А. В. Романович-Славатинского содержит типичные для того времени недостатки. Это и узость источниковой базы, и неоднозначность выводов и заключений, в большей части вытекающих из анализа одного только законодательства.

Интерес для нашего исследования представляет книга «Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 — 1855 гг.» известного представителя российской знати барона С. А. Корфа [8]. В ней автор обращает пристальное внимание на особенности «нормативной базы деятельности органов дворянского сословия». Им вычленяются отдельные этапы в динамике дореформенного российского законодательства, а также исследуется воздействие законодательных изменений на функционирование дворянского сословного управления на губернском и уездном уровнях.

Изучая роль дворянства в правоохранительной системе страны, С. А. Корф подробно расписывает функции коронной администрации, предводителей дворянства (губернских и уездных) и других дворянских выборных, причем особое внимание уделяет «благотворному» их воздействию на злоупотребляющих своей властью крепостников-помещиков [8, с. 431].

Рассуждая о «воспитании» нерадивых дворян, запятнавших себя жестоким обращением с крепостными крестьянами, С. А. Корф пишет не только о возможности судебного преследования таковых (что, как он вынужден признать, на практике было явлением редким), но и о воздействии на них мерами со стороны дворянских собраний (дворянского самоуправления) [8, с. 431]. Однако эффективность подобных мер он явно преувеличивает.

Знатное происхождение автора, по нашему мнению, сказалось на сущности его оценок: в монографии наличествует идеализация сословного строя, а круг источников, использованных автором, весьма ограничен. Часто С. А. Корф излишне увлекается попытками теоретизации, опираясь на данные из публикаций более ранних авторов. Таким образом, его труд являет собой типичный образец дворянской сословной историографии.

Если сравнивать работы М. Т. Яблочкова и А. В. Романович-Славатинского с одной стороны и С. А. Корфа с другой, то вырисовывается следующая ситуация. В вопросе правоохранительной дворянской деятельности мнение первых двух авторов можно свести к определенному общему знаменателю: тот и другой исследователь основной акцент делали на дворянской опеке, через которую благородная общественность могла воздействовать на наиболее жестоких крепостников-помещиков. С. А. Корф, в отличие от них, полагал, что осуждение и недоверие со стороны дворянского сообщества оказывало на таких помещиков более действенное влияние.

Заметный след в изучении деятельности дворянских выборных оставил яркий представитель так называемой государственной школы историк А. Д. Градовский, видевший в работе дворянских выборных важный аспект совершенствования российской правоохранительной системы. В книге «Начала русского государственного права» подробно исследовались земские суды, которые он справедливо считал

«одной из форм участия дворянского общества в местном самоуправлении». Исследуя роль дворянских сословных учреждений в губерниях и уездах, автор весьма верно подчеркивает их зависимость от губернских администраций [4, с. 41]. Ввиду подобной зависимости, считает А. Д. Градовский, дворяне с неохотой занимали некоторые выборные должности, в частности в рамках полицейской власти (должности исправников, земских заседателей) [4, с. 41]. По мнению исследователя, занявшие эти должности лица часто становились радетелями не общественных интересов, а исполнителями воли власть предержащих губернского аппарата или богатых влиятельных помещиков [4, с. 317].

Хотя многие утверждения А. Д. Градовского часто не подкреплены фактической доказательной базой (что, несомненно, является минусом его работы), его утверждение о «вырождении» дворянского самоуправления, о деградации правоохранительной деятельности дворянских выборных не лишено оснований [4, с. 317]. Данная деградация явилась проявлением общего кризиса крепостнической системы первой половины — середины XIX в.

Значительную информацию о работе земской полиции и земских судов включает в себя работа «История Министерства внутренних дел» Н. В. Варадинова [3]. В ней автор анализирует особенности функционирования земской полиции в разных губерниях страны. Большое внимания уделяет трансформации структур земских судов. Н. В. Варадинов доказывает, что земские суды и сельская полиция исправно выполняли свои функции и в этом отношении устраивали и власть и население [3, с. 584]. В то же время в работе содержатся определенные мысли о наличии кризисных явлений в дворянском самоуправлении и правоохранительной деятельности дворянских выборных. Показателем этого, на его взгляд, является общий рост правонарушений, несмотря на эффективную, казалось бы, работу сельской полиции [3, с. 584]. Однако важного вывода о связи этого явления с кризисом крепостнической системы он не делает.

Особое внимание Н. В. Варадинов уделяет новым (недавно включенным в состав Российской империи) областям, например, Бессарабии. Данные области, по его мнению, служили для царского правительства экспериментальными площадками для новых начинаний, в том числе и в сфере расширения полномочий дворянских выборных. Однако подобные начинания были не долговечны и очень скоро заменились стандартной общеимперской моделью управления [3, с. 360 — 364].

Трудно поспорить с мнением Н. В. Варадинова, что практика апробации норм права, принятая в Российской империи, была связана с многообразием условий и спецификой общественного, национального и религиозного устройства страны. Данное утверждение автор иллюстрирует примером с той же Бессарабией.

После присоединения к России по Бухарестскому мирному договору в 1812 г. Бессарабии бессарабское дворянство получило право избирать из своей среды руководителей и заседателей земских судов с довольно широкими полномочиями (и это задолго до выхода уже упомянутого нами выше Положения 1837 г.). Однако, как показала проведенная в 1824 г. генерал-губернатором графом Воронцовым проверка, сформировать дееспособную сельскую полицию (как и другие органы дворянского самоуправления) на западной окраине империи не удалось. Как след-

ствие, исправники и другие ранее избираемые благородным обществом чины стали назначаться непосредственно генерал-губернатором из числа наилучшим образом зарекомендовавших себя представителей местной знати. Таким образом, сначала произошло расширение прав местных элит, в частности дворянских выборных, потом их резкое сокращение. Вновь о выборах дворянских должностных лиц в Бессарабии, как и по Российской империи в целом, заговорили только после 1837 г. [3, с. 360 — 364].

Несмотря на неполноту оценок, работа Н. В. Варадинова может рассматриваться сегодня как важный источник по исследуемой нами проблематике.

Заканчивая историографический обзор анализируемого вопроса, следует выделить блок работ, авторы которых видели в дворянских выборных второстепенный вспомогательный элемент правоохранительной системы. Ими же затрагивались и другие аспекты дворянской жизни, связанные с правоохранительной деятельностью. Так, общее представление об общественной жизни российского дворянства дается в работах П. А. Кашкарова [7] и Л. М. Савелова [11]. Роль выборных структур в административно-полицейской иерархии рассматривается В. М. Грибовским [5], А. В. Лохвицким [9]. Проблемы трансформации правоохранительных учреждений империи нашли отражение в исследованиях И. Е. Андреевского [1; 2] и В. В. Ивановского [6].

Во всех указанных работах, несмотря на их «разношерстность», несходство между собой, косвенно фиксируются упаднические тенденции в сфере правоохранительной деятельности дворянских выборных, как и в дворянском самоуправлении вообще. Однако природа этих тенденций, заключающаяся в кризисе не только крепостнической системы, но и сословного строя, не раскрывается, а искусно обходится стороной, что не удивительно вследствие верноподданнических убеждений авторов и наличия цензурных ограничений, обычных для реалий императорской России.

Заключение

Подводя итог анализа работ XIX — начала XX в., посвященных изучению роли дворянства в правоохранительной системе дореформенной Российской империи, следует отметить, что они имеют свои достоинства и недостатки. В качестве достижения российских исследователей выделим как сам факт обращения к проблеме определения места дворянских выборных в системе правоохранительных органов и в сословном самоуправлении, так и ценный материал, собранный и отчасти проанализированный в их трудах. Основные недостатки изысканий этого периода связаны в первую очередь с узостью их источниковой базы, а также со значительной долей ангажированности авторов, обусловленной «абerrацией исторической близости» (в то время для исследуемой ими эпохи не настал еще срок исторической давности). С другой стороны, именно эта историческая близость ученых к изучаемому времени придает работам дополнительную ценность; не просто делает их книгами по истории, но и возводит в ранг исторических источников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреевский И. Е. Полицейское право: в 2 т. Т. 1: Введение и часть 1: Полиция безопасности. СПб.: Тип. В. В. Прагц, 1874. 648 с.

2. Андреевский И. Е. Полицейское право: в 2 т. Т. 2: Полиция благосостояния. СПб.: Тип. и литогр. А. Е. Ландау, 1876. 728 с.
3. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1862. Ч. 2, кн. 2. 604 с.
4. Градовский А. Д. Собр. соч.: в 9 т. Т. IX: Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного управления. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 595 с.
5. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи: из лекций по рус. гос. и адм. праву. Одесса: Тип. «Техник», 1912. 258 с.
6. Ивановский В. В. Учебник административного права: (Полицейское право. Право внутреннего управления). Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1907. 546 с.
7. Кашкаров П. А. О дворянском сословии в России. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1885. 16 с.
8. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 — 1855 гг. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. 720 с.
9. Лохвицкий А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб.: А. Ф. Базунов, 1864. Ч. 1. 224 с.
10. Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. 2-е изд. Киев: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912. 580 с.
11. Савелов Л. М. Дворянское сословие в его бытовом и общественном значении. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1907. 18 с.
12. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1876. 680 с.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024; одобрена после рецензирования 24.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

Информация об авторах:

Борис Александрович Борисов, начальник бюро специальных технических мероприятий ГУ МВД России по Нижегородской области (603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Максима Горького, 71), полковник полиции, кандидат исторических наук, borisa11nn@gmail.com

Юрий Николаевич Носатов, заместитель начальника кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8), полковник полиции, кандидат юридических наук, Nosatov.un@gmail.com

Вклад авторов:

Борисов Б. А. — идея, разработка концепции, сбор материала, обработка и анализ материала, написание статьи, научное редактирование;

Носатов Ю. Н. — обработка и анализ материала, написание статьи, научное редактирование.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Andreevsky IE. Police law: in 2 volumes. St. Petersburg;1874;1. (In Russ.)
2. Andreevsky IE. Police law: in 2 volumes. St. Petersburg;1876;2. (In Russ.)
3. Varadinov NV. History of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg;1862;2;2. (In Russ.)
4. Gradovsky AD. Collected works: in 9 volumes. St. Petersburg;1908;9;3. (In Russ.)
5. Gribovsky VM. State structure and management of the Russian Empire: from lectures on Russian state and administrative law. Odessa;1912. (In Russ.)

6. Ivanovsky VV. Textbook of Administrative Law: Police Law. The Right of Internal Management. Kazan;1907. (In Russ.)
7. Kashkarov PA. About the Nobility in Russia. St. Petersburg;1885. (In Russ.)
8. Korf SA. The Nobility and its Estate Management for the century 1762 — 1855. St. Petersburg;1906. (In Russ.)
9. Lokhvitsky AV. Province, its Zemstvo and Government Institutions. St. Petersburg;1864;1. (In Russ.)
10. Romanovich-Slavatinsky AV. Nobility in Russia From the Beginning of the XVIII Century to the Abolition of Serfdom. Kyiv;1912. (In Russ.)
11. Savelov LM. The Nobility in its Everyday and Social Meaning. Moscow;1907. (In Russ.)
12. Yablochkov MT. History of the Nobility in Russia. St. Petersburg;1876. (In Russ.)

The article was submitted 11.07.2024; approved after reviewing 24.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Information about the authors:

Boris A. Borisov, Head of the Bureau of Special Technical Events of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Nizhny Novgorod Region (71 Maximaa Gorky Str., Nizhny Novgorod 603950, Russia), Police Colonel, Candidate of Historical Sciences, borisa11nn@gmail.com

Yuri N. Nosatov, Deputy Head of the Department of Management of the Activities of Public Order Ensuring Units of the Center for Command Post Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (8 Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh Str., Moscow 125171, Russia), Police Colonel, Candidate of Legal Sciences, Nosatov.un@gmail.com

Contribution of the authors:

Borisov B. A. — idea, concept development, collection of material, processing and analysis of material, article writing, scientific editing;

Nosatov Yu. N. — processing and analysis of material, article writing, scientific editing.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 93.929
EDN QHLLT

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГРАФА АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА УВАРОВА

Н. В. Киприянова

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия
natvlad50@mail.ru

Аннотация

Введение. Любой политический лидер — это отражение постоянно меняющейся политической реальности. Публичный образ государственного деятеля складывается из многочисленных фрагментов социальных отношений и типов поведения. В плеяде политиков конца XIX — начала XX в. граф Алексей Алексеевич Уваров являлся типичным представителем умеренно либерального направления. Актуальность темы определена отсутствием работ о его взглядах и назревшей необходимостью более активного привлечения документов региональных архивохранилищ для решения кардинальных проблем.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили документы семейного фонда Уваровых из Государственного архива Владимирской области. Кроме того, привлечены стенографические отчеты III Государственной думы и материалы периодической печати. С помощью биографического и конкретно-проблемного методов был проведен микроанализ политических взглядов депутата III Государственной думы графа А. А. Уварова.

Результаты исследования и их обсуждение. В исторической литературе отсутствуют исследования политической деятельности А. А. Уварова. В справочных изданиях и общих работах имеются краткие биографические справки и отдельные факты деятельности графа в Саратовской губернии, а также его высказывания на заседаниях Думы. В современной литературе не отражены такие важные характеристики, как представления А. А. Уварова о соотношении коронных структур и земских учреждений, прав личности, вариантов решения аграрного вопроса. В статье на основе обобщения данных ряда источников реконструирован политический портрет одного из представителей российского либерализма.

Заключение. В политических представлениях А. А. Уварова отразилась современная ему эпоха — обстановка общенационального кризиса, в котором общество искало пути к преобразованиям. Граф был противником радикальных трансформаций. В условиях длительного противостояния власти и либеральной общественности, когда обе стороны перестали слышать друг друга, он пытался через думскую трибуну способствовать поиску компромисса.

Ключевые слова: Россия конца XIX — начала XX в., Государственная дума, земства, российский либерализм, программа реформ, А. А. Уваров

Для цитирования: Киприянова Н. В. Политический портрет графа Алексея Алексеевича Уварова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 57 — 72. EDN QHLLT

© Киприянова Н. В., 2024

Original article

POLITICAL PORTRAIT OF COUNT ALEXEY ALEKSEEVICH UVAROV

N. V. Kipriyanova

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov,
Vladimir, Russia
natvlad50@mail.ru

Abstract

Introduction. Any political leader reflects ever — changing political reality. The public image of a statesman consists of numerous fragments of social relations and types of behavior. Among the politicians of the late XIX — early XX centuries, Count Alexei Alekseevich Uvarov was a typical representative of a moderately liberal trend. The relevance of the topic is obviously the lack of works on his views and the urgent need for more active using of documents from regional archives to solve vital problems.

Materials and methods. The main research method was the documents of the Uvarov family foundation from the State Archive of the Vladimir region. The verbal reports of the III State Duma and the periodical press are involved. With the help of biographical and specific problem methods, a micro-analysis of the political views of the deputy of the III State Duma, Count A. A. Uvarov, was carried out.

Results and discussion. There are no studies of the political activity of A. A. Uvarov in the historical literature. Reference books and general works contain brief biographical information and individual facts of the count's activities in the Saratov province, as well as his speeches at Duma sessions. Modern literature does not reflect such important characteristics as A. A. Uvarov's ideas about the relationship between crown structures and zemstvo institutions, individual rights, and options for solving the agrarian issue. The article attempts to reconstruct the political portrait of one of the representatives of the Russian liberalism based on the generalization of data from a number of sources.

Conclusion. A.A. Uvarov's political ideas reflected his era — the situation of a national crisis in which society was looking for ways to transform. The Count was opposed to radical transformations. In the conditions of a long confrontation between the government and the liberal public, when both sides stopped listening to each other, he tried to promote the search for a compromise through the Duma rostrum.

Keywords: Russia of the late XIX — early XX centuries, State Duma, zemstvo, Russian liberalism, reform program, A. A. Uvarov

For citation: Kipriyanova NV. Political Portrait of Count Alexey Alekseevich Uvarov. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):57—72. EDN QHLLT

Введение

Алексей Алексеевич Уваров (1859 — 1913) — сын известных археологов, организаторов Московского археологического общества и археологических съездов — Алексея Сергеевича Уварова и Прасковьи Сергеевны Щербатовой, а также внук известного николаевского министра народного просвещения и создателя теории «официальной народности» Сергея Семеновича Уварова.

Данный представитель дворянского рода известен не только своей родословной, но и общественно-политической деятельностью. Он являлся членом партии «Союз 17 октября» и депутатом от Саратовской губернии в III Государственной думе (1907 — 1912 гг.).

В 1859 г. чета Уваровых (Алексей Сергеевич и Прасковья Сергеевна) совершали поездку по Европе с целью ознакомления с европейскими древностями. В ходе этого путешествия в Неаполе у них родился сын Алексей. Домашним обучением А. А. Уварова руководил выпускник Карлова университета филолог-славист И. И. Гавелка¹. С 1880 г. Алексей Алексеевич обучался на историко-филологическом факультете Московского университета, по окончании которого получил степень кандидата. Судьбе научного работника он предпочел карьеру государственного служащего и политического деятеля, стал чиновником особых поручений при Варшавском генерал-губернаторе И. В. Гурко².

В 1890 г. обширные владения А. С. и П. С. Уваровых были разделены между наследниками. Вероятно, данный факт повлиял на решение Алексея Алексеевича о выходе в отставку. Он получил в наследство земли в Московской и Пензенской губерниях, а также крупное поместье в Саратовской губернии. По свидетельству «Историко-статистического описания селений Вольского уезда Саратовской губернии», размер владений графа приближался к 19 тыс. десятин [9, с. 26].

Материалы и методы

Основным источником исследования послужили документы семейного фонда Уваровых из Государственного архива Владимирской области³. Кроме того, были привлечены стенографические отчеты III Государственной думы и материалы периодической печати. С помощью биографического и конкретно-проблемного методов был проведен микроанализ политических взглядов депутата III Государственной думы графа А. А. Уварова.

Обзор литературы

Специальных исследований, посвященных политической деятельности А. А. Уварова, ни в дореволюционной, ни в современной литературе нет. В общих работах по истории земств, о российском парламентаризме упоминаются отдельные факты биографии графа и приводятся некоторые его высказывания. Так, Б. Б. Веселовский в исторической справке о деятельности Саратовского земства отрицательно отзывался об Алексее Алексеевиче, противопоставляя его председателю управы Н. Н. Львову [4, с. 385 — 386]. В результате некоего «полевления» под влиянием А. А. Уварова Саратовское земство обратилось с просьбой к губернскому предводителю дворянства «представить Его Величеству о необходимости немедленного предоставления населению прав гражданской свободы» [3, с. 615]. Широко известна дуэль графа с А. И. Гучковым, подробно рассмотренная А. А. Ивановым [7, с. 246 — 296].

Результаты исследования и их обсуждение

Наличие крупного поместья позволило А. А. Уварову подать прошение о причислении его к саратовскому дворянству. Активное погружение в хозяйственные проблемы, необходимость постоянного контроля своей «экономии» сразу выявили

¹ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 54 — 55, 89 — 90.

² Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве: заседания 1 — 15 июня 1907 г. М., 1907. С. 117.

³ ГА ВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 631. Оп. 1 «Уваровы — графы, владельцы Карачаровского имения Муромского уезда Владимирской губернии».

в социальных и аграрных отношениях «узкие места», возникшие после отмены крепостного права и проведения земской реформы. Именно со времени отставки графа можно говорить о становлении его как общественного деятеля. Он был председателем Вольской уездной земской управы, избирался гласным Саратовского губернского земского собрания, с 1892 г. являлся почетным мировым судьей по Вольскому уезду, гласным Саратовской городской думы. Состоял председателем ревизионной комиссии Саратовского губернского земства⁴. В целом устройству земских дел в губернии он посвятил около двадцати лет.

Политическая активность графа начала проявляться практически сразу по его обоснованию в имении. В 1891 — 1892 гг. районы Поволжья были охвачены голодом. В ноябре 1891 г. при Министерстве Внутренних дел был образован «Особый комитет наследника цесаревича Николая Александровича» (официально — «Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая»). Комитет занимался предоставлением различного вида благотворительной помощи нуждающимся. По мнению А. А. Уварова, ссуда — денежная или зерном — это лишь временная мера. Следовало устранить саму проблему, которая состояла в нерациональном хозяйствовании. Эти соображения граф решил изложить в специальном письме на имя наследника престола. Суть предложений — жизненная потребность «облесения нашего чудного чернозема» и проведение широких мелиорационных работ, которые избавили бы Вольский уезд «от будущих засух и неурожая». Граф подчеркивал, что земство Вольского уезда «принимает на себя смелость» просить значительных ассигнований, которые не пройдут «бесследно, как помощь голодающим хлебом»⁵. Слово «смелость» было вполне уместным. Предложения, выдвинутые в письме, были шире, чем мероприятия, проводимые Особым комитетом, и могли восприниматься как косвенная критика наследника престола.

А. А. Уваров активно участвовал во многих мероприятиях: занимался оценкой города Камышина, проводимой Саратовским губернским земством в 1902 г., был членом комиссии Саратовской губернской земской управы по оценке городского имущества⁶; проверял состояние финансовых и хозяйственных дел саратовской городской больницы⁷; участвовал в заседании Редакционной комиссии по статистике Саратовского губернского земского собрания⁸ и даже вел переписку с акционерным обществом «Лионский кредит» о приобретении акций для Саратовской городской думы⁹.

Вероятно, в то время А. А. Уваров начал сочинять свой труд «Земское дело»¹⁰. Записка так и осталась незавершенной, но некоторые ее положения стали основой для последующих предложений графа. В 1903 г., являясь председателем Комиссии по земскому избирательному цензу, Алексей Алексеевич в докладе перед Саратов-

⁴ 3-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. СПб., 1910. С. 117.

⁵ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1165. Л. 6 — 6 об.

⁶ Там же. Д. 1141.

⁷ Там же. Д. 1143.

⁸ Там же. Д. 1151.

⁹ Там же. Д. 1142.

¹⁰ Там же. Д. 1153.

ским губернским земским собранием обратил внимание на необходимость участия в выборах «мелких землевладельцев» и сельских обществ. Мотив «мелких землевладельцев» стал одним из основных в последующих политических предложениях А. А. Уварова.

В ноябре 1904 г. в Санкт-Петербурге проходило Частное совещание земских деятелей. Итогом совещания стало принятие резолюции не только по земским, но и общеполитическим вопросам жизни страны. Отметив «ненормальность» государственного управления, члены совещания выдвинули предложения об обеспечении «правильного участия в законодательстве народного представительства», устранении административного произвола, неприкосновенности личности и частного жилища, уравнивании крестьян в личных правах с другими сословиями, установлении свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, свободы собраний и съездов. Кроме того, было предложено, чтобы земское представительство не базировалось на сословных началах, чтобы «к участию в земском и городском самоуправлении были привлечены... все наличные силы местного населения» [1, с. 221 — 224]. Формулировки положений о свободе слова, совести и вероисповедания, свободе собраний и съездов, уравнивании гражданских и политических прав резолюции почти дословно совпадали с запиской А. А. Уварова.

Активная деятельность графа в качестве политика общероссийского масштаба началась после опубликования Манифеста от 17 октября 1905 года. Первоначально А. А. Уваров принадлежал к Саратовской партии «Союз землевладельцев монархистов-конституционалистов». Это одна из провинциальных общественно-политических организаций, возникших под влиянием обсуждавшихся в Москве с 1906 г. (по инициативе А. Г. Щербатова, председателя Союза русских людей) проблем взаимоотношений помещиков и крестьян с целью смягчения противоречий между ними. Для Саратовской губернии, где борьба крестьян за землю приобрела широкие масштабы, этот вопрос был исключительно важен. Следует учесть, что одним из видных деятелей земства и крупнейшим землевладельцем Саратовской губернии был Н. Н. Львов, а Саратовским губернатором — П. А. Столыпин (до 1906 г.) Их позиция, безусловно, оказала влияние на общественно-политический фон в губернии. В марте 1906 г. под председательством А. А. Уварова состоялся губернский съезд мелких землевладельцев¹¹.

Документы семейного фонда Уваровых в ГА ВО отражают этап, когда А. А. Уваров стал членом «Союза землевладельцев монархистов-конституционалистов», но еще не примкнул к «Союзу 17 октября». В ноябре 1905 г. Алексей Алексеевич получил приглашение на объединительное совещание монархистов Саратовской губернии. Автор присланной ему записки (к сожалению, он не установлен) сообщал, что разочаровался в попытках найти сторонников в Петербурге, и предлагал А. А. Уварову объединить единомышленников-монархистов в Саратовской губернии. Судя по содержанию, автору были известны монархические предпочтения графа: «Зная Ваши политические убеждения, смею рассчитывать на Ваше горячее сочувствие и содействие». Возможно, это извещение стало первым шагом к образованию вышеназван-

¹¹ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1042. Л. 1.

ного «Союза»¹². В то время организаторы «Союза 17 октября» предлагали А. А. Уварову примкнуть к партии. В личном архиве графа сохранились воззвания 1905 г. с изложением политической программы «Союза 17 октября»¹³ и листовки с призывом к жителям Москвы о прекращении Декабрьского вооруженного восстания¹⁴.

«Союз землевладельцев монархистов-конституционалистов» официально был оформлен весной — летом 1906 г. [10, с. 36 — 37]. А. А. Уваров принимал непосредственное участие в его создании. 21 апреля 1906 г. он обратился к П. А. Столыпину (тогда еще саратовскому губернатору), предполагая заручиться его поддержкой в утверждении Устава партии. Ответ был неожиданно резким, практически равным отказу: губернатор вернул проект и потребовал подать заявление согласно Высочайшему Указу Сенату от 4 марта 1906 года¹⁵.

О монархических убеждениях А. А. Уварова свидетельствуют документы, связанные с выборами в I Государственную думу. Прежде всего это воззвания к избирателям Вольского уезда Саратовской губернии и города Саратова, а также к саратовскому дворянству.

В обращении к жителям Саратова А. А. Уваров заявлял: «Я принадлежу к партии монархистов-конституционалистов». В этом выступлении политические убеждения были сформулированы предельно откровенно: 1. Манифест 17 Октября — это «верный залог светлого будущего нашей дорогой родины»; 2. «Нашему Возлюбленному Царю, с широкою помощью народных представителей удастся двинуть Россию на новый путь процветания и могущества»; 3. «Отрицаю всякую мысль о возможности какого-либо нарушения единства России». Далее граф призывал избирателей г. Саратова выдвигать в «выборщики только тех людей, которые открыто и честно» обещали послать в члены Государственной думы «стойкого убежденного защитника единой России под знаменами Русского Царя»¹⁶.

Выступал А. А. Уваров и перед дворянами Саратовской губернии. Он полагал, что проблемы России — от бюрократии, которая «является главной и чуть ли не единственной причиной всех наших несчастий». Его программа, возможно, позволила бы справиться с бюрократическими препонами. А. А. Уваров предлагал ввести в Государственный совет избранных представителей сословий и общественных учреждений; сократить казенные выплаты Синоду; земства должны активно принимать участие в жизни государства.

Обращение А. А. Уварова к мещанам г. Вольска свидетельствует, что граф искал поддержку среди различных сословий российского общества. Он призывал не голосовать за тех кандидатов, которые обещают «хлопотать о Польше, Финляндии, о равноправии евреев и других инородцев», но не о нуждах мещан Вольска¹⁷.

К избирателям от Вольского уезда А. А. Уваров обращался с более широкой политической программой. Начал граф с болезненного аграрного («крестьянского»)

¹² ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1038. Л. 1 — 2.

¹³ Там же. Д. 1054.

¹⁴ Там же. Д. 1056, 1057, 1059, 1061.

¹⁵ Там же. Д. 1330. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 1041. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 5.

вопроса. Он отмечал, что увеличение площади крестьянского землевладения не всегда возможно за счет льготных правил для выдачи ссуд на покупку земли¹⁸ и допускал применение «несимпатичной» меры, принудительное отчуждение частных владений, конечно, «по безобидной для землевладельцев цене». Кроме того, по его мнению, Государственная дума должна заняться льготным переселением малоземельных крестьян на свободные государственные земли, переустройством Крестьянского поземельного банка, а также развитием крестьянских промыслов¹⁹.

Вторым пунктом его программы были предложения по развитию народного образования. Здесь также делался упор на роль земств. Низшее звено образования должно быть в ведении общественных учреждений. Министерство народного просвещения может лишь устанавливать программы обучения. Среднее звено следовало реформировать также при участии общественных учреждений. Университеты должны пользоваться полной автономией. Особое внимание Алексей Алексеевич уделял именно высшим учебным заведениям: Государственная дума должна принять «нужные меры, чтобы сделать наши высшие образовательные учреждения действительно храмами науки и изгнать оттуда всякую политику; пусть наша молодежь прежде всего учится, готовится к будущей жизни и совершенно откажется... от всякой политической роли»²⁰.

Третий пункт программы А. А. Уварова посвящен административной и судебной реформам. В судебной системе необходимо введение низшего бессловного суда, равенства перед законом всех сословий, а также восстановление института выборных мировых судей вместо земских начальников. Отдельно отмечалась необходимость расширения гласности судебного производства и компетенций суда присяжных. По отношению к административной реформе у графа было всего два требования: установление быстрого и общедоступного способа обжалования действий административной власти, а также невыполнимое в условиях Российской империи требование «уничтожения тягостной волокиты... административных учреждений».

Небольшим четвертым пунктом стало предложение достойного обеспечения приходского духовенства вне зависимости от обстоятельств.

Пятый пункт касался местного самоуправления. Следовало увеличить самостоятельность органов местного самоуправления по отношению к местной администрации, особенно в экономических вопросах, и было бы вполне целесообразно уступить им часть средств косвенного налогообложения для удовлетворения потребности в денежных средствах.

Последним пунктом стал национальный вопрос: «Гордясь именем русского, желаю видеть Россию единою, могучей и сильной; поэтому ... всегда буду против особых автономий и привилегий покоренных областей»²¹.

Требования, изложенные А. А. Уваровым перед избирателями Вольского уезда, совпадали с программой «Союза землевладельцев — монархистов-конституционали-

¹⁸ Хрестоматия по истории СССР. 1861 — 1917: учеб. пособие. М., 1990. С. 337 — 338.

¹⁹ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1044. Л. 1, 6 об.

²⁰ Там же. Л. 1 об.

²¹ Там же.

стов». Сама программа в основных положениях была близка к программе «Союза 17 октября»²². Возможно, именно по этой причине «Союз землевладельцев монархистов-конституционалистов» и вошел в мае 1907 г. в состав партии октябристов²³.

А. А. Уварову не удалось стать депутатом I Государственной думы. Впоследствии в одном из выступлений он говорил, что «все более умеренные элементы» во время выборов в Государственную думу были оттеснены «силою угроз и нравственного насилия»²⁴.

Граф продолжал участвовать в земской работе, стремясь повысить роль земства в системе управления. В этом вопросе у него были влиятельные союзники, в частности, Д. А. Олсуфьев — член Государственного совета от земского собрания Саратовской губернии и одновременно руководитель саратовского отдела «Союза 17 октября». В 1907 г. по инициативе А. А. Уварова и Д. А. Олсуфьева саратовское земское собрание предложило передавать земствам на предварительное рассмотрение все правительственные законопроекты, касающиеся устройства земских учреждений [4, с. 80].

К Первому Всероссийскому съезду земских деятелей в 1907 г. политические взгляды А. А. Уварова сложились окончательно, появились и новые идеи. Прежде всего совершенно определенно прозвучало требование: «Земство должно быть безусловным, или, вернее, всесловным...». Граф неоднократно подчеркивал, что необходимо создать единый «класс» землевладельцев «для защиты принципа земельной собственности». «В этом решительно нет никакого преступления, что бы ни говорили разные „товарищи“». Недопустимо, чтобы представители второй курии говорили: «Это выбирают крупные землевладельцы — бары, а это — мы». «Полосы разделения» внутри класса землевладельцев быть не должно²⁵.

Второй сформировавшейся идеей в политической программе А. А. Уварова был вопрос о привлечении к работе в земствах женщин. Разумеется, речь шла не о крестьянках. Некоторые дворянские имения по разным причинам управлялись женщинами. Они также являлись земельными собственниками, поэтому их можно было бы привлечь «пока только с активным правом избирать». По мнению графа, Россия могла бы «сделать этот шаг раньше Запада», к тому же «присутствие женщин окажет благотворное и облагораживающее влияние на земское дело»²⁶. Ставился вопрос и об участии в выборах евреев.

После роспуска I Государственной думы А. А. Уваров пытался попасть во II Государственную думу. К тому времени относится его предложение П. А. Столыпину — Председателю Совета министров, — внести некую «пропорциональность» в народное представительство, выбирать представителей в Думу самостоятельно от каждой курии (крестьян, землевладельцев, горожан, рабочих)²⁷.

²² Полный сборник платформ всех русских политических партий: с прил. высочайшего манифеста 17 окт. 1905 г. и всеподданнейшего докл. графа Витте. СПб., 1906. С. 93.

²³ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1111.

²⁴ Там же. Д. 1045. Л. 2 об.

²⁵ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей... С. 156.

²⁶ Там же. С. 232.

²⁷ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1049. Л. 5.

Итоги встречи А. А. Уварова с П. А. Столыпиным были не слишком благоприятными. Председатель Совета министров передал графу, что император высказал «непреклонную волю ни в чем не отступать от дарованных им основных законов», поэтому исправление выборных законов возможно лишь «в инструкционном порядке». Некоторые поправки — 1) об ограничении участия в выборах крестьян, владеющих землей в рамках общины, а не на правах частной собственности; 2) об исключении из состава уполномоченных лиц, не владеющих недвижимым имуществом (что устранило из крестьянских депутатов самые радикальные элементы); 3) об усовершенствовании структуры избирательных участков в городах и сокращении представительства от рабочих — были учтены на выборах²⁸. Это позволило провести лояльных к власти депутатов, но все равно не спасло II Государственную думу от судьбы своей предшественницы. Она была распущена 3 июня 1907 г., а избирательный закон был изменен.

Неудачи с выборами не остановили А. А. Уварова. Он продолжал работать над изменениями «всего земского положения». Граф был принципиальным противником «четырёххвостки» — выборов на основе прямого, равного, тайного и общего голосования²⁹.

В 1907 г. по списку от Съезда землевладельцев Саратовской губернии вместе с А. Ф. Керенским, Н. Н. Львовым и другими известными в губернии деятелями А. А. Уваров стал депутатом III Государственной думы.

15 ноября 1907 г. А. А. Уваров был избран членом постоянной думской Бюджетной комиссии и ряда временных комиссий³⁰. Вероятно, с учетом опыта службы при Варшавском генерал-губернаторе графу было поручено рассмотрение законопроекта «О преобразовании управления городов в губерниях Царства Польского»³¹.

Деятельность Алексея Алексеевича в Думе была весьма активной и разнообразной. В основном она касалась тех вопросов, которые были озвучены в предвыборной программе. Граф подписал шесть законодательных предположений, в том числе об изменении избирательного закона и «вспомоществовании» пострадавшим от революции, внес предложения по вопросам ассигнований на продовольственную помощь и на развитие народного образования. Не изменилась точка зрения по поводу «облесения» Саратовской губернии, в связи с чем были сделаны дополнения по смете Лесного департамента. Кроме того, А. А. Уваров считал полезным предоставление кредита на «воспособление» виноградарству и виноделию³². Отдельное выступление касалось проблемы строительства Черноморского флота. Уваров отмечал, что ту-

²⁸ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1063. Л. 1 об. — 3.

²⁹ Там же. Д. 1040. Л. 1 — 2.

³⁰ Продовольственной; по наказу; по выработке проекта всеподданейшего адреса Государю Императору; для выработки законопроекта об изменении действующего законодательства о крестьянах в отношении взимания и отправления натуральных и земельных повинностей. (Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (Части I — III). Третий созыв. Сессия I. 1907 — 1908 гг. СПб., 1908. С. 27, 30, 32. 39 — 40.

³¹ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1105.

³² Государственная Дума. С. 278.

рецкие суда, построенные с помощью Германии, превосходят русские по боеспособности. Следовательно, необходимо было увеличить расходы Морского министерства по данной статье³³.

Небольшие изменения произошли в позиции по национальному вопросу. При обсуждении статуса Финляндии в составе Российской империи А. А. Уваров настаивал на сохранении автономных прав, «отноудь не должна быть нарушена, одним словом, финляндская конституция»³⁴.

В фонде Уваровых сохранились газеты, позволяющие представить деятельность депутата Государственной думы в публичном пространстве и оценить отношение населения к этой деятельности.

Так, в газете «Утро России» (сент. 1907 г. Вып. 206) А. А. Уваров вновь предлагал привлекать людей к работам по обводнению и орошению пострадавших от недорода районов в 1906 — 1907 гг. Следует отметить, что идея «общественных работ» не осталась без ответа со стороны правительства. Еще в 1901 г. специальный циркуляр, предлагал заблаговременно составлять план проведения общественных работ. Однако земства восприняли эту идею настороженно. «Саратовская земская неделя» опубликовала мнение противников данной инициативы вследствие «скромности» земских бюджетов. Тем не менее в 1906 г. Саратовское губернское земство получило от государства 1 млн 240 тыс. безвозвратной ссуды, которую использовали для проведения работ по улучшению дорог в Хвалынском, Саратовском и Вольском уездах [2, с. 355 — 356]. Нежелание правительства заняться «облесением и обводнением» А. А. Уваров называл «упрямством»³⁵.

Вследствие постоянно повторяющихся неурожаев правительство П. А. Столыпина приняло решение полностью переложить на земства заботу о снабжении населения продовольствием в критических ситуациях. В 1910 г. земства обсуждали разработанные Министерством внутренних дел проекты закона «О мерах помощи населению в случае неурожая» и «Продовольственного устава». Представители земств не возражали по своему участию в решении проблемы, но выразили протест по поводу полного отстранения государственных органов от ответственности в данном процессе. На очередном Саратовском губернском земском собрании А. А. Уваров назвал такое отношение центральной власти к продовольственной проблеме «государственной ересью» [6, с. 130].

В ноябрьских номерах 1908 г. «Биржевых ведомостей» и «Петербургского листка» были опубликованы статьи, проливавшие свет на причину выхода графа из фракции «Союза 17 октября». На первый взгляд ситуация выглядела совершенно банальной и касалась действий епископа Саратовского и Царицынского Гермогена.

Гермоген (Долганёв или Долганов) — один из самых противоречивых архиереев начала XX в. Он был известен как убежденный монархист, миссионер, активный борец с сектантами и старообрядцами. Неприятие старообрядчества дошло до того, что епископ, являясь одним из организаторов отделения Союза русского народа в Саратове, предал анафеме членов саратовского отделения за то, что в Союз

³³ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1145. Л. 16 — 24.

³⁴ Там же. Д. 1048. Л. 2 об.

³⁵ Там же. Д. 1047. Л. 1.

принимали старообрядцев. В период его руководства Саратовской епархией было построено около пятидесяти храмов, основано четыре монастыря, открыто множество церковно-приходских школ. В то же время властность и жестокость Гермогена вызывали протесты. Было множество претензий и по финансовым злоупотреблениям, и по неисполнению указов Святейшего синода. Архиепией решительно выступал против вмешательства государственных чиновников в деятельность Церкви. В конечном счете возник конфликт между Гермогеном и саратовским губернатором С. С. Татищевым. Конфликт стал явным свидетельством кризисных явлений, которые были вызваны революционными событиями и последующим реформированием государственного и церковного управления. В предшествующие десятилетия, «жестко подчиняясь по вертикали вышестоящим властям на имперском уровне, светские и духовные органы на местах были практически независимы друг от друга, имели четко очерченный функционал», что исключало случаи подобного противостояния [11, с. 78]. Являясь первоначально приверженцем Г. Распутина, епископ начал критиковать «блудливого старца» (в этом Уваров был вполне согласен с Гермогеном)³⁶.

По совокупности всех этих инцидентов А. А. Уваров и решил направить запрос правительству о неправомерных действиях архиепископа. В это время граф получил письмо от царичинского уездного предводителя дворянства: «Уверен, что ты своей энергией достигнешь благоприятнейших результатов и этого Ирода уберут наконец». Далее автор письма перечислял злоупотребления епископа: жадность, воровство, обирание приходов, что привело к падению авторитета православного духовенства³⁷.

Общественность Саратовской губернии приветствовала деятельность графа, а фракция октябристов этот запрос поддержать отказалась [7, с. 253]. Скорее всего, были и еще какие-то противоречия с однопартийцами, но с 3-й сессии Думы (октябрь 1909 г.) граф уже был беспартийным, а с 5-й сессии (октябрь 1911 г.) примкнул к фракции прогрессистов.

К периоду деятельности А. А. Уварова в Государственной думе относятся письма с просьбами решить какую-либо местную проблему посредством подачи запроса в Думу.

«Представители трудового населения г. Царицына Саратовской губернии» просили Алексея Алексеевича поддержать законопроект об ограничении пьянства путем ликвидации «злоупотреблений продажей казенного вина»³⁸. После трех обсуждений 16 ноября 1911 г. законопроект был одобрен и передан в Государственный совет. Там его рассмотрение затянулось до 1914 г., когда после начала Первой мировой войны и введения «сухого закона» он потерял актуальность [12, с. 209 — 210].

Саратовский городской голова В. А. Коробков в письме от 12 февраля 1911 г. просил поспособствовать в продвижении ходатайства о внесении законопроекта об основании Государственного банка для долгосрочного кредита городам. С этим

³⁶ Мраморнов А. И. Ермоген (Долганёв), сщмч. // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 654 — 658.

³⁷ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1331. Л. 1 — 3.

³⁸ Там же. Д. 1121. Л. 5 — 5 об.

вопросом В. А. Коробков обращался в Государственную думу еще в 1908 г.³⁹ Законопроект был поддержан, и в 1912 г. вышел закон «Об издании нового положения о городских общественных банках».

Несколько неожиданно обращение к графу Комитета санатория г. Ялта и Общества русских врачей с просьбой оказать помощь санаторию, которому не хватало помещений, рентгеновского аппарата и пожарного насоса на случай чрезвычайной ситуации. Авторы письма просили «замолвить в Государственной Думе словечко о нашем санатории»⁴⁰. Данная просьба была также направлена члену Государственного совета графу Д. А. Олсуфьеву, саратовскому губернскому предводителю дворянства и члену Государственного совета В. Н. Ознобишину и члену Государственной думы самарскому крестьянину-предпринимателю М. Д. Чельшову. Последний, кстати, получил широкую известность своей борьбой «за трезвость и народное здравие» [8, с. 87 — 88].

Дополнительным штрихом к политическому портрету А. А. Уварова можно считать его переписку с крестьянами Киевской губернии и министром народного просвещения по вопросу исключения крестьянских детей из земских школ.

История началась с письма крестьян с. Овсяники от 11 декабря 1910 г. Крестьяне сообщали, что сельское общество на собственные средства построило земскую школу. Дети крестьян, учившиеся ранее в церковно-приходских заведениях, были зачислены в качестве учеников в новую школу. Однако вскоре всех, ранее обучавшихся в церковно-приходских школах, исключили по указанию Попечителя учебного округа. Оказывается, архиерей «написал попечителю обидную бумагу, что земские школы забрали всех учеников из церковных школ». Крестьяне решили написать графу: «Мы слезно просим Вас, чтобы Вы заявили это всей Думе и просили Думу, чтобы разрешила нашим детям опять учиться в земской школе».

От А. А. Уварова последовал вполне логичный вопрос: почему обращение последовало к нему, а не к депутату от Киевской губернии от «Союза 17 октября» священнику А. Л. Трегубову? В ответном письме крестьяне объяснили, что депутатов от Киевской губернии они не знают, а к Трегубову обратиться не решались, так как духовенство относится недружелюбно к земским школам. К графу же они обратились по причине того, что читали его речь в газете по школьному вопросу и «заклучили, что в лице Вашем найдем себе заступника»⁴¹. В итоге А. А. Уваров написал письмо министру народного просвещения Л. А. Кассо и задал прямой вопрос: «Не признаете ли Вы, Ваше Высокопревосходительство... законным право каждого родителя определять своих детей в ту школу, какую он хочет?». После некоторой заминки от Министерства последовало разъяснение, что оно «не усматривает оснований к отказам в приеме в земские школы... детей, родители которых заявляют о желании обучать их именно в земских школах». Таким образом, благодаря А. А. Уварову, недоразумение разрешилось в пользу крестьян⁴².

³⁹ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1105. Л. 15 — 15 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1121. Л. 3.

⁴¹ Там же. Д. 1123. Л. 3 об. — 5.

⁴² Там же. Л. 3 об. — 6.

В калейдоскопе больших и малых вопросов, которые приходилось решать А. А. Уварову, основными оставались роль земств в системе управления и проблема земельной собственности, гражданских прав для крестьянского населения⁴³.

В одном из выступлений о необходимости сохранения частного землевладения, граф провел параллель между событиями 1905 г. в Саратовской губернии и восстанием Е. И. Пугачева⁴⁴. Сравнение было не случайным — именно в Саратовской губернии в 1905 г. были наиболее многочисленные ожесточенные выступления [5, с. 117]. Граф утверждал, что требование передачи частновладельческих земель крестьянам крайне опасно «для дальнейшего существования самого государства». А. А. Уваров обращался к мелким и средним землевладельцам: «Если у Вас есть малейшая возможность, не продавайте ваших имений. Пусть владельцы латифундий продают соседним крестьянам избытки своих огромных земельных участков»⁴⁵.

В призыве любой ценой сохранить частную собственность на землю явно прослеживалось стремление защитить дворянские имения. Объединение «в одной упряжке» помещиков и крестьян-собственников земли было невозможно. Смысл этих призывов был иным. Мелкие землевладельцы — новая социальная база верховной власти, это «консервативный элемент, та опора, на которую в ближайшем будущем должно опереться правительство, если хочет продолжать свое существование». А. А. Уваров прекрасно понимал, что «этот класс, прочувствовавший, сколько пота и крови стоят 100 или 50 десятин, будет защищать их крепче, чем мы наши тысячи десятин, полученные по наследству»⁴⁶.

Личность графа А. А. Уварова вызывала неоднозначную реакцию окружающих. На заседаниях Государственной думы он 36 раз прерывал ораторов, в том числе — по 3 — 4 раза за одно выступление. В протоколах заседаний Думы зафиксировано, что председатель 8 раз делал ему замечания. Суждения графа часто бывали достаточно резкими, что вызывало критику⁴⁷.

Вероятно, эта резкость послужила основой для нескольких конфликтов, обсуждавшихся публично. В ряде газет, датированных 22 — 23 мая 1910 г. («Утро России» «Биржевые ведомости», «Русское утро», «Копейка», «Русское слово», «Новая столичная газета»), появились сообщения о возможной дуэли А. А. Уварова и Н. Е. Маркова. Причиной дуэли назывались обвинения последнего в адрес графа. Н. Е. Марков утверждал, что А. А. Уваров, будучи еще чиновником особых поручений при Варшавском генерал-губернаторе, заведовал «черным кабинетом» и занимался перлюстрацией писем. Дуэль не состоялась, не последовало даже вызова, но слухи упорно обсуждались. Еще один не дошедший до дуэли конфликт был у А. А. Уварова с В. М. Пуришкевичем [7, с. 246 — 297, 336 — 338].

17 ноября 1909 г. состоялась дуэль А. А. Уварова с лидером партии «Союз 17 октября» А. И. Гучковым. Поводом послужили две заметки в газетах от 20 октября 1909 г. «Новая Русь» и «Речь», передававшие разговор А. А. Уварова с П. А. Столы-

⁴³ ГА ВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 1053. Л. 1 — 1 об.

⁴⁴ Там же. Д. 1045. Л. 1 — 2 об.

⁴⁵ Там же. Л. 2 об. — 5 об.

⁴⁶ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей... С. 156.

⁴⁷ Государственная Дума. С. 279.

пиным. В ходе беседы председатель Совета министров якобы высказал негодование по поводу «полевения» октябристов. Данная статья привела в гнев лидера партии — А. И. Гучкова, который открыто заявил в Думе, что все, что говорил граф, «наглая ложь». Обвинение во лжи — это явное оскорбление для дворянина, тем более, что последовало оно от человека ниже графа по происхождению. Следует отметить, сообщения в газетах, послужившие формальным поводом к дуэли, не являлись ее непосредственной причиной. Конфликт между А. А. Уваровым и А. И. Гучковым зрел достаточно долго. Лидера октябристов раздражало, что рядовой член партии, а с 1908 г. беспартийный граф А. А. Уваров мог напрямую общаться с П. А. Столыпиным.

А. А. Уваров сначала пытался решить конфликт с помощью третейского суда и избежать дуэли. Гучков отказался. Стрелялись дуэлянты с расстояния 25 шагов. В ходе дуэли граф был легко ранен в плечо. Это была единственная «кровавая» дуэль между депутатами. Сам А. А. Уваров выстрелил в воздух, что по правилам поединка демонстрировало пренебрежение к противнику и означало непричастность к обвинениям. В итоге А. И. Гучков был наказан четырехнедельным заключением в крепости, а А. А. Уваров — двумя неделями гауптвахты. Лидер октябристов отбыл всего неделю наказания, так как в феврале 1910 г. был избран Председателем Государственной думы. Исследователи полагают, что парламентарии быстро поняли, что для публичного политика все, что не некролог — то реклама [7, с. 256 — 257, 264 — 266, 272 — 276, 293 — 295].

Вопреки распространенному мнению, что дуэль между А. И. Гучковым и А. А. Уваровым стала итогом политической деятельности последнего, отметим, что граф проработал в Государственной думе до конца ее срока. В IV Думу граф не избирался.

Заключение

Политические представления А. А. Уварова можно рассматривать как либеральные, умеренно-оппозиционные. В России, где подавляющая часть населения была связана с земледелием, любой вопрос в конечном счете превращался в вопрос о земле и положении крестьян, уничтожении сословных перегородок. Создание единого «класса» землевладельцев из крестьян и дворян было утопией, но установление толерантных отношений между «барами» и «мужиками» было необходимо, и Уваров пытался этого достичь в силу своего понимания проблемы.

Граф вполне ожидаемо был противником революционных выступлений. Противостояние бюрократии и либеральной общественности привело к утрате умения обеих сторон слышать друг друга, искать компромисс. А. А. Уваров относился к тем представителям земского движения, которые прочно стояли на монархических позициях и в то же время считали необходимым активно развивать местное самоуправление. Такое соединение, по их мнению, не противоречило кардинальным принципам монархии и даже помогало укреплению «исторической» власти. Не надо все ломать, а потом строить заново. Просто следует двигаться медленно в направлении постепенного совершенствования существующих институтов.

В политических представлениях А. А. Уварова во всей полноте отразилась современная ему эпоха — обстановка общенационального кризиса, в котором общество искало пути к конституционным преобразованиям.

А. А. Уваров умер 6 октября 1913 г. в своем имении в с. Черкасское Вольского уезда Саратовской губернии⁴⁸.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белокопский И. П. Земское движение / 2-е изд. М.: [Тип. Г. Лиснера и Д. Собко], 1914. 399 с.
2. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: в 4 т. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. Т. 2. 703 с.
3. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: в 4 т. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. Т. 3. 708 с.
4. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: в 4 т. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. Т. 4. 696 с.
5. Воронежцев А. В. «...И немедленные репрессии»: усмирение Саратовской губернии в первую российскую революцию // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Саратов. гос. ун-т, 2018. Вып. 17. С. 117 — 143.
6. Земское самоуправление в России. 1864 — 1918: в 2 кн. М.: Наука, 2005. Кн. 2. 384 с.
7. Иванов А. А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906 — 1917). СПб.: Владимир Даль, 2018. 635 с.
8. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / 2-е изд., испр. и доп. Самара: ООО «Слово», 2020. Т. 2. 480 с.
9. Киприянова Н. В. Модернизация дворянского хозяйства в пореформенный период (по материалам Саратовской вотчины А. А. Уварова) // Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (25 — 26 мая 2023 г.). Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2023. С. 25 — 28.
10. Куреньшев А. А. На пути к частной собственности на землю: Союз земельных собственников России // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 36 — 57.
11. Смирнов Ю. Н. Взаимодействие епархиального начальства с местной администрацией в новой Самарской губернии в 1850 — 1870-е годы: к вопросу о характере церковно-государственных отношений // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 1. С. 71 — 81.
12. Шевченко И. А. Антиалкогольный вопрос в Государственной думе России III созыва // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 12 (74): в 3 ч. Ч. 2. С. 207 — 211.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.

Информация об авторе:

Наталья Владимировна Киприянова, профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1265-1831>, natvlad50@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

⁴⁸ Кончина графа А. А. Уварова // Саратовский листок: Газета полит., обществ. и лит. 1913. 8 окт. № 218. С. 4.

REFERENCES

1. Belokonsky IP. Zemstvo movement. Moscow;1914. (In Russ.)
2. Veselovsky BB. The History of the Zemstvo for Forty Years. Petersburg;1909;2. (In Russ.)
3. Veselovsky BB. The History of the Zemstvo for Forty Years. St. Petersburg;1911;3. (In Russ.)
4. Veselovsky BB. The History of the Zemstvo for Forty Years. St. Petersburg;1911;4. (In Russ.)
5. Voronezhstsev AU. "...And Immediate Repressions": Pacification of Saratov Province in the First Russian Revolution. *History and Historical Memory*. Saratov;2018;(17):117—143. (In Russ.)
6. Zemstvo Self-government in Russia. 1864 — 1918. Moscow;2005;2. (In Russ.)
7. Ivanov AA. "A matter of honor": Deputies of the State Duma and Dueling Scandals (1906 — 1917). St. Petersburg;2018. (In Russ.)
8. The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present day. Samara;2020;2. (In Russ.)
9. Kipriyanova NV. Modernization of the Noble Economy in the Post-Reform Period (based on the Materials of the Saratov Patrimony of A. A. Uvarov). *Modernization of Culture: Dialogues about the past and Present in Science, Art, Education*. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. Samara;2023;25—28.
10. Kurenyshev AA. On the way to Private Ownership of Land. The Union of Landowners of Russia. *Questions of History*. 2002;(6):36—57. (In Russ.)
11. Smirnov YuN. Interaction of the Diocesan Authorities with the Local Administrations in the New Samara Province in the 1850s — 1870s: On the Question of the Nature of Church-State Relations. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2024;23(1):71—81. (In Russ.)
12. Shevchenko IA. Anti-Alcohol Issue in the State Duma of Russia of the III Convocation. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and art Criticism. Questions of Theory and Practice*. Tambov;2016;(12);2:207—211. (In Russ.)

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 09.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Information about the authors:

Natalia V. Kipriyanova, Professor of Department of History, Archeology and Local Lore of the Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (87 Gorky Str., Vladimir 600000, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1265-1831>, natvlad50@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 902/904
EDN SNSKPY

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНИ ВОСТОЧНОГО ЗАКАМЬЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в. (на примере деревни Шингальчи)

Р. Р. Исаков, Х. З. Багаутдинова✉

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия
✉halida12_61@mail.ru

Аннотация

Введение. Общество татар Волго-Уральского региона до начала XX в. было аграрным, поскольку основную часть населения составляли хлебопашцы. В связи с этим особое значение имеет история деревень. Через нее, через судьбы отдельных людей можно изучить общую историю народа. На примере татарской деревни Шингальчи мы попытались рассмотреть особенности хозяйственно-экономического развития татарского сельского населения в Мензелинском уезде Оренбургской/Уфимской губернии в XIX — начале XX в.

Материалы и методы. В ходе работы нами были задействованы методологические подходы, позволяющие комплексно рассмотреть и проанализировать социальные процессы, происходившие в татарской деревне Восточного Закамья в дореволюционный период. Источниковой базой исследования выступили архивные материалы из фондов Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Республики Татарстан и Национального архива Республика Башкортостан и опубликованные статистические и делопроизводственные материалы данного времени.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования проанализированы и рассмотрены важнейшие аспекты социально-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья в XIX — начале XX в. Отмечаются значительные изменения, происходившие в жизни татар-хлебопашцев в пореформенный период, связанные с переходом от натурального хозяйствования к товарно-денежным отношениям, а также нарастанием «земельного голода». Дается оценка роли неземледельческих занятий в жизни сельского населения данного региона.

Заключение. В XIX — начале XX в. татарская деревня Восточного Закамья сохраняла традиционный характер хозяйственной жизнедеятельности, адаптируясь к быстро меняющимся социально-экономическим условиям. Основой данной модели была опора на земледельческое производство при развитии отхожих промыслов.

Ключевые слова: Восточное Закамье, татарская деревня, социально-экономическое развитие, Уфимская губерния, д. Шингальчи

Для цитирования: Исаков Р. Р., Багаутдинова Х. З. Особенности хозяйственно-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья в XIX — начале XX в. (на примере деревни Шингальчи) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 73 — 86. EDN SNSKPY

Original article

FEATURES OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TATAR VILLAGE OF EASTERN TRANS-KAMYA IN THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY (Using the Example of the Village of Shingalchi)

R. R. Iskhakov, Kh. Z. Bagautdinova✉

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia

✉halida12_61@mail.ru

Abstract

Introduction. For the Tatars of the Volga-Ural region, whose society until the beginning of the twentieth century. Was agricultural, and about 90 % of the population were farmers; the history of the villages is of particular importance. In fact, the past of an individual village is a personalized cross-section of the general history of the people, by studying which you can learn many previously unknown pages, get acquainted with facts “from the inside,” through the fates of individual people who lived in a particular era. In this publication, using the example of a separate settlement — the village of Shingalchi, an attempt is made to consider the features of the economic development of the Tatar rural population of the Menzelinsky district of the Orenburg / Ufa province in the XIX — early XX centuries.

Materials and methods. The work used methodological approaches tested in modern Russian historiography, allowing for a comprehensive examination and analysis of the social processes that took place in the Tatar village of Eastern Trans-Kama in the pre-revolutionary period. The source base for the study was archival materials from the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts, the State Archive of the Republic of Tatarstan and the National Archive of the Republic of Bashkortostan, as well as published statistical and records materials of the time.

Results and discussion. In the course of the study, the most important aspects of the socio-economic development of the Tatar village of Eastern Trans-Kama in the XIX — early XX centuries were analyzed and considered. Significant changes are noted that took place in the life of Tatar farmers in the post-reform period, associated with the transition from subsistence farming to commodity-money relations, as well as the increase in “land hunger”. An assessment is made of the role of non-agricultural activities in the life of the rural population of this region.

Conclusion. In the XIX — beginning of the XX centuries. The Tatar village of Eastern Trans-Kama region maintained the traditional nature of economic activity, adapting to rapidly changing socio-economic conditions. The basis of this model was reliance on agricultural production with the development of waste industries.

Keywords: Eastern Trans-Kama region, Tatar village, socio-economic development, Ufa province, village of Shingalchi

For citation: Iskhakov RR, Bagautdinova KhZ. Features of the Economic Development of the Tatar Village of Eastern Trans-Kama in the XIX — Beginning of the XX Centuries (Using the Example of the Village of Shingalchi). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):73—86. EDN SNSKPY

Введение

Для татар Волго-Уральского региона, общество которых вплоть до начала XX в. являлось аграрным, а около 90 % населения были хлебопашцами, особое значение имеет история деревень. По сути, прошлое отдельной деревни представляет собой персонифицированный срез общей истории народа, изучая которую можно узнать множество неизвестных ранее страниц, познакомиться с фактами «изнутри», через

судьбы отдельных людей, проживавших в ту или иную эпоху. Для татар-хлебопашцев земля являлась главным достоянием и мерилем богатства, а земледелие — основным, а для большинства единственным занятием, от которого зависело их материальное благосостояние. В данной публикации на примере отдельного населенного пункта — татарской деревни Шингальчи — предпринята попытка рассмотреть особенности хозяйственно-экономического развития татарского сельского населения Мензелинского уезда Оренбургской/Уфимской губернии в XIX — начале XX в.

Обзор литературы

Тема социально-экономического развития татарской деревни Восточного Закамья дореволюционного периода в целом, и д. Шингальчи в частности, ранее специально не изучалась. Отдельные аспекты истории татарского сельского населения Мензелинского уезда затрагивались в обзорных работах, посвященных социально-экономической истории крестьян Уфимской губернии [2]¹, изучению истории татарских селений Актанышского края [3] и материальной культуры татар Волго-Уралья [4].

Материалы и методы

Основой для работы послужили опубликованные статистические и делопроизводственные материалы, а также разноплановые архивные документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ) и Национального архива Республика Башкортостан (НА РБ), а также опубликованные статистические и делопроизводственные материалы того времени.

В работе использовались апробированные в современной отечественной историографии методологические подходы, позволяющие рассмотреть и проанализировать социальные процессы, происходившие в татарской деревне Восточного Закамья в дореволюционный период. Основным научным методом исследования стал сравнительно-исторический, под которым понимается анализ исторических событий в развитии, во взаимосвязи причинно-следственных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате Генерального межевания, проведенного землемером Семеновым в 1802 г., земельные наделы д. Шингальчи вошли в состав Башкитляр-Кашаевской государственной дачи. В этой даче также состояли жители д. Клятле, Башкитляр-Кашаево, Ташлык и Биклянь. Всего в земельном фонде дачи числились 8 528 десятин 656 сажень земли. Из них в собственности поземельной общины д. Шингальчи — 2 054 десятины 960 сажень удобных и неудобных для занятия земледелием наделов, в том числе 60 десятин усадебной земли под хозяйственными и домашними постройками, а также огородами, 377 десятин использовались под сенокосы, 1 506 десятин находились под пашней². Такое положение в целом сохранялось вплоть до 1920-х гг.³

¹ Вехи челнинской истории: сб. док. по истории Набережных Челнов / сост. В. В. Ермаков. Набережные Челны, 1998. 125 с.

² НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2778.

³ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. Уфа, 1913. С. 27.

Основной зерновой культурой на полях была озимая рожь⁴. Возделывали также овес, пшеницу, полбу, гречиху, просо, горох, коноплю и лен. Например, в 1913 г. рожью было засеяно 343,73 десятины земли, овсом — 197,50, пшеницей — 0,07, полбой — 17,47, просом — 38,86, гречихой — 20,68, горохом — 1,43, льном — 41,81, каноплей — 26,02, «прочими хлебами» — 3,32 десятины⁵.

Землю крестьяне обрабатывали в основном сохой с двумя сошниками с железной шабалкой и деревянным отвалом, использовалась также рамная борона, часто с железными зубьями. Для обработки целинных земель применялся также тяжелый сабан. В связи с тем, что таких участков ко второй половине XIX в. практически не осталось, сабан постепенно вышел из употребления. Важным фактором, препятствовавшим использованию этого орудия труда, было сокращение поголовья рабочего скота — для обработки почвы сабаном требовалось запрягать 2 — 3 лошади, в то время как у большинства крестьян в хозяйствах имелось лишь по 1 лошади.

Землю вспахивали на глубину 3 — 4 вершка (13 — 17 см). Как правило, яровое поле запахивалось глубже. В конце XIX в. начала внедряться зяблевая вспашка ярового поля, т. е. обработка земли, предполагающая дальнейшее промораживание почвы, в результате которого погибают вредные объекты. «Парить» поля для посадки ярового хлеба начинали во второй половине июня, сеять с 1 августа. Рожь вспахивали дважды — до и после посева⁶. Обработка озимого поля состояла из одной вспашки и боронования. Ранний посев проводился с 20 по 25 апреля, поздний — с 1 по 10 мая. Озимые культуры собирали с конца августа до середины сентября. Часто молотьбу зерна осуществляли еще до полного высыхания зерна, а его сушку проводили баннным или печным способом. Для просеивания зерна применялись веялки [1, с. 29].

Для переработки зерна использовались водяные мельницы. Долгое время в оброчном владении шингальчинцев находились два таких мукомольных предприятия. Сведения о них мы находим в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» 1802 г.: «На речках Сабанка и Шингальчинки состоят по 2 мукомольных мельниц кой действие имеет во весь год кроме внешней воды и вымалывают в год 200 четвертей и более. Которая помолом довольствуются про дамашней расход»⁷.

Во второй половине XIX в. во владениях поземельной общины д. Шингальчи на р. Башкитлярке находилась одна водяная мельница. В конце 1880-х гг. ее арендовал крестьянин д. Ташлык Шагимардан Хасфуганов, за что он ежегодно уплачивал в пользу общины 10 руб. Мельница имела одну поставу, диаметр водяного колеса составлял 7 дюймов. Работала 6 месяцев году, имела производительность в 30 пудов зерна в сутки, т. е. за сезон изготавливала примерно 5 400 пудов муки. Особенностью этой мельницы было отсутствие искусственной плотины и запруды — она работала исключительно на основе естественного течения реки⁸. В начале XX в. мельница находилась в аренде у сына Шагимардана — Ильдархана Шагимарда-

⁴ ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 551. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

⁵ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 32.

⁶ Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. Уфа, 1889. С. 30.

⁷ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879. Л. 321.

⁸ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2222. Л. 119 об. — 220.

нова. Кроме того, на р. Шингальчинке была построена вторая водяная мельница на 1 поставе с доходностью 69 руб., арендованная Аюпом Шамсутдиновым⁹.

Также местные жители имели крупнообдирочные производства. В конце 1880-х гг. они арендовались Исламом и Мухаметшарипом Шамсутдиновыми, Ахунзяном Мухамадиевым¹⁰. В начале XX в. ими владели Зиннур Каримов (доход 22 руб.), Аюп Шамсутдинов (26 руб.), Шакир Мухамадиев (25 руб.), Ахунзян Мухамадиев¹¹.

Как и большинство татар-хлебопашцев, шингальчинцы почти не выращивали овощные культуры, предпочитая покупать их в русских селениях. До середины XIX в. жители деревни практически не выращивали картофель. Но во второй половине XIX в. эта культура довольно быстро завоевала популярность у крестьян. Картофелем засевали основную площадь приусадебных участков. Так, в 1913 г. общая площадь картофельных полей в деревне составляла 14,3 десятины¹².

Поля в д. Шингальчи находились на ровном возвышенном участке, благодаря чему их не заливала вода во время весеннего половодья. Почти вся почва была черноземная (89,5 %), небольшие участки покрывали суглинки. Чернозем имел в своем составе небольшое количество суглинков и песчаника. В связи с интенсивной сельскохозяйственной эксплуатацией и отсутствием удобрения почв ко второй половине XIX в. значительная часть пахотных наделов шингальчинцев была «выпахана» (т. е. произошло обеднение почвы), что в свою очередь привело к уменьшению урожайности¹³. Удобрение почв имело крайне ограниченный характер, что было связано с нехваткой рабочего скота и чересполосицей. Унавоживались в основном участки, прилегавшие к усадьбам. В конце XIX в. в Мензелинском уезде общая удобряемая площадь равнялась 13 тыс. десятин, что составляло всего около 8 % всей площади пара¹⁴.

Урожайность хлебов была относительно высокая. В 1910 г. рожью было засеяно 310 десятин пашни. В среднем с 1 десятины было получено 9 телег, или 45 пудов зерна (733,5 кг). Всего же было выращено 13 950 пудов ржаного хлеба (227 385 кг). Учитывая, что на 1 десятину необходимо было оставить по 9 пудов семян, жители получили 11 160 пудов (181 908 кг), которые могли использовать для собственного питания и продажи¹⁵. 1911 г. в Афанасовской волости, куда входила и д. Шингальчи, из-за холодной сухой весны и жаркого лета оказался неурожайным: по оценке местного волостного правления, большинство яровых посевов были в неудовлетворительном состоянии¹⁶.

Надо заметить, что средняя урожайность ржаного хлеба у шингальчинцев была выше, чем у крестьян соседних деревень. Так, в 1913 г. в среднем с 1 десятины

⁹ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 3. Д. 1. Л. 67 об. — 68.

¹⁰ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2223. Л. 64.

¹¹ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 3. Д. 1. Л. 67 об. — 70.

¹² Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 32.

¹³ Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. С. 30.

¹⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местным исследований 1896 года / под ред. С. Н. Велецкого. Уфа, 1899. С. 475.

¹⁵ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 47. Л. 176.

¹⁶ Там же. Л. 187 — 188.

они получили 96 пудов зерна, в то время как татары соседней деревни Ташлык только 40 пудов¹⁷.

Из незерновых культур особое значение имели лен и конопля. Эти культуры сеяли преимущественно для личных нужд: из конопляного семени готовили масло для себя, а часть льняного масла продавали на базаре в г. Елабуге. Конопляное волокно употребляли для изготовления возовых пологов, витя веревки и других домашних надобностей. Льняное же волокно преимущественно использовалось при изготовлении одежды. Своего значения данные сельскохозяйственные культуры не утратили и в начале XX в., когда кустарные изделия из льна и конопли повсеместно вытеснялись фабричными изделиями. По сведениям волостного старшины, в 1913 г. в Афанасовской волости коноплей были засеяны 190 десятин крестьянских земель, льном — 215, в 1914 г. под коноплю были отведены 173 десятины, под лен — 304¹⁸.

Важную роль в жизни шингальчинцев играло животноводство. Лошади предназначались для пахоты и транспортных работ. Крупный и мелкий рогатый скот служил источником продовольствия и сырья для кустарных ремесел. Скотоводство имело пастбищно-стойловый характер, с весны до осени домашний скот выпасался под присмотром пастухов. Пастбища находились на севере от деревни на холмистом участке. Скот пасли также на поле, находившемся под паром, и на юге от селения, на болотистом участке, непригодном для земледелия¹⁹. Согласно сельской переписи 1884 г., шингальчинцы владели 236 лошадьми, 215 коровами, 755 овцами, 59 козами²⁰.

Благоприятные условия для развития земледелия и животноводства создавало наличие большого количества рек и озер. Речные поймы использовались для выгона скота, на реках устраивались мельницы. Важную роль в пищевом рационе местных жителей играла рыба, изобильно водившаяся в водоемах. Для некоторых крестьян данное занятие имело характер промысла, приносящего неплохой доход. «Жители, водою довольствуются из... речек и ключей, — отмечалось в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию», — которая к употреблению людьми и скоту здоровы, а дачаю простирается на правую сторону речки Зая. Речка Шингалчинка по левую и по обе стороны речки Ташлыка, Башкитляра, Клетленки, Чирыкань ручьев Ембая семи безмянных и пяти оврагов безмянных. Река Зай шириною в двадцать сажень, глубиною один аршин, в ней рыба сомы, шуки, окуни, плотва и пискари. Означенные речки шириною в сажень, глубиною в самих мелких местах в три вершка. В них рыба пеструшка, а ручьи течение имеют малые, в жаркие дни пересыхают... В жаркое летнее время бывает Кама шириною в 360 сажень, глубиною три аршина. Зай шириной 20 сажень, глубиной 1 аршин. Речка Сабанка, Шингалчинка, Ашманка шириною в 3 сажени, глубиною в самое жаркое время бывают 2 вершка...»²¹.

¹⁷ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 3. Л. 185 об. — 189.

¹⁸ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 174. Л. 131 — 131 об.

¹⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 103.

²⁰ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования. 1884 / собран и обработан Д. Н. Тяжельниковым. Самара, 1900. С. 27.

²¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1879. Л. 318, 321.

Среди шингальчинцев были мастера-пчеловоды, производившие большое количество меда, что позволяло разнообразить пищевой рацион крестьян. В начале XX в. этим промыслом занимались 7 семей²². Крупнейшим пчеловодом деревни был Сахаби Мухамедзянов (1875 — ?), имевший 400 ульев. Этим промыслом он продолжал заниматься и в советское время. В конце 1920-х гг. он содержал 170 ульев, за что был подвергнут раскулачиванию — все его хозяйство было передано в колхоз, а его с семьей выслали в Челябинскую область²³.

На протяжении всего XIX — начала XX в. отмечается неуклонный рост численности жителей деревни. По данным 6-й государственной ревизии 1811 г., в Шингальчах насчитывалось 188 чел. мужского пола, при этом со времени предыдущей ревизии 1795 г. в селении умерло или уехало 48 чел.²⁴ 7-я народная перепись 1816 г. зафиксировала в ауле 411 ясачных татар, из которых 188 чел. были мужского и 223 чел. женского пола²⁵. Согласно сказкам 9-й ревизии 1850 г., здесь проживал уже 621 чел., в том числе 312 чел. мужского и 309 женского пола²⁶. Положительная динамика отмечалась и во второй половине XIX в.: по 10-й ревизии 1858 г., в Шингальчах проживали 735 чел., из них мужчин — 365, женщин — 370²⁷; в 1877 г. в 142 дворах насчитывалось 863 чел., в том числе мужчин — 425, женщин — 438²⁸; в 1884 г. в 182 дворах проживали 963 чел., из них мужчин — 501, женщин — 462²⁹; в 1896 г. в 220 дворах насчитывалось 1 184 чел., из них мужчин — 591, женщин 593³⁰. Таким образом, за XIX в. численность жителей деревни увеличилась более чем вдвое. Рост населения продолжился и в начале XX в. Так, согласно подворной переписи крестьянского хозяйства Уфимской губернии за 1913 г., здесь в 290 домохозяйствах проживали 1 597 татар, в том числе мужчин — 799, женщин — 798³¹. Несмотря на продолжительную Первую мировую войну и начавшую Гражданскую войну, приведшие к тому, что значительная часть мужского населения сменила крестьянскую одежду на солдатские шинели, в Шингальчах вплоть до начала 1920-х гг. продолжала сохраняться положительная динамика численности населения (рисунок). В 1919 г. в деревне насчитывалось 302 двора с 1 640 жителями³².

²² Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 33.

²³ ГА РТ. Ф. Р-2173. Оп. 1. Д. 318. Л. 270.

²⁴ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 103. Л. 23.

²⁵ Там же. Д. 294. Л. 526 об. — 527.

²⁶ Там же. Д. 668. Л. 258 об. — 260.

²⁷ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 26.

²⁸ Список населенных мест по сведениям 1870 года. XLV. Уфимская губерния / обработан ред. В. Зверинским. СПб., 1877. С. 129.

²⁹ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 26.

³⁰ Полный список населенных мест Уфимской губернии, с подразделением на волости и участки земских начальников, станowych приставов и полицейских урядников, с указанием числа дворов, численности населения, молитвенных и общественных зданий, училищ и школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц, хлебозапасных магазинов и проч. / под ред. исполн. обязанности секретаря комитета Н. А. Озерова. Уфа, 1896. С. 258 — 259.

³¹ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 26.

³² ГА РТ. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 71. Л. 64.

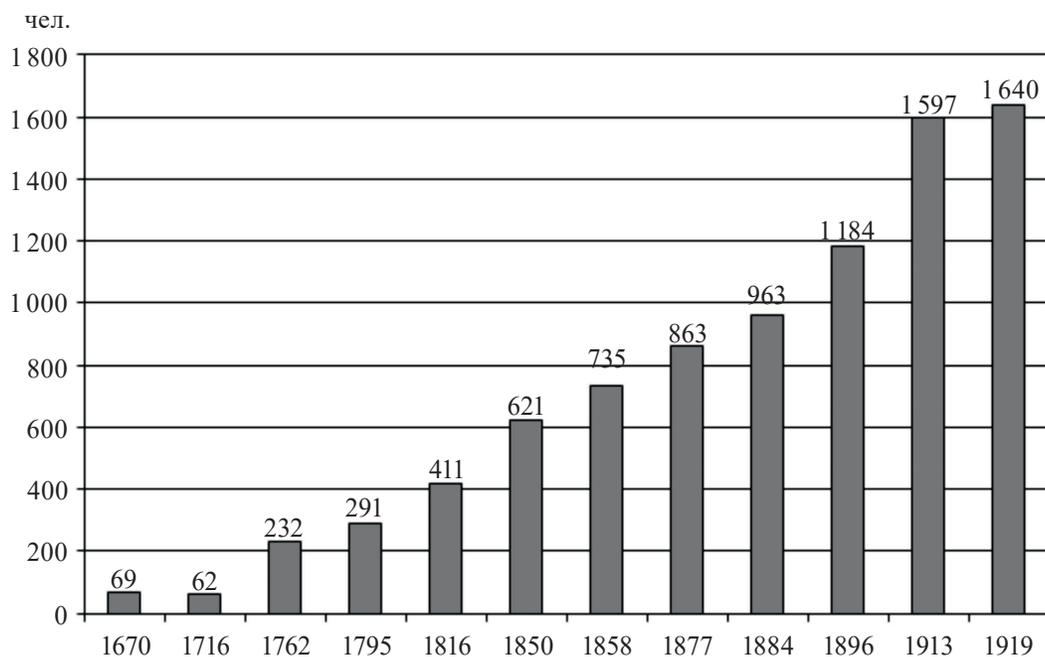

Рисунок. Динамика численности жителей д. Шингалчи в 1670 — 1919 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1.1. Кн. 6453, ч. 1 — 2 (№ по оп. 1174). Л. 992; Д. 146. Л. 1475 об.; Д. 1188. Л. 272 об.; НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 48. Л. 293 об. — 294; Д. 294. Л. 526 об. — 527; Д. 668а. Л. 259 об. — 260; Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования. 1884 / собран и обработан Д. Н. Тяжелниковым. Самара, 1900. С. 26; Список населенных мест по сведениям 1870 года. XLV. Уфимская губерния / обработан ред. В. Зверинским. СПб., 1877. С. 129; Полный список населенных мест Уфимской губернии, с подразделением на волости и участки земских начальников, станowych приставов и полицейских урядников, с указанием числа дворов, численности населения, молитвенных и общественных зданий, училищ и школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц, хлебозапасных магазинов и проч. / под ред. исполн. обязанности секретаря комитета Н. А. Озерова. Уфа, 1896. С. 258 — 259; Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Мензелинский уезд. Уфа, 1913. С. 26; ГА РТ. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 71. Л. 64)

Figure. Dynamics of the population of the village of Shingalchi in 1670 — 1919 (Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1209. Record 1.1. Book 6453, part 1 — 2 (No. to Record 1174). P. 992; Case 146. P. 1475 verso; Case 1188. P. 272 verso; The National Archive of the Republic of Bashkortostan. F. I-138. Record 2. Case 48. P. 293 verso — 294; Case 294. P. 526 verso — 527; Case 668a. P. 259 verso — 260; Collection of static information on the Ufa province. Appendices to volume 3. Menzelinsky district. Materials of the backyard research. 1884 / collected and processed by D. N. Tyazhelnikov. Samara, 1900. P. 26; List of populated places according to information from 1870. XLV. Ufa province / ed. by V. Zverinsky. St. Petersburg, 1877. P. 129; A complete list of settlements of the Ufa province, with a division into volosts and plots of zemstvo chiefs, bailiffs and police constables, indicating the number of courtyards, population, prayer and public buildings, colleges and schools, commercial and industrial establishments, fairs, bazaars, mills, bakery shops and etc. / ed. execution duties of the Secretary of the Committee N. A. Ozerov. Ufa, 1896. P. 258 — 259; Household census of the peasant economy of the Ufa province. Menzelinsky district. Ufa, 1913. P. 26; State Archive of the Republic of Tatarstan. F. R-136. Record 1. Case 71. P. 64)

В связи с ростом населения с начала XIX в. жители д. Шингальчи начали испытывать острый «земельный голод». Если ранее эта проблема во многом решалась за счет высокой социальной мобильности — часть жителей снималась с насиженных мест и переезжала в восточные районы Приуралья, где имелся большой фонд свободных земель, то в XIX столетии в связи с массовой крестьянской колонизацией и ростом численности сельского населения в этом регионе миграционные процессы потеряли прежнюю динамику. Чтобы увеличить количество земли, шингальчинцы вместе с жителями соседней деревни Ташлык в сентябре 1827 г. обратились в Оренбургскую казенную палату с прошением размежевать им дополнительные наделы, доведя их количество до 15 десятин на ревизскую душу, что предусматривалось действующим законодательством. В связи с отсутствием свободных наделов в Башкитляр-Кашаевской государственной даче оренбургская администрация приняла решение выделить во владение шингальчинцам лесной участок, который следовало очистить под пашню. В результате местным жителям были нарезаны участки на территории казенной лесной дачи. Также нуждавшиеся в земле имели возможность взять дополнительные лесные наделы у государства в аренду, за что обязывались ежегодно выплачивать в казну фиксированный оброк³³.

Данная мера решила проблему лишь на определенное время. Во второй половине XIX в. по той же причине — сильного сельского перенаселения — шингальчинцы все острее начали ощущать нехватку пашенной земли. В результате к 1910 г. средний душевой надел земли сельчан составлял всего 2 десятины 1 961 сажень [1, с. 627]. Данного количества земли едва хватало для прокормления крестьянских семей и было явно недостаточно для полноценного развития их хозяйств. Естественным результатом этого стали быстрое обеднение значительного числа жителей деревни, уменьшение поголовья рабочего и рогатого скота. Так, согласно сельской переписи 1884 г., в Шингальчах не было ни одного домохозяйства, имевшего более 6 голов рабочего скота, всего 1 домохозяйство содержало 5 лошадей, 3 лошадей имели 4 домохозяйства, 2 — 44 домохозяйств, 1 лошадь — 91 домохозяйство, безлошадными считались 42 домохозяйства³⁴. Количество рабочего скота довольно точно отражало материальное состояние жителей. С учетом этих данных можно сделать вывод, что в то время более половины жителей считались середняками и бедняками. Тенденция к увеличению количества «маломощных» бедняцких хозяйств сохранилась и в начале XX в. Так, к 1912 г. в Шингальчах насчитывалось 61 безлошадное хозяйство, 174 семей имели только 1 лошадь, 48 семей — 2, 5 семей — 3, 2 семьи — более 4 лошадей. В это же время 60 семей в деревне не имели ни одной коровы, из них 21 семья совсем не владела скотом³⁵. «Безлошадные» крестьяне были вынуждены либо сдавать свои участки состоятельным соседям, либо арендовать скот на сезонные работы. Хозяйства, имевшие только одну лошадь, часто прибегали к совместной обработке земли с использованием лошадей нескольких семей (супряге).

³³ НА РБ. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 218. Л. 1 — 9 об.

³⁴ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 27, 28.

³⁵ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 30.

Рост малоземелья, падение плодородия почв, экстенсивная система земледелия вынуждали крестьян расширять запашку. К концу XIX в. в связи с нехваткой обрабатываемой земли значительная часть лугов была превращена в выгоны для скота или стала использоваться под пашню³⁶. Это имело крайне негативные последствия для местных жителей. Уменьшение доли лугов привело к снижению поголовья домашнего скота³⁷. Наряду с этим изменение сложившейся экологической среды вызвало необратимые последствия, наиболее существенным из которых было быстрое заовраживание земли. В связи с весенними разливами рек и отсутствием каких-либо охранных мер два больших оврага вблизи от деревни с каждым годом увеличивались в размерах, что вело к сокращению удобных для хлебопашества земель и создавало дополнительные транспортные сложности³⁸.

Важными последствиями обезземеливания стал рост значения неземледельческих занятий (торговля, отхожие и кустарные промыслы). Этому способствовало и удачное расположение деревни — рядом проходил крупный торговый тракт из г. Бугульмы в с. Бетки, а также располагались камские пристани, с которых осуществлялась отправка грузов, в первую очередь зерна, в другие регионы Российской империи. Данные процессы увеличили миграцию местных жителей, но уже не в сельскую местность, как раньше, а в крупные торговые и промышленные центры Поволжья и Урала. Так, по неполным данным на 1914 г., на постоянной основе за пределами родной деревни и волости проживали: Фасхутдин Губайдуллин — в г. Бугульма, Байрамгали Гайфуллин и Мубаракша Каримов — в с. Набережные Челны Токмакской волости Мензелинского уезда, Гилязетдин Гирфанов и Насибулла Тухфатуллин — в г. Елабуга Вятской губернии³⁹.

Как справедливо отмечалось в одной из работ уфимского земства, «главной причиной, обуславливающей возникновение и развитие отхожих промыслов, без сомнения, являются малоземелье, обременительные, прямые и косвенные налоги, высокие арендные цены, плохие урожаи. Падение натурального хозяйства и развитие капиталистического, падение кустарных промыслов, лесоохранительный закон — все это способствовало развитию отхожих промыслов»⁴⁰. Из кустарных и отхожих промыслов, получивших распространение среди шингальчинцев во второй половине XIX в., можно назвать такие, как обработка дерева (изготовление мебели, лаптей, бочек, корзин, дуг, мочал), метала и шерсти, покраска тканей, мукомольное и маслобойное производство, портняжничество и изготовление обуви. Особой популярностью пользовались торговая деятельность, ломовой извоз (транспортировка зернового хлеба на камские пристани), бурлачество и работа на речных судах, было много чернорабочих. Беднейшие слои деревни нанимались на сезонные сельскохозяйственные работы⁴¹.

³⁶ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 117.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 103.

³⁹ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 123. Л. 85 — 85 об.

⁴⁰ Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии. Уфа, 1905. С. 2.

⁴¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 683,

К концу XIX в. в неземледельческом производстве было занято до 10 % жителей деревни, в основном мужчин работоспособного возраста. В то время средний доход таких работников составлял 20 — 25 коп. в день. Делали кирпичи, зарабатывая по 20 коп. в день, ходили в соседние имения на сельские работы, получая 25 коп. в день. В деревне проживали 25 печников (доход которых составлял по 10 руб. за лето), 1 кузнец (до 25 руб. в год) и 1 плотник (доход до 5 руб. в год)⁴².

В начале XX в. в Шингальчах имелись следующие ремесленные производства: три кузницы, принадлежавшие Хадиулле Садыкову (доход 7 руб.) и Ульдану Файзуллину (5 руб.), Тазитдину Тимиргалину (7 руб.), и одна шерстобитка Хабибуллы Шарифуллина (доход 22 руб.)⁴³. Т. Тимиргалин, кроме того, вел торговлю железно-скобяными изделиями в близлежащих деревнях⁴⁴.

К 1912 г. разными промыслами в д. Шингальчи занимались 199 чел. из 180 семей деревни⁴⁵. Одной из особенностей кустарных промыслов шингальчинцев была ее «внутренняя» направленность. В связи с отдаленностью от крупных городских и промышленных центров местные кустари ориентировались в первую очередь на удовлетворение внутреннего спроса сельского населения, часто изготавливая товары для конкретных лиц и практически не производя их для продажи на крупных торговых площадках Поволжья и Приуралья.

Важное значение в хозяйственной жизни местных жителей играла расположенная на Каме пристань Святой Ключ. Сюда в период навигации (с марта по октябрь) на заработки съезжались крестьяне со всей Афанасовской волости. В основном нанимались грузчиками (загрузка и выгрузка зернового хлеба на баржи), зарабатывая в навигацию пешими по 15 руб., конными по 25 руб.⁴⁶

К сезонным промыслам шингальчинцев следует отнести заготовку и транспортировку леса. Афанасовская волость была одним из немногих районов Восточного Закамья, где вплоть до начала XX в. сохранялись крупные лесные массивы, занимавшие до 40 % земельного фонда. В зимнее время многие крестьяне подражались на рубку леса и заготовку дров, что приносило им от 10 до 30 руб. дохода за сезон⁴⁷.

Численность шингальчинцев, промышлявших отходничеством, сильно колебалась в разные годы и зависела от материального состояния местных жителей. В богатые урожайные годы, когда земледельцы могли прокормиться полученным урожаем, число отходников было небольшим, напротив, в голодные годы оно резко увеличивалось. Например, в относительно благополучный 1884 год Афанасовское волостное правление выдало шингальчинцам всего 20 видов на отлучку из места жительства, в том числе один на год, 19 на один месяц⁴⁸.

⁴² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. С. 103.

⁴³ ГА РТ. Ф. 573. Оп. 3. Д. 1. Л. 68 об. — 69.

⁴⁴ ГА РТ. Ф. 551. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

⁴⁵ Подворная перепись крестьян хозяйств Уфимской губернии. Мензелинский уезд. С. 33.

⁴⁶ Кустарное дело в Уфимской губернии: отчет Делопроизводителя Уфимского Губернского кустарного комитета Н. П. Газова. Уфа, 1900. С. 38 — 42.

⁴⁷ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1606. Л. 12 — 13.

⁴⁸ Сборник статических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому 3. Мензелинский уезд... С. 29.

Развитие отхожих промыслов имело важное значение в социально-экономическом и культурном развитии деревни. Татарин-хлебопашец, весь мир которого ограничивался родным селением и волостью, уезжая в крупные городские и промышленные центры, расширял кругозор, вступал в тесные контакты с представителями других народов, знакомился с передовыми для того времени технологиями производства, осваивал ремесла. «На больших рынках труда крестьянин выходит из того небольшого круга интересов, которыми он живет у себя дома. Сталкиваясь с кипучей жизнью города, где могущество капитала и неравенство социальных отношений резко подчеркивается и всей тяжестью ложится на него, как продавца рабочей силы, побывавший на заработках становится уже не тем, чем он был раньше», — отмечалось в одном из исследований Уфимского земства⁴⁹.

В целом, хотя с проникновением капиталистических отношений в деревню во второй половине XIX — начале XX в. число отходов в Восточном Закамье росло, их количество было меньше, чем в соседних регионах, поскольку Уфимская губерния в отличие от поволжских губерний продолжала оставаться преимущественно аграрным краем и здесь отсутствовали крупные промышленные фабрично-заводские центры, на горных же заводах ощущался переизбыток «рабочих рук»⁵⁰.

Развитию торговли и связанных с ней промыслов способствовало удачное расположение деревни. Наиболее крупной торговой площадкой Мензелинского уезда, на которой вели торговые операции и предприимчивые шингальчинцы, был г. Мензелинск. Как отмечалось в «Справочной книге „Москва — Сибирь“», «в торговом отношении Мензелинск занимает видное место не только в своей губернии, но и во всей России; значение Мензелинска, как торгового города, сосредоточивается на ярмарке, происходящей с 20 декабря до 11 января. По своим оборотам эта ярмарка занимает третье место и уступает только Нижегородской и Ирбитской, и служит местом обмена европейских товаров на азиатские»⁵¹.

Наряду с г. Мензелинском местные предприниматели во второй половине XIX — начале XX в. торговали на проводившемся еженедельно в воскресенье базаре в волостном центре — с. Афанасове⁵².

Было в деревне и много мелких торговцев, сбывавших товар с «рук» и лотков. Они ездили по деревням и крупным ярмаркам, проводившимся в Мензелинском уезде в Актаныше (с 24 сентября по 8 октября), Заинске (с 24 по 28 ноября), Кузайкине (с 14 по 16 декабря), Набережных Челнах (с 6 по 12 мая и 26 по 28 сентября), Новом Мазине (с 29 июня по 1 октября), Старом Багряше (с 15 по 17 марта), Шугане (с 10 по 16 октября и с 15 по 21 декабря)⁵³.

Развитой формой торговой деятельности была скупка продуктов сельскохозяйственного производства для дальнейшей оптовой продажи. Среди жителей д. Шингальчи получила распространение торговля кожей. Этим промыслом, в частности,

⁴⁹ Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии. С. 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Справочная книга «Москва — Сибирь»: посредник-указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1906 г. Год второй. М., 1906. С. 521.

⁵² НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1238. Л. 4 об.

⁵³ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1910 г. Уфа, 1910. С. 55 — 61.

занимались Нургали Валидов и Сафа Мухаметшин⁵⁴. Наиболее крупные продавцы кож Афанасовской волости жили в соседней деревне Ташлык: Валиахмет Шагиахметов покупал ежегодно кожи на сумму от 500 до 2 000 руб., Юнус Сабитов — до 10 000 руб.⁵⁵

Торговля была хлопотной, сопряженной с множеством «подводных камней» деятельностью, требовавшей от предпринимателя энергии и смекалки. Торговец сталкивался с частыми проверками, административным давлением, должен был ежегодно покупать свидетельство на торговлю, исполнять многочисленные предписания государственных чиновников. Любое нарушение грозило крупными штрафами. Несмотря на это, торговая деятельность продолжала оставаться важным неземледельческим промыслом шингалчинцев, что позволяло им получать дополнительный доход, а некоторым наиболее активным и предприимчивым стать по меркам сельской местности состоятельными людьми, баями-капиталистами.

Заключение

Таким образом, исходя из приведенных материалов по д. Шингалчи можно сделать вывод, что татарская деревня Восточного Закамья в XIX — начале XX в. динамично развивалась и адаптировалась к быстро менявшимся социально-экономическим условиям жизни. Одними из показателей этих процессов явились рост социальной мобильности сельского населения и повышение значения неземледельческих занятий, хотя сельские жители стремились сохранить традиционный уклад жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кречетович И. П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). Т. 1. Подготовка реформы. М.: Синод. тип., 1911. 627 с.
2. Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900 — 1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: Дизайн ПолиграфСервис, 2002. 312 с.
3. Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А. И. Ногманов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 276 с.
4. Халиков Н. А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX в.) / АН Респ. Татарстан, Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 1995. 200 с.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 03.04.2024.

Информация об авторах:

Радик Равильевич Ишakov, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Батурина, 7), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7303-408X>, ishakovist@gmail.com

Халида Зиннатовна Багаутдинова, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Батурина, д. 7), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1809-8556>, halida12_61@mail.ru

Вклад авторов:

Ишakov Р. Р. — разработка концепции, сбор материалов и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Багаутдинова Х. З. — разработка концепции, сбор материалов, научное редактирование статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Krechetovich IP. Peasant reform in the Orenburg region (according to archival data). Moscow;1911;1. (In Russ.)
2. Rodnov MI. The peasantry of the Ufa province at the beginning of the twentieth century (1900 — 1917): social structure, social relations. Ufa;2002. (In Russ.)
3. Tatar villages of Eastern Trans-Kama region. Kazan;2021. (In Russ.)
4. Khalikov NA. Economy of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-XIX — early XX centuries). Kazan;1995. (In Russ.)

The article was submitted 06.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 03.04.2024.

Information about the authors:

Radik R. Iskhakov, Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturina Str., Kazan 420111, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7303-408X>, ishakovist@gmail.com

Khalida Z. Bagautdinova, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturina Str., Kazan 420111, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1809-8556>, halida12_61@mail.ru

Contribution of the authors:

Iskhakov R. R. — concept development, collecting materials and analyzing the literature, writing the original version of the article;

Bagautdinova Kh. Z. — concept development, collecting materials, scientific editing of the text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 630
EDN QOXMFA

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ЛЕСНИЧИЙ МАРТИН АПОЛЛИНАРЬЕВИЧ КОНТСКИЙ (1856 — 1937)

А. А. Филонов

Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия
fil88meat@rambler.ru

Аннотация

Введение. Современная лесохозяйственная отрасль России и ее регионов, в том числе Среднего Поволжья, имеет ряд проблем, связанных с сохранностью лесов и их рациональным использованием. В этих условиях лесоведам, несомненно, следует учитывать богатый исторический опыт, накопленный их предшественниками — дореволюционными специалистами в области лесного дела. Одним из них являлся лесничий Мартин Аполлинарьевич Контский. В статье рассматриваются его жизнь и деятельность, тесно связанные с Марийским краем.

Материалы и методы. Статья базируется на анализе опубликованных исторических источников и научной литературы, а также неизвестных ранее документов, извлеченных из фондов федеральных и региональных архивов. Исследование проведено на основе принципов историзма, объективности и системности с использованием идеографического, хронологического, историко-генетического и сравнительно-исторического методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Ученый-лесовод М. А. Контский более 30 лет проработал в лесах Царевококшайского и Чебоксарского уездов Казанской губернии. Помимо исполнения обязанностей лесничего, решения проблем рационального лесопользования, управления большим коллективом лесной стражи, он уделял значительное внимание созданию лесных питомников для выращивания сеянцев и саженцев древесных пород, занимал должности лесного ревизора, ревизора-инструктора, вел активную общественную деятельность, представлял интересы лесного ведомства в земстве.

Заключение. М. А. Контский был признанным специалистом в области лесного дела. Он внес весомый вклад в развитие лесного хозяйства Марийского края конца XIX — начала XX в. Ему принадлежит ряд нововведений по улучшению состояния лесной отрасли, рациональному ведению лесного хозяйства, организации лесовозобновления вырубленных участков и борьбе с лесными пожарами.

Ключевые слова: лесничий, М. А. Контский, лесная служба, лесничество, лесное дело

Для цитирования: Филонов А. А. Лесничий Мартин Аполлинарьевич Контский (1856 — 1937) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 87 — 97. EDN QOXMFA

Original article

FORESTER MARTIN APOLLINARIEVICH KONTSKY (1856 — 1937)

A. A. Filonov

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia
fil88meat@rambler.ru

Abstract

Introduction. Modern forestry in Russia and its regions, including the Middle Volga region, has a number of problems related to the preservation of forests and their rational use. Under these conditions, foresters should undoubtedly take into account the rich historical experience accumulated by their predecessors — pre-revolutionary specialists in the field of forestry. One of them was the forester Martin Apollinariyevich Kontsky. This article attempts to examine his life and activity, which were closely connected with the Mari region.

Materials and methods. The work carried out is based on the analysis of published historical sources and scientific literature, as well as previously unknown documents extracted from the funds of federal and regional archival institutions. The research was conducted on the basis of the principles of historicism, objectivity and consistency using ideographic, chronological, historical-genetic and comparative-historical methods.

Results and discussion. M. A. Kontsky, a forestry scientist, has worked for more than 30 years in the forests of Tsarevokokshaysky and Cheboksary counties of the Kazan province. In addition to fulfilling the duties of a forester, solving problems of rational forest management, managing a large team of forest guards, he also paid considerable attention to the creation of forest nurseries for growing seedlings and saplings of tree species; held the positions of forest auditor, auditor-instructor, conducted public activities, represented the interests of the forestry department in the zemstvo.

Conclusion. M. A. Kontsky was a recognized expert in the field of forestry. He made a significant contribution to the development of forestry in the Mari region in the late XIX — early XX century. He owned a number of innovations to improve the state of the forest industry, the rational management of forestry here, the organization of reforestation of felled areas and the fight against forest fires.

Keywords: forester, M. A. Kontsky, forest service, forest area, forestry

For citation: Filonov AA. Forester Martin Apollinariyevich Kontsky (1856 — 1937). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):87—97. EDN QOXMFA

Введение

Лесные массивы, являясь одним из основных компонентов окружающей среды, всегда выполняли важную экологическую, или природозащитную, функцию, служили фактором жизнеобеспечения населения. Современная лесная отрасль России и ее регионов, в том числе Среднего Поволжья, испытывает ряд проблем, связанных с сохранением и возобновлением лесных богатств, рациональным их использованием. В этой ситуации лесоводам необходимо учитывать многовековой исторический опыт, накопленный их предшественниками, в том числе дореволюционными специалистами в области лесного дела, одним из которых являлся лесничий Мартин Аполлинарьевич Контский. Цель статьи — рассмотреть основные вехи его жизни и деятельности, тесно связанные с Марийским краем.

Материалы и методы

Источниками исследования являются материалы архивных документов (формулярный список о службе М. А. Контского, приказы по Корпусу лесничих

и т. д.), а также воспоминания, написанные заслуженным врачом Марийской АССР Ф. М. Контским, в которых содержится информация биографического характера о его отце¹. Работа базируется на принципах историзма, объективности и системности с использованием идеографического, хронологического, историко-генетического и сравнительно-исторического методов.

Обзор литературы

Заявленная проблематика не являлась предметом специального исторического исследования. Однако отдельные ее сюжеты нашли отражение в обобщающих работах по истории лесного хозяйства Марийского края и Республики Марий Эл [3, с. 11; 6, с. 43, 89]; публикациях профессоров К. Н. Санукова [4, с. 39] и С. В. Старикова², а также в документально-биографических очерках о династии Контских И. И. Иванова, Л. В. Ивановой³.

Результаты исследования и их обсуждение

Мартин Аполлинарьевич Контский (полное имя Мартин — Адам — Венцеслав — Казимир) родился в Варшаве 15 марта 1856 г. 26 декабря того же года он был крещен митрополитом, управляющим Виленской епархией, председателем римско-католической Духовной коллегии Венцеславом Жилинским в присутствии епископа Адама Войткевича и других известных духовных и светских лиц. Крещение проходило в Петербургской римско-католической приходской церкви Святой Екатерины⁴.

Отец Мартина Аполлинарий Григорьевич Контский (1826 — 1879) происходил из польской музыкальной семьи. С юных лет у него проявился талант в игре на скрипке. В возрасте 12 лет он познакомился с выдающимся скрипачом Никколо Паганини и в течение некоторого времени был одним из его учеников. В дальнейшем А. Г. Контский стал знаменитостью, известной по всей Европе. Он выступал с концертами в Петербурге, Москве, Будапеште, Вене, Париже, Лондоне и других городах; являлся основателем и директором Варшавской музыкальной консерватории (в настоящее время это академия им. Ф. Шопена)⁵.

М. А. Контский воспитывался в Варшавском реальном училище, где получил среднее образование. В июле 1877 г. он принес присягу на подданство России, а в сентябре 1880 г., уже после смерти отца, был принят в число слушателей Санкт-Петербургского лесного института. Здесь во время учебы М. А. Контский познакомился со многими критически мыслящими, амбициозными и смелыми студентами, придерживавшимися революционных идей. Одним из них был Игнатий Гриневицкий, известный как организатор покушения и убийства императора Александра II

¹ Контский Ф. М. Фрагменты автобиографии / подгот. текста А. В. Муравьев, Л. Н. Комелина. Йошкар-Ола, 2015. С. 5–10, 22.

² Стариков С. В. Панорама старого города: Царевококшайск на старинных открытках и фотографиях. Йошкар-Ола, 2002. С. 130 — 131; Его же. Царевококшайский альбом: эпоха, город и горожане на старинных открытках и фотографиях. Йошкар-Ола, 2008. С. 240 — 241.

³ Иванов И. И., Иванова Л. В. Династия Контских: документально-биографические очерки. Йошкар-Ола, 2020. 296 с.

⁴ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 2, 4.

⁵ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 187; Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 217 — 218, 226 — 229; Контский Ф. М. Указ. соч. С. 4.

в марте 1881 г. Тысячи людей после этого были арестованы, отправлены в ссылку и подвергнуты другим наказаниям. Однако Контского это не затронуло. В целом ему были чужды идеи террора. Воспитанный в интеллигентной семье, он не являлся членом революционной организации⁶.

21 сентября 1884 г. за подписью директора Лесного института В. Т. Собичевского М. А. Контскому был выдан аттестат, что он «по выслушиванию полного курса наук выдержал испытания по всем предметам институтского преподавания, оказав успехи: по ботанике — отличные, по дендрологии — отличные, по зоологии — отличные, по минералогии и геогнозии — хорошие, по химии — отличные, по почвоведению — удовлетворительные, по физике — отличные, по метеорологии — отличные, по математике — отличные, по геодезии — удовлетворительные, по политической экономии — отличные, по статистике — отличные, по общему законоведению — отличные, по полицейскому праву — отличные, по лесным и межевым законам — удовлетворительные, по лесоводству — хорошие, по лесной таксации и оценке лесов — удовлетворительные, по лесоустройству — удовлетворительные, по лесному инженерному искусству — отличные, по лесной технологии — хорошие, по немецкому языку — отличные, по энциклопедии лесного хозяйства — отличные». После обучения в институте М. А. Контский был удостоен звания ученого-лесоведа II разряда. 22 сентября 1884 г. он подал прошение министру государственных имуществ о зачислении его в Корпус лесничих, желая поступить на государственную службу по лесному ведомству⁷.

В соответствии с приказом по Корпусу лесничих от 12 ноября 1884 г. М. А. Контского определили помощником лесничего и направили в распоряжение Смоленско-Витебско-Могилевского управления государственным имуществом. Он занимался здесь вопросами лесоустройства. В феврале 1886 г. М. А. Контский был назначен младшим таксатором, пройдя необходимую лесную практику. По нормам того времени он был лишен права работать в Польше, так как царское правительство не разрешало служить полякам на казенной службе у себя на родине⁸.

В мае 1886 г. М. А. Контский обратился к директору Лесного департамента, инспектору Корпуса лесничих, действительному статскому советнику Е. С. Писареву с жалобой на ухудшение состояния здоровья, выразившееся в катаре желудка (гастрите) и воспалении слепой кишки. Это требовало систематического лечения в местности с теплым климатом и ведения спокойного образа жизни, чего не предполагала подвижная таксаторская работа. В связи с этим М. А. Контский просил назначить его лесничим в одну из центральных или южных губерний. Эта просьба не была выполнена. Однако приказом по Корпусу лесничих от 16 июня 1886 г. он был отправлен в отпуск на две недели, в течение которых удалось пройти курс лечения в Варшаве. Затем М. А. Контский продолжил лесную службу. В сентябре 1886 г. его назначили лесничим 3-го Мамадышского лесничества Казанской губернии⁹.

⁶ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 11, 13, 20; Контский Ф. М. Указ. соч. С. 5.

⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 1 — 2, 4.

⁸ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 22; РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 11 — 11 об., 24.

⁹ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 26, 28 — 29 об., 33, 37.

В соответствии с приказом от 17 марта 1888 г. Контский был назначен лесничим в уездный город Царевококшайск и стал заведующим обширного Большекокшагского лесничества, площадь которого составляла около 120 тыс. десятин¹⁰ [6, с. 46]. Примечательно, что Мартин Аполлинарьевич на тот момент был первым человеком с высшим образованием в Царевококшайске¹¹. Приехав в город, семья Контских поселилась в большом доме с парадным крыльцом на углу улиц Новопокровской и Чехова¹².

М. А. Контский весьма успешно продвигался по карьерной лестнице. В 1885 г. он был утвержден в чине губернского секретаря, в 1887 г. — коллежского секретаря, в 1890 г. — титулярного советника, в 1893 г. — коллежского асессора, в 1897 г. — надворного советника, а в 1901 г. — коллежского советника¹³.

Весной 1891 г. за время трехлетнего пребывания в Царевококшайске и его службы в Большекокшагском лесничестве здоровье М. А. Контского сильно ухудшилось. В 1895 г. в дополнение к проблемам с желудком у Контского случилось воспаление легких, была расшатана нервная система. По совету врачей он отправился на Кавказ для лечения минеральными водами и кумысом. Ему было выдано денежное пособие на поездку и лечение на время отпуска с 15 июля по 11 октября 1895 г.¹⁴

После прохождения курса лечения и возвращения в Марийский край М. А. Контский приказом по Корпусу лесничих от 2 ноября 1895 г. был назначен лесничим Кокшайского лесничества Чебоксарского уезда¹⁵. С мая 1896 г. он по совместительству исполнял обязанности младшего лесного ревизора Казанской губернии и заведовал вторым районом лесничеств, в который входили Царевококшайское, Сретенское, Кучкинское и Аргамачинское лесничества. В это же время он был перемещен на должность лесничего Царевококшайского лесничества. М. А. Контскому часто приходилось бывать в рабочих поездках по лесничеству, управлять большим коллективом лесной стражи¹⁶. С августа 1896 г. на него дополнительно возлагалась обязанность ревизора-инструктора в Петриковской, Арбанской, Вараксинской и Ронгинской волостях Царевококшайского уезда¹⁷.

В январе 1904 г. М. А. Контский был назначен старшим лесным ревизором, в июне 1909 г. — заведующим Алексеевским лесничеством Чебоксарского уезда. В октябре 1909 г. ему поручили исполнение обязанностей ревизора-инструктора в

¹⁰ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 71.

¹¹ Город Йошкар-Ола: сб. док. очерков / под общ. ред. К. Н. Санукова. Йошкар-Ола, 2004. С. 29.

¹² Стариков С. В. Царевококшайский альбом... С. 240; История Марийского края в лицах. 1917 — 1940 гг. Йошкар-Ола, 2017. С. 187.

¹³ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 54 об. — 55, 77, 101 об., 127, 189, 308 об.

¹⁴ Там же. Л. 84, 120, 132, 136, 167.

¹⁵ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 23; РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 139, 140 об.

¹⁶ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 23; Стариков С. В. Царевококшайский альбом... С. 240; РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 154, 185 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 157 — 157 об.; ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 295. Оп. 1. Д. 522. Л. 4; ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. 565. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

Помарской и Помъяльской волостях Чебоксарского уезда и Больше-Шигаковской волости Царевококшайского уезда¹⁸.

Тяжелая лесная служба сопровождалась большими нагрузками, что в очередной раз привело к обострению проблем со здоровьем. В медицинском свидетельстве говорилось о том, что у М. А. Контского «наблюдалось расстройство желудочно-кишечного тракта и затруднение пищеварения. Даже при соблюдении осторожности в выборе и принятии пищи он ощущал неприятное чувство полноты и вздутия в желудке. Иногда дело доходит до тошноты и склонности к рвоте. К этому присоединяются еще и нервные расстройства. Настроение духа бывает угнетено, сон беспокойный, бывает учащенное сердцебиение и головные боли. Большой сильно бледен и постепенно все более и более худеет. В больном можно признать нервную диспепсию, под влиянием которой у него развилось сильное функциональное расстройство нервной системы и значительный упадок общего питания». По рекомендации врача необходим был отдых, пребывание на свежем воздухе, гидропатия и лечение минеральными водами¹⁹.

15 апреля 1911 г. по состоянию здоровья М. А. Контский ушел в отпуск, затянувшийся на длительное время. Для прохождения курса лечения он выехал в Варшаву. Официально отпуск был разрешен на 2 месяца, но за это время Мартин Апполинарьевич полностью не поправился. 16 февраля 1912 г. после продолжительной болезни он продолжил исполнять свои служебные обязанности, работая «с утра до поздней ночи... у себя в канцелярии... и совершая служебные поездки по вверенному ему району»²⁰. В декабре 1913 г. М. А. Контский был переведен лесничим в Сухонское лесничество Вологодской губернии. Поводом для этого стали «неправильные» действия его по службе в должности лесного ревизора Казанской губернии. Он обвинялся в слабом надзоре за деятельностью подчиненных ему чинов лесного ведомства, а также в нарушении установленных инструкцией 7 июля 1900 г. правил об отпуске лесного материала из казенных дач²¹. В январе 1914 г. М. А. Контский отправил письмо директору Лесного департамента, в котором сообщил, что перемещение его в Вологодскую губернию с суровыми климатическими условиями могут пагубно сказаться на его слабом здоровье. В связи с этим он просил перевести его на службу в одну из южных губерний, либо оставить в Алексеевском лесничестве. В соответствии с приказом от 19 февраля 1914 г. его вновь назначили заведующим Алексеевским лесничеством Чебоксарского уезда Казанской губернии²².

М. А. Контскому принадлежит ряд нововведений по улучшению и рациональному ведению лесного хозяйства. Он одним из первых в Марийском крае стал практиковать продажу с торгов «мертвого» (сухостойного и валежного) леса со скидкой 50 % и более, заложил питомник в своем лесничестве, оборудовал семеносушилку для более успешного лесовозобновления вырубленных площадей, построил

¹⁸ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 338, 379.

¹⁹ Там же. Л. 177 — 177 об.

²⁰ Там же. Л. 398, 401, 414 об. — 415.

²¹ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 338, 422 — 423.

²² Там же. Л. 428, 433.

несколько пожарных вышек для своевременного обнаружения огня и борьбы с лесными пожарами. Под его руководством были налажены телефонная сеть между различными ведомствами и построены новые дороги. Мартин Аполлинарьевич с гордостью рассказывал о строительстве дороги (около 17 км), проходившей по глухому лесу между с. Кожласола и д. Яльчик. Кроме того, М. А. Контский вел активную общественную работу, представлял интересы лесного ведомства в земстве, выступал за увеличение количества школ, улучшение медицинского обслуживания населения и т. д. Все это нередко вызывало недовольство со стороны губернатора. В результате Контский был отстранен от участия в работе земских собраний²³.

Февральская революция 1917 г. оживила в крестьянах надежду на получение земли и леса [1, с. 76, 78; 5, с. 4]. Крестьяне жаловались, что, несмотря на обилие лесов, население испытывает большую нужду в лесных материалах. В результате участились случаи самовольных порубок леса. Основная часть крестьян была убеждена, что лес и земля должны принадлежать обществу [2, с. 10 — 11]. В это непростое время М. А. Контский упорно разъяснял рабочим критическое состояние в лесном деле. В зимнее время он организовал горячее питание для лесных рабочих, что позволило заготовить и вывезти в другие районы страны сотни тысяч кубометров строевой древесины. Однако из-за орудовавших в лесу бандитов нередкими были случаи поджогов леса, незаконного вывоза заготовленной древесины и разрушения пожарных вышек²⁴.

После событий октябрьского переворота Советская Россия переживала острый недостаток топлива. В начале 1919 г. в лесном Марийском крае начались крупномасштабные лесозаготовительные работы, на которых были задействованы тысячи крестьян. М. А. Контский потратил много сил и энергии для выполнения плана лесозаготовок по своему лесничеству. В итоге весенний сплав древесины был успешно проведен. В 67-летнем возрасте Мартин Аполлинарьевич оставил службу лесничего, проработав в общей сложности более 30 лет в лесах Марийского края²⁵.

Женой М. А. Контского была уроженка Литвы, дворянка Мария Яковна Накат. 26 ноября 1885 г. у них родился сын Тадеуш — Сигизмунд — Казимир. Это будущий врач Фаддей Мартинович Контский. 24 мая 1891 г. в семье Контских родился еще один сын Бронислав. Мартин Аполлинарьевич много внимания уделял своим детям, был требовательным, но добрым и заботливым отцом. Он учил их грамоте и основам арифметики, часто брал в лес во время своих служебных поездок по лесничеству, много рассказывал им о жизни леса, знакомил с породами деревьев и в целом с природой²⁶.

Фаддей и Бронислав росли здоровыми и любознательными детьми, занимались музыкой, осваивали иностранные языки, интересовались литературой, медициной и лесоводством. Фаддею с годами все больше нравилась медицина. После окончания в 1911 г. медицинского факультета Казанского Императорского университета

²³ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 28 — 29, 35.

²⁴ Там же. С. 31 — 32.

²⁵ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 34; Контский Ф. М. Указ. соч. С. 22.

²⁶ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 4944. Л. 64, 173; Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 23; Контский Ф. М. Указ. соч. С. 9.

Ф. М. Контский вернулся в Царевококшайск и начал работать врачом. Впоследствии он стал основателем детской педиатрической службы в Марийской автономной области и одним из главных организаторов марийского здравоохранения. По его инициативе была открыта первая детская амбулатория в МАО. Более 20 лет он проработал врачом в медсанчасти МВД и в диспансере для партийных работников, вел преподавательскую деятельность в медицинском училище. За самоотверженный труд и выдающиеся достижения в области здравоохранения Ф. М. Контскому было присвоено звание Заслуженного врача Марийской АССР²⁷.

Б. М. Контский пошел по стопам отца и связал свою жизнь с лесным делом. Он стал техником-лесоводом Краснококшайского лесничества, канцелярия которого располагалась примерно в 9 км от города. Б. М. Контский, его жена Раиса Александровна и дочь Екатерина поселились в конторе лесничества. В конце июня 1921 г. разразился ураган с сильным ветром, и вспыхнул пожар в Краснококшайском лесничестве. Б. М. Контский вместе с лесной стражей ушли в лес. Жена и дочь лесничего с прислужгой пытались спастись от огня и бежать по направлению к Краснококшайску. Однако сделать это им не удалось: пожар распространялся с такой силой и быстротой, что нагнал их, и они погибли. На пятый день после пожара возле опушки леса Раиса Александровна и бежавшие с ней девочки были найдены мертвыми. Обнаружившие их останки очевидцы передавали жуткие подробности увиденного. Например, от 2 девочек в возрасте до 15 лет, умерших в объятиях друг друга, остались одни сгоревшие кости. Сила огня была настолько велика, что от кожаных ботинок с толстой подошвой Раисы Александровны остался «форменный пепел» [7, с. 12, 30].

Б. М. Контский, спасаясь от огня, сломал ногу и остался инвалидом. Он героически боролся с бушевавшим пожаром, но что-то предпринять по спасению семьи было невозможно. Тушить пожар по Кокшайскому тракту помогали крестьяне окрестных деревень с лопатами, топорами и ведрами. Лесничий распределил их по группам. Одни рыли канавы, другие занимались рубкой деревьев, третьи таскали воду из близлежащих водоемов. Делали все, чтобы не допустить огонь до столицы. Эти меры в итоге позволили спасти Краснококшайск от огня, надвигавшегося на город со стороны Волги²⁸ [3, с. 12].

В конце 20-х гг. XX в., после советско-польской войны 1919 — 1921 гг., поражения Красной Армии и прихода к власти в Польше Юзефа Пилсудского М. А. Контский при поддержке своих сыновей через старых польских знакомых начал налаживать контакты с польским посольством и польским Красным Крестом. Целью последнего являлось попечительство над военнопленными, интернированными, находившимися на территории СССР, и организация их репатриации в Польшу. М. А. Контский сильно тосковал по родине, мечтал снова увидеть Варшаву, где прошло его детство и юношество, хотел побывать на могиле родителей²⁹.

²⁷ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 49, 67 — 68, 86, 93, 105, 114; История Марийского края в лицах. 1917 — 1940 гг. Йошкар-Ола, 2017. С. 187 — 189; Контский Ф. М. Указ. соч. С. 12, 16 — 17, 26 — 27, 30, 205; Марийская биографическая энциклопедия / сост. В. А. Мочаев; изд. 2-е, доп. и перераб. Йошкар-Ола, 2017. С. 215; Стариков С. В. Панорама старого города... С. 133.

²⁸ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 53.

²⁹ Там же. С. 37 — 38.

В 30-е гг. XX в. семья Контских, как и сотни других семей в Марийской автономной области, пострадала от политических репрессий. 30 июля 1930 г. к их дому в Йошкар-Оле на улице Советской подъехала машина. Три человека в милицейской форме устроили обыск, забрали несколько книг и писем, которые впоследствии стали главными уликами для обвинения Контских в связях с польским посольством, шпионаже в пользу Польши и сборе денег на вооруженное восстание в Марийской автономной области. В итоге М. А. и Б. М. Контские были арестованы³⁰. По данным профессора К. Н. Санукова, здесь не обошлось без доноса со стороны соседей, которые утверждали, что на квартире Контских часто встречались проживавшие в Йошкар-Оле и в близлежащих населенных пунктах поляки. Во время таких встреч они, якобы, разговаривали и пели песни на родном языке. Все это позволило выдвинуть обвинение, что квартира Контских была явкой членов «Польской организации войсковой» [4, с. 39].

Во время допроса М. А. Контского потребовали рассказать о его контактах с польским посольством. На это он ответил, что упомянутая связь не переходила грани легальных отношений с СССР. М. А. Контский объяснил, что впервые в посольство он прибыл в начале июня 1924 г. для получения визы, чтобы в дальнейшем выехать в Польшу. Такое разрешение было получено, но в связи с тяжелой болезнью использовать визу у него не получилось. Второй раз в консульстве М. А. Контский появился только в 1929 г. Его ложно обвиняли в получении в 1927 г. от консула Зелезинского 300 руб. для организации контрреволюционной деятельности в Йошкар-Оле в случае войны с СССР. М. А. Контский во время допроса пытался доказать, что никогда не был шпионом, не занимался вредительской деятельностью и всегда являлся верным пролетарской власти. Стремление же совершить поездку в Польшу объяснялось тем обстоятельством, что там находились его родственники и близкие люди. Тем не менее, 6 июня 1931 г. состоялось заседание Коллегии ОГПУ. В итоге М. А. Контский был отправлен в ссылку в Читу на 3 года, считая срок с 30 июля 1930 г. Б. М. Контского заключили в концлагерь сроком на 5 лет. Впоследствии допросов и преследований не избежал и Ф. М. Контский. Однако после нескольких месяцев предварительного заключения он был освобожден. Доказательств его участия в шпионаже в пользу Польши так и не было найдено. Возможно, в этой ситуации свою роль сыграло и то, что руководители правительства и НКВД лечились у Ф. М. Контского, знали его как добросовестного человека и квалифицированного специалиста³¹.

До места заключения М. А. и Б. М. Контские ехали в товарных вагонах, оборудованных двухъярусными нарами, без освещения и умывальников. Скучную пищу давали раз в сутки в виде сухого пайка. Путь до города Мариинска, являвшегося центром сибирских лагерей ОГПУ, занял около месяца. Затем Б. М. Контский с большинством политзаключенных сошел, а Мартина Аполлинарьевича повезли дальше в Читу. В апреле 1932 г. на заседании коллегии ОГПУ было принято решение досрочно освободить М. А. Контского от наказания по состоянию здоровья,

³⁰ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 43.

³¹ Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 44, 47, 59, 114 — 115; Трагедия народа. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1996. Т. 1. С. 247.

ввиду тяжелой болезни, и разрешить ему свободное проживание в СССР. В 1933 г. вместе с супругой ему удалось выехать в Польшу. Есть основания полагать, что содействие в этом оказал маршал Юзеф Пилсудский, встретивший М. А. Контского на родине с оркестром. После их приезда в Варшаву администрация местной консерватории выделила им две комнаты в общежитии. В 1937 г. в возрасте 80 лет Мартин Аполлинарьевич скончался. Прах его находится на одном из кладбищ Варшавы около Повонзковского костела в семейном склепе, рядом со своим знаменитым отцом Аполлинарием и матерью Ольгой³².

Заключение

В целом М. А. Контский был крупным специалистом в области лесного дела. Он на долгие годы связал свою жизнь с лесным Марийским краем, самоотверженно трудился здесь, не щадя своего здоровья, и внес ряд новых методов в ведение лесного хозяйства, в том числе в организацию рационального лесопользования и борьбу с лесными пожарами. Значительное внимание он уделял созданию лесных питомников для выращивания сеянцев и саженцев древесных пород, необходимых для лесовозобновления вырубленных участков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойко Н. С., Айзатуллова А. Ш., Орлов В. В. Февральская революция в Симбирской губернии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3 (51). С. 75 — 82. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf>
2. История Марийской АССР. Т. 2: Эпоха социализма (1917 — 1987) / отв. ред. А. В. Хлебников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 326 с.
3. Марийский лес: очерки по развитию лесного хозяйства и лесных отраслей Республики Марий Эл / сост. Б. И. Тресцов. Йошкар-Ола: Периодика Марий Эл, 1997. 302 с.
4. Сануков К. Н. Поляки и польские граждане в Марийской АССР в 1930 — 1940-х годах // Запад-Восток. 2012. № 4 — 5. С. 38 — 47.
5. Сухова О. А. Право на насилие. Российское крестьянство в революции 1917 г. (по материалам Пензенской губернии) // Центр и периферия. 2016. № 2. С. 4 — 10. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/2-2016.pdf>
6. Филонов А. А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX — начала XX веков. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 296 с.
7. Шлыков Д. Н. Очерки лесного хозяйства Маробласти. Краснококшайск: 1-я гостип. Маробиздата, 1927. 160 с.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

Информация об авторе:

Александр Анатольевич Филонов, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>, fil88meat@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

³² Иванов И. И., Иванова Л. В. Указ. соч. С. 47 — 48, 59 — 60; Контский Ф. М. Указ. соч. С. 22.

REFERENCES

1. Boyko NS, Aizatullova ASh, Orlov VV. The February Revolution in the Simbirsk Province. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;(3):75—82. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf> (In Russ.)
2. History of the Mari ASSR. Yoshkar-Ola;1987;2. (In Russ.)
3. Mari Forest: Essays on the Development of Forestry and Forest Industries of the Republic of Mari El. Yoshkar-Ola;1997. (In Russ.)
4. Sanukov KN. Polish citizens in the Mari ASSR in the 1930 — 1940. *West East*. 2012;(4 — 5):38—47. (In Russ.)
5. Sukhova OA. The Right to Violence. The Russian Peasantry in the Revolution of 1917 (Based on the Materials of the Penza Province). *Center and Periphery*. 2016;(2):4—10. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/2-2016.pdf> (In Russ.)
6. Filonov AA. Essays on the History of Forestry in the Mari Region in the Second half of the XIX — early XX Centuries. Yoshkar-Ola;2014. (In Russ.)
7. Shlykov DN. Essays on the Forestry of the Mari Autonomous Region. Krasnokokshaysk;1927. (In Russ.)

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Information about the author:

Aleksander A. Filonov, Associate Professor of Department of National History, Mari State University (1 Lenin Square, Yoshkar-Ola 424000, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1433-4015>, fil88meat@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 821.161.1.09«18»
EDN QTWMGG<http://vestnikniign.ru>*Научная статья***ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ А. А. ТИХОНОВА-ЛУГОВОГО
(по материалам «Дневника свободного человека»)****С. В. Стариков**Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия
sv.starikov@yandex.ru*Аннотация*

Введение. Отношение российской интеллигенции к революционным процессам и событиям в России в первой четверти XX в. было и остается актуальной проблемой исторических исследований. Русские писатели, в частности А. А. Тихонов-Луговой, не только искренне переживали за все происходившее, но и четко определяли свою позицию, открыто высказывали общественно-политические взгляды на революцию и реформы, роль партий, лидеров и масс в настоящем и будущем.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили опубликованный в 1906 г. в сборнике «Маяк» «Дневник свободного человека» А. Лугового, некоторые его литературные заметки и произведения. В процессе работы были применены методы историзма, сравнительно-сопоставительного анализа и синтеза.

Результаты исследования и их обсуждение. В историографии и литературоведении творчество А. Лугового, его общественно-политические взгляды не стали предметом исследования, поскольку в советский период писатель фактически был забыт по причине неактуальности его произведений для читателя того времени. Только в постсоветский период в русской литературе и публицистике началось восстановление его имени. Автор рассмотрел идейно-политические позиции А. А. Тихонова-Лугового.

Заключение. Революционный процесс в России неизбежно перетекал в полномасштабную гражданскую войну, которая грозила потерей страны, разрушением государственности и деградацией общества. Для предотвращения этого альтернативой развития страны могло стать мирное эволюционное развитие государственно-общественных отношений.

Ключевые слова: общественно-политические взгляды, социализм, освободительное движение, политические партии, диктатура пролетариата, русская интеллигенция, революция

Для цитирования: Стариков С. В. Общественно-политические взгляды русского писателя А. А. Тихонова-Лугового (по материалам «Дневника свободного человека») // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 98 — 108. EDN QTWMGG

Original article

SOCIO-POLITICAL VIEWS OF THE RUSSIAN WRITER A. A. TIKHONOV-LUGOVOY (Based on the Materials of the “Diary of a Free Man”)

S. V. Starikov

Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia
sv.starikov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The attitude of the Russian intelligentsia to the revolutionary processes and events in Russia in the first quarter of the twentieth century was and remains an urgent problem of historical research. Russian writers, in particular A. A. Tikhonov-Lugovoy, not only sincerely worried about everything that happened, but also clearly defined their position, openly expressed their socio-political views on the revolution and reforms, the role of parties, leaders and the masses in the present and future.

Materials and methods. The material for the study was A. Lugovoy's “Diary of a Free Man” published in the Mayak magazine in 1906, along with some of his literary notes and works. In the process of work, the methods of historicism, comparative analysis and synthesis were applied.

Results and discussion. In historiography and literary studies, the work of A. Lugovoy, his socio-political views did not become the subject of research, since in the Soviet period the writer was actually forgotten due to the irrelevance of his works to the Soviet reader, and in the post-Soviet period, the restoration of his name in Russian literature and journalism only began. The author of this article has made an attempt to examine in detail his ideological and political positions.

Conclusion. The revolutionary process in Russia inevitably flowed into a full-scale civil war, which threatened the loss of the country, the destruction of statehood and the degradation of society. To prevent this, the peaceful evolutionary development of state-public relations could become an alternative to the opposite development of the country.

Keywords: socio-political views, socialism, liberation movement, political parties, dictatorship of the proletariat, Russian intelligentsia, revolution

For citation: Starikov SV. Socio-Political Views of the Russian Writer A. A. Tikhonov-Lugovoy (Based on the Materials of the “Diary of a Free Man”). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):98—108. EDN QTWMGG

Введение

Алексей Алексеевич Тихонов-Луговой (1853 — 1914) принадлежит к плеяде русских писателей, поэтов и драматургов чеховской поры. Расцвет его творчества приходится на 1890 — 1910-е гг. К сожалению, в советский период писатель и его творчество были забыты, практически не упоминались в истории русской литературы. Сегодня, когда восстанавливаются многие забытые имена, имя писателя А. Лугового (под таким псевдонимом он подписывал свои произведения) вновь привлекает историков, литературоведов и любителей русской словесности.

Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили опубликованные в начале XX в. материалы «Дневника свободного человека» А. Лугового, некоторые заметки и суждения писателя из его публицистики и литературных произведений. При анализе использовались методы историзма и объективности, а также сравнительно-исторический и аналитический методы.

Обзор литературы

Общественно-политические взгляды А. Лугового не были предметом изучения. В дореволюционный период эта тема вообще не поднималась. Творчество писателя изучено весьма слабо. Петербургский историк и лужский краевед В. И. Хрисанфов первым в постсоветский период исследовал жизнь и творчество писателя [3]. Автор настоящей статьи посвятил свой историко-литературный и краеведческий труд А. Луговому и его брату В. А. Тихонову, который также был известным русским писателем и драматургом [2].

Результаты исследования и их обсуждение

Русская писательская интеллигенция всегда активно интересовалась тем, что происходило в стране. В связи с этим оценка ею разных сторон русской жизни не менее интересна, чем прочие исторические источники. А. Луговой принадлежал к писателям психологического направления в русской беллетристике, прошел большую школу жизни. Его взгляды весьма интересны, отличаются оригинальностью и устойчивой личной позицией.

В автобиографической повести «„Цель вашей жизни?“ (Из старой записной тетради)» (1902)¹ А. Луговой писал о своем мировоззрении: «Моя жизнь прошла ярко, бурно и пестро. Она заставила меня выработать в себе свободное критическое отношение к самым, по-видимому, незыблемым, общепризнанным истинам, к самым высоким идеалам и авторитетам, а в то же время не клеймить безнадежным презрением ничего, что в известный момент предается толпой поруганию. В таком мировоззрении нераздельно сливаются величайшая терпимость и величайший скептицизм. Оно не из радостных, это мировоззрение, — оно не из легких и не из выгодных. С ним не трудно очутиться лицом к лицу перед сплоченным большинством людей с очень твердыми, определенными «убеждениями» того или другого склада, правого или левого направления, и быть беспощадно побитым камнями, даже не чувствуя уверенности, что погибаешь за правое дело. Зато у такого мировоззрения есть важное преимущество: с ним никогда не очутишься в этой самой толпе побивающих, никогда не поднимешь с земли камень, чтобы вместе с другими бросить его в блудницу ли, в мытаря ли, или в фарисея»².

Политикой А. Луговой интересовался, но лишь в той степени, в какой это требовал его писательский труд. Он жил в сложное и неоднозначное для ответов о настоящем и будущем России время. Пореформенное тридцатилетие (1860 — 1880-е гг.) переросло в новый период рубежа XIX — XX вв., когда страна вступала в индустриальную эпоху, новый этап технического прогресса, когда обострялись прежние и возникали новые социальные отношения, проблемы и противоречия. Политическая обстановка в России стала претерпевать перемены. Появились политические партии. Общественное движение становилось все более сложным и полярным. Политическая борьба влияла на все стороны российской жизни. Она захватывала и центр страны, и регионы.

В первой половине 1906 г. А. Луговой работал над сборником «Маяк». Сначала писатель хотел издавать литературно-политический журнал «Маяк», выходящий

¹ Сочинения А. Лугового. СПб., [Б. г.]. Т. 12. С. 173 — 314.

² Там же. С. 175 — 176.

два раза в месяц без предварительной цензуры. Прошение об этом было подано еще в марте 1903 г. в Главное управление по делам печати. В апреле 1904 г. писатель получил разрешение, но с подчинением его предварительной цензуре. Начавшиеся вскоре события первой русской революции изменили планы, и А. Луговой решил издавать сборники под таким же названием, не определяя их выход никакими сроками. Задачу «Маяка» писатель видел в том, чтобы «служить делу истинной свободы человека»³. В предисловии издателя А. Луговой писал о беспартийности сборника и стремлении служить маяком для всех идущих к познанию истины и обретению свободы. В 1906 г. сборник «Маяк» вышел в свет. В нем отразились настроения того бурного для России времени, когда страна под воздействием Манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. начала постепенную трансформацию от неограниченного самодержавия к монархии с демократическими представительными органами власти. Ощущение перемен обусловило и содержание этого издания. Главными публикациями сборника стали произведения самого А. Лугового: политическая трагедия в стихах «Максимилиан — император Мексиканский» (Пролог. Картины 1-я и 2-я) и «Дневник свободного человека».

Сборник «Маяк» имел успех у читателя. Его тираж быстро разошелся. Появились отклики на сборник. В мае 1906 г. А. Луговой получил письмо от писателя К. К. Арсеньева, который писал Алексею Алексеевичу о том, что с большим удовольствием прочитал «Дневник свободного человека». «Мне очень по душе, — писал он, — Ваша отповедь на крайности социал-демократов, теперь опять возобновляющих свою осеннюю кампанию» [3, с.102]. В журнале «Вестник Европы» было отмечено множество «талантливых страниц в широко задуманной трагедии, сюжетом которой служит судьба императора мексиканского Максимилиана»⁴.

Публикации сборника «Маяк» позволяют оценить общественно-политические взгляды А. Лугового, который, несмотря на отрешенность от политики, считал своим долгом высказаться о происходящем, о перипетиях общественной борьбы в стране. Свое «кредо» относительно мирового развития писатель указал в предисловии к трагедии «Максимилиан — император Мексиканский». Переживаемую эпоху он назвал революционной. Каждое поколение строит свои планы для устройства «идеального мирового порядка». «Ведь конечная задача всех революций — создать такие условия быта и международных отношений, при которых не было бы причин ни для новых революций, ни для войн», — констатирует А. Луговой⁵. Писатель апеллирует к истории европейских революций, отмечая, что история воздала по заслугам революционерам за ошибки и издержки. Исторический опыт очень важен и поучителен, причем не только Европы, но и Америки. Говоря о России, А. Луговой отметил, что «у нас государственные люди до сих пор охотнее черпают свою мудрость в давно иссякших мутных источниках Византии, чем в бьющей ключом новой жизни стран»⁶. Мировая история, по мнению писателя, дает пищу для размышлений о монархии и республике, о политическом первенстве, о патриотизме в

³ Маяк: Лит.-публ. сб. СПб., 1906. С. 1.

⁴ А. А. Тихонов-Луговой: Некролог // Вестник Европы. 1914. Кн. 11. С. 397.

⁵ Луговой А. Дневник свободного человека // Маяк. С. 4.

⁶ Там же. С. 4 — 5.

переживаемое нами «переходное время». В этом отношении мексиканская трагедия, суть которой в противоборстве монархического и республиканского начал, весьма показательна и актуальна. В связи с этим «созревшей, давно ожидаемой и неизбежной», по выражению А. Лугового, является русская революция. У ее истоков стоит общественное движение, которое писатель охарактеризовал как «освободительное». Во многих странах нарастало пролетарское движение, основанное на началах «учения социализма». Интернационализм противостоит гегемонии и национализму. «Правильное, вполне мирное развитие социализма во всех странах, — писал А. Луговой, — несмотря на разнообразие их теперешнего политического строя и религиозных верований, должно привести все народы к тому благословенному времени, когда мечи перекуют на плуги, когда не будет ни эллина, ни иудея, и каждый человек будет свободным гражданином всего мира»⁷. В каких формах это проявится предвидеть просто невозможно. «Вера в социализм есть вера в грядущий золотой век, и, как таковая, она с каждым днем захватывает все большие и большие массы верующих; одни принимают сознательно, другие — по простому доверию к сознательным. Жажда всемирного мира и общего счастья в будущем так велика, что современное человечество не останавливается ни перед какими жертвами для его достижения...»⁸. Ни одна партия не может, по мнению писателя, определить все формы будущего строя. Это же касается и политиков. Чем выше будет духовность, интеллект, кругозор строителей будущего общества, тем совершеннее будет здание, которое они воздвигнут. При постройке цементом должно служить, как считал А. Луговой, «сознательное самопожертвование», любовь к человеку, снисхождение к тем, кто еще не принял социализм и вел борьбу против него.

«Дневник свободного человека» — это своеобразная исповедь писателя на политическую тему, стремление привести в какую-то систему все увиденное, услышанное и пережитое в Петербурге в 1905 и начале 1906 г., проанализировать свои эмоции, обсудить личное отношение к событиям. А. Луговой отмечает, что он пережил личное потрясение. Метаморфоза состояла в том, что писатель долгие годы считал себя представителем интеллигенции, которая воспринимала себя выше обычной народной массы. Забастовка, вспыхнувшая в Питере 10 января 1905 г., показала, что русский народ — сила, зажигающая «зарю освобождения». «Эти дни январской забастовки, — признавался А. Луговой, — дали мне нечто очень ценное в сумму слагаемых моего мирозерцания. Весь громадный опыт моего прошлого оказался построенным на песке»⁹. Вера в силу «интеллигентского господства над массой» была подорвана. «Я понял, что сила не в моих руках, а сила в руках рабочего класса... Чем больше я вдумывался, тем более становились мне понятными не только возможность, но и законность так напугавшей нашу буржуазную интеллигенцию диктатуры пролетариата»¹⁰.

«Диктатура пролетариата!». Это магическое словосочетание, по выражению писателя, «сначала и меня пугало», но размышления и логические умозаключения

⁷ Луговой А. Дневник свободного человека. С. 31.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же. С. 189.

¹⁰ Там же. С. 190 — 191.

позволили прийти к выводу — «это не так страшно, как кажется». Писатель рассуждал, что, занимаясь предпринимательством, он тоже был капиталистом, но всегда лелеял мечту дать благосостояние рабочему народу. Обанкротившись, А. Луговой сам назвал себя «пролетарием». Однако революционеры настаивали на лишении «буржуазного класса» всех приобретенных им прав и присоединении его к тем, кто ничего не имеет. «Справедливо ли это? — задавался писатель вопросом. — Должен ли я мириться с этим, должен ли я радоваться наступлению переворота, или я должен бороться с ним?..»¹¹. Хотя, с другой стороны, А. Луговой отмечал, что «счастье» капиталистического строя никем и никогда не считалось идеалом. Если будущий строй устранил существование голодных и страждущих, то это будет соответствовать пониманию «моего собственного счастья». В связи с этим заключал А. Луговой, «борьба за свободу, за свою свободу, за общую, — что может быть возвышеннее, заманчивее этого!»¹².

Немало суждений в «Дневнике свободного человека» было высказано писателем в отношении русской революции и революционных партий. Революционная стихия, по его мнению, во многом была вызвана действиями самих революционеров и неудачной тактикой революционных организаций. «Ни партии, ни идеологи революции не вели ее — она увлекала их за собой». Отсюда исходила масса ошибок. Если бы движением руководили такие личности, как Г. В. Плеханов, многих ошибок и крайностей можно было избежать. «Одной из самых крупных ошибок русской революции, — считал А. Луговой, — было стремление сразу перестроить все здание русского государства по новому плану и осуществить не только в государственной, но и в частной жизни то, что может быть достигнуто лишь продолжительным и постепенным внедрением в народное сознание»¹³. Это касается и социализации земли, и обобществления средств производства. Писатель был убежден, что это нельзя сделать в одночасье, поэтому революция в России ставила преграды эволюции. Революционным путем можно добиваться только демократических свобод, а все остальное, по мнению А. Лугового, дело эволюции. «Экономические завоевания должны быть достигаемы только эволюционным путем, правильной осадкой, тихой саперной работой — не штурмом»¹⁴.

Говоря о диктатуре пролетариата, А. Луговой отмечал, что радикализм русских социал-демократов в этом вопросе уже подорвал веру многих в возможность наступления «справедливых времен». Уничтожение всей буржуазии, включая тех, кто заботился о развитии культуры и гуманизма, «ведет к регрессу и полному одичанию», «казарменному строю будущего социал-демократического государства». «Разве диктатура пролетариата означает уничтожение всей той культуры, до которой человечество доработалось путем долгих усилий, случайных и счастливых открытий в области техники, искусства и отвлеченных наук? Конечно, нет. Ведь и сама идея объединенного всемирного пролетариата, сама возможность осуществления ее могли явиться только как продукт буржуазно-капиталистиче-

¹¹ Луговой А. Дневник свободного человека. С. 193.

¹² Там же. С. 195.

¹³ Там же. С. 220.

¹⁴ Там же. С. 223.

ского строя», — полагал А. Луговой¹⁵. Идеальной диктатура пролетариата, по представлению писателя, может стать только тогда, когда она будет достигнута усилиями всего народа и превратиться в его благо. «Но было бы ошибочно думать и несправедливо а priori утверждать, что диктатура пролетариата должна будет всегда и неизбежно выразиться в форме тирании грубых элементов над элементами более культурными и развитыми, более хрупкими, более ценными в смысле дальнейшего развития культуры»¹⁶. Такого представления придерживались многие представители русской интеллигенции, но эти взгляды оказались иллюзорными. Революционная теория и практика оказались совершенно иными. Русская социал-демократия левого толка вынашивала совершенно другие формы революционной диктатуры и через десять с небольшим лет после написанного А. Луговым приступила к их реализации.

Вероятно А. Луговой предвидел худший вариант развития событий. Размышляя о власти, он писал, что власть заманчива и таит в себе зародыши деспотизма. «Человеку, в руки которого попадает власть, — считал писатель, — надо иметь фанатически-религиозную любовь к свободе, чтобы уметь подавлять в самом себе склонность к деспотизму... К сожалению, представители наших крайних левых партий, приняв на себя роль выразителей народной воли, роль, взятую ими случайно, в силу сложившихся обстоятельств, а не по плебисциту, — так сказать узурпаторы социалистической власти, — еще даже не овладев ею, уже успели показать все темные стороны охлократии»¹⁷. Причину такого поведения партийных лидеров А. Луговой видел в необразованности и отсталости слоев общества, которые «рвались на свободу». Российская социал-демократия, будучи партией наиболее сильной и организованной, «сразу показала стремление стать партией главенствующей; и все поняли это в смысле надвигающейся новой тирании»¹⁸. А. Луговой упоминает статьи Ленина, Румянцева, Алексеева, Горького в газете «Новая жизнь», которые открыли всем поборникам освободительного движения такие «перспективы подчинения неведомому новому начальству из социал-демократов, что привели в ужас самых свободолюбивых борцов за народное благо из так называемой буржуазной интеллигенции»¹⁹. «Самоуверенные вожаки русской социал-демократии» позаботились, как писал А. Луговой, оттолкнуть буржуазную интеллигенцию от рабочих. Писатель снова цитировал Г. В. Плеханова, который писал, что интересы русской революции требуют привлечь ее для достижения свободы.

О российской социал-демократии А. Луговой отзывался только как о «воинствующей армии». Отсюда вытекают все ее приемы, ее боевая тактика и никакой созидательной работы. Такая деятельность ведет к прямой военной диктатуре. «Интересы партии были поставлены выше интересов всего народа в его целом, выше интересов личности — выше самой свободы»²⁰. Писателя особенно тронули

¹⁵ Луговой А. Дневник свободного человека. С. 227.

¹⁶ Там же. С. 228.

¹⁷ Там же. С. 230.

¹⁸ Там же. С. 230 — 231.

¹⁹ Там же. С. 231.

²⁰ Там же. С. 234.

высказывания В. И. Ленина из его статьи «Партийная организация и партийная литература» о том, что литература должна стать «частью общепролетарского дела», принцип партийности в литературе эсдеки готовы провести в самой полной и цельной форме. От свободы в таком случае ничего не останется. Появится цензура, которой не было аналогов ни в России, ни в других странах. «Нечего ждать свободы в социал-демократическом строе Ленина. При полном успехе радикального переворота в России, мы, без всякого сомнения, увидели бы очень скоро реакцию более страшную и непоправимую, чем даже та, которая уже выпала теперь на долю русского народа», — заключал свой «Дневник свободного человека» А. Луговой.

Предупреждал писатель и о правой опасности. Сборник «Маяк» отразил реакцию писателя на выход в Курске в 1904 г. анонимной брошюры «Китай или мы». Его возмущению не было предела, когда один из курских «охранителей» предлагал распространить крепостное право на китайцев вплоть до покупки китайских семей русскими крестьянами, которые становились бы рабовладельцами. За этими бредовыми рассуждениями, однако, по мнению А. Лугового, стоит доктрина правых о том, что «чисто русский государственный строй отклонился в сторону, поэтому «надо кликнуть клич русскому народу: идите войной на Китай для его покорения и порабощения!». Эти так называемые истинно-русские люди толкают Россию в бездну, ибо эти шаги не спасение России, а ее гибель. «Махровым цветком политического идиотизма» назвал А. Луговой эту брошюрку, отпечатанную с дозволения цензуры. «С точки зрения внутренней политики она очень скверный показатель того яда, которым заражены представители так называемых „охранительных“ течений в нашем обществе». Да наступят же скорее светлые дни! Да здравствует солнце, да скроется тьма!»²¹.

Многие представители русской интеллигенции в начале XX в. свободу рассматривали как освобождение от авторитарных проявлений политического строя, обретение прав и свобод для личности, удовлетворение народных чаяний и желаний. В связи с этим они симпатизировали общественному движению, боровшемуся за эти идеалы, называя его освободительным. В событиях 1905 — 1906 гг. они увидели стремление передовых общественных кругов добиться реализации благородных целей, осуждая крайние радикальные лозунги и призывы и отвергая революционное насилие. К ним принадлежал и А. Луговой.

Писатель откликнулся на происходящее стихами. В одном из них под названием «Идем» он призывал:

Над родиной черные тучи нависли,
И молния блещет, и слышится гром.
Сходитесь, борцы независимой мысли,
Вас кличет Земля грозным кличем: «Пойдем!»

Пойдем... Где в борьбе за права человека
Приемлют и смерть, и терновый венец
И сильный работник, и жалкий калека,
И пахарь простой, и ученый мудрец.

²¹ Луговой А. Дневник свободного человека. С. 273 — 275.

Там место для всех, кто душою свободной
Стремится к свободе в родимой стране.
Сплотимся-же в дружной работе народной,
Сольемся в великой народной волне²².

А. Луговой испытывал потребность высказаться как гражданин России, что он и осуществил в «Дневнике свободного человека». По мнению Е. А. Ляцкого, писателя и литературного критика, это он сделал «с большой определенностью и отчетливостью». «Его публицистические статьи и заметки свидетельствовали, что по основным воззрениям на особенности нашего общественного быта он не расходился со взглядами передовой русской интеллигенции» [1, с. 262].

Открытие Первой Государственной думы приветствовали широкие круги российской общественности. 27 апреля 1906 г. А. Луговой по приглашению присутствовал на ее заседании. Посетив народное представительство, он посвятил ему следующие стихи:

Я видел новую Россию:
Подняв главу, порвав с своим былым,
Она встречала Думу, как Мессию,
Крича «осанна» избранным своим.

Им вслед гремел наказ народа:
«Постойте за свободу до конца!..
Амнистия!.. Свобода! Прав! Свобода!..
Не бойтесь тернового венца!»

И с этой ношей гордо, смело
Они пошли, ответив нам: «Умрем!»
И верит Русь: народной воли дело
Они свершат или умрут. Мы ждем²³.

9 июля Дума была распущена, просуществовав 72 дня. Узнав об этом, А. Луговой произнес: «...Жутко становится при мысли о том, что ждет теперь Россию». «Я почти уверен, что это будет судьба Мексики – десятилетия гражданской войны». «Не хочется больше думать о настоящем, не хочется загадывать и о будущем» [3, с. 103].

Как писатель-психолог он не мог пройти мимо совершавшихся в России событий, последствия которых были не ясными. Однако А. Луговой верно передал общественную атмосферу тех событий, эволюцию идей и настроений разных социальных слоев общества. Несомненно, что сам Алексей Алексеевич переживал за все, что происходило на его родине. В связи с этим он не мог не приветствовать манифест императора Николая II от 17 октября 1905 г. о даровании русскому наро-

²² А. Луговой. Стихи: 1884 — 1912. СПб., 1912. С. 50 — 51.

²³ Там же. С. 52.

ду демократических прав и свобод, видя в этом залог дальнейшего мирного эволюционного развития России, а не революции, которая приведет к бунту бессмысленному и беспощадному, способному лишь отбросить страну далеко назад.

В 1907 г. А. Луговой окончательно отходит от политической темы. «У меня теперь нет желания заниматься вопросами текущей политики, — писал писатель в одном из писем известному юристу А. Ф. Кони [3, с. 103].

Алексей Алексеевич был поборником прогрессивного развития. Он живо реагировал на новинки науки и техники, считая, что научно-технический прогресс усиливает страну, общество, людей, делая их богаче и счастливее. Когда по инициативе «Нового времени» в России начался сбор средств на организацию первой русской полярной экспедиции Г. Я. Седова, А. Луговой одним из первых отозвался на это начинание: «Горячо сочувствуя экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу, уверен, что найдется достаточное число благомыслящих людей, которые, давая даже небольшими суммами, помогут ему собрать необходимые на это предприятие средства. Прошу принять и мою маленькую долю. Прилагаю пять рублей. Ал. Луговой»²⁴.

Заключение

Таким образом, писатель А. Луговой, живший в России на переломе эпох, когда политическая борьба в стране приобрела характер открытого противостояния между властью и политическими партиями, идейными теориями преобразования мира и общества, оставался сторонником постепенного эволюционного и прогрессивного развития страны. Он отвергал революционные теории, которые способны разделить общество по классовому признаку, противопоставить традиционным основам жизни российского общества революционный максимализм как единственный способ решения социальных проблем. Отвергая крайне левые и крайне правые позиции, писатель был убежден, что истина рождается не в отрицании того, что есть и не в навязывании того, что может принести еще больше страданий, а в понимании и осознании того, что в жизни «нераздельно сливаются величайшая терпимость и величайший скептицизм», что революция вовсе не мессия для России и может закончиться величайшей трагедией. Писатель предрекал России длительный революционный процесс, сравнивая историю России и историю любимой им Мексики. Так оно и получилось. Однако увидеть все перипетии Великой Российской революции ему не удалось. Его жизнь оборвалась в начале Первой мировой войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ляцкий Е. А. Памяти А. А. Лугового // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1914. № 12. С. 258 — 264.
2. Стариков С. В. Русские писатели Алексей Луговой и Владимир Тихонов: (историко-литературные очерки о знаменитых царевококшайцах). Йошкар-Ола: Стринг, 2022. 404 с.
3. Хрисанфов В. И. Лужский затворник. Страницы жизни русского писателя А. А. Тихонова-Лугового. СПб.: Скифия-принт, 2009. 240 с.

²⁴ Луговой Ал. Об экспедиции к Северному полюсу (письмо в редакцию) // Первая русская экспедиция к Северному полюсу: сб. СПб., 1912. С. 10.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 03.04.2024.

Информация об авторе:

Сергей Валентинович Стариков, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (424001, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1), доктор исторических наук, sv.starikov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Lyatsky EA. In Memory of A. A. Lugovoy. *Voice of the Past. Journal of History and Literary History*. 1914;(12):258—264. (In Russ.)
2. Starikov SV. Russian Writers Alexey Lugovoy and Vladimir Tikhonov (Historical and Literary Essays on the Famous Tsarevokokshaytsy). Yoshkar-Ola;2022. (In Russ.)
3. Khrisanfov VI. The Luga Recluse. Pages of the Life of the Russian Writer A. A. Tikhonov-Lugovoy. St. Petersburg;2009. (In Russ.)

The article was submitted 01.03.2024; approved after review 28.03.2024; accepted for publication 03.04.2024.

Information about the author:

Sergey V. Starikov, Professor of the Department of National History of the Mari State University (1 Lenin Square, Yoshkar-Ola 424001, Russia), Doctor of Historical Sciences, sv.starikov@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 002.2:929(470.344)
EDN QWZQZQ

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ИЗ ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ «ХЫПАР»: 1906 — 1907 гг.

А. П. Леонтьев¹✉, В. В. Андреев²

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия

² Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
г. Чебоксары, Россия

✉alexej.leontjew2014@yandex.ru

Аннотация

Введение. Первая чувашская газета «Хыпар» («Весть»), созданная кандидатом богословия Казанской духовной академии (так в свидетельстве о регистрации) Н. В. Никольским, выходила в течение одного года и четырех месяцев. Из 65 номеров 16-полосного еженедельника 22 были выпущены непосредственно под редакторством основателя, очередные 11 редактировал С. К. Кириллов. Не выдержав давления со стороны чувашской организации партии социалистов-революционеров, Н. В. Никольский вынужден был отказаться от учредительства и с 34-го номера издание стало эсеровским.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе изданных работ и рукописных материалов, часть из них впервые введена в научный оборот. Применены принципы историзма, объективности и системности, использованы методы исследования: историко-генетический, аналитический и фактологический.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье авторы воссоздали хронологию процесса отобрания у Н. В. Никольского основанной им газеты «Хыпар», уделив особое внимание решению съезда чувашских учителей в Симбирске и действиям лидера поволжских эсеров Т. Н. Николаева (Хури).

Заключение. Первая чувашская газета «Хыпар» на начальном этапе воплощала культурно-просветительский проект под руководством основателя, издателя-редактора Н. В. Никольского и его доверенного лица С. К. Кириллова. Не утруждая себя попытками создания своего печатного органа, манипулируя общественным мнением в лице съезда чувашских учителей в Симбирске, а также давлением на издателя-редактора, чувашские эсеры вынудили Н. В. Никольского отказаться от своего детища. Второй этап деятельности «Хыпара» завершился его закрытием властями в конце мая 1907 г.

Ключевые слова: Н. В. Никольский, газета «Хыпар», чувашские эсеры, Т. Н. Николаев (Хури), съезд чувашских учителей, смена учредительства, закрытие газеты

Для цитирования: Леонтьев А. П., Андреев В. В. Из истории газеты «Хыпар»: 1906 — 1907 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 109 — 120. EDN QWZQZQ

© Леонтьев А. П., Андреев В. В., 2024

Original article

FROM THE HISTORY OF THE NEWSPAPER “KHYPAR”: 1906 — 1907

A. P. Leontyev¹✉, V. V. Andreev²

¹ Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia

² Cheboksary Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation,
Cheboksary, Russia

✉ alexej.leontjew2014@yandex.ru

Abstract

Introduction. The first Chuvash newspaper “Khypar” (Message), created by candidate of theology of the Kazan Theological Academy (as in the registration certificate) N. V. Nikolsky, was published for only one year and four months. Of the 65 issues of the 16-page weekly, 22 were published directly under the editorship of the founder, the next 11 were edited by S. K. Kirillov. Unable to withstand pressure from the Chuvash organization of the Socialist Revolutionary Party, N.V. Nikolsky was forced to abandon the founders and from the 34th issue the publication became a Socialist Revolutionary publication.

Materials and methods. The research was carried out on the basis of published works and handwritten materials, some of them were introduced into scientific circulation for the first time. The principles of historicism, objectivity and consistency are applied, research methods are used: historicalgenetic, analytical, factual.

Results and discussion. In the article, the authors based on published research, archival documents, including memoirs of active participants in the events, handwritten notes by N. V. Nikolsky recreated the chronology of the process of taking away the newspaper “Khypar” founded by him, paying special attention to the decision of the congress of Chuvash teachers in Simbirsk and the actions of the leader of the Volga Socialist Revolutionaries T. N. Nikolaev (Khuri).

Conclusion. The first Chuvash newspaper “Khypar” at the initial stage embodied a cultural and educational project under the leadership of the founder, publisher-editor N. V. Nikolsky and his confidant S. K. Kirillov. Without bothering to create their own printing body, manipulating public opinion in the person of the congress of Chuvash teachers in Simbirsk, as well as pressure on the publisher-editor, the Chuvash social Revolutionaries forced N. V. Nikolsky to abandon his brainchild. The second stage of Khypar’s activity ended with its closure by the authorities at the end of May 1907.

Keywords: N. V. Nikolsky, newspaper «Khypar», Chuvash Social Revolutionaries, T. N. Nikolaev (Khuri), congress of Chuvash teachers, change of founders, closure of the newspaper

For citation: Leontyev AP, Andreev VV. From the History of the Newspaper “Khypar”: 1906 — 1907. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):109—120. EDN QWZQZQ

Введение

Первая чувашская газета «Хыпар», созданная кандидатом богословия Казанской духовной академии Н. В. Никольским в Казани, выходила всего лишь один год и четыре месяца. В архивах сохранились все 65 номеров 16-полосного еженедельника. 22 номера были выпущены непосредственно под редакторством основателя, очередные 11 редактировал С. К. Кириллов, замещавший Н. В. Никольского во время его научной экспедиции. В тот период «Хыпар» функционировал как издание культурно-просветительское, в меру освещавшее социально-политическую жизнь в Российской империи и чувашском крае. В нем в основном публиковались переводные материалы из русскоязычных газет и журналов. Не выдержав давления со

стороны чувашской организации эсеровской партии, Н. В. Никольский в августе 1906 г. был вынужден отказаться от учредительства «Хыпара», и с 34-го номера издание стало эсеровским. При издателях-редакторах С. И. Игнатъеве, П. А. Алексееве и В. И. Иванове в газете стала преобладать революционная тематика, что и предопределило судьбу издания. Его номера подвергались арестам. После заведения уголовного дела С. И. Игнатъев эмигрировал во Францию. При шестом редакторе А. А. Николаевой набор оттисков 66-го номера, сверстанного и отправленного в типографию, был рассыпан и газета прекратила выходить.

Материалы и методы

Источниками исследования выступили изданные в разные годы работы и рукописные материалы, хранящиеся в архивах, часть из которых впервые вводится в научный оборот. К ним относятся, например, появившиеся в свет еще в 20-е гг. XX в. некоторые работы «буржуазного националиста» и «учредилловца», «белогвардейца» Д. П. Петрова (Мётри Юман), находившиеся в «спехране». При написании статьи применены принципы историзма, объективности и системности, использованы следующие методы исследования: историко-генетический, аналитический, проблемно-хронологический и фактологический. Используя историко-генетический метод, были выявлены причинно-следственные связи при смене учредительства. Аналитический метод позволил более глубоко познать действия организации чувашских социалистов-революционеров по присвоению газеты и ориентированию редакционной политики на решение узкопартийных вопросов. С помощью фактологического метода были обобщены результаты анализа исследуемого материала.

Обзор литературы

История первой чувашской газеты «Хыпар», в том числе биографии ее редакторов, нашли отражение в многочисленных работах¹ [3; 6; 7]. Во многих исследованиях при изучении рассматриваемой темы встречается достаточно много дискуссионных вопросов.

Результаты исследования и их обсуждение

В коллективной монографии «История чувашской литературы XX века». Ч. 1: (1900 — 1955 годы) дана информация о том, что большинство делегатов съезда чувашских учителей, прошедшего в августе 1906 г. в Симбирске, в том числе С. И. Игнатъев, один из редакторов газеты «Хыпар», одновременно выступали против политических устоев в России (с позиции эсеров) и критиковали чувашских священников как приспешников власти и церкви. Борьба «на два фронта» оказалась для них непосильным трудом: газета закрылась из-за финансовых затруднений и ареста сотрудников редакции [1, с. 29].

В этом случае вызывают сомнения два факта:

1) после Н. В. Никольского газету редактировал не только С. И. Игнатъев (третий по счету редактор. — А. Л., В. А.); согласно полученному свидетельству от Казанского губернатора, ответственным редактором «Хыпара» с 23-го по 33-й номер

¹ «Хыпарçăсем» [Вестники] / сост. П. В. Денисов. Шупашкар, 1961. 272 с.; «Хыпар» — чăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ. Н. В. Никольский аса илĕвĕ тата ăна ăнлантарса пани = «Хыпар» — первая чувашская газета. Воспоминания Н. В. Никольского и комментарии / сост. и автор комм. А. П. Леонтьев. Чебоксары, 2006. 78 с.

был С. К. Кириллов, в то же время издателем и собственником оставался Н. В. Никольский², четвертый издатель-редактор — П. А. Алексеев³, однако фактически он был зиц-редактором, при нем творческий процесс возглавлял В. И. Иванов и он, таким образом, состоял негласным редактором 6 номеров, а по существу издателем-редактором⁴ еще 16 номеров, при нем вышел последний, 65-й, номер «Хыпара». От него издание перешло А. А. Николаевой⁵. Подготовленный при ней 66-й номер издания был арестован властями, и газета прекратила свою деятельность;

2) газета закрылась определенно не из-за недостатка средств (она в них нуждалась на всем протяжении существования); после закрытия из сотрудников редакции никто не был арестован (был задержан и сослан в Сибирь сроком на три года наборщик типографии, один из первых авторов «Хыпара» Т. С. Семенов (Таэр Тимки), однако арест его не был связан с газетой).

Кроме Н. В. Никольского и С. К. Кириллова, остальные издатели-редакторы «Хыпара» являлись членами чувашской организации партии социалистов-революционеров, сподвижниками лидера поволжских эсеров Т. Н. Николаева (Хури). Вне всякого сомнения, последний являлся инициатором «операции» по приобретению газеты Н. В. Никольского [4].

Здесь слово «приобретение» отнюдь не выражает сути произошедшего. Один из сотрудников эсеровского «Хыпара» (он же первый редактор просоветской газеты «Канаш») Д. П. Петров по прошествии восемнадцати лет отметил, что Н. В. Никольский и сам не заметил, как его газета «переходит на другой путь, с укреплением своих рядов чувашские революционеры газету забирают в свои руки»⁶. Однако это весьма субъективное суждение автора. В другой работе Д. П. Петров безапелляционно ставит точку в оценке учредителей и идеологии газеты на первой стадии ее функционирования, заявляя, что во главе общественно-революционного движения чувашей попыталась встать буржуазная часть интеллигенции, «которая начала издавать первую в истории чувашей политическую газету “Хыпар”». Эту интеллигенцию Д. П. Петров относит к партии кадетов, имевшей популярность среди народа благодаря своей культурно-просветительской деятельности. По версии Дмитрия Петровича, после разгона первой Государственной думы и усиления активности крестьянской массы «эта интеллигенция должна была сойти с политической арены», а ее место занять радикально-социалистическая интеллигенция [6, с. 56].

Говоря о партийности «Хыпара» и его основателя, ограничимся фразой Н. В. Никольского: «В этой газете идеи никакой партии не проскальзывали, она была беспартийная и надклассовая, т. к. я выступал и был противником всякой партии». Он категорически опровергает мнение о том, что газета была органом кадетско-эсеровской партии, а он его членом⁷. Очевидно, это касается того времени, когда вышли

² РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 776. Оп. 21 (1906). Д. 86. Л. 3.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ Юман М. (Петров Д. П.). 1905-мёш сүл: (Чăвашсем хушшинче пулнă ёссене асăнни) [1905 год: Воспоминания о делах, произошедших среди чуваш]. Шупашкар, 1925. С. 100.

⁷ Леонтьев А. П. «Уголовное дело» Н. В. Никольского // КИЛ. 2008. № 3. С. 71 — 82.

33 номера под руководством Н. В. Никольского. В то же время контент-анализ материалов, опубликованных при редакторстве С. К. Кириллова, свидетельствует о радикализации редакционной политики, так как выпущенный в отсутствие издателя первый же номер был подвергнут аресту.

Не можем согласиться и с мнением автора И. Н. Никифорова, утверждающего, что в редакции газеты уже в первые месяцы сформировалась ячейка революционных демократов под руководством студента Казанского ветеринарного института Т. Н. Николаева и наборщика Центральной казанской типографии Т. С. Семенова. Якобы эта ячейка была настолько настойчива в своих требованиях, что перед ней не мог устоять и Н. В. Никольский, вследствие чего его договоренность с цензурой теряла всякий смысл [5, с. 7]. Однако доподлинно известно, что в период редакторства Николая Васильевича не было ни одного эксцесса с публикациями, чтобы вмешивалась цензура. Кроме того, Т. Н. Николаев и Т. С. Семенов никогда не состояли в штате редакции, притом последний занимался набором материалов не только для «Хыпара».

Если были бы настойчивые требования со стороны революционных демократов в начальный период деятельности редакции, Н. В. Никольский однозначно поделился бы об этом в своих воспоминаниях. Он действительно признает, что начиная с мая 1906 г. среди сотрудников стали появляться различные «группировки». Например, бывшие ученики Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ) и студенты Казанского учительского института предъявляли к редакции требование «помещать побольше статей политического и социально-экономического характера». Студенты других казанских вузов и учащиеся средних школ поддерживали прежнее общее направление «Хыпара»⁸. Николай Васильевич отмечал, что редакция газеты заранее была предупреждена о запрете публиковать материалы на политические темы. Кроме того, за выходящими в Казани книгами и другой издательской продукцией на чувашском языке, в том числе газетой «Хыпар», «наблюдал» Н. И. Ашмарин [2]. «С ним пришлось договориться относительно предварительной (до набора) цензуры рукописной сводки каждого номера»⁹.

11 июня 1906 г. временно исполняющий обязанности редактора С. К. Кириллов проинформировал читателей о том, что Н. В. Никольский уехал в экспедицию, передав полномочия ему. С. К. Кириллов заверил, что газета будет издаваться как прежде¹⁰. Между тем перед текстом-обращением к читателям нового редактора было опубликовано стихотворение «*Чаплă вилĕм юрри*» (Песня о славной смерти) Т. С. Семенова: ...*Пирĕн халĕ çĕр çинче / Çырмари пек юн юхать. / Хресчен сахал хирĕнче / Куçсуллине сухалать. / ...Акă эфир вилнĕ пек / Çын ырлăхĕшĕн вилĕр. / Ун пек вилĕм пулмĕ тек, / Ырлăхăра вăрçса илĕр* = («У нас теперь на земле / Словно река кровь течет. / Крестьянин на своем маленьком поле / Слезами пашет. / ... Вот так, как мы умираем, / За народное счастье умирайте. / Такой смерти не будет больше, / Счастье свое обретайте в борьбе»).

⁸ «Хыпар» — чăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ... С. 53.

⁹ Там же. С. 47.

¹⁰ [«Хыпар» çĕнĕ редакторпа («Хыпар» с новым редактором)] // Хыпар. 1906. № 23. 11 Çĕртме [июнь]. С. 16.

Эти строки послужили поводом для конфискации отпечатанного, готового к отправке тиража очередного номера газеты. До сих пор ничего подобного не случилось, тем более, в отсутствие собственника. Возможно, прав К. К. Петров, отмечавший, что поэт-революционер Т. С. Семенов без ведома С. К. Кириллова в первый же номер газеты «заверстал свое стихотворение». После просмотра редактором гранок (набора оттисков напечатанного материала) они относились в наборный цех для исправления именно к Т. С. Семенову [7, с. 18]. Отметим, что в типографии лишь он один владел чувашским языком. Факт, подтверждающий это, нами был найден в воспоминаниях С. К. Кириллова. Оказывается, Т. С. Семенов свое стихотворение написал и набрал для печати еще при Н. В. Никольском, который после конфискации номера газеты сообщил С. К. Кириллову, что Семенов без его разрешения уже пытался поместить стих в газете¹¹.

Не провокацией ли была эта публикация со стороны чувашских эсеров с целью проверить бдительность ответственного редактора С. К. Кириллова и оценить реакцию издателя Н. В. Никольского? На этот вопрос ответа нет. Тем не менее можно предположить, что Т. С. Семенов, ближайший соратник Т. Н. Николаева, лидера чувашских эсеров, не мог напечатать свое стихотворение, не посоветовавшись с ним. В результате был сделан первый и существенный шаг, приближающий эсеров к «захвату» «Хыпара».

Могли ли чувашские эсеры зарегистрировать свою газету? Один из авторитетных историков А. В. Изоркин заявляет, что в одно и то же время с «Хыпаром» невозможно было создать другую газету¹². С этим доводом трудно согласиться, так как ни один источник не сообщает о попытках обращения чувашских эсеров по вопросу регистрации собственного периодического издания. На наш взгляд, будущие «экспроприаторы» «Хыпара» могли основать свою газету, ведь в Казани одновременно с «Хыпаром» выходили несколько газет на татарском языке, например, «Казан мухбире», «Азат», «Баянель-хак», «Тан юлдузы», «Азат халык»¹³. Скорее всего, Т. Н. Николаев и его соратники первоначально пытались подчинить своей воле Н. В. Никольского, но просчитались. Тогда эсеры выбрали радикальный путь решения вопроса: заставить издателя-редактора отказаться от «Хыпара».

В июне 1906 г. Н. В. Никольский с целью сбора этнографических и фольклорных материалов отправился в экспедицию в населенные чувашами местности Ядринского, Цивильского, Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. Находясь в д. Испуханы (ныне Ядринский муниципальный округ Чувашской Республики. — А. Л., В. А.) Николай Васильевич узнает «об аресте газеты». Он был вынужден прервать научную экспедицию и вернуться в Казань. Оказалось, что С. К. Кириллов не выдержал давления со стороны чувашских эсеров и по их требованию поместил в «Хыпаре» статьи политического характера. «Редакцию ждал разгром, как это

¹¹ НА ЧГИГН (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. II. Ед. хр. 678. Инв. № 1804. Л. 16 — 17.

¹² Изоркин А. В. Пулас редактор [Будущий редактор] // Чăваш чĕрĕлĕхĕн хыпарсем. Вĕрентĕ пособийĕ [Вестники чувашского возрождения: учеб. пособие]. Шупашкар, 2000. С. 35.

¹³ «Хыпар» — чăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ... С. 9.

случилось с татарскими газетами... По моему настоянию не допущенные цензурой листы „Хыпара“ были перепечатаны и номер вышел в свет и разослан»¹⁴.

Казанский губернатор М. В. Стрижевский 20 июля 1906 г. докладывал министру внутренних дел Российской империи, что Казанская судебная палата «16 июня сняла арест», наложенный 10 июня по распоряжению инспектора по делам печати на № 23 чувашской газеты «Хыпар»¹⁵.

Благодаря участию Н. В. Никольского инцидент был оперативно разрешен и очередные номера газеты вышли по графику — 18 и 25 июня. Известно, убедившись в надежности С. К. Кириллова, Николай Васильевич продолжил экспедицию, оставив наставления: «Требования на книги благоволите удовлетворить и записывать в особую тетрадь или же на отдельных листочках, но непременно сшивать. <...> Каждую брошюру благоволите сдать А. А. Дубровину (казанский книгопродавец и издатель. — А. Л., В. А.) для распродажи по крайней мере в 100 экз.». Кроме того, 12 экземпляров необходимо было представить цензору Н. И. Ашмарину, а самое главное, обо всех недоумениях незамедлительно сообщать Н. В. Никольскому¹⁶. К записке приложен длинный список адресатов «Хыпара», в частности, Варшава (редакция газеты «Варшавский дневник»); Санкт-Петербург («Обновленная Россия», «Новь»); г. Николаев Херсонская губерния («Южная Россия»); Москва («Новости дня»). Кроме того, Таганрог, Вятка, Симбирск, Самара, Саратов, Уфа, Оренбург, Тобольск, Томск; Бугульма Самарской губернии (наблюдатель церковной школы, священник А. С. Иванов и священник с. Туарма Д. Ф. Филимонов); с. Старые Урмары Цивильского уезда (крестьянин Е. Семенов) и т. д.¹⁷

В 1960 г. в воспоминаниях С. К. Кириллов приводит факты, подтверждающие намерения чувашских эсеров относительно перспектив «Хыпара». С. К. Кириллов на нелегальном совещании в гостином дворе «Сибирские номера» в Казани впервые услышал «предложение передать „Хыпар“ в ведение Общества содействия просвещению чуваш». Против такой инициативы возразил только он¹⁸.

Нами допускается мысль, что именно после совещания в Казани Н. В. Никольский был извещен о намерениях чувашских эсеров «отобрать» у него газету. С этой целью в сопровождении двоюродного брата этнографа и фольклориста И. Д. Никитина (И. Юрки) 11 июля 1906 г. Т. Н. Николаев приехал к издателю в д. Юрмекейкино¹⁹. К сожалению, содержание диалога между Т. Н. Николаевым и Н. В. Никольским нам неизвестно. По прошествии времени Николай Васильевич заявляет, что газету у него «отобрала группа молодежи из чуваш, исключенная из СЧУШ за бунт»²⁰.

В сдвоенном номере газеты была опубликована информация о том, что 1 — 2 августа 1906 г. представители чувашской интеллигенции, в основном учителя из Симбирской, Казанской, Самарской и Уфимской губерний, собрались в Симбирске

¹⁴ «Хыпар» – чăвашсен пĕрремĕш хаçачĕ... С. 53.

¹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 21 (1906). Д. 86. Л. 6.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 161. Л. 375.

¹⁷ Там же. Л. 339 — 347.

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 678. Инв. № 1804. С. 9.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 350.

²⁰ Леонтьев А. П. «Уголовное дело» Н. В. Никольского // КИЛ. 2008. № 3. С. 71 — 82.

на форум, провозгласивший создание Союза чувашских учителей. На нем кроме вопросов просвещения чувашского народа обсуждались вопросы его действительного участия в государственных делах, «ибо во всем должна быть воля народа»²¹.

Из воспоминаний лидера чувашского национального движения С. Н. Николаева узнаем, что на тайной встрече чувашских учителей была создана региональная организация эсеровской партии, кроме того, было постановлено приобрести у Н. В. Никольского еженедельник «Хыпар». Для осуществления этих целей был выбран комитет из следующих лиц: Г. Ф. Федоров (председатель), С. Н. Николаев (секретарь), Т. Н. Николаев, Д. Н. Николаев и С. И. Игнатъев (члены)²².

Отметим, что С. К. Кириллов принимал участие на съезде, когда решалась судьба «Хыпара»²³. Неизвестно — голосовал ли он за передачу издания чувашским эсерам, был ли информирован о его поездке на съезд Н. В. Никольский.

Получается, добровольного отказа не было. Однако владелец «Хыпара» дал согласие на ее продажу С. И. Игнатъеву: Н. В. Никольский отправляет на имя Казанского губернатора М. В. Стрижевского заявление с обоснованием, что ввиду чрезмерной занятости наукой и невозможности исполнять две весьма сложные обязанности он окончательно оставляет редакторство-издательство газеты²⁴. 23 августа 1906 г. приобретение газеты С. И. Игнатъевым оформляется свидетельством²⁵.

34-й номер «Хыпара» от 27 августа 1906 г. вышел за подписью нового издателя, который в редакционном материале объяснял читателям причину задержки выпусков: «Газета от прежнего редактора перешла в наши руки. Это дело не так быстро решалось, не все от нас зависело». Новый редактор подверг критике «Хыпар», выходящий при Н. В. Никольском и С. К. Кириллове, обвинив от слов читателей в несмелости высказывания мыслей: «В русских газетах не так, там смело пишут, поэтому мы выписываем русские газеты». С. И. Игнатъев обещает впредь в силу своих возможностей постараться «учить уму-разуму крестьян»²⁶. Данные высказывания задевали Н. В. Никольского, так как анализ материалов на «крестьянскую тему» в выпущенных им номерах свидетельствовал об обратном.

Как отмечает И. Д. Никитин, к газете стали относиться более враждебно²⁷. В отчете по Казанской инспекции по делам печати за 1906 г. в Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел, подписанного председателем Казанского Временного комитета по делам печати М. Пинегиным 30 апреля 1907 г., отмечено: «...В этом году появилась пресса, периодическая и неповременная (нерегулярная. — А. Л., В. А.), на чувашском языке, принявшая в общем направление более левое и еще более резкое, чем татарская печать»²⁸. Слова эти однозначно относятся к газете «Хыпар». Через месяц она закрылась.

²¹ Чăваш халăхне вĕрентешĕн тăрăшакансен пухăвĕ [Съезд деятелей просвещения чувашского народа] // Хыпар. 1906. № 31-32. 6 — 13 Сурла [август].

²² Николаев С. Н. Воспоминания // ЛИК. 2006. № 4. С. 82.

²³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 678. Инв. № 1804. Л. 9 — 10.

²⁴ НА РТ (Научный архив Республики Татарстан). Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 1944. Л. 22.

²⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 21 (1906). Д. 86. Л. 8.

²⁶ Хыпар. 1906. № 34. 27 августа.

²⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 536.

²⁸ Там же. Отд. VIII. Ед. хр. 214. Инв. № 1612. Л. 159.

Большинство чувашей газету «Хыпар» не отделяли от его основателя. Тому свидетельство — сотни доброжелательных писем в адрес Н. В. Никольского. Однако были случаи и неблагоприятного отношения. Например, в письме от 26 сентября 1906 г. «Его Высокоблагородию господину делопроизводителю Переводческой комиссии Православного миссионерского общества Н. В. Никольскому» от священника Христорождественной церкви с. Чутеева Цивильского уезда Я. Турхана адресант «почтительнейше просит» уплатить за него 14 руб. из оставленных им Н. В. Никольскому 50 руб. в начале 1906 г. на издание газеты «Хыпар» под тем условием, чтобы эта газета издавалась согласно намеченной программы в духе христианско-патриотического направления, выраженного в манифесте от 17 октября 1905 г., мною же выраженного в представленном Вам для напечатания в означенной газете в моем стихотворении „Патшалăх юрри“ [„Государственная песня“]. По мнению Я. Турхана, поскольку газета «Хыпар» еще во время редактирования непосредственно Н. В. Никольским стала проводить идеи, не согласные с обозначенными выше взглядами и убеждениями, то он «покорнейше просит возвратить и остальные тридцать шесть рублей, удержавши из них один рубль, недоданный мной за годовую подписную цену газеты. Смею быть уверенным, что Вы, милостивый государь, как человек честный и с открытым направлением, не покривите душою и исполните мою настоящую усиленную просьбу»²⁹.

Н. В. Никольский в письме сподвижнику и другу, видному деятелю дореволюционной чувашской культуры, священнику, переводчику Д. Ф. Филимонову писал: «Сколько мучат меня за „Хыпар“? Мучат не физически, а нравственно, все указывают пальцем, темные силы сняли мою кандидатуру в Учительской семинарии на [учебную дисциплину] „гражданскую историю“, потому что успели оклеветать меня перед попечителем». Далее Николай Васильевич перечисляет «обвинения» в его адрес и свои «оправдания». Относительно «1-го обвинения» выдвигает следующее оправдание: он был редактором до 25 мая 1906 г., следовательно, отвечает только за 1 — 22 номера. Все они представляют собой перевод из статей периодических изданий — «Нового времени», «Казанского телеграфа», «Обновления», «Уральского вестника» и различных епархиальных ведомостей. «Все эти газеты „черносотенные“, — почти восклицает Николай Васильевич, — тогда и „Хыпар“ б[ыл] „черносотенным“»? «Оправдания» по поводу «2-го обвинения»: он не передал бы газету Т. Н. Николаеву и его группе, если бы знал, что они социалисты-революционеры, тем более, что «в самой газете они обещались быть верными направлению Н.В.Н., что видно из примечания редактора в № 23». «3-е обвинение» (после 25 мая редакция помещалась в квартире Н.В.Н., что служит ясным доказательством против него). Николай Васильевич поясняет, что редакцию не следует смешивать с наборщиками. Последние жили в его квартире с августа 1905 г., с июня переехали в дом рядом с университетской типографией, а сотрудники переселились в особую квартиру. «4-е обвинение» (Никольский и сейчас руководит редакцией по подобию русских редакторов (имеется в виду зиц-редакторство. — *А. Л., В. А.*)). «Оправдание»:

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 163. Л. 282.

если бы руководил, то направление было бы иное, так как «Н.В.Н. не любит бранчивого тона, которым проникнут „Хыпар“ ныне...»³⁰.

Письмо написано предположительно осенью 1906 г., как и следующее послание от 18 октября 1906 г. (начало текста отсутствует, адресат неизвестен). Н. В. Никольского возмущает, что против «Хыпара» пишутся заявления в администрации, а против русских и татарских изданий ровно ничего, «между тем там и распространение очень обширное. „Крестьянская газета“ — явно социал-революционная. В половинном размере (2 000 экз.) идет к чувашам. То же самое наблюдается за „Волжским вестником“, „Всеобщей молодежной газетой“ и пр., а „Хыпар“ идет всего лишь в 700 экз.». На обвинения в адрес «Хыпара» в том, что именно она революционизирует чувашей, Николай Васильевич предъясняет неопровержимые аргументы: 1) задолго до «Хыпара» среди чувашей стали происходить беспорядки; 2) читатели чувашской газеты по преимуществу мирные жители, рассудительные и вовсе несклонные к дебоширствам; 3) политические вопросы, затрагиваемые нынешним редактором «Хыпара», мало интересуют чувашей, «им давай больше хлеба и дров; об этом толкуй чаще, а не о свободе союзов и т. д.»³¹.

В письме к редактору газеты «Симбирские вести» преподаватель СЧУШ В. Н. Орлов следующим образом охарактеризовал съезд чувашских учителей, одоббивший «захват» «Хыпара» эсерами: «В прошлом году этот „кружок“ направил на ложный путь весьма симпатичную чувашскую газету „Хыпар“, вырвав ее из рук ее основателя, гуманнейшего и образованного человека, и сделал ее узкопартийной и совершенно несоответствующей требованиям чуваш»³².

Имея в виду однозначно чувашскую организацию эсеров, Н. В. Никольский 17 июня 1911 г. в рабочей тетради оставил весьма примечательную запись: «Была „организация“ интеллигентов в составе Т. Н. Николаева, С. Н. Николаева. Г. Ф. Федорова, С. И. Игнатъева и В. И. Иванова и т. д. Достоверно известно, что Г.Ф.Ф. решительно ничего не признавал, кроме своего „я“, С.Н.Н. не хотел знать ни мнения и воли Г.Ф.Ф., ни тем более других мнений. Поэтому самая организация была лишь фикцией... У чуваш нет такого авторитета, который бы мог объединить их»³³.

О признанном авторитете Н. В. Никольского свидетельствует ответное письмо Д. Ф. Филимонова: «Чем дальше, тем тяжелее будет Вам, ибо Вы живете и трудитесь не для себя только, но и для всего племени». Даниил Филимонович не без пафоса, но искренне отмечает, что сама судьба выдвинула Н. В. Никольского на этот тернистый путь и готовит его «быть печальником чувашской нации», потому как он работает «во имя правды и любви к ближним и во славу Божия и создает доброе и полезное дело». Автор письма уверен: благородные деяния Н. В. Никольского видны всем беспристрастным людям, окружающим и знающим его. «Это знает Бог. Тем не менее, — с сожалением констатирует Д. Ф. Филимонов, — благодаря тем условиям, в каких мы живем, самое хорошее и доброе дело совершается с большим трудом и препятствиями. Когда ты принимаешься за дело, хорошее и общепольное,

³⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 372.

³¹ Там же. Ед. хр. 166. Л. 204.

³² Там же. Ед. хр. 293. Л. 274 об.

³³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. Л. 45.

то знай наперед, что за это тебе по головке не погладят, а напротив, постараются напакостить»³⁴.

Заключение

Становление первой чувашской газеты «Хыпар» происходило в сложных условиях. На первом этапе газета, издававшаяся Н. В. Никольским, выполняла культурно-просветительские функции, с чем не были согласны чувашские социалисты-революционеры во главе с лидером поволжских, в том числе и чувашских, эсеров Т. Н. Николаевым (Хури). Они заставили основателя газеты отказаться от нее, используя решение съезда чувашских учителей в Симбирске, а также путем закулисных интриг, которые Н. В. Никольский впоследствии называл «отбиранием» его издания. После смены учредителя газета выбрала революционную идеологию, что предопределило ее закрытие властями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История чувашской литературы XX века. Ч. 1: (1900 — 1955 годы). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.
2. Леонтьев А. П. Ашмарин — цензор инородческой печати // Ашмаринские чтения: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 ноября 2020 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 27 — 36.
3. Леонтьев А. П. «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты, события, личности, судьбы. Чебоксары: ГУП «Издательский дом „Хыпар“», 2011. 638 с.
4. Леонтьев А. П., Андреев В. В. О гибели эсера-максималиста, члена редакционной газеты «Хыпар» Тимофея Николаевича Николаева (Хури) // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 21 — 25. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-3.pdf>
5. Никифоров И. Н. Зарождение чувашской революционно-демократической печати. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1971. 127 с.
6. Петров Д. П. Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. 104 с.
7. Петров К. К. Возникновение чувашской журналистики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 72 с.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 18.06.2024; принята к публикации 24.06.2024.

Информация об авторах:

Алексей Петрович Леонтьев, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, кор. 1), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, alexej.leontjew2014@yandex.ru

Валерий Витальевич Андреев, профессор Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (428025, г. Чебоксары, пр. М. Горького, 24), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@ruc.su

Вклад авторов:

Леонтьев А. П. — сбор данных и анализ литературы, проведение критического анализа материалов, формулирование выводов и рекомендаций, подготовка текста статьи;

Андреев В. В. — критический анализ и научное редактирование текста.

³⁴ НА ЧГИГН. Ед. хр. 163. Л. 261 — 262.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. The History of Chuvash Literature of the XX Century. Cheboksary; 2015:1. (In Russ.)
2. Leontiev AP. Ashmarin — Censor of the Foreign Press. Ashmarin Readings. Collection of Art. XII International Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2020:27—36. (In Russ.)
3. Leontiev AP. “Khypar”: the Past and the Present. Facts, Events, Personalities, Destinies. Cheboksary;2011. (In Russ.)
4. Leontiev AP, Andreev VV. On the Death of the Maximalist Socialist Revolutionary, a Member of the Editorial Newspaper “Khypar” Timofey Nikolaevich Nikolaev (Khuri). *Center and Periphery*. 2018;(3):21—25. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-3.pdf> (In Russ.)
5. Nikiforov IN. The Origin of the Chuvash Revolutionary Democratic Press. Cheboksary;1971. (In Russ.)
6. Petrov DP. Chuvashia: Historical, Political and Socio-Economic Essay. Moscow;Leningrad;1926. (In Russ.)
7. Petrov KK. The Emergence of Chuvash Journalism. Cheboksary;1983. (In Russ.)

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 24.06.2024.

Information about the author:

Alexey P. Leontyev, Senior Researcher at the Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8798-8132>, alexej.leontjew2014@yandex.ru

Valery V. Andreev, Professor of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation (24 M. Gorky Ave., Cheboksary 428025, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@rus.su

Contribution of the authors:

Leontyev A. P. — collecting data and analyzing literature, conducting a critical analysis of materials, formulating conclusions and recommendations, preparing the text of an article;

Andreev V. V. — critical analysis and scientific editing of the text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(47).084.6
EDN RNDGZQ

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ВХОЖДЕНИЕ В 1937 ГОД: НАЧАЛО «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И БОРЬБА С ТРОЦКИЗМОМ

В. И. Бакулин¹, П. А. Чемоданов²✉

¹ г. Сочи, Россия

² Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Киров, Россия

✉ pavelche1492@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрена нормативно-правовая база, предпосылки и сущность массовых политических репрессий, проводившихся в масштабах Кировской области в первой половине 1937 г.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования стали фонды Центрального государственного архива Кировской области, прежде всего, персональные дела руководителей разных уровней, рассматриваемые бюро Кировского обкома ВКП(б) в указанный период. Методология статьи базируется на применении теории элит, разработанной итальянскими учеными В. Парето и Г. Моска. В статье применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-биографический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В течение первой половины 1937 г. на заседаниях бюро Кировского обкома ВКП(б) рассматривались десятки персональных дел руководителей партийных и государственных структур, предприятий и учреждений. Большая часть из них касалась производственной сферы. На фоне набравшей размах индустриализации любые провалы в экономике болезненно воспринимались властями, поэтому персональным делам часто искусственно придавалось политическое содержание. Их фигуранты обвинялись не просто в широко распространенной халатности, а также в нередко встречавшихся коррупции и злоупотреблениях служебным положением, но и в осознанном вредительстве, шпионаже, пропаганде троцкизма, связях с «врагами народа» и прочих подобных деяниях. Нередко такого рода дела выливались в уголовное преследование с последующей расправой над обвиняемыми.

Закключение. Проанализированные источники свидетельствуют, что большинство персональных дел, рассмотренных на бюро Кировского обкома ВКП(б) в первой половине 1937 г., возникали не на пустом месте. В их основе, как правило, лежали реальные проступки в хозяйственно-экономической и административной сферах, однако придание этим делам политического характера представляется искусственным и надуманным по причине отсутствия четкой доказательной базы. Дополнительным подтверждением тому являются факты последующей реабилитации многих фигурантов подобных дел, значительная часть которых сумела оправдаться еще до начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: сталинизм, репрессии, «Большой террор», троцкизм

Для цитирования: Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Вхождение в 1937 год: начало «Большого террора» в Кировской области и борьба с троцкизмом // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 121 — 136. EDN RNDGZQ

© Бакулин В. И., Чемоданов П. А., 2024

Original article

ENTERING 1937: THE BEGINNING OF THE “GREAT TERROR” IN THE KIROV REGION AND FIGHT AGAINST TROTSKISM

V. I. Bakulin¹, P. A. Chemodanov²✉

¹ Sochi, Russia

² Volga-Vyatka Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafin (MSAL),
Kirov, Russia

✉ pavelche1492@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines the legal framework, prerequisites and essence of mass political repressions carried out throughout the Kirov region in the first half of 1937.

Materials and methods. The source base for the study was the funds of the Central State Archives of the Kirov Region, primarily, the personal files of leaders at various levels, examined by the bureau of the Kirov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks during the specified period. The methodology of the article is based on the application of the theory of elites, developed by Italian scientists V. Pareto and G. Mosca. The article uses such special methods of historical science as: historical-genetic, historical-comparative and historical-biographical.

Results and discussion. During the first half of 1937, at meetings of the bureau of the Kirov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, dozens of personal files of the leaders of party and government structures, enterprises and institutions were considered. Most of them concerned the production sector. Against the background of the ongoing industrialization in the country, any failures in the economy were perceived extremely painfully by the authorities, so personal affairs were often artificially given political content. Their defendants were accused not just of negligence or corruption, but of deliberate sabotage, espionage, propaganda of Trotskyism, connections with “enemies of the people” and other acts directed against the existing political system. Often such cases resulted in criminal prosecution with subsequent reprisals against the accused.

Conclusion. Analyzed sources indicate that most of the personal cases considered at the bureau of the Kirov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in the first half of 1937 did not arise out of nowhere. As a rule, they were based on real misconduct in the economic and administrative spheres, but giving these cases a political overtone seems entirely artificial and far-fetched due to the lack of a clear evidence base. Additional confirmation of this is the facts of the subsequent rehabilitation of many defendants in such cases, a significant part of which were able to justify themselves even before the start of the Great Patriotic War.

Keywords: stalinism, repression, “Great Terror”, Trotskyism

For citation: Bakulin VI, Chemodanov PA. Entering 1937: the Beginning of the “Great Terror” in the Kirov Region and Fight Against Trotskyism. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):121—136. EDN RNDGZQ

Введение

Тема политических репрессий 1930-х гг. является сложной и многосоставной. Ее проблематика разделяется внутри себя на несколько направлений. К первому из них можно отнести определение реальных масштабов террора, с чем историческая наука на данный момент в целом справилась. Согласно подсчетам В. Н. Земскова, в СССР за период «Большого террора» 1937 — 1938 гг. по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 чел., 681 692 чел. из которых были приговорены к высшей мере наказания. Сколько приговоров было приведено в исполнение, на данный

момент не ясно [6, с. 123]. Еще одна составляющая заявленной темы — определение подлинных причин репрессий и механизма их проведения. На этот счет существует несколько основных концепций, о которых речь пойдет ниже. Одним из самых неоднозначных является вопрос об истинной виновности людей, осужденных по 58-й статье УК РСФСР 1926 года. Даже в тех случаях, когда вина этих лиц несомненна, перед исследователем встает трудноразрешимый вопрос: присутствовал ли в их действиях политический мотив или все обвинения на этот счет являлись надуманными? Авторы настоящей статьи сделали попытку дать ответ на этот вопрос на базе доступных им региональных источников.

В современной российской историографии имеются разные подходы к вопросу о причинах «Большого террора» 1937 — 1938 гг. Так, О. В. Хлевнюк объяснил его развязывание стремлением И. В. Сталина к удержанию личной власти и уничтожению всех потенциальных противников [9]. Ю. Н. Жуков предложил более многоплановую и нестандартную концепцию сталинских репрессий, выводя основную причину таковых из неудавшейся попытки демократизации советской системы, предпринятой вождем. По утверждению историка, в числе прочего И. В. Сталин планировал ввести в СССР альтернативные выборы вместо безальтернативных. В такой парадигме основная вина за террор возлагается на региональную партноменклатуру, которая тем самым стремилась устранить возможных политических конкурентов [5].

К позиции О. В. Хлевнюка близок канадский историк П. Соломон, утверждающий, что «все потоки террора были направлены на достижение цели, поставленной Сталиным, а именно: на ликвидацию всех лиц (и категорий граждан), которые якобы представляли собой потенциальную опасность для вождя или для его режима...» [8, с. 230]. Кроме того, по мнению исследователя, обвинения во вредительстве, носившие политический характер, служили прикрытием «неурядиц и провалов в народном хозяйстве страны» [8, с. 235].

Сомнения вызывает как первая версия, упрощающая сложное социально-политическое явление, так и вторая, приобретающая определенную популярность в современной публицистике, но явно нуждающаяся в аргументированном обосновании. Разумеется, в бурно развивавшейся советской экономике 1930-х гг. было достаточно проблем, но частные, локальные провалы и недочеты на фоне колоссальных экономических достижений тех лет вряд ли можно считать единственной причиной массовых репрессий. В любом случае проблема нуждается в более основательной проработке, в том числе и с привлечением материалов регионального уровня. В этом смысле любопытна ситуация в относительно «молодом» регионе — Кировской области — появившемся на карте СССР накануне начала «Большого террора» в декабре 1936 г.

Обзор литературы

Проблема политических репрессий в СССР традиционно пользуется популярностью как в постсоветской отечественной историографии, так и в западной. Одно перечисление этих трудов займет много страниц, поэтому мы лишь обозначим наиболее характерные тенденции. В настоящее время в той или иной степени освещены вопросы о количестве пострадавших от политических репрессий [7], о структуре контингента подвергшихся им лиц, о соответствующих решениях и

действиях центральной власти [9]. Идет процесс изучения связанной с ними политической борьбы в партийных «верхах» [4; 13]. Слабее изучена реализация политики массовых репрессий на местах. В связи с этим определенный интерес представляют собой попытки оценить ее через призму судеб региональных руководителей, в данном случае — Свердловской области¹.

О политических репрессиях на территории Кировской области одним из первых высказался Ю. Г. Карачаров; его скромного размера работа была построена на избранных автором и бегло изложенных конкретных биографиях пострадавших, преимущественно из числа партийных и комсомольских руководителей². На десятилетие позже увидела свет монография В. А. Бердинских по истории ВятЛАГа [3]. Истории кадровых «чисток» середины 1930-х гг. была посвящена публикация одного из авторов данной статьи — В. И. Бакулина [1]. Коснулся рассматриваемой проблематики и другой автор настоящей работы — П. А. Чемоданов, который рассматривал ее в контексте истории стахановского движения в регионе [12]. Он же продолжил работу по накоплению биографических сведений о партийных деятелях, подвергшихся политическим преследованиям в исследуемый период [10; 11].

Кроме того, нельзя не упомянуть фундаментальный биографический справочник «Политические лидеры Вятского края» (составители — архивисты В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских), в котором аккумулированы биографические данные о более чем полутора тысячах партийных и советских работниках Кировской области (Вятской губернии, Кировского края), многие из которых попали под маховик «чисток» и репрессий межвоенного времени³.

В последние десятилетия заметный интерес к этой болезненной проблеме проявляют также исследователи и публицисты, близкие к Русской православной церкви⁴. Однако работы такого рода избыточны, как правило, эмоциональными эпитетами и оценочными суждениями, поэтому мало способствуют объективному воссозданию общей исторической картины. Более основательный подход к истории политических репрессий в регионе нашел отражение в ряде разделов юбилейного издания «Страницы столетней истории: ВятГубЧК — УКГБ — УФСБ по Кировской области». В этом контексте особого внимания заслуживает текст ветерана органов госбезопасности А. Г. Гаврилова⁵.

Материалы и методы

В статье применены такие специальные методы исторической науки, как историко-генетический, историко-сравнительный и историко-биографический. В качестве методологической основы исследования использована теория элит, разрабо-

¹ Сушков А. А., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) — КПСС и председатели облисполкома. 1934 — 1991: биограф. справ. Екатеринбург, 2003. 284 с.

² Карачаров Ю. Г. Все равно буду жить!: Док. рассказ о жертвах сталин. репрессий в Киров. обл. Киров, 1990. 192 с.

³ Политические лидеры Вятского края: биограф. справ. Киров, 2009. 730 с.

⁴ Вспомним поименно. Киров, 2017. Кн. 9. 129 с.; Вятские пастыри в годы гонений. Киров, 2019. 336 с.

⁵ Страницы столетней истории: ВятГубЧК — УКГБ — УФСБ по Кировской области. Киров, 2018. С. 83 — 88.

танная итальянскими учеными В. Парето и Г. Моска. В нашем случае речь идет о сформировавшейся в 1920 — 1930-е гг. прослойке новой политической элиты (партноменклатуры), к которой примыкали советские работники и хозяйственные руководители разных уровней. В данной статье мы сделали попытку комплексного рассмотрения проблемы репрессий, обозначив некоторые связи ее с другими гранями жизни регионального социума. Более полно такой подход задействован нами в недавно увидевшей свет совместной монографии [2].

Территориальные рамки исследования охватывают Кировскую область в границах первой половины 1937 г. С декабря 1934 г. на карте страны существовал Кировский край, но с принятием новой Сталинской конституции в декабре 1936 г. краевое административно-территориальное деление страны упразднялось, и Кировский край был преобразован в Кировскую область. При этом из нее выделилась Удмуртская АССР, став отдельным регионом в составе РСФСР⁶. На 1 января 1937 г. область включала в себя 54 района, занимая площадь 112,9 тыс. км² ⁷. В 1939 г. население региона составляло 2 млн 284 тыс. чел.⁸

Характерной чертой системы руководства областью являлась высокая степень централизации и концентрации властных полномочий в руках узкой группы партийных функционеров. Центром, куда сходились нити управления практически всеми Советами, предприятиями и учреждениями, являлось бюро Кировского обкома ВКП(б). Этот орган, формируемый в составе десятка членов пленумом областного комитета, в свою очередь избираемого региональной партийной конференцией (в июне 1937 г. в состав обкома были избраны 55 членов и 15 кандидатов в члены⁹), работал регулярно и системно, собираясь один-два раза в неделю и принимая решения по самым разным вопросам региональной жизни. Материалы для рассмотрения на заседаниях бюро готовились аппаратом обкома — начальниками и сотрудниками его отделов, инструкторами и просто порученцами. При этом использовалась информация, поступающая от местных Советов и партийных комитетов районного звена и ниже, хозяйственных органов, статистического отдела облисполкома, управления НКВД, милиции. На самих заседаниях бюро нередко заслушивались руководители предприятий, учреждений и органов власти.

Все это, как и наличие партийных организаций в учреждениях и на предприятиях, позволяло поддерживать достаточно эффективную прямую и обратную связь с местами, оперативно реагировать на меняющуюся ситуацию и координировать деятельность многочисленных учреждений и производственных объектов. Разумеется, многообразная текущая управленческая деятельность осуществлялась исполкомами областного, городских, районных и поселковых Советов. Однако в решениях общего, принципиального характера первое и последнее слово оставалось за бюро Кировского обкома ВКП(б). Материалы бюро — ценный исторический источник достаточно высокой степени достоверности. Они дают возможность отслеживать

⁶ Конституция РСФСР [Основной Закон]. М., 1937. Ст. 14.

⁷ Районы Кировской области. Киров, 1937. С. 4, 12.

⁸ Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: историко-стат. сб. Киров, 2002. С. 18.

⁹ Комсомольское племя. 1937. 17 июня. № 71 (443). С. 1.

определенные политические процессы в местном социуме и соотносить их с общегосударственными тенденциями.

Результаты исследования

В политическом плане начало 1937 г. было многообещающим. Грозовую атмосферу в стране задал проходивший в Москве 23 — 30 января открытый судебный процесс по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Фигурантами его выступали видные деятели левой оппозиции — Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников, Н. И. Муралов и др. — всего 17 подсудимых, 13 из которых по приговору суда были казнены. Он дал старт особенно продолжительной и неистовой полосе осуждения «врагов народа» в средствах массовой информации, на собраниях и конференциях коммунистов и беспартийных.

Неудивительно, что особое место в деле выявления «врагов народа» занимало уничтожение остатков внутрипартийных оппозиций, в особенности левой, которая в тот момент представлялась сталинской группировке наиболее опасной. До начала 1937 г. преследование реальных или мнимых ее членов в регионе носило во многом формальный, «ритуальный» характер. Хотя на состоявшемся 13 сентября 1936 г. пленуме Кировского крайкома ВКП(б) 1-й секретарь А. Я. Столяр довольно пафосно рапортовал о якобы проводимой в регионе «жесточайшей борьбе с заклятыми врагами партии — троцкистско-зиновьевским контрреволюционным охвостьем»¹⁰, фактически среди «вычищенных» из партии за 1936 г. к предполагаемым сторонникам Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева принадлежали скромные 1,7 %, в то время как «белогвардейцев и кулаков» было среди исключенных 30,6 %, «бытовых и политических разложившихся» — 16,3 %, «аферистов и жуликов» — 10,6 %¹¹.

К тому же «вычищение» из ВКП(б) было в принципе обратимо, о чем свидетельствует статистика рассмотрения апелляций, поданных в Кировский крайком (обком) ВКП(б). За полгода, прошедших после появления постановления ЦК ВКП(б) (от 24 июня 1936 г.) «Об извращениях при исключении из партии», т. е. к началу 1937 г., Кировский обком рассмотрел заявления 1 113 чел., не согласных с наложенным на них наказанием. В результате были восстановлены в партии 38 % от общего числа, или 423 чел. В их числе: в партии восстановились 35 % из 192 исключенных за сокрытие социального происхождения, 36 % из 221 — за морально-бытовое разложение, 41 % из 245 — за небрежное хранение или утерю партбилета, недисциплинированность, плохую работу; 82 % из 205 исключенных «кулаков и белогвардейцев»¹².

Кадровые «чистки», по сути своей носившие репрессивный характер, поскольку были связаны с наказаниями того или иного рода, случались и в комсомоле. В этот период принадлежность к троцкизму и здесь не являлась преобладающим фактором, из-за которого исключались члены ВЛКСМ. За последние три месяца 1936 г. в Кировском крае были отстранены от работы 15 секретарей райкомов ВЛКСМ; кроме

¹⁰ Итоги обмена партийных документов: Докл. секретаря крайкома ВКП(б) тов. Столяр на пленуме крайкома 13 сентября 1936 г. // Кировская правда. 1936. № 218 (20 сент.). С. 1.

¹¹ Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б) первой областной конференции. Киров, 1937. С. 83.

¹² ЦГА КО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 69.

того, семь секретарей сменились по уважительной причине. Лишь у троих из 15 вышеназванных причина увольнения носила политический характер. В их делах фигурировала формулировка: «ошибки, связанные с троцкизмом». Остальные 12 попали за «пьянку и элементы разложения» (семь человек), а также — за «развал работы и бездеятельность»¹³.

В начале 1937 г. ситуация в стране и в Кировской (теперь уже) области стала существенно меняться. Партийный обком предложил районным комитетам действовать в духе передовицы «Правды» от 4 января, обсудив ее на закрытых партийных собраниях¹⁴. В упомянутой статье Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и другие деятели оппозиции объявлялись «подлейшими из подлых», им приписывалось пособничество иностранной буржуазии с целью организации военной интервенции в СССР и реставрации в стране капиталистического строя¹⁵.

В партийных организациях на местах развернулась соответствующая пропагандистская и организационная работа, затронувшая и молодежную среду. Программа политзанятий кировских комсомольцев, наряду с прочим, предусматривала в то время ознакомление с материалами состоявшихся в 1936 — начале 1937 г. политических судебных процессов¹⁶. Важным ориентиром для местных работников выступали также решения февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК, формально сделавшего заявку на углубление советской демократии в процессе реализации положений Конституции СССР 1936 года¹⁷.

Параллельно осуществлялось активное переписывание новейшей отечественной истории, из которой вычеркивались неугодные властям имена видных оппозиционеров. В феврале 1937 г. зав. агитпропотделом Кировского обкома ВКП(б) Лисин получил от руководителя отдела печати и издательств ЦК партии Б. Таль указание в трехнедельный срок «произвести тщательную проверку в редакциях всех снимков, негативов и клише» с тем, чтобы изъять из оборота, не допустить в печать «снимки врагов народа — троцкистов и их пособников из правого лагеря, разоблаченных на двух последних процессах». Разрешалось сохранить ценные групповые снимки с изъятием из них портретов «врагов народа»¹⁸.

С того времени политические преследования левой оппозиции в регионе стали набирать обороты. В частности, обвинение в принадлежности к ней было предъявлено председателю Воткинского городского Совета Р. М. Хасьянцу, заведующему отделом школ обкома партии В. Д. Мазурову, редактору газеты «Удмуртская Коммуна» Кильдебекову, директору строящегося Глазовского льнокомбината А. Г. Соколову, заведующему финансовым отделом Кировского облисполкома Д. Н. Юрушкину.

¹³ ЦГА КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 5.

¹⁴ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.

¹⁵ Правда. 1937. 4 янв. (№ 4). С. 1.

¹⁶ ЦГА КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.

¹⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2-3.

¹⁸ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 226. Л. 15.

Снятому в январе с административной должности Хасьянцу вменялось в вину, что он вел «контрреволюционную троцкистскую пропаганду», допуская при этом «наглые выпады и клевету против вождей партии и государства»¹⁹. Вместе с ним преследованию подверглись работники Воткинского райкома ВКП(б) Козленко и Ермаков, которые имели неосторожность организовать теоретическую конференцию с элементами дискуссии по внутрипартийным проблемам: оба лишились должностей и членства в бюро райкома²⁰. Позже Хасьянц также был включен в число организаторов злополучной дискуссии²¹. Мазуров получил выговор за «сокрытие от партии своих троцкистских выступлений в период 1923 — 1924 годов»²²; Соколова лишили партийного билета как «активного контрреволюционера-троцкиста»²³; Кильдебеков угодил под проведенную на рубеже 1936 — 1937 гг. «чистку» редакции «Удмуртской Коммуны» от «классово-чуждых и враждебных элементов»²⁴. Юрушкин летом 1937 г. лишился должности и членства в партии за невыполнение указаний Кировского обкома ВКП(б) «об очищении аппарата ОблФУ»²⁵.

Предметные обвинения в троцкизме чаще, чем в иных случаях, встречались в контексте молодежной тематики. Судя по всему, опасность увлечения молодых идеями Л. Д. Троцкого, реально беспокоила власти. Еще в ноябре 1936 г. органами НКВД подвергся аресту преподаватель педагогического техникума г. Яранска Ки-маев, который, по данным работников обкома ВЛКСМ, в течение двух лет на своих занятиях «открыто протаскивал... контрреволюционную троцкистскую теорию о невозможности построения социализма в Советском Союзе»²⁶. Тогда же был выявлен факт прямого воздействия на комсомольских активистов ссыльного троцкиста Александра в Бисеровском районе²⁷. В рамках «борьбы с троцкизмом» в июле 1937 г. был снят с должности секретарь Сарапульского райкома ВЛКСМ Перминов. Ему вменялось в вину, что он (а с ним и ряд комсомольцев) «руководствовались контрреволюционной троцкистской теорией противопоставления комсомола партии, а также тезисом о том, что среди комсомольцев не может быть врагов»²⁸.

Поднималась тема троцкизма и на 1-й Кировской областной конференции ВЛКСМ, прошедшей в сентябре 1937 г. В числе прочего обвинения в троцкизме и вредительстве в адрес бывшего 1-го секретаря Кировского обкома комсомола Г. Е. Урина, арестованного незадолго до этого, звучали в докладе его преемника А. С. Ходырева. Формулировались они следующим образом: «Враг народа Урин, будучи секретарем обкома комсомола, вел вражескую работу в свердловской организации, был тесно связан с врагами народа, разоблаченными на Урале. Работая в Кирове, Урин также проводил вражескую линию на отрыв комсомольской органи-

¹⁹ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 37.

²¹ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 7.

²² Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 7.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 60 — 61.

зации от партийного руководства... В практической работе Урин глушил всякую попытку развертывания критики и самокритики и стягивал в нашу организацию врагов народа из других краев и областей. Так, например, им был проташен с помощью шпиона Файнберга на работу редактором газеты „Комсомольское племя“ враг народа Ямпольский»²⁹.

В докладе не обошлось и без критики оставшихся членов бюро Кировского обкома ВЛКСМ, которые вовремя не пресекли «вредительскую» деятельности Г. Е. Урина «в силу идиотской болезни — политической беспечности»³⁰. Вместе с тем никакой конкретики относительно троцкистских взглядов указанных лиц в докладе приведено не было, фактически все ограничилось стандартным для тех лет набором обвинений в кумовстве и «зажиме самокритики». Очевидно, подобное поведение могли демонстрировать не только сторонники Л. Д. Троцкого.

Порой «идейная борьба» с троцкизмом сводилась к лишенным доказательности выпадам в местной прессе в адрес лидера левой оппозиции. Так, в феврале — марте 1937 г. на страницах областной молодежной газеты «Комсомольское племя» дважды появлялась публикация под названием «Товарищ Сталин и оборона Вятки» (имелась в виду оборона Вятки от войск адмирала А. В. Колчака в годы Гражданской войны). Во втором случае ей предшествовал следующий комментарий: «Эту статью редакция дает в порядке исправления ошибки, допущенной в статье под заголовком „Товарищ Сталин и оборона Вятки“, помещенной 23 февраля 1937 г. (№ 25). В статье за 23 февраля редакция не рассказала о роли товарища Сталина в разгроме пораженческого плана и предательской деятельности врага народа Троцкого на Восточном фронте»³¹.

Еще одним вариантом политических преследований являлись санкции не за какие-то определенные деяния, а за так называемую связь с врагами народа, преимущественно — с теми же реальными или номинальными троцкистами. Так, в середине мая 1937 г. был отстранен от должности 1-й секретарь Кировского горкома ВЛКСМ Н. Л. Скуратовский за связь с бывшими работниками горкома партии Матвеевым и Шустовым, несколько ранее получившими ярлык «врагов-троцкистов». Автор соответствующей газетной статьи смог поставить в вину всем троим лишь «совместные выпивки на квартирах..., разговоры о руководстве городскими организациями...»³². По сходной схеме в ходе работы VII конференции областной организации ВЛКСМ (сентябрь 1937 г.) был лишен делегатского мандата работник Кировского машстройзавода Милютин «за связь с троцкистом Медведевым»³³. Политически окрашенным следует считать и дело второго секретаря Белохолуницкого райкома партии И. Е. Зорина, которому бюро обкома объявило выговор и вошло в ЦК с предложением снять его с должности «за затяжку рассмотрения вопроса о троцкисте Торкунове», а также за «сокрытие в своей автобиографии того, что брат Зорина служил в белой армии...»³⁴.

²⁹ Комсомольское племя. 1937. 27 сент. (№ 112). С. 2.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. 6 марта (№ 29). С. 3.

³² Там же. 18 мая (№ 57). С. 1.

³³ VII городская конференция ВЛКСМ // Комсомольское племя. 1937. 15 сент. (№ 108). С. 3.

³⁴ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 34. Л. 68.

Политический оттенок мог быть придан и обычным хулиганским выходкам. Например, еще в конце 1936 г. на Кожкомбинате им. Коминтерна г. Кирова была раскрыта хулиганская молодежная организация под названием «Колхоз Красная помидорина», в которой существовала строгая дисциплина и круговая порука. Эта группа в количестве до 30 человек избивала молодежь, работающую на строительстве, организовывала коллективные пьянки, срывала молодежные массовые мероприятия. Тогда же в Санчурском районе в период проведения переписи населения неизвестными лицами был распушен слух в среде девушек о том, что в ходе этого мероприятия от них якобы будут требовать предъявления несуществующих в природе «справок о девственности». В результате этой акции около 200 девушек обратились в лечебные учреждения за указанными справками³⁵. Областное комсомольское руководство оценило оба факта как очередные «вылазки контрреволюционных сил».

Обвинения в троцкизме, звучавшие в первой половине 1937 г. в адрес тех или иных членов партии, представляются по большей части надуманными, но не следует исключать подобные настроения вовсе, как и факт существования на данном этапе убежденных, идейных сторонников оппозиции. Например, директор Нолинского техникума механизации П. П. Рогачёв на одном из заседаний IV районного съезда Советов открыто заявлял: «Троцкий представляет из себя видного человека, в годы революции везде были лозунги, в которых имя Троцкого стояло рядом с именем Ленина и его, Троцкого, восхваляли в песнях. Авторитет его был громадный. Троцкий был один из аккуратных людей, который быстро реагировал и чутко относился к запросам... После смерти Ленина все ведь рассчитывали, что его должен заменить Троцкий»³⁶.

Далее П. П. Рогачёв рассказал историю о личном взаимодействии с Л. Д. Троцким в годы Гражданской войны. По его словам, в тот исторический период он был начальником эшелона моряков, который однажды не пропустили по пути следования под невыясненным предлогом. Проблему якобы решила телеграмма председателю Реввоенсовета Л. Д. Троцкому, который буквально через несколько часов личным распоряжением пропустил эшелон³⁷.

Этим «прегрешения» П. П. Рогачёва не ограничились. Так, 25 ноября 1936 г., будучи в служебной командировке в Кирове, он, слушая по радио доклад И. В. Сталина о проекте Конституции СССР на VIII Всесоюзном съезде Советов, презрительно заявил в адрес аплодировавших вождю делегатов форума: «Слышите, слышите, как орут эти колхозники! Прямо до иступления доходят эти колхозники!»³⁸. Тогда же он открыто характеризовал Сталина как диктатора. Естественно, в условиях тотальной борьбы с идейным влиянием Л. Д. Троцкого такие высказывания просто не могли оставаться безнаказанными, и уже в марте 1937 г. П. П. Рогачёв был снят с должности и исключен из партии как «враг народа»³⁹.

³⁵ ЦГА КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 77. Л. 7 — 8.

³⁶ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 53. Л. 31.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 32.

³⁹ Там же.

В Кировской области в силу разных причин могли оказаться вполне реальные «заезжие» троцкисты. Крайне любопытно письмо заместителя руководителя группы партийно-советского контроля при Кировском обкоме ВКП(б) Метелецкой секретарю Московского горкома партии Н. С. Хрущёву от 23 марта 1937 г. Автор обращала внимание Н. С. Хрущёва на ситуацию в Главном кожевенном управлении, из которого регулярно присылали руководящие кадры на кожевенные предприятия и учреждения Кировской области. В частности, весной 1935 г. из Москвы в Киров приехала некая Галина Коваленко, которая заняла должность заместителя управляющего крайконторы Кожобувьснаба⁴⁰.

Далее следовал экскурс в биографию Г. Коваленко. Согласно письму она вступила в партию в 1919 г., в годы Гражданской войны работала в подполье на территориях, занятых белой армией А. И. Деникина, впоследствии являлась троцкисткой, за что исключалась из ВКП(б), но была позже восстановлена. При этом ее мужья (всего их было четыре) в 1920-е гг. принадлежали к различным оппозициям. Первый был в рабочей оппозиции, второй — в сапроновской «Группе демократического централизма», третий и четвертый принадлежали уже к оппозиции троцкистской. Сама Г. Коваленко в начале 1930-х гг. состояла на учете в партийной организации Наркомлегпрома (Москва). Именно там на одном из партсобраний, прошедших летом 1933 г., она и была исключена из рядов ВКП(б) «за идейную и организационную связь с троцкистами», однако впоследствии она оказалась в Алма-Ате, где местный партийный горком восстановил ее⁴¹. Любопытно, что именно в этом городе в 1928 — 1929 гг. отбывал ссылку лидер левой оппозиции Л. Д. Троцкий.

По словам Метелецкой, Г. Коваленко регулярно выступала в Кирове с «троцкистской повесткой», в частности, утверждала, что «партия не заботилась о рабочем классе»⁴². Далее сообщалось, что контролирующие партийные органы в Кирове «вскрыли ее переписку с троцкистами и связь с административными ссыльными»⁴³. В Москве она была связана с неким Нойманом, работавшим в системе Главного кожевенного управления, на которого, судя по всему, и предлагалось обратить внимание Н. С. Хрущёву⁴⁴. Предпринял ли секретарь Московского горкома какие-либо меры из документа не ясно, однако принадлежность Г. Коваленко к троцкистскому идейно-политическому течению в данном случае не вызывает сомнений.

Основная масса персональных дел (с политической подоплекой или без таковой), выносимых на бюро обкома, как и прежде, была связана с деятельностью фигурантов в различных сферах экономической, государственной и общественной жизни. Экономический аспект был преобладающим, а связанный с ним политический компонент обвинения формулировался обычно как «вредительство». Источники дают массу свидетельств в пользу этого утверждения, причем на разных уровнях и в разных сферах производственной и общественно-политической жизни области. Так, на проходившем в сентябре 1937 г. собрании актива Бисеровского райкома

⁴⁰ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 52. Л. 20.

⁴¹ Там же. Д. 53. Л. 15.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Д. 52. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Л. 22 — 23.

комсомола ряду лиц, в частности технику Бакееву, а также его коллегам, было предъявлено обвинение во вредительской деятельности. В газетном отчете об этом говорилось: «Они срывали строительную работу в районе. Неслучайно план по строительству школ выполнен только на 50 процентов, больница и дом соцкультуры не достроены, а электростанцию строить еще не начинали»⁴⁵.

«Неправильное» социальное происхождение (и особенно его утаивание) также могло быть причиной серьезных неприятностей, причем даже у партийных руководителей достаточно высокого уровня. Примечательный случай произошел в июне 1937 г. на I Кировской областной партийной конференции, где избирался новый состав обкома ВКП(б). В числе прочего члены конференции исключили из списка претендентов в обновленном составе этого органа И. А. Дубинского, работавшего до этого заведующим сельскохозяйственным отделом обкома. Дело в том, что его отец когда-то был крупным предпринимателем. За сокрытие этого факта в начале 1920-х гг. Дубинский исключался из партии. История его восстановления неизвестна, но информация о прошлых его «прегрешениях» всплыла теперь, летом 1937 г. В ноябре того же года И. А. Дубинский был репрессирован⁴⁶.

Несмотря на все изложенное, следует признать, что в первой половине 1937 г. еще не всем обвинениям и наказаниям за те или иные проступки и даже явные преступления придавался политический оттенок. Так, не был задействован политический контекст в случае с заместителем директора Зареченской МТС Бакиным, скупавшим у трактористов трудодни «с целью получения соответствующих доходов»⁴⁷. В январе 1937 г. кировское руководство вышло в ЦК ВКП(б) с предложением снять с должности секретаря Кильмезского райкома Н. С. Колупаева, который не только попустительствовал распространению «пьянства и бытового разложения» в среде партийного актива, но и дискредитировал себя «организацией коллективной пьянки с руководящими работниками района»⁴⁸.

Политический контекст отсутствовал и в этом, и в следующем сюжете. Администрация Арпорекского лесопильного завода долгое время была причастна к хищениям государственной собственности. Этому, как и подавлению любой критики и самокритики на предприятии, весьма способствовало то обстоятельство, что директор Буряков «поставил в свою материальную зависимость партийных и профсоюзных работников завода»⁴⁹. Рассмотрев персональное дело Бурякова, члены бюро обкома приняли решение лишить его должности, с привлечением к уголовной ответственности. Вопрос о партийности бывшего директора на время следствия остался открытым; секретарю райкома ВКП(б) П. М. Семенову за недосмотр был объявлен выговор⁵⁰.

Политическая ситуация в области начала ужесточаться летом 1937 г. В своем последнем крупном выступлении в качестве 1-го секретаря обкома ВКП(б) на I Кировской областной партконференции А. Я. Столяр заявил: «Враги еще не все

⁴⁵ Черанев П. Райком, проглядевший подрывную работу врагов // Комсомольское племя. 1937. 18 сент. № 109 (482). С. 3.

⁴⁶ Комсомольское племя. 1937. 17 июня. № 71 (443). С. 1.

⁴⁷ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 30. Л. 111 об.

⁴⁸ Там же. Д. 28. Л. 23.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 23 об.

разоблачены и уничтожены. Они есть и в других районах, они есть и в Кирове... Мы врагов народа разоблачим, разгромим и расстреляем как бешеных собак»⁵¹. Примечательно, что сам А. Я. Столяр вскоре был репрессирован. Проработав восемь месяцев в должности 1-го секретаря Свердловского обкома партии, 31 марта 1938 г. был снят с должности и арестован, 3 июля — исключен из рядов ВКП(б) и спустя три недели приговорен к расстрелу по 58-й статье. Его жизнь оборвалась на расстрельном полигоне «Коммунарка» 27 июля 1938 г. [10, с. 25 — 26].

В то же время определенные метаморфозы произошли с употреблением термина «вредительство». Характерной чертой связанных с ним сюжетов было предъявляемое руководителям различных рангов требование выявлять и разоблачать реальных и мнимых злоумышленников. В Кировской области эта задача со всей категоричностью была поставлена местными лидерами перед членами партийной организации, хозяйственниками и иными руководителями лишь накануне или в процессе работы июньского пленума ЦК ВКП(б).

Многokrратно увеличившийся с июля 1937 г. масштаб репрессий в области объявлен в первую очередь скачкообразно возросшей активности органов НКВД в деле поиска и разоблачения «врагов народа». Серьезным подтверждением данного тезиса можно считать свидетельство одного из бывших секретарей райкома Кировской области — арестованной в 1938 г. М. И. Боровой. Характеризуя деятельность бывших первых секретарей Кировского обкома партии А. Я. Столяра и М. Н. Родина в проведении репрессий в регионе, она высказалась достаточно определенно: «Если даже взять количество разоблаченных врагов народа при Столяре и при Родине, то оно не характерно... Даже если при Родине их было разоблачено больше, то это отнюдь не его заслуга, а заслуга органов НКВД»⁵².

Вопрос о последующей судьбе репрессированных представителей партноменклатуры Кировской области является предметом отдельного исследования авторов настоящей статьи, где приведено множество примеров такого рода [2, с. 158]. Объем журнальной публикации не позволяет обратиться к биографиям всех упомянутых выше лиц, поэтому ограничимся лишь парой характерных примеров. Так, следствие по делу бывшего заведующего отделом школ Кировского обкома ВКП(б) В. Д. Мазурова, арестованного 13 ноября 1937 г., длилось до 4 марта 1940 г., после чего уголовное дело было прекращено. Выйдя на свободу в изменившейся к лучшему политической ситуации, Мазуров подал апелляцию в Кировский обком ВКП(б), который решением бюро от 23 марта того же года восстановил его в партии, а 14 апреля снял с него наложенный 9 марта 1937 г. строгий выговор⁵³.

На примере персонального дела бывшего начальника областного финансового управления Д. Н. Юрушкина в общих чертах можно отследить характерную для 1937 г. эволюцию персональных, а затем и уголовных дел. Экс-руководителю облФУ первоначально ставилось в вину лишь попустительство (сознательное или по недосмотру) извращению государственной налоговой политики в отношении крестьян-единоличников в одном из районов области. Затем подобные безобразия, как и факты

⁵¹ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

⁵² Там же. Ф. П-6799. Оп. 1. Д. СУ-370. Т. 1. Л. 61.

⁵³ Там же. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 1375. Л. 13 — 17.

начальственной коррумпированности, вскрылись в ряде других районов области, что послужило основанием оценки их как явления системного. Соответственно иначе высветилась роль областного финансового управления и его начальника. Теперь обвинения в адрес Юрушкина и возглавляемого им органа приобрели политический характер, после чего он лишился должности, был исключен из партии и 18 июля оказался под арестом, в результате чего 1 июля 1939 г. выездной сессией Военного трибунала Уральского военного округа он был приговорен к 15 годам лагерей (по пунктам 7 и 8 ст. 58-й УК РСФСР)⁵⁴. 17 марта 1940 г. постановлением Верховного суда СССР его уголовное дело было прекращено. Как следует из документов персонального дела, после освобождения он уехал в Москву, там подал апелляцию в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), откуда она, видимо, была «спущена» обратно в Кировский обком партии. На заседании бюро обкома 12 февраля 1941 г. было принято решение восстановить Д. Н. Юрушкина в партии и проинформировать об этом Бауманский райком Москвы для выдачи ему новых партийных документов⁵⁵.

Выводы

Политические репрессии 1937 г. — чрезвычайно сложное явление. Анализ протоколов заседаний бюро Кировского обкома ВКП(б) позволяет (без претензий на исчерпывающую характеристику) выявить определенные компоненты и тенденции его развития. Источниковая база данного исследования совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что подавляющее большинство персональных дел, рассмотренных на протяжении первой половины 1937 г. членами бюро Кировского обкома ВКП(б), в первую очередь связанных с производственной сферой, рождались не на пустом месте. В их основе лежали, как правило, реальные проступки, преступления, недоработки фигурантов этих дел. Вместе с тем требуют критического подхода дела, рассмотрение которых завершалось обвинениями политического характера — в троцкизме, а также в сознательном и целенаправленном вредительстве.

На этом этапе обозначилась тенденция, характерная для Кировской области, — объявлять «троцкистами» большинство обвиняемых в тех или иных проступках или совершенных преступлениях. Однако попыток выявить реальную связь между инкриминируемыми им деяниями и идеологией троцкизма авторами статьи в изученных исторических источниках обнаружено совсем немного. При этом (если судить по материалам бюро Кировского обкома партии), основная масса персональных дел была связана с реальными экономическими проблемами. Политизация такого рода персональных дел (в том числе и тех, где административная и уголовная компонента бесспорна) сплошь и рядом представляется надуманной, искусственно привязанной к исходной базе. Серьезным подтверждением надуманности немалой части подобного рода обвинений могут служить факты последующей реабилитации задолго до соответствующих кампаний хрущевского, а затем и горбачевского руководства, немалой части репрессированных в ранге «врагов народа».

В процессе анализа фактов такого рода возникает закономерный вопрос: зачем обычной уголовщине (а еще чаще — недостаткам в исполнении служебных обязанностей) искусственно придавалось политическое обличье? К числу причин (пере-

⁵⁴ ЦГА КО. Ф. П-1290. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1, 2.

⁵⁵ Там же. Л. 8 — 10.

чень которых данной статьей не исчерпывается) в первую очередь можно отнести тот факт, что для окончательного подавления и искоренения оппозиции (в 1937 г. преимущественно левой) средствами агитации и пропаганды ей придавался внедряемый в общественное сознание образ «исчадия ада».

При этом обвинение в принадлежности к оппозиционному течению, как правило, надуманное и трактуемое как тяжкое преступление, превращалось в эффективный инструмент не только укрепления власти сталинского руководства, но и решения ряда задач государственного управления. Предъявляемые в таком контексте обвинения служили весьма эффективным, хотя и варварским (с учетом несообразности наказания) средством наведения порядка и укрепления дисциплины во всех сферах государственной и особенно экономической жизни страны, что было жизненно необходимо Советскому государству в условиях подготовки к неизбежной «большой войне».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бакулин В. И. Кадровые «чистки» 1933 — 1938 гг. в Кировской области и проблемы консолидации советского общества // В. И. Бакулин. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 179 — 188.
2. Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Политико-экономическая и социальная история Кировского региона середины 1930-х годов. Киров: [б. и.], 2023. 224 с.
3. Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 463 с.
4. Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016. 374 с.
5. Жуков Ю. Н. Иной Сталин: политические реформы в СССР в 1933 — 1937 гг. М.: Вагриус, 2005. 510 с.
6. Земсков В. Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118 — 127.
7. Земсков В. Н. Политические репрессии в СССР. 1917 — 1990 гг. // Россия XXI. 1994. № 1 — 2. С. 107 — 124.
8. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
9. Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН. 2010. 478 с.
10. Чемоданов П. А. Абрам Столяр: политическая биография эпохи «Большого террора» // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4. С. 23 — 28.
11. Чемоданов П. А. От дочери портного до «врага народа»: «пять жизней» Мизы Броевой // Россия XXI. 2019. № 5. С. 176 — 191.
12. Чемоданов П. А. Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935 — 1941 гг. (на материалах Кировской области). Киров: Герценка, 2019. 224 с.
13. Шубин А. В. 1937. АнтиТеррор Сталина. М.: Эксмо, 2010. 349 с.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

Информация об авторах:

Владимир Иванович Бакулин, доктор исторических наук, профессор в отставке, vla20190220@yandex.ru

Павел Андреевич Чемоданов, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (610002, Россия, г. Киров, ул. Ленина, 99), кандидат исторических наук, pavelche1492@mail.ru

Вклад авторов:

Бакулин В. И. — разработка концепции, написание текста;
Чемоданов П. А. — сбор материала, написание текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bakulin VI. Personnel “Purges” of 1933 — 1938 in the Kirov Region and Problems of Consolidation of Soviet Society. *Leafing Through the History Pages: Vyatka Region and all of Russia in the Twentieth Century*. Kirov;2006:179—188. (In Russ.)
2. Bakulin VI, Chemodanov PA. Political, Economic and Social History of the Kirov Region in the mid-1930s. Kirov;2023. (In Russ.)
3. Berdinskikh VA. History of one Camp (Vyatlag). Moscow;2001. (In Russ.)
4. Getty A. The Practice of Stalinism. *Bolsheviks, Boyars and Undying Tradition*. Moscow;2016. (In Russ.)
5. Zhukov YuN. Another Stalin: Political Reforms in the USSR in 1933 — 1937. Moscow;2005. (In Russ.)
6. Zemskov VN. On the Issue of the Scale of Repression in the USSR. *Sociological Research*. 1995;(5):118—127. (In Russ.)
7. Zemskov VN. Political Repressions in the USSR. 1917 — 1990. *Russia XXI*. 1994;(1—2):107—124. (In Russ.)
8. Solomon P. Soviet Justice under Stalin. Moscow;2008. (In Russ.)
9. Khlevnyuk OV. Owner. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship. Moscow;2010. (In Russ.)
10. Chemodanov PA. Abram Stolyar: Political Biography of the Era of the “Great Terror”. *Bulletin of Humanitarian Education*. 2018;(4):23—28. (In Russ.)
11. Chemodanov PA. From a Tailor’s Daughter to an “Enemy of the People”: “Five Lives” of Misa Broeva. *Russia XXI*. 2019;(5):176—191. (In Russ.)
12. Chemodanov PA. The Stakhanov Movement in the Economic and Sociocultural Life of the Soviet Province in 1935 — 1941 (based on Materials from the Kirov Region). Kirov;2019. (In Russ.)
13. Shubin AV. 1937. Anti-Terror of Stalin. Moscow;2010. (In Russ.)

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 04.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

Information about the authors:

Vladimir I. Bakulin, Doctor of Historical Sciences, Retired Professor, vla20190220@yandex.ru
Pavel A. Chemodanov, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Volgo-Vyatka Institute (branch) of the University. O. E. Kutafina (MSAL) (99 Lenin Str., Kirov 610002, Russia), Candidate of Historical Sciences, pavelche1492@mail.ru

Contribution of the authors:

Bakulin V. I. — concept development, text writing;
Chemodanov P. A. — collecting material, text writing.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(47)
EDN RSFWPM

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЗАВОДЕ «КРАСНОЕ СОРМОВО» В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (1937 — июнь 1941 г.)

Б. Л. Гинзбург¹, В. В. Орлов²✉, Е. И. Подрепный³

¹ Нижегородский институт развития образования,
г. Нижний Новгород, Россия

² Институт государственного администрирования,
г. Москва, Россия

³ Российский университет дружбы народов,
г. Сочи, Россия

✉ orlov.stolica@mail.ru

Аннотация

Введение. В предвоенные годы завод «Красное Сормово» стал одним из главных участников реализации долгосрочной программы военного судостроения в стране. При постоянном росте производственной нагрузки, включая заказы на суда различного назначения, металлургическое производство начало отставать и стало тормозом в выполнении оборонных программ. Проблема модернизации металлургического производства на предприятии не была разрешена, что затрудняло выпуск новой военной продукции — танка Т-34.

Материалы и методы. Исследование основано на материалах нижегородских архивов, документах органов партийного и государственного управления. С помощью проблемно-хронологического, статистического и описательного методов проведен анализ документов и сделаны выводы относительно причин, обусловивших отставание металлургического производства на заводе «Красное Сормово» от стоявших перед предприятием военно-производственных задач.

Результаты исследования и их обсуждение. Несмотря на наличие работ, посвященных становлению военно-промышленного комплекса СССР в 1930-е гг., особенности деятельности отдельных военных заводов, включая «Красное Сормово», комплексно не рассматривались. Нами сделана попытка проанализировать исторический опыт развития металлургического производства на заводе «Красное Сормово» в условиях мобилизационной советской экономики при переходе на выпуск новой оборонной продукции в 1937 — 1941 гг. На заводе «Красное Сормово», перепрофилированном на производство подводных лодок, к моменту широкого развертывания подводного кораблестроения металлургическое производство по уровню и техническому оснащению мало соответствовало предлагаемым задачам. Производство разнообразной по назначению стали требовало сложнейшей технологии, четкой организации производства, высокого мастерства рабочих. Для этого было сделано немало, но острой оставалась проблема сокращения брака и рекламаций, формирования стабильного рабочего коллектива.

Заключение. Исторический опыт развития завода «Красное Сормово» свидетельствует, что диспропорции в металлургическом производстве, носившие системный характер, невозможно было ликвидировать административными и командными методами, применяя суровое трудовое законодательство и экстраординарные меры военного времени.

Ключевые слова: исторический опыт, металлургическое производство, военное судостроение, брак, кадры, административно-командные методы, партийное руководство

© Гинзбург Б. Л., Орлов В. В., Подрепный Е. И., 2024

Для цитирования: Гинзбург Б. Л., Орлов В. В., Подрепный Е. И. Исторический опыт развития металлургического производства на заводе «Красного Сормово» в предвоенные годы (1937 — июнь 1941 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 137 — 149. EDN RSWPМ

Original article

HISTORICAL EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF METALLURGICAL PRODUCTION AT THE KRASNOYE SORMOVO PLANT IN THE PRE-WAR YEARS (1937 — June 1941)

B. L. Ginzburg¹, V. V. Orlov²✉, E. I. Podrepny³

¹ Nizhny Novgorod Institute for Educational Development,
Nizhny Novgorod, Russia

² Institute of Public Administration,
Moscow, Russia

³ Russian Peoples' Friendship University,
Sochi, Russia

✉ orlov.stolica@mail.ru

Abstract

Introduction. In the pre-war years, the Krasnoye Sormovo plant was repurposed from a unique machine-building enterprise that produced a wide range of industrial products to the production of submarines. With a constant increase in production load, including orders for ships for various purposes, metallurgical production began to lag behind and became a brake on the implementation of defense programs. The problem of metallurgical production modernization at the enterprise was not resolved, which made it difficult to produce new military products — the T-34 medium tank during the Great Patriotic War.

Materials and methods. The research is based on materials from Nizhny Novgorod archives, documents from party and government bodies. Using problem-chronological, statistical and descriptive methods, an analysis of documents was carried out and conclusions were drawn regarding the reasons that caused the lag in metallurgical production at the Krasnoye Sormovo plant and the military-production tasks facing the enterprise.

Results and discussion. Despite the presence of works devoted to the formation of the military-industrial complex of the USSR in the 1930s, the features of the activities of individual military factories, including Krasnoye Sormovo, were not comprehensively considered. The development of metallurgical production at the enterprise in the pre-war years has been practically not studied; researchers were mainly interested in the period of the Great Patriotic War, when the Krasnoye Sormovo plant became one of the largest manufacturers of the T-34 tank in the Soviet Union. This article makes an attempt to analyze the historical experience of the development of metallurgical production at the Krasnoye Sormovo plant in the conditions of the mobilization in Soviet economy during the transition to the production of new defense products in 1937 — 1941.

Conclusion. As a result of the study, we can conclude that in the pre-war years the Krasnoye Sormovo plant became one of the main participants in the implementation of a long-term military ship-building program in the country. By the time of the widespread deployment of submarine shipbuilding, metallurgical production in its level and technical equipment did not correspond well to the tasks facing the enterprise, which slowed down the implementation of defense orders. The production of steel, so varied in purpose, required the most complex technology, precise organization of production, and high skill of workers. A lot has been done in this area, but the problem of reducing defects and complaints and forming a stable working team remained acute at the plant. Historical experience of the development

of the Krasnoye Sormovo plant in 1937 — 1941 indicates that the imbalances in metallurgical production, which are systemic in nature, could not be eliminated by administrative and command methods, applying harsh labor legislation and extraordinary wartime measures.

Keywords: historical experience, metallurgical production, military shipbuilding, waste, personnel, administrative-command methods, party leadership

For citation: Ginzburg BL, Orlov VV, Podrepny EI. Historical Experience in the Development of Metallurgical Production at the Krasnoye Sormovo Plant in the Pre-War Years (1937 — June 1941). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):137—149. EDN RSFWPM

Введение

В 1930-е гг. политическое руководство Советского Союза понимало важность ускоренного развития военно-промышленного комплекса, обусловленного ростом международной напряженности и военной угрозы. Производство металлов являлось ключевой проблемой советского народного хозяйства. Дефицит металла сдерживал рост гражданского и военного машиностроения. В связи с этим указанная проблема постоянно находилась в фокусе внимания центральных партийных, государственных и хозяйственных органов. За годы третьей пятилетки вступили в строй 7 новых доменных и 18 мартеновских печей. К 1941 г. всего в Советском Союзе действовали 99 доменных и 391 мартеновская печь, более 200 сталеплавильных электропечей, более 150 прокатных станов, более 200 коксовых батарей и т. д. К таким гигантам советской металлургии, как Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, заводы «Запорожсталь», «Азовсталь», «Электросталь», Криворожский, Днепропетровский, «Красное Сормово», перед войной добавились Новотагильский и Петровск-Забайкальский металлургические заводы и др. Новые мощности, введенные за три последних предвоенных года, составили: по добыче железной руды — 7,2 млн т, по чугуну — 2,8 млн, по стали — 3,5 млн, по прокату черных металлов — 2,2 млн т¹. Накануне Великой Отечественной войны СССР по производству чугуна и стали занимал третье место в мире.

Однако в целом положение с металлом оставалось весьма тяжелым. В 1939 г. по сравнению с 1937 г. снизилось производство чугуна, стали, проката черных металлов. В 1940 г. незначительное увеличение на 3 % выпуска металла и на 1 % проката не соответствовало плановым заданиям². Накануне войны ввод в действие основных производственных мощностей в черной металлургии составлял только 17 — 33 % от плана [1, с. 24].

На заводе «Красное Сормово» производственные проблемы наиболее четко обозначились после подведения итогов плана первой пятилетки. В архивных документах за 1933 г. отмечается значительный процент брака при выпуске продукции, причем его номенклатура, связанная с расходом металла, быстро росла³. Второй блок проблем — недостаток квалифицированных кадров. В связи с этим особый научный интерес представляет развитие металлургического производства на одном из крупнейших предприятий Советского Союза — заводе «Красное Сормово», ко-

¹ Страна Советов за 50 лет: сб. стат. материалов. М., 1967. С. 66 — 67.

² Промышленность СССР: стат. сб. М., 1957. С. 106.

³ ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 15. Оп. 3. Д. 130. Л. 138.

торому отводилось важное место в государственных программах укрепления обороноспособности страны.

Материалы и методы

Исследование металлургического производства как составной части выполнения оборонной программы Советского Союза в предвоенные годы, в частности организация металлургического производства на заводе «Красное Сормово». Исследование основано преимущественно на материалах нижегородских архивов, мемуарах участников событий, документах органов партийного, государственного и военного управления. Методологическую базу работы составляют общенаучные и специально-исторические методы. Из общенаучных методов следует выделить анализ и синтез, позволившие выявить составные части явлений в их системной взаимосвязи. К специально-историческим методам, используемым в ходе исследования, относятся проблемно-хронологический, статистический, периодизации и функциональный анализ.

Обзор литературы

Несмотря на наличие работ, посвященных функционированию военно-промышленного комплекса [2; 5; 11 и др.] и становлению административно-командной системы СССР в 1930-е гг. [8; 10; 14; 15; 17 и др.], проблемы организации металлургического производства как основы реализации оборонных программ в предвоенные годы комплексно в исторической литературе не рассматривались. Практически не затрагивается эта тема и в историографических трудах последних лет [6; 7 и др.]. Имеются лишь отдельные публикации, фрагментарно касающиеся развития металлургического производства на заводе «Красное Сормово» [4; 13], причем в основном исследовательский интерес направлен на период Великой Отечественной войны, когда завод «Красное Сормово» стал крупным производителем средних танков Т-34 в СССР [9].

Результаты исследования и их обсуждение

Завод «Красное Сормово» относился к категории «кадровых» военных предприятий, составивших основу советской военной индустрии. Их количество в стране выросло с 46 в 1928 г. до 220 в 1938 г., или в 4,7 раза. На 100 % «кадровыми» военными заводами были представлены авиационная промышленность и на 80 % — судостроительная промышленность, куда и был приписан завод «Красное Сормово». Численность работников предприятий «кадровой» военной промышленности за указанные десять лет увеличилась с 101,7 тыс. до 707 тыс. чел., или в 6,9 раза. Объем произведенной ими валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. вырос с 305,9 млн руб. в 1927/28 г. до 11 150 млн руб. в 1938 г., т. е. в 36,4 раза [11, с. 324 — 325].

В конце 1936 г. все «кадровые» военные заводы, включая «Красное Сормово», были переданы в административно-хозяйственное подчинение Народного комиссариата оборонной промышленности СССР. Завод оказался в составе Главного управления морского судостроения Наркомата обороны. Через три года предприятие перешло в состав Наркомата судостроительной промышленности СССР и получило номер 112. Новая ведомственная принадлежность сопровождалась резким изменением производственной специализации завода. Изначально «Красное Сормово» создавалось как универсальное машиностроительное предприятие. С 1937 г. главным

направлением деятельности завода было строительство подводных лодок, что сопровождалось возрастанием доли металлургического производства. Если в 1936 г. удельный вес судостроения составил 43 %, т. е. менее половины от общего объема производства предприятия, то в 1937 г. этот показатель достиг уже 65 — 70 % [4, с. 80].

Завод «Красное Сормово» стал участником ответственного государственного проекта в области судостроения. В июле 1933 г. Совет труда и обороны СНК СССР принял постановление «О программе военно-морского судостроения на 1933 — 1938 гг.». За пять лет намечалось заложить и построить 8 крейсеров, 50 эсминцев, 327 торпедных катеров, 76 больших подводных лодок, а также выпустить сторожевые корабли, охотники за подводными лодками, тральщики, канонерские лодки и др. На выполнение государственной программы судостроения помимо завода «Красное Сормово» переводились крупные машиностроительные заводы Невский им. Ленина, Коломенский, Днепропетровский. В этих целях 2-му Главному управлению Наркомата оборонной промышленности, ведавшему морским судостроением, было разрешено применять аккордно-премиальную систему оплаты труда, 10-часовой рабочий день и сверхурочные работы [11, с. 102].

Однако затраченных усилий было явно недостаточно для выполнения пятилетней программы морского судостроения. В сентябре 1939 г. руководство страны приняло решение сократить число строящихся линкоров и тяжелых крейсеров, а материальные средства и рабочую силу сосредоточить на постройке подводных лодок и легких боевых надводных кораблей [11, с. 128]. С началом Великой Отечественной войны завод «Красное Сормово» перешел в систему Наркомата танковой промышленности и вместо серийного производства подводных лодок начал усиленными темпами выпускать бронетанковую технику и танковую броню.

Организационная перетряска завода за предвоенные пять лет, его переход из Наркомата обороны в состав Наркомата судостроительной промышленности, а затем в Наркомат танковой промышленности, перестройка производственной специализации из универсального машиностроительного предприятия в направлении подводного судостроения и выпуска снарядов не отразились позитивно на ситуации с металлургическим производством. Руководство завода, занятое выполнением государственной военной программы по подводным лодкам, не располагало временем и реальными возможностями для повышения качества металлургического производства.

Объективно выпуск некачественной продукции был обусловлен двумя системными факторами. Во-первых, на заводе преобладало устаревшее оборудование дореволюционного периода, лишь примерно пятая часть станков относилась к числу современных, позволявших выпустить качественную продукцию [4, с. 80]. В отличие от вновь строившихся заводов, получавших в годы первых пятилеток только новые импортные станки, обновление станочного парка мало коснулось завода «Красное Сормово». При доминировании устаревшей техники выполнение государственной программы морского судостроения было проблематичным.

На предприятии принимались меры по снижению выпуска бракованной продукции. В 1937 г. металлурги завода освоили прокат новых профилей металла — углубульб, применяемых в судостроении (что дало возможность освободиться от импорта этих профилей), и отливку жароупорного стального фасонного литья⁴. На

печах № 5 и 6 мартеновского цеха установили торккрафт-машины, что удлинит срок службы ковшей и дало значительную экономию. Применение теплоизоляционного материала «горгойль» в железопркатном цехе позволило сэкономить 32,1 тыс. руб.⁵ Был освоен новый метод отливки ковкой бронзы в металлические изложницы, внедрены нормалы на припуски и допуски, использовались отходы цветных металлов для изготовления деталей. В результате этих и других мероприятий была получена экономия цветных металлов в размере 16,3 т⁶.

Тем не менее проблема выпуска некачественной продукции оставалась острой. В отчетном докладе о работе предприятия за 1937 г. отмечалось, что «основным браком в фасонно-литейном цехе были засоры. Как и в мартеновском цехе, главной причиной был слабый надзор мастеров и руководства цеха за составлением правильного технического процесса. Неправильная поставка прибыли по отливке мостовых опор дала 80 тонн брака. Большой брак по усадке говорил о недостатках в технологии цеха. Брак был и по неправильным размерам отливки из-за плохого наблюдения мастеров за сборкой опок»⁷. По железопркатному цеху общий брак достиг 2,4 % к выпуску цеха. С браком в виде оспы от вывалившейся окалины цех боролся недостаточно интенсивно, не всегда применяя соль и метлы⁸.

В 1938 г. с первых же дней в литейных цехах начались трудности с освоением тонкостенного литья сложной конфигурации, рассчитанного на высокое давление. Неудовлетворительное снабжение материалами для шихты по качеству с работой на одном сорте чугуна, плохой по качеству силумин и другие причины не давали возможности составить правильную шихту. Затем начались проблемы с литьем для подводных лодок и землечерпалок, которых ранее завод вообще не выпускал⁹. С переходом завода на выпуск новой номенклатуры военной продукции литейные цеха были вынуждены на ходу пересматривать технологию без должной технической совершенной документации, разработки и проверки опытом. В результате выпуск металлургической продукции в стоимостном выражении по сравнению с предыдущим годом сократился с 21,8 млн до 15,5 млн руб., или в 1,4 раза. Производственный план был выполнен лишь на 77,1 %¹⁰.

Администрация завода вела работу по сокращению брака, уделяя особое внимание литейным цехам. С этой целью был введен обязательный учет брака отделом технического контроля, для чего увеличили число контролеров. В чугунолитейном цехе организовали приемку форм по контрольным шаблонам, которые стали изготавливаться наряду с моделями. Были введены паспорта на заливку ответственных деталей, перестроили работу технологического бюро цеха — в его штат приняли двух дополнительных инженерно-технических работников (ИТР)¹¹. В меднолитейном

⁴ ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 32. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 19 об.

⁷ Там же. Л. 10 об.

⁸ Там же. Л. 11 об.

⁹ Там же. Д. 46. Л. 7 об.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Л. 9 об.

цехе, где абсолютный брак за год вырос с 10,0 до 24,6 %¹², ведение плавки начали обеспечивать пирометрическим контролем, увеличили габариты двух плавильных печей, организовали приемку форм по контрольным шаблонам¹³.

Однако в целом проблема повышения технического уровня на заводе «Красное Сормово», как и в целом в металлургической промышленности СССР, способной удовлетворить потребности военных и гражданских отраслей народного хозяйства в качественном металле, была далека от решения. Практически на всех крупнейших производствах страны выпускались рядовые марки проката. Ни на Урале, ни в Сибири, ни в других восточных районах не было даже толстолистовых прокатных станов для изготовления танковой брони. Только 55 — 60 % всей выплавляемой стали в стране было пригодно для качественного проката. В первом полугодии 1941 г. потребности народного хозяйства в качественном металле удовлетворялись по стальной нержавеющей ленте всего на 25,0 %, по инструментальной легированной стали — на 49,7, а по листовой нержавеющей стали — лишь на 23,8 % [1, с. 24].

Вторая причина выпуска некачественной продукции на заводе «Красное Сормово» связана с дефицитом квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Недостаток квалификации и нарушения производственной дисциплины вели к росту производственного травматизма. К тому же здания и оборудование находились в плохом состоянии, рабочие и ИТР недостаточно снабжались спецодеждой и грубо нарушали правила техники безопасности.

В отчетном документе за 1937 г. подчеркивалось, что «мартеновский и железо-прокатный цеха со своим устаревшим оборудованием, хотя и дали снижение коэффициента частоты несчастных случаев, но все же имеют очень высокий уровень травматизма»¹⁴. А основными причинами указывались текучесть рабочей силы дефицитных профессий и соответственно недокомплект бригад; недостаточное снабжение и плохое качество спецодежды и обуви; слабые трудовая дисциплина, надзор и инструктаж вновь поступающих и рабочих, переводимых с других работ.

Один из способов снижения производственного травматизма власти видели в организации курсов повышения квалификации, которыми охватили значительную часть рабочих. Немало внимания на предприятии уделялось технической учебе персонала, с 1936 г. были введены новые формы — курсы мастеров социалистического труда и стахановские курсы, на которых занимались соответственно 320 и 3 040 чел.¹⁵

Металлурги активно участвовали в стахановском движении. Среди них выделялись работники трубопрокатного цеха, выполнявшие нормы выработки на 1 000 % и более¹⁶. Но стахановское движение вызывало недовольство рядовых рабочих, которые воспринимали его как попытку заставить их работать интенсивнее за ту же заработную плату. Директора заводов и ИТР не без основания считали установление стахановских рекордов явлением, подрывающим основы производства [3, с. 134 — 139]. Так, стахановцы-вальцовщики железо-прокатного цеха завода получали зара-

¹² ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 46. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 32. Л. 27 об.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 24.

¹⁶ Там же. Д. 32. Л. 29.

ботную плату в размере от 836 до 967 руб. при средней заработной плате сталеваров на предприятии 620 — 650 руб.¹⁷ Дискриминация в оплате труда неизбежно порождала у рядовых рабочих, занятых на тяжелых работах, желание получить высокую заработную плату стахановцев.

На предприятии отмечались противоречия и в оплате труда мастеров и производственных рабочих. У рабочих имелась возможность получить бóльшую заработную плату за счет перевыполнения нормы в два, три раза и более, а мастер был лишен такой возможности. Например, мастер мартеновского цеха зарабатывал 500 руб., а сталевар — 620, мастер железопрокатного цеха — 450, а прокатчик цеха — 775 руб.¹⁸ В результате снижались производственные показатели, низкой была мотивация к повышению производительности труда.

Явная диспропорция наблюдалась при сравнении ставок рабочих и ИТР на заводе «Красное Сормово» и соседних машиностроительных заводах № 92 и 21 им. С. Орджоникидзе. По данным за 1937 г., ставка формовщика на предприятиях-партнерах составляла 425 руб., а с 1 января 1938 г. по этим заводам она была повышена еще на 20 %, что оказалось выше, чем у рабочих завода «Красное Сормово». Это вызывало массу недоразумений и кривотолков, вело к ослаблению производственной дисциплины, увеличивало текучесть кадров и провоцировало угрозу бегства квалифицированных рабочих. Руководство завода «Красное Сормово» неоднократно ставило этот вопрос перед Главком Наркомата оборонной промышленности, но проблема не получила разрешения¹⁹.

На предприятии наблюдалась высокая текучесть рабочей силы. За 1939 г. было принято и уволено более 10 тыс. чел.²⁰ Завод имел кадры литейщиков и мастеров-практиков с большим опытом по отливке разного рода литья для паровозостроения, паровых машин и других освоенных объектов, но их квалификации не хватало при выпуске стали и проката для строительства подводных лодок и снарядов. Это показали прошедшие в октябре 1939 г. полигонные испытания корпусов снарядов калибра 107 и 203 мм: результаты были неудовлетворительными вследствие нарушения технологического процесса термообработки²¹. Причинами стали дефицит как культуры в литейном производстве, так и специалистов-литейщиков, а также отсутствие строгого режима производства плавки металла и контроля за правильностью их ведения, нехватка складских помещений для хранения формовочных земель.

Ситуацию с текучестью рабочей силы власти решали административными и командными мерами в масштабах всей страны. 20 декабря 1938 г. СНК СССР принял постановление «Об обязательном введении трудовых книжек на всех предприятиях и организациях СССР». В соответствии с документом минимальный срок контракта рабочих с предприятием увеличился до пяти лет. В трудовую книжку заносились все сведения о вознаграждениях, наказаниях, выговорах и причинах

¹⁷ ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 32. Л. 29.

¹⁸ Там же. Л. 32.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. 1244. Оп. 16. Д. 147. Л. 79 об.

²¹ ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 52. Л. 33.

увольнения рабочего. Без отметки в трудовой книжке о причинах увольнения с предыдущего места работы не принимали на новую работу [12, с. 74 — 79].

26 июня 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Согласно указу прогул без уважительной причины карался исправительными работами сроком от 6 месяцев с удержанием до 25 % из заработной платы в пользу государства. За самовольный уход с предприятия грозило тюремное заключение от 2 до 4 месяцев. Эти суровые законы не были простой формальностью. Только за первый месяц принятия указа было возбуждено более 100 тыс. судебных дел, а за полтора последующих — еще 900 тыс. дел [16, с. 92]. Всего в 1940 г. за нарушение трудового законодательства было осуждено 3,3 млн рабочих, из которых 1,8 млн были приговорены к 6 месяцам исправительно-трудовых работ, а 322 тыс. были приговорены к тюремному заключению на срок от 2 до 4 месяцев. Эти постановления и указы привели к росту власти заводской администрации над работниками, внеэкономическому принуждению, ухудшению социально-психологического климата на производстве [3, с. 140].

Итак, на заводе «Красное Сормово», как и на большинстве военных заводов страны, остро ощущалась нехватка рабочей силы, прежде всего квалифицированных кадров. Обучение вчерашних крестьян непосредственно у станка, на курсах повышения квалификации и переподготовки, ударничество, вовлечение в стахановское движение и организация социалистического соревнования не давали желаемых результатов. Уровень квалификации работников оставался низким, велика была текучесть кадров на производстве. Плохо соблюдалась технологическая дисциплина, значительными были процент брака, поломки оборудования, выпуск некондиционных изделий [1, с. 18 — 19]. Это опровергает известный тезис о более лучшей и эффективной организации производства на военных заводах страны по сравнению с гражданскими отраслями.

Основной путь преодоления проблем на предприятии, связанных с выпуском бракованной продукции, низкой квалификацией и текучестью рабочей силы, вполне соответствовал духу времени — усиление партийного руководства. В марте 1940 г. на заседании парткома завода «Красное Сормово» отмечалось, что в цехе № 19 имели место частые аварии. Были вскрыты их причины: недостаточное руководство технологическим процессом со стороны административно-технического персонала, низкая трудовая и производственная дисциплина, плохое снабжение цеха шихтой, чугуном, известью, доломитом, дровами, углем, огнеупорными изделиями²².

В январе 1941 г. партийный комитет завода вновь обратился к этим острым производственным вопросам. На его заседании указывалось: производственные площади цеха № 19 полностью не используются и простаивают; фиксировалось неудовлетворительное снабжение цеха шихтой, что создавало угрозу остановки мартеновских печей предприятия и соответственно не способствовало выполнению решений ЦК ВКП(б) по развитию черной металлургии²³.

²² ГОПАНО. Ф. 1244. Оп. 16. Д. 145. Л. 2.

²³ Там же. Л. 22.

Работа завода не раз становилась предметом обсуждения на заседании бюро Сормовского райкома партии г. Горького. В январе 1941 г. в райкоме был заслушан доклад главного инженера «Об итогах работы завода „Красное Сормово“ по спецудостроению в 1940 году и о перспективах на 1941 год». В решении райкома констатировалось снижение выпуска бракованной продукции на предприятии с 4,3 % в 1939 г. до 3,4 % в 1940 г. По металлургическим цехам незначительно сократился убыток от брака: с 5 487 тыс. руб. в 1939 г. до 5 058 тыс. руб. в 1940 г. Однако в целом по заводу брак составлял еще значимую величину, в 1940 г. превысив 12,6 млн руб.²⁴ Его причинами были названы частые аварии и поломки, простои станков и оборудования, низкая культура производства у рабочих и управленцев²⁵.

Через месяц, в феврале 1941 г., бюро Сормовского райкома партии вновь обратилось к обсуждению конкретных проблем завода. В частности, предметом изучения партийцев стал вопрос «О состоянии работы металлургических цехов завода „Красное Сормово“». Райком признал работу отдела главного металлурга и его начальника неудовлетворительной и кабинетной. Отдел, имея большой штат работников (24 чел., из них 16 инженеров), не оказывал конкретную помощь металлургическим цехам. Директору завода № 112 было указано на неудовлетворительную работу отдела главного металлурга. Райком партии дал директиву заводоуправлению в духе риторики того времени: «...проанализировать и устранить причины брака в литейных цехах»²⁶.

12 марта 1941 г. на совещании партийного актива завода обсуждались задачи организации военной приемки и ликвидации брака в свете решений XVIII конференции ВКП(б), посвященной развитию советской экономики в условиях нарастания военной угрозы. В мае 1941 г. состоялась очередная партийная конференция завода «Красное Сормово» — собрание партийно-хозяйственного актива предприятия. В отчетном докладе парткома отмечалась необходимость улучшения работы металлургических цехов завода, особенно в области соблюдения технологической дисциплины. Главному металлургу и секретарю партбюро цеха дали директиву добиться такого положения, чтобы «рабочая технология дошла до рабочего места». Речь шла также о повышении культуры производства и борьбе с браком²⁷.

В последние довоенные месяцы руководство и партийный комитет завода «Красное Сормово» пытались улучшить положение дел в металлургическом производстве за счет усиления апробированных административных и командных мер. За достижение выдавалась даже стабильная работа отдельных производств, в частности то, что с марта 1941 г. фасонно-литейный цех начал работать по графику. Тем не менее заводоуправлению и партийному руководству предприятия не удалось кардинально решить проблему с налаживанием металлургического производства, и даже наоборот — вырос удельный вес бракованной продукции. За I квартал 1941 г. по мартеновскому цеху брак составил почти 5,5 %, по чугунно-литейному цеху — более 6,0 %²⁸.

²⁴ ГОПАНО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1615. Л. 44.

²⁵ Там же. Л. 45.

²⁶ Там же.

²⁷ ГОПАНО. Ф. 1244. Оп. 16. Д. 148. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 33.

Все это в первые годы Великой Отечественной войны негативно отразилось на выпуске на предприятии среднего танка Т-34 и интенсификации производства артиллерийских снарядов [9]. Во втором полугодии 1941 г. на предприятии было выпущено 173 танка Т-34, а всего на четырех машиностроительных заводах страны — 3 014 штук. Забегая вперед, отметим, что в 1942 г. на заводе «Красное Сормово» были выпущены 2 584 танка Т-34, а по всем предприятиям Наркомата танковой промышленности — 12 527 штук, в 1943 г. — соответственно 2 962 и 15 821, в 1944 г. — 3 619 и 14 648 штук. Всего за годы войны танкостроители произвели более 110,3 тыс. единиц бронетанковой техники [1, с. 163 — 164]. Это объективно стало одним из важных факторов Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Заключение

Таким образом, в предвоенные годы шло наращивание мощностей военно-промышленного комплекса страны. Нижегородское предприятие «Красное Сормово» стало одним из главных участников реализации долгосрочной программы военного судостроения, а с началом Великой Отечественной войны — танкостроения. К моменту широкого развертывания подводного кораблестроения металлургическое производство на указанном заводе по уровню и техническому оснащению еще мало соответствовало нормативным требованиям. Это тормозило выполнение оборонных заказов, что видно из ежегодных отчетов предприятия. Производство стали требовало сложнейшей технологии, четкой организации производства, высокого мастерства рабочих. В данном направлении было сделано немало, но острыми оставались проблемы сокращения брака и рекламаций, формирования стабильного рабочего коллектива. Исторический опыт развития «кадрового» военного завода «Красное Сормово» в 1937 — 1941 гг. свидетельствует, что диспропорции в металлургическом производстве, носившие системный характер, невозможно было ликвидировать, даже применяя суровое трудовое законодательство и экстраординарные меры военного времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Великая Отечественная война 1941 — 1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
2. Вишневыский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
3. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / [пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича]. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
4. Дегтев Д. М., Зубов Д. В. Железные гробы Сталина. Строительство и боевое применение советских субмарин. 1929 — 1945. М.: Центрполиграф, 2016. 256 с.
5. Дроговоз И. Г. Танковый меч страны Советов. М.: АСТ, 2003. 480 с.
6. Историография сталинизма: сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007. 480 с.
7. Маслов Д. В. Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2004. 230 с.
8. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 — 1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
9. Пустырев П. В. История развертывания производства танков Т-34 на предприятиях Горьковской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Новгород, 2021. 237 с.
10. Режимные люди в СССР / отв. ред.: Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. 368 с.

11. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 — 1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.

12. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х — середина 1950-х гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74 — 79.

13. Сормовский завод — мастерская и арсенал России (1849 — 1945 гг.): исслед. Воспоминания. Док. / авт.-сост.: Е. И. Подрепный, Е. П. Титков. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2016. 547 с.

14. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / [пер. с англ. яз. Л. Ю. Пантиной]. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

15. Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 267 с.

16. Хлевнюк О. 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86 — 96.

17. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 479 с.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

Информация об авторах:

Борис Львович Гинзбург, заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин Нижегородского института развития образования (603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 203), кандидат исторических наук, доцент, a770aa@yandex.ru

Виталий Владимирович Орлов, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Института государственного администрирования (119261, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 80), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8556-3555>, orlov.stolica@mail.ru

Евгений Ильич Подрепный, профессор кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Российского университета дружбы народов, Сочинский институт (филиал) (354340, Россия, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32), доктор исторических наук, доцент, podrepnuu@yandex.ru

Вклад авторов:

Гинзбург Б. Л. — разработка концепции, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Орлов В. В. — критический анализ и научное редактирование текста;

Подрепный Е. И. — разработка концепции, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. The Great Patriotic War of 1941 — 1945. Moscow;2013;7. (In Russ.)
2. Vishnevsky AG. Sickie and Ruble: Conservative Modernization in the USSR. Moscow;1998. (In Russ.)
3. Gregory P. The Political Economy of Stalinism. Moscow;2006. (In Russ.)

4. Degtev DM, Zubov DV. Stalin's Iron Coffins. Construction and Combat Use of Soviet Submarines. 1929 — 1945. Moscow;2016. (In Russ.)
5. Drogovoz IG. Tank Sword of the Soviet Country. Moscow;2003. (In Russ.)
6. Historiography of Stalinism. Moscow;2007. (In Russ.)
7. Maslov DV. Historiographical and Methodological Foundations of the Study of the State of the Soviet System. Sergiev Posad;2004. (In Russ.)
8. Osokina EA. Behind the Facade of "Stalin's Abundance": Distribution and Market in the Supply of the Population During the Years of Industrialization. 1927 — 1941. Moscow;1999. (In Russ.)
9. Pustyrev PV. The History of the Deployment of the Production of T-34 Tanks at the Enterprises of the Gorky Region During the Great Patriotic War. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. N. Novgorod;2021. (In Russ.)
10. Regime People in the USSR. Moscow;2009. (In Russ.)
11. Simonov NS. The Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s — 1950s: the Pace of Economic Growth, Structure, Organization of Production and Management. Moscow;1996. (In Russ.)
12. Sokolov AK. Forced Labor in Soviet Industry and its Crisis (Late 1930s — mid-1950s). *Economic history*. The yearbook. 2003. Moscow;2004:74—79. (In Russ.)
13. Sormovsky Factory — Workshop and Arsenal of Russia (1849 — 1945). Research. Memories. Documents. N. Novgorod;2016. (In Russ.)
14. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. The Social History of Soviet Russia in the 30s: the City. Moscow;2008. (In Russ.)
15. Khanin GI. Dynamics of Economic Development of the USSR. Novosibirsk;1991. (In Russ.)
16. Khlevnyuk O. June 26, 1940: Illusions and Realities of Administration. *Kommunist*. 1989;(9):86—96. (In Russ.)
17. Khlevnyuk OV. The Owner. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship. Moscow;2010. (In Russ.)

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Information about the authors:

Boris L. Ginzburg, Head of the Department of History and Social Science Disciplines of Nizhny Novgorod Institute for Educational Development (203 Vaneeva Str., Nizhny Novgorod 603000, Russia), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, a770aa@yandex.ru

Vitaly V. Orlov, Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences at the Institute of Public Administration (80 Leninsky Prospekt, Moscow 119261, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8556-3555>, orlov.stolica@mail.ru

Evgeniy I. Podrepnny, Professor of the Department of General History of Faculty of History and Philology of Peoples' Friendship University of Russia, Sochi Institute (branch) (32 Kuibysheva Str., Sochi 354340, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, podrepnny@yandex.ru

Contribution of the authors:

Ginzburg B. L. — concept development, methodology improvement, data collection and literature analysis, writing the draft version of the article;

Orlov V. V. — critical analysis and scientific editing of the article;

Podrepnny E. I. — concept development, methodology improvement, data collection and literature analysis, writing the draft version of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(470.345)«1950/1960»:67
EDN RXTJSB<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СКАЧОК: КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МАССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

И. Ю. Асабин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
asabin_saransk@mail.ru

Аннотация

Введение. Тема промышленного развития регионов Поволжья во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. требует дополнительного исследования, так как часто подвергалась политической окраске. Цель статьи — показать объективную картину развития крупного промышленного производства в Мордовии в период реформирования управления народным хозяйством СССР.

Материалы и методы. Выявление основных направлений государственной политики в промышленной отрасли народного хозяйства МАССР и анализ массива статистических и архивных данных, характеризующих динамику промышленного производства, были выполнены с помощью историко-сравнительного и проблемно-хронологического методов и принципов историзма и объективности.

Результаты исследования и их обсуждение. Несмотря на определенные недостатки реформы управления и то, что впечатляющие темпы роста промышленности республики в рассматриваемый период во многом объясняются эффектом низкой базы, не оспорим факт выдающегося промышленного рывка, который МАССР осуществила в те годы благодаря четко выстроенной системе государственного планирования и управления, а также самоотверженному труду людей. Ведущими стали машиностроительная, металлообрабатывающая и электротехническая промышленность. В Мордовии был создан сильный экономический базис — задел будущего развития.

Заключение. В результате исследования было установлено, что крупная промышленность МАССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. развивалась быстрыми темпами, стали превалировать машиностроительные отрасли, увеличились производственные фонды и техническая оснащенность производства. Создание Совета народного хозяйства Мордовского экономического административного района дало возможность лучше организовать работу предприятий, хотя была потеряна связь с центральными отраслевыми министерствами.

Ключевые слова: промышленное производство, Совет народного хозяйства, машиностроение, металлообработка, электротехническая промышленность, Мордовская АССР, шестая пятилетка, семилетка

Для цитирования: Асабин И. Ю. Индустриальный скачок: крупная промышленность МАССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 150 — 162. EDN RXTJSB

© Асабин И. Ю., 2024

Original article

INDUSTRIAL SCROLLING: LARGE-SCALE INDUSTRY OF THE MASSR IN THE SECOND HALF OF THE 1950s — FIRST HALF OF THE 1960s

I. Y. Asabin

Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
asabin_saransk@mail.ru

Abstract

Introduction. The topic of industrial development of regions in the second half of the 1950s — first half of the 1960s requires additional research, as it was often subjected to political coloring. The aim of the article is to show an objective picture of the development of large-scale industrial production in Mordovia during the period of reforming the management of the national economy of the USSR.

Materials and methods. The study of large-scale industrial production in the MASSR in the designated period involves the identification of the main directions of state policy in the industrial sector of the national economy and the analysis of existing statistical data characterizing the dynamics of industrial production.

Results and discussion. Despite certain shortcomings of the management reform and the fact that the impressive growth rates of the republic's industry in the period under consideration are largely explained by the effect of a low base, the fact of an outstanding industrial breakthrough, which the MASSR realized in these years thanks to a well-built system of state planning and management, selfless labor of people, is not disputable. Machine-building, metalworking and electrical industries became the leading branches. A strong economic basis was created in Mordovia, as a foundation for future development.

Conclusion. As a result of the study it was found that the large industry of the ASSR in the second half of the 1950s — first half of the 1960s developed rapidly, machine-building industries became predominant, production funds and technical equipment of production grew. The creation of National economic council made it possible to better organize the work of enterprises, but at the same time the connection with the central branch ministries was lost.

Keywords: industrial production, National economic council, machine building, metalworking, electrical industry, Mordovian ASSR, sixth five-year, seven-year period

For citation: Asabin IYu. Industrial Scrolling: Large-Scale Industry of the MASSR in the Second Half of the 1950s — First Half of the 1960s. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):150—162. EDN RXTJSB

Введение

История индустриального развития — актуальный вопрос отечественной истории. Эффективно работающая промышленность и наука определяют государственную безопасность. Исследование промышленности регионов Поволжья в советский период помогает осмыслить их историко-экономическое развитие и определить причины проблем, обнаруживающихся на современном этапе. Предпринятый в данной статье анализ промышленного развития регионов (на примере Мордовской АССР) в годы реформ Н. С. Хрущева дает возможность выявить недостатки государственной политики в отношении промышленного производства в современной России и наметить направление реформирования в этой области.

Материалы и методы

Основным материалом исследования послужили статистические и архивные данные о развитии республиканской промышленности в рассматриваемый период. В ходе работы применялись историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы, принципы историзма и объективности.

Обзор литературы

Разработка вопросов индустриального развития активно велась еще в советское время: публиковались как обобщающие работы [6; 11; 16 и др.], так и региональные [1; 5; 13; 14; 15 и др.]. Несмотря на конъюнктурный подход, в большинстве работ того периода проанализирован большой статистический материал, обозначены основные проблемы в развитии промышленности [8; 10]. В коллективной монографии «История Мордовской АССР» вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг. определяется как период ускоренного промышленного развития региона, когда республика превратилась из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную [7].

В 1990-х гг. политическая конъюнктура, безусловно, сильно влияла на исследование темы индустриального развития СССР, и авторы активно критиковали плановую экономику, подчеркивая неэффективность советского промышленного производства [4; 9 и др.].

Деятельность Мордовского совнархоза, в том числе по выполнению государственного оборонного заказа, исследовал М. Г. Ломшин [12]. Дополнительная фактическая информация содержится в книгах, посвященных истории отдельных промышленных предприятий Мордовии¹. Развитие основных промышленных отраслей Мордовской АССР в период реформ 1950-х — 1960-х гг. проанализировано в статьях Е. Н. Бикейкина, Н. Н. Зорковой, В. В. Крутова, С. В. Котлярова [2], А. В. Биряевой [3].

Таким образом, современные исследования, посвященные развитию крупной промышленности в МАССР в обозначенный период, имеются, однако их сравнительно немного, и требуется восполнить некоторые пробелы.

Результаты исследования и их обсуждение

В годы послевоенных пятилеток тяжело, но успешно шло восстановление народного хозяйства мордовского края: строились новые и реконструировались старые предприятия, росли цифры капиталовложений и темпы роста промышленности. К концу пятой пятилетки, в 1955 г., рост валовой продукции всей промышленности МАССР в сравнении с 1950 г. составил 152 %². Выросло также производство электро- и теплоэнергии, продукции машиностроения, лесной и деревообрабатывающей промышленности, строительных материалов, легкой и пищевой промышленности³.

¹ «Электровыпрямитель»: годы и люди / сост.: А. Н. Нижегородцева, О. В. Африн. Саранск, 1991. 144 с.; Открытое акционерное общество «Электровыпрямитель» — 60. 1941 — 2001 / [авт.-сост. Т. С. Баргова]. Саранск, 2001. 207 с.; Открытое акционерное общество «Сарансккабель»: История. Современность / сост. С. Е. Зауралова. Саранск, 2000. 160 с.; Открытое акционерное общество «Резинотехника» — 35: Рассказывают очевидцы, свидетельствуют документы, цифры, факты... / [Л. В. Горбунова]. Саранск, 2001. 181 с.; Голубчик Е. М., Орлова Л. Н., Откин И. И. Саранский экскаваторный завод: История и современность. Саранск, 2003. 160 с.

² Народное хозяйство Мордовской АССР: стат. сб. Саранск, 1965. С. 15.

³ Там же. С. 16 — 17.

Итогом пятой пятилетки стали ускоренное развитие электротехнической промышленности, рост производства строительных материалов, продовольственных и товаров широкого потребления. На повестке дня стояло форсированное строительство современных предприятий машиностроения и металлообработки.

По данным статистики, в 1955 г. в МАССР действовали 3 900 промышленных предприятий. В их число помимо крупных промышленных объектов входили предприятия колхозов, местной топливной промышленности, потребительской и промысловой кооперации, а также различных министерств и ведомств (например, министерств культуры, здравоохранения, внутренних дел). В круг основных входили предприятия электротехнической и радиотехнической промышленности, общего машиностроения, промышленности строительных материалов, текстильной и легкой промышленности, промышленности продовольственных товаров. Наибольшую долю в стоимости валовой продукции всей промышленности республики занимали пищевая и легкая промышленность. Много продукции выпускали предприятия исправительно-трудовых лагерей. Промышленность продовольственных товаров была в основном представлена мелкими предприятиями с небольшими производственными фондами⁴.

Промышленность Мордовии развивалась поступательно, тем не менее в послевоенные годы темпы развития промышленности республики были почти в два раза ниже, чем в среднем по РСФСР и более чем в два раза ниже, чем в Чувашии [2, с. 130]. В связи с этим шестой пятилетний план экономического развития МАССР (1956 — 1960 гг.) предусматривал темпы ежегодного прироста промышленной продукции выше общесоюзных, но данная пятилетка не была завершена. В июне 1957 г. был создан Совет народного хозяйства Мордовского экономического административного района (далее — Мордовский совнархоз), председателем был назначен Е. А. Веселовский. Совнархозу была передана вся промышленность союзного и федеративного подчинения, находившаяся на территории Мордовской АССР, за исключением предприятий министерств путей сообщения, сельского хозяйства, хлебопродуктов. К июлю 1957 г. в его ведении находились 71 промышленное предприятие и 3 крупные строительные организации⁵.

В структуру совнархоза входили управления главных отраслей промышленности региона. На конец 1957 г. в подчинении совнархоза МАССР состояли управления: 1) электротехнической и металлообрабатывающей промышленности; 2) строительства и промышленности строительных материалов; 3) легкой промышленности; 4) пищевой промышленности; 5) материально-технического снабжения и сбыта⁶.

Руководство Мордовского совнархоза и обком КПСС изучили состояние промышленного сектора в республике и пришли к выводу, что главными причинами отставания в промышленном развитии являлись: отсутствие энергетической базы, слабость промышленности стройматериалов и строительных организаций. Исходя

⁴ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-662. Оп. 45. Д. 4. Л. 41 — 44.

⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-269. Оп. 4. Д. 72. Л. 226.

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 70. Л. 156, 248.

из этого, совнархоз начал работать над устранением этих причин. В зимний период 1957 — 1958 гг. совнархоз МАССР добился получения 2 энергопоездов мощностью 3 тыс. кВт для Саранска и 2,5 тыс. кВт для Чамзинки. Было форсировано строительство ТЭЦ-2, начато строительство высоковольтной ЛЭП на 110 кВт между Саранском и Алексеевским цементным заводом, начали решаться вопросы газификации. Проблема стройматериалов решалась путем строительства новых предприятий: начато строительство Алексеевского шиферного завода, завода силикатных блоков и кирпича (Ковылкино), керамзитовых блоков (Саранск), комбината теплоизоляционных изделий (Саранск). Кроме того, проведены объединение, укрепление и специализация строительных организаций. Было создано отдельное управление «Жилстрой» в составе треста № 13, организованы управления «Отделстрой» (отделочные работы), «Транспецстрой» (земляные работы, строительство дорог и наружных коммуникаций), а также специализированные монтажные управления (электромонтажное, сантехнических работ, монтаж технологического оборудования и трубопроводов)⁷.

План 1957 г. по производству валовой и товарной продукции был выполнен досрочно, по сравнению с 1956 г. объем выпуска валовой продукции вырос на 24 %⁸. Главный упор был сделан на развитие тяжелых отраслей промышленности, в частности электротехнической, металлообрабатывающей, промышленности строительных материалов. На промышленных предприятиях совнархоза был освоен выпуск новых изделий, внедрялись передовые технологии, проводились механизация и автоматизация производственных процессов, шло укрепление энергетической базы⁹. За 1956 — 1959 гг. в строй действующих были введены 12 крупных заводов и фабрик. На долю государственной промышленности в 1958 г. приходилось 88 % всей промышленной продукции республики¹⁰.

Внеочередной XXI съезд КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г.) утвердил новый семилетний план развития народного хозяйства СССР на 1959 — 1965 гг., согласно которому преимущественное развитие должны были получить приборостроение, электротехника, радиоэлектроника, химическая промышленность. Наряду с ростом тяжелой индустрии и технического прогресса, планировалось повышение жизненного уровня трудящихся¹¹. В соответствии с этим планом были определены задачи развития экономики Мордовской АССР в 1959 — 1965 гг. В промышленной сфере намечалось поднять темпы капитального строительства, создать новые отрасли промышленности (химическая), вывести на новый уровень развития машиностроение и металлообработку, реконструировать и технически перевооружить имевшиеся промышленные предприятия, осуществить сплошную электрификацию республики, изменить структуру топливного баланса (переход с угля и дров на нефть и газ)¹².

⁷ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 6. Д. 578. Л. 235 — 237.

⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 48. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 35.

¹⁰ Открытое акционерное общество «Резинотехника» — 35... С. 278.

¹¹ Соловьев А. А. Съезды и конференции КПСС: справ. М., 1986. С. 270 — 271.

¹² НА НИИГН. И-343. Л. 2.

Без сильной энергетической базы невозможно было поднять развитие промышленности на должную высоту. На строительство электростанций и электросетей в МАССР в 1959 — 1965 гг. было выделено более 50 млн руб., или 10 % всех капитальных вложений по госплану [8, с. 98]. В конце 1958 г. состоялся пуск первой очереди Саранской ТЭЦ-2. В 1959 г. первая высоковольтная линия электропередачи напряжением 110 кВ соединила Алексеевскую ТЭЦ с Саранской ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2. Была построена сеть высоковольтных линий электропередач и к 1961 г. энергетическая система Мордовской АССР была включена в единую энергетическую систему Европейской части СССР. Мощность всех электростанций МАССР в 1958 г. равнялась 92,2 тыс. кВт, в 1965 г. энергетическая мощность, обслуживающая только промышленность, составляла 260,4 тыс. кВт¹³. Если в 1958 г. в республике было произведено 234,3 млн кВт•ч, то в 1964 г. уже 586,5 млн кВт•ч, или в 2,5 раза больше¹⁴, при этом в 1958 г. 54,7 % энергии потребляла именно промышленность, в 1963 г. промышленные предприятия потребляли 45,6 % энергии¹⁵. В 1960 г. ввели в действие государственный газопровод Саратов — Саранск — Горький. В 1965 г. удельный вес газа в топливном балансе Мордовской АССР составил около 40 %¹⁶. Включение Мордовской АССР в единую энергетическую систему Европейской части СССР, использование более экономичного топлива и наращивание энергетических мощностей создало возможность для активного развития промышленности республики.

За годы семилетки в Мордовии были построены основные предприятия химической промышленности. В начале ноября 1959 г. состоялся пуск в эксплуатацию первой очереди Саранского завода медицинских препаратов, который освоил производство пенициллина, стрептомицина, биометина и ряда других антибиотиков. Осенью 1965 г. Саранский резиновый комбинат приступил к выпуску продукции: клиновых ремней для сельского хозяйства, формовых резинотехнических изделий¹⁷. В 1964 г. темпы роста валовой продукции химической промышленности республики выросли в процентах к 1958 г. в 109,9 раза, что намного превышало темпы роста по РСФСР¹⁸.

За 1959 — 1965 гг. бурное развитие получили машиностроительная, металлообрабатывающая и электротехническая отрасли промышленности.

Одним из ведущих предприятий машиностроения в республике был Саранский механический завод, предприятие оборонной промышленности. В рассматриваемые годы на заводе были произведены значительная реконструкция и расширение производственных мощностей, освоены новые технологии. В 1960 г. на базе автомобилестроительного производства Саранского механического завода образовался Саранский завод автосамосвалов, который выпускал автосамосвалы на базе шасси ГАЗ-51, получаемых в порядке производственной кооперации с Горь-

¹³ ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 45. Д. 7. Л. 25; Д. 18. Л. 44.

¹⁴ Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 22.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 45. Д. 7. Л. 24; ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 45. Д. 16. Л. 34.

¹⁶ НА НИИГН (Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). И-710. Л. 34.

¹⁷ НА НИИГН. И-710. Л. 37; Открытое акционерное общество «Резинотехника» — 35... С. 51.

¹⁸ Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 16; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегод. М., 1965. С. 71.

ковского автозавода. На заводе была введена механизированная поточная линия сборки. В 1965 г. завод выпустил 20 067 автосамосвалов, или больше, чем в 1958 г. в 40 раз¹⁹. Производство и ремонт необходимых деталей проводились на заводах «Автозапчасть» в Атяшеве и Чамзинке.

В 1959 г. Саранский авторемонтный завод был преобразован в Саранский экскаваторный завод. Для выпуска экскаваторов требовались новые производственные площади, поэтому переоборудование завода было капитальным, нацеленным на задачи тяжелого машиностроения. Экскаваторный завод производил экскаваторы на шасси трактора «Беларусь» с ковшом емкостью 0,15 м³, предназначенные главным образом для механизации трудоемких работ в сельском хозяйстве. В 1960 г. завод выпустил 610 экскаваторов, а в 1964 г. — уже 2 252 шт., или в 3,7 раза больше²⁰.

В годы семилетки в строй вступили новые заводы тяжелой индустрии. В 1958 г. был сдан в эксплуатацию Саранский инструментальный завод, выпускавший различный ассортимент изделий для металлообработки: напильники, вращающиеся центры, электроды и т. д. Объем продукции завода с 1958 по 1964 г. увеличился в 8,3 раза. В 1959 г. был построен и начал работу первый корпус Саранского приборостроительного завода. Основная продукция завода — контрольно-измерительные приборы, средства автоматизации и регулирования технологических процессов, чувствительные элементы (мембраны, сильфоны), бытовая и медицинская техника. Объем продукции на заводе с 1958 по 1964 г. вырос в 4,8 раза. Первую продукцию выпустил в 1961 г. Рузаевский завод химического машиностроения. Постепенно наращивая и совершенствуя производство, завод стал выпускать химическое оборудование, емкости, баллоны, вакуумные насосы, автоклавы и т. д.²¹

Флагманом электротехнической промышленности в республике был завод «Электровыпрямитель» — головное предприятие Советского Союза по производству силовых полупроводниковых выпрямителей и приборов. В тот период завод продолжил совершенствование выпускаемой продукции, разрабатывались выпрямители на диодах, полупроводниковые германиевые вентили, высоковольтные выпрямители на кремниевых вентилях и т. д. За 1958 — 1965 гг. объем продукции на заводе увеличился более чем в 16 раз, мощность выпрямительных агрегатов выросла в 48 раз, производительность труда более чем в 3 раза, уровень рентабельности повысился с 23,7 % в 1958 г. до 95,5 % в 1965 г. За годы семилетки было произведено 1 243 тыс. штук полупроводниковых приборов. Трудности (снижение себестоимости продукции, сбыт, совершенствование оборудования и т. д.), с которыми сталкивался завод, успешно решались при активном участии руководства Мордовского совнархоза [12, с. 17, 22]²².

В 1964 г. было образовано Саранское производственное объединение «Светотехника», которое объединило Саранский электроламповый завод, Саранский завод электровакуумного стекла и специальных источников света (введен в строй в 1964 г.),

¹⁹ НА НИИГН. И-710. Л. 36.

²⁰ НА НИИГН. И-710. Л. 37; Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 21; Голубчик Е. М., Орлова Л. Н., Откин И. И. Указ. соч. С. 20 — 25.

²¹ НА НИИГН. И-710. Л. 36 — 37.

²² НА НИИГН. И-710. Л. 35; Голубчик Е. М., Орлова Л. Н., Откин И. И. Указ. соч. С. 24 — 25.

Ардатовский светотехнический завод, Рузаевский завод электровакуумного машиностроения. В 1965 г. основан Кадошкинский электротехнический завод.

Саранский электроламповый завод — крупнейшее предприятие светотехнической промышленности страны в тот период. В 1963 г. завод произвел 2/3 всех ламп дневного света в СССР. Был освоен выпуск более 30 наименований ламп. На Ардатовском светотехническом заводе модернизация оборудования позволила освоить производство новых рациональных осветительных приборов. За 1958 — 1964 гг. завод увеличил объемы производства в 4,3 раза²³.

Другим направлением электротехнической промышленности в республике было производство кабельной продукции. Годы семилетки для Саранского кабельного завода стали временем активного расширения производственных площадей, обновления машинного парка, освоения новых видов продукции. В 1964 г. было произведено 3 432 км бронекабеля, больше в 5,6 раз, чем в 1958 г., сигнально-блокировочного кабеля — 10 821 км, или в 45 раз больше, чем в 1958 г.²⁴

Предприятия Мордовского совнархоза производили изделия для оборонного комплекса. Так, саранские предприятия и организации — «Электровыпрямитель», заводы приборостроительный, электроламповый, кабельный, экскаваторный, автосамосвалов, п/я № 1, п/я № 2, Ардатовский светотехнический завод и Мордовский научно-исследовательский электротехнический институт — в 1960 и 1962 гг. участвовали в поставках военной продукции на Кубу, в комплектовании 5 экспериментальных тральщиков — искателей мин проектов «1252» и «257Д» [12, с. 16].

В рассматриваемый период многократно выросли темпы капитального строительства. Если за 1929 — 1988 гг. всего в республике было построено и введено в действие 226 государственных новых промышленных предприятий, то за 1956 — 1965 гг. было построено 111 предприятий, или около 50 %²⁵. Был также достигнут рост основных производственных фондов. В 1965 г. основные производственные фонды промышленности по сравнению с 1958 г. увеличились в 3,3 раза, при этом наибольший рост основных фондов наблюдался именно в отраслях тяжелой промышленности²⁶. Необходимо отметить, что как новые, так и давно работавшие промышленные предприятия оснащались современным оборудованием, механизированными и автоматизированными линиями, при этом усовершенствованное оборудование сосредоточивалось в основном в машиностроительной отрасли²⁷. В ускорении технического прогресса в промышленности Мордовии большую роль сыграли созданные в 1958 и 1959 гг. научно-исследовательские проектно-конструкторские и технологические институты — силовой полупроводниковой техники и источников света.

В условиях масштабного капитального строительства в республике вырос спрос на строительные материалы. Для его обеспечения необходимо было значительно расширить промышленное производство строительных материалов. За годы семи-

²³ НА НИИГН. И-710. Л. 35, 36.

²⁴ НА НИИГН. И-710. Л. 37; Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 21; Открытое акционерное общество «Саранскабель»... С. 18 — 23.

²⁵ Народное хозяйство Мордовской АССР за 60 лет: юбил. стат. сб. Саранск, 1989. С. 125.

²⁶ НА НИИГН. И-710. Л. 27.

²⁷ Там же. Л. 29.

летки было возведено большое количество предприятий данной отрасли: Алексеевский шиферный завод, завод железобетонных конструкций, завод крупнопанельного домостроения, Ковылкинский завод силикатных блоков, завод минеральной ваты, Саранский комбинат теплоизоляционных материалов. Модернизировал свои производственные мощности Алексеевский цементный завод, были реконструированы и переоборудованы Саранский и Рузаевский кирпичные заводы. В 1964 г. в республике было произведено 195 млн штук строительного кирпича (в 2,2 раза больше, чем в 1958 г.), сборных железобетонных конструкций — 96,3 тыс. м³ (почти в 4 раза больше, чем в 1958 г.), минеральной ваты — 121 тыс. м³ (в 11 раз больше, чем в 1960 г.)²⁸, а в 1965 г. — в 9 раз больше шифера, чем в 1960 г.²⁹

Из табл. 1 видно, что промышленность Мордовии в рассматриваемый период росла значительно быстрее, чем в среднем по РСФСР, Волго-Вятскому району, соседним областям и республикам. Темпы роста валовой продукции всей промышленности Мордовии в 1959 — 1964 гг. выросли в 2 раза (табл. 1).

Таблица 1. Темпы роста валовой продукции всей промышленности за 1959 — 1964 гг., % к 1958 г.

Table 1. Growth rates of gross output of all industry for 1959 — 1964, % to 1958

Регион	1959	1960	1961	1962	1963	1964
РСФСР	111	121	131	142	154	163
Волго-Вятский район	111	121	130	142	155	164
Горьковская область	110	118	126	138	150	159
Кировская область	111	123	128	136	144	149
Марийская АССР	111	126	141	152	162	171
Мордовская АССР	124	154	170	198	227	251
Чувашская АССР	112	124	136	153	174	197

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегод. М., 1965. С. 47.

В 1965 г. темпы роста валовой продукции всей промышленности МАССР к 1958 г. составили 285 % (в Марийской АССР — 191 %, в Чувашской АССР — 223 %)³⁰.

Изменилась отраслевая структура промышленности МАССР. После семилетки ведущими отраслями промышленности стали машиностроение и металлообработка, доля которых в общей структуре промышленности республики выросла с 15,7 % в 1958 г. до 46,6 % в 1965 г. Значительно повысилась доля химической промышленности — с 0,1 до 5,6 %³¹. В 1965 г. более 60 % от общего удельного веса промышленного производства приходилось на выпуск продукции новых отраслей — машиностроения, металлообработки и химической промышленности³².

Впечатляющие темпы роста валовой продукции крупной промышленности видны в табл. 2.

²⁸ НА НИИГН. И-710. Л. 38; Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 21.

²⁹ Народное хозяйство Мордовской АССР за 60 лет. С. 79.

³⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. С. 50.

³¹ НА НИИГН. И-710. Л. 33.

Таблица 2. Темпы роста валовой продукции промышленности МАССР по отраслям,
% к 1958 г.

Table 2. Growth rate of gross industrial output of the MASSR by industry,
% to 1958

Отрасль	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Вся промышленность	124	153	169	198	227	251
Производство электроэнергии и теплоэнергии	216	В 3,3 раза	В 4,2 раза	В 5,1 раза	В 5,9 раза	В 6,5 раза
Машиностроение и металлообработка	187	В 3,1 раза	В 3,5 раза	В 4,4 раза	В 5,6 раза	В 6,9 раза
Химическая промышленность	187	В 17,9 раза	В 45,4 раза	В 75,6 раза	В 106,8 раза	В 109,9 раза
Лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленность	102	106	96	91	98	107
Промышленность строительных материалов	121	166	223	237	236	254
Легкая промышленность	110	120	126	133	142	144
Пищевая промышленность	111	111	107	129	133	134

Источник: Народное хозяйство Мордовской АССР: стат. сб. Саранск, 1965. С. 16 — 17.

Кроме того, опубликованные статистические данные демонстрируют непрерывный рост производительности труда в промышленности республики за годы семилетки³³.

Однако, несмотря на впечатляющие темпы роста, Мордовия несколько отставала от соседей в промышленном развитии. Большинству автономных республик РСФСР в тот период были свойственны опережающие темпы развития именно крупной промышленности по сравнению с темпами роста всей промышленности. Так, к 1960 г. темпы развития крупной промышленности Марийской и Чувашской АССР опережали темпы развития крупной промышленности по РСФСР в целом, однако в Мордовии они немного отставали [6, с. 134]. В 1958 г. в Мордовской АССР производилось промышленной продукции на душу населения в 3,0 раза меньше, чем в среднем по РСФСР, и в 1,5 — 2,0 раза меньше, чем в соседних республиках и областях [1, с. 130].

В ходе работы руководство Мордовского совнархоза столкнулось с многими серьезными проблемами. Например, в республике отсутствовали базы и конторы бытовых и снабженческих организаций. Их пришлось организовывать с нуля. Не-

³² НА НИИГН. И-710. Л. 32.

³³ Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 19.

гativamente на развитии промышленных предприятий отражались недостаток собственных оборотных средств, плохо организованная финансовая и бухгалтерская отчетность³⁴. Не все предприятия выполняли план (нарекания поступали в адрес производителей строительных материалов и строительных контор), на многих предприятиях имелись проблемы с производительностью и организацией труда, ростом непроизводительных расходов. На предприятиях электротехнической и металлообрабатывающей промышленности имелись проблемы с контролем качества выпускаемой продукции³⁵. До начала 1960-х гг. многие предприятия совнархоза не имели новой техники, лабораторий, конструкторских бюро, а также высококвалифицированных кадров. Выпускаемая продукция не всегда соответствовала нормам качества, требовалось ее обновление³⁶. На работу промышленности и строительства отрицательно влияли непрерывные реорганизации, которые влекли за собой частую смену руководящих кадров, утрату оперативности. Серьезные недостатки обнаруживались в планировании и материально-техническом снабжении³⁷.

Заключение

Таким образом, к середине 1950-х гг. крупная промышленность Мордовии уже развивалась быстрыми темпами, но республика все же отставала от общесоюзного уровня и от показателей некоторых соседей. Руководство совнархоза выявило специфику региона и начало работу по устранению причин отставания. На фоне общесоюзной политики развития тяжелых отраслей промышленности, в МАССР активно развивались энергетика и промышленность строительных материалов. К концу рассматриваемого периода республика превратилась в индустриальную, коренным образом изменилась отраслевая структура промышленности — главными стали машиностроение и металлообработка, быстро росли объемы производимой промышленной продукции. В Мордовии была заложена основа дальнейшего экономического развития. Задачи, поставленные совнархозом, в основном были выполнены.

Сегодня отечественная промышленность развивается за счет успехов добывающей промышленности, связанной с экспортом углеводородных ресурсов, что не может служить прочной базой для устойчивого экономического развития и обеспечения безопасности страны. Пример индустриального строительства в МАССР во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. показывает важную роль народнохозяйственного планирования и государственного регулирования в промышленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барышева А. А., Трубе Л. Л., Хорев Б. С. Волго-Вятский район: экон.-геогр. обзор. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1964. 287 с.
2. Бикейкин Е. Н., Зоркова Н. Н., Крутов В. В., Котляров С. Б. Промышленность Мордовии в системе народного хозяйства РСФСР в условиях реформ 1953 — 1964 гг. // Вестник НИИ гу-

³⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 48. Л. 35, 39, 42.

³⁵ Там же. Л. 245, 249, 255, 259.

³⁶ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 6. Д. 578. Л. 240.

³⁷ НА НИИГН. И-710. Л. 19.

манитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3 (51). С. 129 — 146. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf>

3. Биряева А. В. Мордовский совнархоз: некоторые проблемы движения рационализаторов и изобретателей (1957 — 1962 гг.) // Центр и периферия. 2018. № 1. С. 43 — 48. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-1.pdf>

4. Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов. М.: Политиздат, 1991. 432 с.

5. Есин С. Г. Мордовия в пятом году семилетки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 47 с.

6. Ефимов А. Н. Перестройка управления промышленностью и строительством в СССР. М.: Госполитиздат, 1957. 143 с.

7. История Мордовской АССР: в 2 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. Т. 2. 430 с.

8. Косихин А. В. Основные этапы и некоторые особенности создания энергетической базы в Мордовской АССР // Вопросы повышения эффективности производства: сб. науч. ст. Саранск, 1974. С. 94 — 102.

9. Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953 — 1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. 182 с.

10. Лисицина Л. Н. Промышленное развитие автономных республик РСФСР в начале семилетки (1959 — 1961 гг.) // История СССР. 1965. № 2. С. 127 — 137.

11. Локшин Э. Ю. Промышленность СССР: очерк истории. М.: Мысль, 1964. 384 с.

12. Ломшин М. Г. Мордовский совнархоз: промышленная и кадровая политика (1957 — 1962 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010. 22 с.

13. Лычагин В. А. Комплексное развитие промышленности экономического района и трудовые ресурсы (на материалах Мордовской АССР). М.: Мысль, 1964. 92 с.

14. Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии: сб. ст. / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1988. 112 с.

15. Сануков К. Н. Развитие промышленности Марийской АССР в 1956 — 1965 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 338 с.

16. Хлусов М. И. Развитие советской индустрии. 1946 — 1958: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978. 280 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

Информация об авторе:

Игорь Юрьевич Асабин, докторант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-1111>, asabin_saransk@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Barysheva AA, Trube LL, Horev BS. Volgo-Vyatsky Region. Gorky;1964. (In Russ.)

2. Bikeikin EN, Zorkova NN, Krutov VV, Kotlyarov SB. Industry of Mordovia in the System of National Economy of the RSFSR in the Conditions of Reforms 1953 — 1964. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;(3):129—146. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf> (In Russ.)

3. Biryayeva AV. Mordovian Sovnarkhoz: Some Problems of the Movement of Rationalizers and Inventors (1957 — 1962). *Center and Periphery*. 2018;(1):43—48. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-1.pdf> (In Russ.)

4. Gorbunova LV. «JSC Rezinotekhnika — 35»: Eyewitnesses Tell, Documents, Figures, Facts. Saransk;2001. (In Russ.)
5. Esin SG. Mordovia in the Fifth Year of Seven-year Period. Saransk;1963. (In Russ.)
6. Efimov AN. The Reconstruction of Production and Building Governing in the USSR. Moscow;1957. (In Russ.)
7. History of the Mordovian ASSR. Saransk;1981:2. (In Russ.)
8. Kosikhin AV. Main Stages and Some Features of the Energy Base Creation in the Mordovian ASSR. *Issues of Increasing the Efficiency of Production*. Collection of scientific articles. Saransk;1974. (In Russ.)
9. Leybovitch OL. Reforms and Modernization in 1953 — 1964. Perm;1993. (In Russ.)
10. Lisitsina LN. Industrial Development of the Autonomous Republics of the RSFSR at the Beginning of the Seven-year plan (1959 — 1961). *History of the USSR*. 1965;(2):127—137. (In Russ.)
11. Lokshin EYU. The USSR Industry. Moscow;1964. (In Russ.)
12. Lomshin MG. Mordovian Sovnarkhoz: Industrial and Personnel Policy (1957 — 1962). Abstract dis. ... Cand. of Hist. Sci. Cheboksary;2010. (In Russ.)
13. Lyshagin VA. Complex Industry Development of the Economic Region and Labour Resources (based on Mordovskaya ASSR). Moscow;1964. (In Russ.)
14. Problems of Tshuvach Industry and Labour Social Group History. Articles. Tcheboksary;1988. (In Russ.)
15. Sanukov KN. Industry Development of Mariyskaya ASSR in 1956 — 1965. Dis. ... Cand. His. Sci. Moscow;1969. (In Russ.)
16. Hlусov MI. Development of the Soviet Industry in 1946 — 1958. Dis. ... Dr. Hist. Sci. Moscow;1978. (In Russ.)

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Information about the author:

Igor Yu. Asabin, Doctoral Student of the History Department of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-1111>, asabin_saransk@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(571.17).084.8:929
EDN ВР0МWЛ

<http://vestnikniig.ru>

Научная статья

Б. Е. ВОТЧАЛ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВРАЧА-ТЕРАПЕВТА

Е. Б. Каймашникова

Московский государственный медико-стоматологический
университет им. А. И. Евдокимова,
г. Москва, Россия
7000077@mail.ru

Аннотация

Введение. Борис Евгеньевич Вотчал — известный советский терапевт, внесший значительный вклад в развитие отечественной медицинской науки. Являясь сотрудником Центрального института усовершенствования врачей, он многое сделал для развития клинической фармакологии в Советском Союзе, выявив разницу между экспериментальной и клинической фармакологией. Б. Е. Вотчал создал первый в мире пневмоманометр для изучения нарушения бронхиальной проходимости, разработал принципиально новую методику определения венозного тонуса. Нами предпринята попытка реконструировать основные вехи его биографии.

Материалы и методы. Основным источником для изучения деятельности Б. Е. Вотчала послужили архивные документы Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Минздрава России. В исследовании мы опирались на принципы историзма и объективности, использовали сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, просопографический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучению данной темы посвящен ряд работ, в основном публикации, связанные с юбилеями Центрального института усовершенствования врачей, а также с воспоминаниями о Б. Е. Вотчале. При этом отсутствует исследование, раскрывающее заявленную тему в полной мере. Опираясь на имеющиеся архивные документы, мы попытались обобщить все доступные источники и проследили по ним жизнь и деятельность ученого.

Заключение. Создатель клинической фармакологии в Советском Союзе, заведующий кафедрой 2-й терапии Центрального института усовершенствования врачей Б. Е. Вотчал остался в памяти потомков как великий ученый, блистательный терапевт, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Жизненный путь Б. Е. Вотчала был направлен на развитие медицинской науки. В трудные годы Гражданской и Великой Отечественной войн и в мирное время он пытался помочь тяжело больным пациентам. До конца дней научная работа, педагогическая деятельность и врачебная практика были главными и основополагающими в работе Б. Е. Вотчала.

Ключевые слова: биография, Центральный институт усовершенствования врачей, клиническая фармакология, научно-педагогическая интеллигенция

Благодарности: автор выражает благодарность доктору медицинских наук профессору Н. А. Магазанику за предоставленные воспоминания о своем учителе Б. Е. Вотчале.

Для цитирования: Каймашникова Е. Б. Б. Е. Вотчал: страницы биографии выдающегося отечественного врача-терапевта // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 163 — 173. EDN ВР0МWЛ

© Каймашникова Е. Б., 2024

Original article

B. E. VOTCHAL: BIOGRAPHY PAGES OF THE OUTSTANDING RUSSIAN GENERAL PRACTITIONER

E. B. Kaymashnikova

Moscow State Medical and Dental University named after A. I. Evdokimov,
Moscow, Russia
7000077@mail.ru

Abstract

Introduction. Boris Evgenievich Votchal is a well-known Soviet therapist who made a huge contribution to the development of Russian medical science. As an employee of the Central Institute of Advanced Medical Training, he did a lot for the development of clinical pharmacology in the Soviet Union, revealing the difference between experimental and clinical pharmacology. B. E. Votchal created the world's first Pneumomanometer, a device for studying bronchial patency disorders. He developed a fundamentally new technique for determining venous tone. In this work, based on the materials of personal file, Votchal (archive of the FGBOU DPO RMANPO), has been made an attempt to reconstruct the main milestones of the biography of Academician of the Academy of Medical Sciences of the Soviet Union, Professor Boris Evgenievich Votchal.

Materials and methods. The main source for studying the activities of the outstanding Soviet scientist B. E. Votchal was the archival documents of the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Medical Academy of Continuing Professional Education of the Ministry of Health of Russia. In his research, the author relied on the principles of historicism and objectivity, used comparative-historical, problem-chronological, prosopographic research methods.

Results and discussion. A number of works have been devoted to the study of this topic, mainly publications of doctors related to the anniversaries of the Central Institute of Advanced Medical Training. As well as a number of journalistic articles with memoirs about the work and life path of B. E. Votchal. But at the moment there is no research that reveals the declared topic in full. Based on the available archival documents, the author makes an attempt to summarize all available sources on this topic.

Conclusion. The creator of clinical pharmacology in the Soviet Union, B. E. Votchal, remained in the memory of descendants as a great scientist, brilliant therapist, Honored Scientist of the Russian Federation, creator of clinical pharmacology in Russia, head of the Department of 2nd Therapy of the Central Institute of Advanced Medical Training. The entire life path of B. E. Votchal was dedicated to the advancement of medical science. During difficult times such as the Civil War or the USSR's war with the Fascist invaders from 1941 to 1945, as well as during peacetime, he dedicated himself to aiding seriously ill patients. Until his last days, scientific work, pedagogical activities, and medical practice remained the primary and fundamental aspects of Boris Evgenievich's work.

Keywords: Biography, Central Institute of Advanced Medical Training, clinical pharmacology, scientific and pedagogical intelligentsia

Acknowledgements: the author expresses great gratitude to the Doctor of Medical Sciences, Professor Norbert Alexandrovich Magazanik, for providing memories of his teacher B. E. Votchal.

For citation: Kaymashnikova EB. B. E. Votchal: Biography Pages of the Outstanding Russian General Practitioner. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):163—173. EDN BPOMWL

Введение

Исключительно важным аспектом в обеспечении населения качественной медицинской помощью является развитие послевузовского и дополнительного профессионального образования врачей. Этот вопрос был актуален еще в 80-х гг. XIX в., когда великая княгиня Елена Павловна приняла решение о строительстве

в Санкт-Петербурге Клинического института для усовершенствования врачей. Потребность в повышении квалификации и приобретении новой специальности была настолько велика, что медицинские факультеты ряда европейских университетов (в Париже, Вене, Берлине и др.) стали предоставлять такую возможность врачам из разных стран мира. Однако воспользоваться ею могли немногие врачи, поскольку она требовала больших расходов. В России усовершенствование врачей осуществлялось в единичных случаях и только при некоторых клиниках университетов. В связи с этим открытие в октябре 1885 г. Клинического института для усовершенствования врачей в Санкт-Петербурге было большим событием.

Первая мировая война и Октябрьская революция 1917 г. в корне изменили не только жизнь всего российского общества, но и Клинического института великой княгини Елены Павловны. Институт в 1918 г. был переименован в Советский клинический институт для усовершенствования врачей. Советское правительство высоко ценило работу Ленинградского института усовершенствования врачей, и во многом ориентировалось на его опыт и традиции при организации в Москве в 1930 г. Центрального института усовершенствования врачей (ЦИУВ; ныне — Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (РМАНПО) Минздрава России).

С первых лет советской власти в России формировался опыт реализации непрерывного медицинского образования, который во многом был связан с деятельностью Центрального института усовершенствования врачей [4, с. 908]. ЦИУВ ставил перед собой различные задачи: повышение профессионализма врачей; подготовка новых специалистов; участие в управлении и организации медицинских кадров; научная и учебно-методическая работа. Несмотря на сложности периода становления, военное и послевоенное время, институт успешно выполнял возложенные на него обязанности. Это подтверждает активная учебная, научная, методическая и общественная деятельность Бориса Евгеньевича Вотчала. Прочно введя клиническую фармакологию в медицинскую науку, он наглядно показал теоретическую целесообразность и практический смысл этой науки. Ученый-практик также сделал серьезный вклад в изучение заболеваний легких, выявив значение бронхиальной проходимости при бронхитах и патогенезе эмфиземы легких. Кроме обширной научной работы он активно занимался общественной деятельностью, являясь членом различных медицинских обществ и редактором медицинских журналов.

Материалы и методы

Основным источником в ходе работы послужили материалы личного дела Б. Е. Вотчала, которое хранится в архиве РМАНПО. Особенность работы с личным делом ученого связана с тем, что страницы не пронумерованы. Кроме того, мы обращались к научным трудам Б. Е. Вотчала¹ и воспоминаниям его учеников.

Опираясь на принципы историзма и объективности, нам удалось охарактеризовать жизненные вехи и основные направления научной деятельности Б. Е. Вотчала. Сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, просопографический

¹ Вотчал Б. Е. Бронхиты; Эмфизема легких М., 1973. 22 с.; Его же. Очерки клинической фармакологии. М., 2007. 462 с.; Вотчал Б. Е., Слуцкий М. Е. Сердечные гликозиды. М., 1973. 197 с. и др.

методы исследования позволили выстроить четкую биографическую линию и указать влияние политической обстановки в стране на научно-педагогическую деятельность профессора Б. Е. Вотчала.

Обзор литературы

Историография исследуемой проблемы не разработана. Опубликованные материалы посвящены либо юбилеям Центрального института усовершенствования врачей либо истории отдельных кафедр². Следует отметить, работу «Выдающиеся ученые Центрального института усовершенствования врачей», в которой сделана попытка подробно осветить организационную, научную, педагогическую и общественную деятельность ученых института. К сожалению, работа не содержит ссылок на использованные источники и литературу³.

Заметки о работе Б. Е. Вотчала в годы войны, охватывающие в большей степени медицинскую тематику, содержатся в работах И. В. Алексаняна, М. Ш. Кнопова, В. К. Таранухи, Б. В. Симоненко [1; 5; 6; 7]. Отметим, что работы, освещающие деятельность РМАНПО, написаны в основном специалистами в области медицины. Нами продолжено изучение истории института усовершенствования врачей [2; 3; 4 и др.]. В пользу исследования заявленной темы свидетельствует накопленный нами опыт публикаций, посвященных биографиям известных отечественных врачей — Б. И. Фукса, З. В. Ермольевой и др.

Результаты исследования и их обсуждение

13 июня 1955 г. директор ЦИУВа В. П. Лебедева зачитывала приказ № 146: «Отмечаю исполнившиеся 14-го июня с. г. 60 лет со дня рождения, 37 лет врачебной, научной и педагогической деятельности и 25 лет работы в Центральном институте усовершенствования врачей заведующего 2-й кафедрой терапии профессора Бориса Евгеньевича Вотчала. За многолетнюю работу в ЦИУ профессор Б. Е. Вотчал проявил себя как весьма опытный руководитель кафедры, организатор учебного процесса и научно-исследовательской работы, талантливый преподаватель, выдающийся специалист. Под руководством профессора Б. Е. Вотчала подготовлено большое число врачей-терапевтов. За указанную плодотворную деятельность объявляю профессору Б. Е. Вотчалу благодарность, желаю ему здоровья, долголетия и новых успехов на поприще науки и подготовки врачебных кадров»⁴.

Биография и трудовой путь академика АМН СССР Б. Е. Вотчала были неразрывно связаны с изменявшимися обстоятельствами исторического хода времени, сопровождалась долгими годами научных исследований и яркими научными открытиями. Во многом базой для этих открытий послужил Центральный институт усовершенствования врачей. Цель нашей работы — охарактеризовать основные вехи биографии выдающегося советского ученого.

² Центральный институт усовершенствования врачей / гл. ред. М. Д. Ковригина. 2-е изд. М., 1966. 128 с.; Центральный ордена Ленина институт усовершенствования врачей: [обзор деятельности] / отв. ред. В. Н. Бутров. М., 1970. 310 с.; Центральный Орден Ленина Институт усовершенствования врачей (1930 — 1980): проспект / под ред. засл. врача РСФСР М. Д. Ковригиной. М., 1980. 190 с.

³ Выдающиеся ученые Центрального института усовершенствования врачей: [книга посвящена 80-летию создания института] / под ред. Л. К. Мошетовой [и др.]. М., 2010. 484 с.

⁴ Архив РМАНПО (Архив Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Министерства здравоохранения России). Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

Б. Е. Вотчал родился 28 мая (9 июня) 1895 г. в г. Киеве в семье дворян⁵. Отец — Евгений Филиппович Вотчал — известный советский ботаник, академик Украинской академии наук, мать — Евгения Осиповна Вотчал — бактериолог, доцент Киевского политехнического института [7, с. 70]. Борис с детства владел итальянским, английским, немецким, французским языками⁶, что помогло ему в работе с иностранной медицинской литературой. Отметим, что ЦИУВ ежегодно ходатайствовал в Книжный отдел Академии наук СССР об оформлении подписки на иностранную литературу для профессоров, владеющих иностранными языками. Кроме того, Борис Евгеньевич и сам выписывал ряд журналов по медицинской тематике.

В 1918 г. Б. Е. Вотчал окончил Киевский университет и попал на военную службу. С 1918 по 1922 г. служил врачом части, помощником главного врача госпиталя, врачом санпоезда. В Гражданскую войну попал в плен в Киеве и был освобожден только в Севастополе. Упоминание об этом имеется в единственном документе из личного дела ученого⁷.

С 1922 по 1924 г. Борис Евгеньевич работал сверхштатным ординатором терапевтической клиники в Киеве под руководством профессора Ф. Г. Яновского⁸. Классик отечественной клинической медицины академик Феофил Гаврилович Яновский занимался проблемами острых инфекционных заболеваний (туберкулез легких), болезней почек, а также рака желудка, разработкой вопросов функциональной диагностики. Его отличали особый врачебный стиль и высочайшие нравственные требования⁹.

Б. Е. Вотчал в работе всегда придерживался перенятых от наставника высоких моральных принципов — правдивость, уважение к пациентам, конфиденциальность. Эти этические принципы во многом помогали ему устанавливать доверительные отношения с пациентами и обеспечивать оптимальную медицинскую помощь. Именно от доверия пациента, его максимальной способности раскрыться перед врачом зависят во многом постановка диагноза и будущее лечение. Также молодой доктор унаследовал от учителя стремление к непрерывному образованию и профессиональному развитию. Б. Е. Вотчал всегда был в курсе новейших достижений медицины и последних научных мировых исследований.

С 1924 по 1927 г. Б. Е. Вотчал работал в клинике профессоров Л. Брауэра и Г. Шоттмюллера в г. Гамбурге (Германия)¹⁰. Здесь он овладевал тонкостями пульмонологии и клинической фармакологии, которые в тот период в Германии достигли высокого уровня.

Вернувшись в Москву из заграничной командировки, Б. Е. Вотчал с 1927 по 1929 г. работал ординатором, заведующим диспансером, ассистентом клиники лечебного питания¹¹. Опираясь на наработанный за границей опыт, он продолжил и углубил свои исследования и опубликовал первые работы по клинической фармакологии, а также выпустил ряд справочников для химиков и фармацевтов.

⁵ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Бородулин В. И., Сорокина Т. С., Тополянский А. В. Клиническая медицина в двадцатом веке: очерки истории. М., 2012. С. 178.

¹⁰ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

¹¹ Там же.

С 1930-х гг., за исключением военного времени, трудовая и научная деятельность Б. Е. Вотчала была связана с ЦИУВом, где он прошел путь от ассистента кафедры терапии до заместителя начальника кафедры военно-полевой терапии (1945 — 1958) и заведующего 2-й кафедрой терапии¹².

Согласно характеристике от 21 января 1966 г., Б. Е. Вотчал с 1930 по 1932 г. работал ассистентом терапевтической клиники ЦИУВа под руководством профессора Р. А. Лурии. С 1932 по 1933 г. — старший научный сотрудник Московского областного научно-исследовательского клинического института; в 1933 — 1938 гг. — доцент терапевтической клиники ЦИУВа на той же базе; в 1938 — 1941 гг. — старший научный сотрудник терапевтической клиники Всесоюзного института экспериментальной медицины¹³.

В 1935 г. произошло знаковое событие в жизни ассистента 2-й терапевтической клиники — 4 июля Борису Евгеньевичу была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук¹⁴. В 1940 г. Б. Е. Вотчал окончил Университет марксизма-ленинизма, где прошел идейно-теоретическую подготовку как член коммунистической партии.

С началом Великой Отечественной войны Борис Евгеньевич ушел на фронт, в действующую армию: июль — ноябрь 1941 г. — начальник санпоезда, ноябрь 1941 г. — февраль 1942 г. — главный терапевт ПРИВО, март — ноябрь 1942 г. — главный терапевт Волховского фронта, сентябрь 1942 г. — ноябрь 1943 г. — армейский терапевт, ноябрь 1943 г. — июнь 1944 г. — заместитель начальника по научно-лечебной части центрального клинического санатория СА «Архангельское», июнь 1944 г. — январь 1945 г. — старший преподаватель кафедры военно-полевой терапии на военном факультете при ЦИУВе, одновременно с 1944 по 1951 г. читал курс внутренних болезней в терапевтической клинике ЦИУВа¹⁵.

Б. Е. Вотчал с характерным для него энтузиазмом проводил терапевтическую работу в подчиненных медицинских частях. Благодаря выдающимся организаторским способностям он пользовался авторитетом у командования. В служебной характеристике из личного дела за период службы Бориса Евгеньевича в 59-й армии указано: «Армейский терапевт Вотчал Б. Е. — врач высокой общей культуры и больших медицинских знаний, тонкий диагност, опытный клиницист. Имеет высокие организаторские способности и большой опыт. За короткое время пребывания в 59-й армии проделал солидную профилактическую, лечебно-организационную и научную работу в стрелковых батальонах, полках, медико-санитарных батальонах и госпиталях. Успешно наладил и научно обосновал лечение пекарскими дрожжами больных и раненых, болеющих авитаминозами и дистрофией, возвратив в строй десятки бойцов и командиров, до того считавшихся неизлечимыми. Обладает большой работоспособностью и педагогическими навыками. Много работает над вопро-

¹² Выдающиеся ученые... С. 166.

¹³ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882. Характеристику подписали директор ЦИУВа В. П. Лебедева, секретарь парткома Ю. Ф. Исаков и председатель месткома К. В. Чебуркин.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882. Выписку из личного дела заверил профессор М. М. Вовси.

сами военно-полевой терапии. Дисциплинирован, настойчив и решителен в работе, в быту скромн. Имеет высокий деловой авторитет» [7, с. 73]. За тяжелые годы войны Б. Е. Вотчал получил большой разносторонний опыт в области легочной патологии, что в дальнейшем закрепилось в ряде научных публикаций.

Научная работа, выполненная в довоенное и военное время, оформилась в докторскую диссертацию, и 10 марта 1946 г. СНК СССР, Всесоюзный комитет по делам высшей школы, Высшая аттестационная комиссия (протокол № 3 от 12 февраля 1944 г.) присудили Б. Е. Вотчалу ученую степень доктора медицинских наук (диплом МД № 000899). 1 сентября 1947 г. решением Высшей аттестационной комиссии (протокол № 5 от 28 декабря 1946 г.) Б. Е. Вотчал утвержден в ученном звании профессора по кафедре внутренних болезней¹⁶.

За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны и вклад в развитие здравоохранения страны Борис Евгеньевич был награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», знаком «Отличник здравоохранения» и 9 медалями¹⁷.

С 1 сентября 1952 г. (приказ Министерства здравоохранения СССР от 12 августа 1952 г.) доктор медицинских наук профессор Б. Е. Вотчал был назначен заведующим (по совместительству) кафедрой 2-й терапии ЦИУВа¹⁸. Кафедру в прошлом возглавляли крупные ученые — профессора Р. А. Лурия и М. Б. Коган.

Под руководством Б. Е. Вотчала велась большая учебная, лечебная и научная работа на базе специализированных (кардиологическое, кардиоревматологическое, реанимации с гипербарической оксигенацией, 2 гастроэнтерологических, пульмонологическое) и общетерапевтического отделений Центральной клинической больницы Министерства путей сообщения № 3¹⁹. Ежегодно для заведующих терапевтическими отделениями областных и городских больниц, а также для больничных ординаторов проводили 4-5 циклов, на которых первостепенное значение имели тематические циклы по клинической фармакологии и легочной патологии в сфере функциональной диагностики. Кроме того, на кафедре изучался механизм действия лекарственных средств при различных заболеваниях, прежде всего при коронарной недостаточности, недостаточности кровообращения, гипертонической болезни, бронхиальной астме, легочном сердце, а также заболеваниях системы пищеварения. При этом использовалась отечественная аппаратура для исследования различных сторон деятельности сердечно-сосудистой системы, функции дыхания, радиотелеметрического изучения функций желудочно-кишечного тракта. Для проведения специализированных циклов усовершенствования врачей сотрудники кафедры направлялись в разные города страны — Петропавловск, Целиноград, Магнитогорск и др. С начала 1960-х гг. кафедра представила в печать ряд работ, которые затем переиздавались: «Очерки клинической фармакологии» Б. Е. Вотчала (1963; 1965), «Очерки желудочной патологии» Г. Л. Левина (1964; 1965) и др.

Б. Е. Вотчал активно занимался общественной работой: с 1936 г. — член, а с 1950 г. — заместитель председателя Фармакологического комитета, с 1950 г. — бес-

¹⁶ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

¹⁷ Выдающиеся ученые... С. 167.

¹⁸ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

¹⁹ Центральный Ордена Ленина Институт усовершенствования врачей (1930 — 1980). С. 24.

сменный председатель Комиссии по клинко-диагностической аппаратуре Комитета новой техники Минздрава СССР; член бюро Отделения клинической медицины АМН СССР; председатель медицинской секции Всесоюзного научного и инженерно-технического общества приборостроителей и ряда других научных советов; член президиумов Всесоюзного научного общества терапевтов и Всероссийского научного общества терапевтов, член правления Московского терапевтического общества; заместитель редактора отдела терапии Большой медицинской энциклопедии, Малой медицинской энциклопедии, член редколлегии журналов «Вестник Академии медицинских наук СССР» и «Клиническая медицина»²⁰.

Борис Евгеньевич воспитал плеяду врачей — кандидатов и докторов медицинских наук. Его ученики возглавляли кафедры в институтах усовершенствования врачей в Москве, Тбилиси, Кемерове, Ташкенте, в медицинских институтах в Смоленске, Актюбинске, Махачкале, Каунасе, Ереване, Рязани, Владивостоке, Вильнюсе.

Многие начинания Б. Е. Вотчала продолжили его коллеги и ученики, среди которых Иван Павлович Замотаев и Владимир Аркадьевич Орлов. Под руководством И. П. Замотаева коллектив кафедры 2-й терапии успешно проводил начатые академиком Б. Е. Вотчалом исследования по клинической фармакологии, внося значительный вклад в становление клинической фармакологии как врачебной специальности. Фундаментальные исследования В. А. Орлова касаются оценки гуморальных систем организма в патологии органов пищеварения.

Ученик Бориса Евгеньевича доктор медицинских наук профессор Норберт Александрович Магазаник вспоминает: «Говорил он красиво, образно, и на его доклады в Московском терапевтическом обществе аудитория всегда наполнялась буквально до отказа... Однажды в беседе со мной он заметил, что в своих научных работах он обязательно старался использовать сразу несколько различных методик: „Я всегда люблю стоять на двух ногах. Если применяешь одновременно несколько независимых методик, то больше доверяешь результатам“»²¹.

Научная работа профессора Б. Е. Вотчала развивалась в трех основных направлениях:

— механическая сторона дыхания («легочная динамика») — профессор Б. Е. Вотчал разработал оборудование, позволяющее исследовать нарушения бронхиальной проходимости. Разработанный им пневмотахометр производился серийно и широко использовался в медицине. Это устройство было отмечено серебряной медалью на Выставке достижений народного хозяйства;

— периферическое кровообращение — продолжая работу школы академика М. В. Яновского, Б. Е. Вотчал на более высоком техническом уровне разработал новый исследовательский подход для определения венозного тонуса;

— клиническая фармакология — Б. Е. Вотчал собрал накопленный за многие годы научный и клинический опыт в универсальный курс, который был подготовлен к печати и читался в ЦИУВе.

В ноябре 1963 г. Б. Е. Вотчал был избран членом-корреспондентом АМН СССР.

²⁰ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

²¹ Воспоминания Н. А. Магазаника // Личный архив Е. Б. Каймашниковой, запись от 25 июня 2023 г.

К 1967 г. под руководством Б. Е. Вотчала были выполнены и защищены 20 кандидатских и 5 докторских диссертаций, опубликовано 60 научных работ²².

В характеристике Б. Е. Вотчала от 26 марта 1965 г., подписанной на выдвижение для участия в конкурсе на действительного члена АМН СССР по Отделению клинической медицины (специальность «Терапия») отмечалось, что деятельность профессора Б. Е. Вотчала характеризует его как пытливого ученого-исследователя, внесшего большой вклад в советскую медицинскую науку. Особенно велики заслуги профессора в изучении нарушений бронхиальной проходимости, состояния периферического кровообращения при различных патологических процессах, в разработке клинического применения и выяснения механизма действия различных фармакологических средств. Развивая эти стороны научных исследований и их применение в клинической практике, Б. Е. Вотчал самостоятельно и совместно с коллегами из Всесоюзного НИИ медицинского инструмента и оборудования и сотрудниками кафедры разработал и внедрил в практику аппаратуру, с помощью которой удалось объективно доказать роль нарушений бронхиальной проходимости в патогенезе эмфиземы легких и изучить эластическое сопротивление легких — ему принадлежат 5 авторских свидетельств за разработку (осциллометр артериальный, 1960; пневмотахограф, 1960; тромбоэластограф, 1963 и др.)²³.

Б. Е. Вотчал продемонстрировал различие экспериментальной и клинической фармакологии: «...клиническая фармакология, основываясь на данных эксперимента, изучает действие тех или иных новых лекарственных средств на организм больного. При этом должно учитываться не только основное терапевтическое действие лекарства, но и его побочные действия»²⁴. Ученый имел в виду индивидуальную чувствительность больных и ряд других определенных факторов, которые можно учесть только при клиническом наблюдении и индивидуальной оценке эффективности лечения. Именно Б. Е. Вотчал четко обозначил задачи клинической фармакологии. Он сосредоточил внимание на необходимости подбора и создания новых методов выявления и исследования полезного эффекта на определение спектра действия изучаемого препарата на различные органы и системы больного с учетом возрастных особенностей, наличия сопутствующих заболеваний и других индивидуальных особенностей.

На базе 2-й кафедры терапии была создана школа клинической фармакологии. Кафедра являлась базой испытания новейших советских и зарубежных лекарственных средств, а также новой медицинской аппаратуры. Ее сотрудники поддерживали научные связи с рядом научно-лечебных учреждений в Венгрии, Чехословакии, Польше, ГДР, США, Швейцарии, Англии. Здесь в 1964 г. проводился Международный симпозиум по неспецифическим заболеваниям легких, где была продемонстрирована новая аппаратура функциональной диагностики легких²⁵.

О заслугах в области фармакологии свидетельствует единогласное решение ученого совета ЦИУВа выдвинуть на именную премию им. С. П. Боткина моногра-

²² Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

²³ Там же. Характеристику подписали и. о. ректора ЦИУВа В. Н. Бутров, секретарь парткома И. И. Потапов, председатель месткома А. В. Чебуркин.

²⁴ Выдающиеся ученые... С. 167 — 168.

²⁵ Центральный институт усовершенствования врачей. С. 55.

фию «Очерки клинической фармакологии» Б. Е. Вотчала (выписка из протокола заседания № 4 от 5 апреля 1966 г.)²⁶.

Государство высоко оценило работу выдающегося ученого. 1 ноября 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР (приказ по ЦИУВу № 473) профессору Б. Е. Вотчалу было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» за особые заслуги в области науки и техники, многолетнюю плодотворную деятельность в медицинской науке, большой авторитет в научном сообществе и наставнический опыт. Ценность и оригинальность его научных работ, их теоретическое и практическое значение для медицины актуальны и в наше время²⁷.

Б. Е. Вотчал ушел из жизни после продолжительной и тяжелой болезни 19 сентября 1971 г., на 77-м году жизни.

Заключение

Анализируя биографию крупнейшего советского ученого, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Б. Е. Вотчала, можно констатировать, что его значительный вклад в развитие медицины неоспорим. Борис Евгеньевич продемонстрировал теоретическую обоснованность и практическую необходимость новой науки — фармакологии. Он также внес серьезный вклад в изучение заболеваний легких. Изобретения, созданные им, сохраняют актуальность и сегодня.

Б. Е. Вотчал продолжил традиции земской медицины, уделяя много времени наставничеству и обучению учеников, способствуя развитию их профессиональных навыков и приобретению практического опыта. За многолетнюю и плодотворную деятельность в научной и преподавательской деятельности он удостоен множества наград.

Б. Е. Вотчал вел большую общественную работу, был членом различных научных обществ, экспертных советов, редактором научных журналов. Он автор более 250 научных работ, его перу принадлежит множество авторских свидетельств на разработку медицинской аппаратуры. Прожив яркую научную жизнь, Борис Евгеньевич Вотчал оставил ученикам, которые и поныне вспоминают его с теплотой, богатое творческое и научное наследие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексанян И. В., Кнопов М. Ш. Главные терапевты фронтов и флотов в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. М.: Медицина, 1987. 254 с.
2. Каймашникова Е. Б. Ленинградский государственный ордена Ленина институт усовершенствования врачей им. С. М. Кирова в 1917 — 1920-е гг.: сложности и проблемы реорганизации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 68 — 79. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4,2019.pdf>
3. Каймашникова Е. Б., Генина Е. С. Организация военно-санитарной подготовки в Центральном институте усовершенствования врачей во второй половине 1930-х гг. // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 3. С. 277 — 284.
4. Каймашникова Е. Б., Генина Е. С., Ковтун С. П. Становление Центрального института усовершенствования врачей (1930 — 1938 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 4 (84). С. 908 — 915.

²⁶ Архив РМАНПО. Ф. Р-9566. Оп. 1. Ед. хр. 882.

²⁷ Там же.

5. Кнопов М. Ш. Военная медицина в годы Великой Отечественной войны: (люди, события, итоги). М.: Граница, 2014. 856 с.

6. Кнопов М. Ш., Тарануха В. К. Военно-полевая терапия в годы Великой Отечественной войны. М.: Медицина, 2003. 328 с.

7. Симоненко Б. В., Вологдин А. А. Борис Евгеньевич Вотчал — выдающийся терапевт, блестящий ученый, основатель клинической фармакологии в России (к 120-летию со дня рождения) // *Клиническая медицина*. 2015. Т. 93, № 12. С. 70 — 73.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 08.10.2023.

Информация об авторе:

Елена Борисовна Каймашникова, доцент кафедры философии, биомедицины и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова (127473, Россия, г. Москва, ул. Делегатская, 20/1), кандидат исторических наук, доцент, 7000077@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aleksanyan IV, Knopov MS. The Main Therapists of the Fronts and Fleets in the Great Patriotic War of 1941 — 1945. Moscow;1987. (In Russ.)

2. Kaimashnikova EB. Leningrad State Order of Lenin Institute of Advanced Medical Training named after S. M. Kirov in 1917 — 1920s: Difficulties and Problems of Reorganization. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;(4):68—79. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4,2019.pdf> (In Russ.)

3. Kaimashnikova EB, Genina ES. Organization of Military Sanitary Training at the Central Institute for Advanced Medical Training in the Second Half of the 1930s. *SibScript*. 2023;25(3):277—284. (In Russ.)

4. Kaimashnikova EB, Genina ES, Kovtun SP. The Formation of the Central Institute for Advanced Medical Training (1930 — 1938). *Bulletin of Kemerovo State University*. 2020;22(4):908—915. (In Russ.)

5. Knopov MSh. Military Medicine During the Great Patriotic War: (people, events, results). Moscow;2014. (In Russ.)

6. Knopov MSh, Taranukha VK. Military Field Therapy During the Great Patriotic War. Moscow;2003. (In Russ.)

7. Simonenko BV, Vologdin AA. Boris Evgenievich Votchal — an Outstanding Therapist, a Brilliant Scientist, the Founder of Clinical Pharmacology in Russia (to the 120th Anniversary of his Birth). *Clinical Medicine*. 2015;93(12):70—73.

The article was submitted 11.08.2023; approved after review 29.09.2023; accepted for publication 08.10.2023.

Information about the author:

Elena B. Kaymashnikova, Associate Professor of the Department of Philosophy, Biomedetics and Humanities of the Moscow State Medical and Dental University named after A. I. Evdokimov (20/1 Delegatskaya Str., Moscow 127473, Russia), Candidate of Historical Sciences, 7000077@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Научная статья

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА ОСВОЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ (КОНЕЦ XVI — XVIII ВВ.)

С. В. Горохов

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
г. Новосибирск, Россия
gorokhov.sv@yandex.ru

Аннотация

Введение. Метод дендрохронологического датирования является одним из ключевых при определении возраста архитектурных сооружений Средневековья и Нового времени. Однако иногда приходится сталкиваться с прецедентами, когда результаты дендрохронологического и историко-археологического датирования не согласуются между собой. Критическому разбору результатов дендрохронологического датирования архитектурных остатков археологических памятников Бергамакский острог (Бергамак-I, Бергамакская слобода), д. Ананьино (Ананьино-I) и г. Тара (усадебна на территории крепости и городни), расположенных в Омском Прииртышье, посвящена эта статья.

Материалы и методы. Материалы археологических раскопок, сведения из письменных источников и данные дендрохронологического датирования в сравнительном аспекте выступают источником для обоснования историко-археологического датирования отдельных объектов.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе историко-археологического датирования было установлено, что перечисленные памятники были удревлены исследователями примерно на одно столетие. Данный вывод основывается прежде всего на анализе нумизматических коллекций, полученных при раскопках и изучении названных объектов. Важное место в системе аргументации также занимают планиграфические и стратиграфические наблюдения. Установлено, что данные дендрохронологического датирования не подтверждают датировку историко-археологическими методами.

Заключение. В статье представлены гипотезы о необходимости датирования д. Ананьино серединой и второй половиной XVIII в. и о ее переносе на новое место в начале XVIII в. и в начале XIX в. Сформулирована проблема согласования результатов дендрохронологического и историко-археологического датирования.

Ключевые слова: Сибирь, Среднее Прииртышье, Ананьино-I, Бергамак-I, Бергамакский острог, Тара, дендрохронология

Финансирование: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Горохов С. В. Проблемы интерпретации результатов дендрохронологических исследований памятников периода освоения Среднего Прииртышья Российским государством (конец XVI — XVIII вв.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 174 — 184. EDN SMCBJI

© Горохов С. В., 2024

Original article

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE RESULTS OF DENDROCHRONOLOGICAL STUDIES OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE PERIOD OF DEVELOPMENT OF THE MIDDLE IRTYSH REGION BY THE RUSSIAN STATE (Late XVI — XVIII Centuries)

S. V. Gorokhov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
gorokhov.sv@yandex.ru

Abstract

Introduction. In recent decades, the method of dendrochronological dating has become one of the key ones in determining the age of architectural structures of the Middle Ages and Modern times. However, sometimes we have to face precedents when the results of dendrochronological and historical-archaeological dating do not agree with each other. The purpose of this study is to critically analyze the results of dendrochronological dating of architectural remains of archaeological monuments Bergamaksy ostrog (Bergamak-I, Bergamaksaya Sloboda), the village of Ananyino (Ananyino-I) and the city of Tara (manor on the territory of the fortress and town place), located in the Omsk Irtysh region.

Materials and methods. The materials of archaeological excavations, information from written sources and data from dendrochronological dating in a comparative aspect serve as a source for substantiating the historical and archaeological dating of individual objects.

Results and discussion. In the course of historical and archaeological dating it was found out that the listed monuments were dated by researchers for about one century. This conclusion is based primarily on the analysis of numismatic collections obtained during excavations and surveys of the studied objects. An important place in the argumentation system is also occupied by planographic and stratigraphic observations. It is established that the information of dendrochronological dating do not confirm the dating by historical and archaeological methods.

Conclusion. The article presents hypotheses about the need to date the village of Ananyino to the middle and second half of the XVIII century and about the transfer of the village of Ananyino to a new place in the early XVIII and early XIX centuries. The problem of matching the results of dendrochronological and historical-archaeological dating is formulated.

Keywords: Siberia, Middle Irtysh region, Ananyino-I, Bergamak-I, Bergamaksy ostrog, Tara, year-ring analysis

Funding: The study was conducted as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation: Gorokhov SV. Problems of Interpretation of the Results of Dendrochronological Studies of Archaeological Monuments of the Period of Development of the Middle Irtysh Region by the Russian State (Late XVI — XVIII Centuries). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):174—184. EDN SMCBJI

Введение

Сегодня дендрохронологический метод все чаще применяется при датировании памятников позднего Средневековья и Нового времени. Указанный метод привлекателен относительной доступностью для исследователей, высокой точностью датирования изделий из дерева и отсутствием субъективного фактора. Однако на практике могут возникать ситуации, когда результаты дендрохронологического датирования противоречат результатам историко-археологического исследования.

Разбору проблемной ситуации, возникшей в ходе дендрохронологического датирования ряда памятников Среднего Прииртышья XVII — XIX вв. [11], посвящена эта статья.

Цель нашего исследования состоит в критическом разборе результатов дендрохронологического датирования архитектурных остатков археологических памятников Бергамакский острог (Бергамак-1, Бергамакская слобода), д. Ананьино (Ананьино-1) и г. Тара (усадебная территория крепости и городни). В результате неточной интерпретации результатов археологических раскопок перечисленные памятники были удревнены на одно столетие. Дендрохронологическое датирование подтвердило такое удревнение. В результате этого у археологического сообщества может сложиться ошибочное представление о согласованности результатов археологических исследований и дендрохронологического датирования. В статье мы постараемся продемонстрировать неточности в хронологической интерпретации материалов археологических раскопок и их несогласованность с полученными дендродатами.

Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена материалами археологических раскопок (архитектурные остатки, наблюдения за стратиграфией, монеты, счетные жетоны, фарфор, кирпичи), данными письменных источников и дендрохронологического датирования. Основным методом исследования является оценка обоснованности историко-археологического датирования отдельных объектов.

Обзор литературы

В связи с тем, что заявленная проблема поставлена нами впервые, литература по данной теме практически отсутствует.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно результатам дендрохронологических исследований, образцы, изъятые в ходе раскопок памятника Ананьино-1, относятся ко второй четверти XVII в. По данным письменных источников в 1624 г. деревня Ананьино уже существовала [11, с. 138, 141]. В некоторых работах исследователь памятника Л. В. Татаурова относит возникновение этой деревни ко времени основания г. Тара (1594 г.) [12, с. 67].

Ранее на примере данного археологического памятника нами был рассмотрен вопрос соотношения разнородных источников о хронологии этого комплекса. На основании результатов анализа нумизматической коллекции, фрагментов фарфоровых изделий, кирпичей, а также остатков строений было показано, что отсутствуют историко-археологические основания для датирования этого памятника XVII в. или более ранним временем.

На наш взгляд, из совокупности всех имеющихся фактов следует, что населенный пункт известный под названием «деревня Ананьино» перемещался в пространстве по крайней мере два раза: первый раз в первой половине XVIII в., второй раз — в первой половине XIX в., а исследованный памятник должен быть датирован согласно сохранившемуся нумизматическому материалу серединой — второй половиной XVIII в. Также нельзя исключить того, что исследованный памятник не является д. Ананьино, известной по письменным источникам. Однако эти гипотезы не снимают проблемы рассогласования археологических и дендрохронологических датировок [4, с. 104, 105].

Бергамакская слобода была основана в 1668 г., в 1670 г. в ней был возведен острог [1, с. 51, 54, 59]. В 1996 (Л. В. Татаурова) и 1998 (С. Ф. Татауров) гг. на памятнике проводились археологические исследования. Л. В. Татаурова полагает, что ею изучена часть Бергамакского острога. В раскопах выявлены остатки заплотной стены, которую она соотносит с оборонительными сооружениями [23; 24, с. 142]. Однако нами было обнаружено письменное свидетельство того, что стены Бергамакской слободы 1670 г. предполагалось сделать тыновыми [6]. Этот факт ставит под сомнение то, что образцы, взятые для датирования, имеют отношение к стене слободы. Кроме того, имеются обоснованные сомнения в том, что Бергамакская слобода 1670 г. размещалась именно там, где, предположительно ее обнаружили Л. В. и Ф. С. Татауровы. Весьма вероятно, что ими исследовались остатки усадеб с. Бергамак, которые стояли на месте раскопок ее в 1950-х гг. и имели ограды в виде заплота [5, с. 82, 83].

13 образцов археологической древесины, происходящих с предполагаемой территории острога, были отобраны для дендрохронологического анализа. Датировать удалось семь образцов. В том числе два элемента конструкции предполагаемого заплота (1619, 1737 гг.). Ни на одном образце не были зафиксированы периферийные кольца. Даты сильно разнятся (1605, 1606, 1645, 1694, 1722 гг.). Авторы публикации по дендрохронологии, ссылаясь на Н. Г. Аполлову [1¹], утверждают, что результаты дендрохронологического датирования согласуются с данными письменных источников. Однако Н. Г. Аполлова ведет историю Бергамакской слободы с 1668 г., а авторы статьи по дендрохронологии на основании своих исследований датируют памятник первой половиной XVII — первой половиной XVIII в. [11, с. 137, 141]. Результаты дендрохронологического датирования не согласуются с данными письменных источников. Лишь одна дендродата (1645 г.) может быть соотнесена с основанием острога в 1670 г. с учетом потери некоторого количества периферийных колец. Однако этого недостаточно для каких-либо выводов. Дендродаты элементов предполагаемого заплота не могут быть соотнесены с 1670 г. У одного образца необходимо предполагать потерю 50 — 51 кольца, т. е. почти половину колец (1619 г.), а другой образец (1737 г.) существенно моложе первоначальных укреплений острога. В 1721 или 1722 г. на другом месте уже был возведен новый острог [5].

Результаты дендрохронологического датирования не согласуются не только с данными письменных источников, но и с нумизматическими материалами, которые относятся исключительно к XVIII — XIX вв. [5, с. 83].

Результаты археологических исследований, нумизматический материал, сведения письменных источников также, как и на памятнике Ананьино-1, не подтверждают результаты дендрохронологического датирования.

В г. Тара (основан в 1584 г.) была получена серия дендрохронологических дат для архитектурных остатков раскопанной усадьбы (35 спилов, 14 из которых оказались пригодны для дендрохронологического датирования). Было установлено, что усадьба была возведена во второй четверти XVII в. [11, с. 140, 141]. Она не менее четырех раз перестраивалась после пожаров [19, с. 214]. Остается неясным, к какой

¹ Авторы публикации не указали страницы, на которых содержится соответствующая информация.

перестройке относятся исследованные строения. С. Ф. Татауров полагает, что раскопанная усадьба была возведена после пожара 1669 г.², когда сгорел весь город [11, с. 137]. Вероятно, такая датировка обусловлена тем, что деревянные архитектурные конструкции строений усадьбы не имеют следов горения³. В таком случае неясно, каким образом строение, возведенное после масштабного пожара 1669 г., могло быть датировано второй четвертью XVII в.

Против датировки усадьбы XVII в. свидетельствуют нумизматические материалы. Если рассматривать археологическую нумизматическую коллекцию Тары в целом, то окажется, что в числе более чем 100 найденных монет 10 % относятся к XVIII в., 70 — к XIX в., а 20 % — к XX в. В раскопах обнаружены лишь две монеты времени правления Алексея Михайловича, а также по две серебряные проволочные копейки находятся в частных коллекциях горожан и в местном краеведческом музее. С. Ф. Татауров объяснял эту нумизматическую аномалию тем, что Тара была военным форпостом с малыми торговыми оборотами [15; 16; 22, с. 338]. Однако вскоре меняет свое мнение на противоположное [25, с. 2294]. Первое утверждение нам представляется неубедительным, так как в этом городе на относительно малой площади было сосредоточено большое число служилого населения, которое получало высокое жалование в мелкой, а потому многочисленной и легко теряемой, серебряной монете. По приблизительным подсчетам в качестве денежного жалования служилым Тары поступало до 400 тыс. монет в год. Торговля в XVII в. тоже велась достаточно активно [3, с. 24 — 26, 39]. Даже на сельских поселениях с преимущественно крестьянским населением, которое жило почти исключительно натуральным хозяйством, можно встретить монеты XVII в. Необходимо констатировать наличие тарской нумизматической аномалии, разрешение которой является важной научной задачей в свете как русской сибирской нумизматики в целом, так и истории г. Тара в частности.

В рассматриваемой усадьбе были обнаружены монеты. И хотя С. Ф. Татауров и М. П. Черная не сообщают о времени их чеканки [20, с. 294], однако эти монеты точно не относятся к XVII в., так как все обнаруженные в раскопах серебряные проволочные копейки (2 шт.) были найдены в строении, не связанном с усадьбой [21, с. 433, 434]. Следовательно, нумизматические находки из усадьбы датируют ее самое раннее XVIII в. Исследователи Тары полагают, что нумизматический материал в результате хозяйственной деятельности мог перемещаться как в более ранние, так и в более поздние слои [18, с. 88]. Однако это не отменяет того факта, что в раскопе усадьбы нет монет XVII в.

Ряд конструктивных особенностей центрального строения усадьбы также косвенно указывает на ее возведение не ранее XVIII в. Это кирпичная труба печи в

² Следующий крупный пожар, который мог затронуть строения усадьбы, случился в 1709 г. (Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Татаурова Л. Ф., Тихонов С. С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск, 2019. С. 265).

³ С. Ф. Татауров и М. П. Черная в публикациях, посвященных результатам раскопок этой усадьбы, ничего не сообщают о следах горения на архитектурных элементах строений усадьбы. Не приходится сомневаться, что, если бы такие следы были, исследователи непременно указали бы на это.

избе и сени из «колотого» бруса [19, с. 214, 217; 20, с. 292]. Первые сведения о производстве кирпича в Таре относятся к 1720-м гг., когда в городе были зарегистрированы три владельца кирпичных сараев [3, с. 36]. Вызывает сомнение, что брус может быть изготовлен путем раскалывания. До появления пилы он должен был быть тесаным, т. е. иметь характерные следы обработки на поверхности. Вероятно, таких следов обнаружено не было, поэтому исследователи усадьбы сочли брус колотым. При таких обстоятельствах нам представляется более разумным предположить, что брус был изготовлен с применением пилы для продольного пиления, которая появилась в Среднем Прииртышье в конце первой трети XVIII в. или к середине XVIII в. При этом С. Ф. Татауров связывает появление пилы в Таре с развитием каменного строительства [13, с. 28; 17, с. 121].

В ряде статей С. Ф. Татауров с соавторами подчеркивают высокий статус владельца усадьбы, что подтверждается ее относительно большой площадью и местом размещения в центральной части города [20, с. 294]. Однако такой вывод будет справедлив только для того времени, когда Таре угрожала военная опасность, и городские стены были главной защитой русского населения в регионе. На протяжении XVIII в. городские укрепления потеряли свое значение, поэтому место расположения раскопанной усадьбы в тот период уже не было столь же престижным, как в конце XVI — XVII вв. Такого же мнения придерживаются и сами исследователи [19, с. 219].

На то, что в усадьбе не проживала элита города, указывает ряд признаков. По мнению С. Ф. Татаурова и М. П. Черной, «усадьбы социальной элиты выделяются, прежде всего, разнообразием вещевого комплекса, наличием дорогостоящих и престижно-статусных предметов. Набор таких предметов на исследуемой усадьбе весьма скромн: единичные металлические изделия, 3 — 4 осколка стеклянных сосудов западноевропейского производства, несколько фрагментов фарфоровой посуды» [19, с. 218]. Ученые приходят к закономерному выводу, что «предметное наполнение исследуемой усадьбы не соотносится с воеводским статусом владельца» [20, с. 294]. Авторы объясняют несоответствие престижности места обнаруженному материальному комплексу тем, что Тара в XVII в. находилась в состоянии постоянной военной опасности при частой смене руководства гарнизона.

Другим доказательством высокого статуса владельца усадьбы исследователи считают широкую мостовую (до 8 м шириной) напротив дома, изготовленную из цельного леса с отбойниками для колес. Для сравнения они приводят в пример мостовые в посадской части города шириной 2 м из использованного ранее материала [19, с. 294]. Однако это не характеризует усадьбу как особенно престижный жилищный и хозяйственный комплекс, поскольку благоустройство в центральной части города всегда было лучше, чем на окраинах. Большая ширина мостовой скорее, свидетельствует в пользу того, что исследованная усадьба относится к XVIII в., когда миновала военная опасность и отпала необходимость в чрезвычайно плотном размещении построек в пределах кремля. Согласно данным Г. Ф. Миллера, до 1669 г. внутренняя крепость размещалась на пространстве 250 — 300 квадратных саженей или даже на площади в 42 квадратных сажени, т. е. имела размеры примерно 35 × 35 или 15 × 15 м [9, с. 284]. На столь малой площади устройство мостовой в 8 м шириной не практично.

Еще один аргумент исследователей в пользу высокого статуса владельца дома — толщина бревен сруб главной жилой постройки, которая составляет 0,5 м.

С. Ф. Татауров и М. П. Черная отмечают, что другие исследованные строения в Таре имели существенно меньшую толщину бревен [20, с. 294]. Однако другие центральные избы усадеб здесь не исследовались, а второстепенные постройки и строения оборонительного назначения строились из тонкого леса (для увеличения скорости возведения) [8, с. 124].

Территория усадьбы отличается высокой насыщенностью остатков кожаной обуви (около 500 экз., из которых более 200 целых предметов). В «избе для прислуги» найдено 10 лаптей [14, с. 79, 80; 15, с. 241; 19, с. 218, 219]. Некоторая обувь имела детали престижного характера: высокий каблук (на одном была набойка-шпора), резные отвороты, позолоченные задники, расшитые шелком швы. Исследователи полагают, что это свидетельствует о высоком статусе обитателей усадьбы [19, с. 218], но это никак не объясняет явно избыточное количество обуви. Первоначально С. Ф. Татауров считал, что это мастерская по пошиву обуви [14, с. 79, 80; 15, с. 241], однако затем отказался от такой интерпретации без объяснения причин. Позднее ученый вернулся к первоначальной позиции [10, с. 47]. Мы полагаем, что большое количество обуви и ее фрагментов на территории усадьбы свидетельствует, что здесь жил и работал мастер по пошиву и ремонту обуви, который, возможно, также скупал старую обувь с целью ее ремонта и повторной продажи. В конце XVIII в. (вероятно, и ранее) кожевенное ремесло в Таре почиталось самым престижным [8, с. 18], что является следствием его доходности. Это обстоятельство объясняет размещение усадьбы мастера-обувщика в «престижной» исторической части города, но уже не в XVII в., когда здесь проживала служилая элита, а в XVIII в., когда миновала опасность набегов кочевников и появилась возможность более рассредоточенного расселения за пределами городских стен.

Несмотря на то, что исследователи Тары в целом склоняются к датированию усадьбы XVII в., в их публикациях можно заметить некоторую неуверенность в таком выводе. Например, в одной из статей С. Ф. Татауров и М. П. Черная ищут соответствия описанной усадьбе на картах-схемах города конца XVI — начала XVII в. [20, с. 294], а в другой — на картах-схемах конца XVII — начала XVIII в. [19, с. 217].

Таким образом, и при исследовании усадьбы в Таре наблюдается выявленное на памятниках Ананьино-I и Бергамакская слобода существенное расхождение в результатах дендрохронологического и историко-археологического датирования.

В публикациях исследователей г. Тары содержится крайне мало информации по городням тарского кремля, поэтому соотнести результаты археологического и дендрохронологического (начало второй четверти XVII в.) датирования не представляется возможным [11, с. 140].

Исследователи Тары не провели (или не опубликовали) дендрохронологическое датирование архитектурных остатков восьмиугольной башни. Между тем эти данные представляют большой интерес в свете всего сказанного выше, так как башня не имеет следов пожара и может быть датирована по закладной монете 1701 г. [18, с. 90].

Заключение

В практике археологических исследований памятников русских ученые неоднократно сталкивались с расхождениями данных дендрохронологического и археологического датирования. В качестве примера можно привести известный спор

между А. В. Арциховским и Б. А. Рыбаковым по вопросу о хронологии новгородских древностей. Впоследствии дендрохронология не подтвердила ни одну, ни другую концепцию спорящих [7, с. 204, 205]. В настоящей работе мы столько внимания уделили доказыванию фактов расхождения дендрохронологических и историко-археологических датировок с целью осветить субъективную грань этой проблемы для археологов. С одной стороны, результаты дендрохронологического датирования рассмотренных памятников говорят о никчемности археологических методов датирования, так как дендрохронология метод естественно-научный, а следовательно, беспристрастный, объективный, лишенный субъективной составляющей. С другой стороны, специалист-археолог хорошо знает материал, имеет определенный опыт и благодаря археологическим методам путем логических умозаключений приходит к определенным выводам, в том числе хронологического характера. Археолог в деталях представляет себе весь путь умозаключений и, если он беспристрастен, то может быть уверен в достоверности полученных результатов. Обнаружив ошибку, он может пересмотреть ранее сделанные выводы. Однако «кухня» дендрохронологического датирования ему известна лишь в общих чертах, как правило, только ее теоретический аспект. Как в дендрохронологии приходят к конкретному результату, археологу неизвестно. В дендрохронологических работах нет детализации всего процесса исследования. В ситуациях, когда результаты археологического и дендрохронологического датирования не сходятся, археолог должен поставить вопрос о достоверности как археологических, так и дендрохронологических датировок. Этого требует научный метод. Поставить археолог такой вопрос может и обязан, а решить — нет. В данной ситуации исследователь может либо игнорировать проблему, либо некритически принять дендродаты как данность или, наоборот, отдать предпочтение результатам историко-археологического датирования. Тем не менее все три варианта не снимают проблемы рассогласования результатов двух методов. Учитывая, какое место дендрохронология занимает в современной археологии, необходимо найти пути повышения доверия археологов к результатам дендрохронологического датирования.

В заключение приведем пример из практики археологического изучения Мангазеи. Из постройки № 14 был взят образец для дендрохронологического датирования, которое отнесло его к 1599 г. Такая дата не согласуется с дендрохронологической датировкой других построек усадьбы. Г. П. Визгалов и С. Г. Пархимович полагают, что бревно могли взять из разобранного коча, построенного далеко от Мангазеи (в районе Верхотурья или Тюмени) [2, с. 158]. Из этого примера следует, что для любого образца древесины, откуда бы он ни происходил, можно подобрать место на любой дендрошкале, какой бы она период ни охватывала и из какого бы района ни происходила. Такие примеры все более настоятельно требуют от дендрохронологии увеличения прозрачности ее исследовательских процедур для археологов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 372 с.
2. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. 360 с.

3. Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX в. Барнаул: Азбука, 2006. 188 с.
4. Горохов С. В. Значение дендрохронологических исследований памятников, связанных с процессом освоения территории Сибири Российским государством в конце XVI — XVIII вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 1. С. 97 — 112.
5. Горохов С. В. История, локализация и планиграфия Бергамакского острога // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2021. Т. 20, № 3. С. 78 — 92.
6. Горохов С. В. Конструкция надземной части тыновых стен оборонительных сооружений Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2024. Т. 23, № 3. С. 111 — 121.
7. Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 640 с.
8. Колесников А. Д. Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года: моногр. Омск: Изд-во СибАДИ, 2002. 218 с.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
10. Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Черная М. П., Тихонов С. С., Бен Н. С. Коллекция обуви Тары в контексте городской застройки (по материалам раскопок 2018 г.) // Вестник Томского государственного университета. [Сер.:] История. 2021. № 69. С. 45 — 54.
11. Сидорова М. О., Жарников З. Ю., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Мыглан В. С. Дендрохронологическое датирование археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // Российская археология. 2019. № 2. С. 134 — 144.
12. Слепченко С. М., Татаурова Л. В. Возможности антропологических и биоархеологических исследований погребальных комплексов XVII — XVIII вв. // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: сб. тр. V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. В. Ваганова [в 2 т.]. Тара: Изд-во А. А. Аскаленко, 2010. Т. 1. С. 67—70.
13. Татауров С. Ф. Археологические и исторические источники об использовании древесины в г. Таре в XVII — XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1. С. 28 — 35.
14. Татауров С. Ф. Археологические исследования в историческом центре г. Тары в 2011 г. // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: материалы VI регион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения А. В. Ваганова. Омск: Амфора, 2012. С. 77 — 80.
15. Татауров С. Ф. Археологические исследования города Тары в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 239 — 242.
16. Татауров С. Ф. Археологические свидетельства торговых отношений в г. Таре в XVII — XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 103 — 109.
17. Татауров С. Ф. Традиции и новации в деревянной архитектуре Тары (по археологическим материалам раскопок города) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Омск: Наука, 2018. С. 117 — 122.
18. Татауров С. Ф., Черная М. П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 86 — 91.
19. Татауров С. Ф., Черная М. П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. к 50-летию Ларисы Вениаминовны Татауровой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. С. 214 — 219.
20. Татауров С. Ф., Черная М. П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011 — 2014 годов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. 20. С. 292 — 294.
21. Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Черная М. П. Итоги раскопок исторического центра города Тары в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 432 — 434.

22. Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Татаурова Л. В., Тихонов С. С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.

23. Татаурова Л. В. Раскопки Бергамакского острога // Археологические открытия 1996 года. М.: [Б. и.], 1997. С. 357 — 358.

24. Татаурова Л. В. Система жизнеобеспечения русских в XVII — XIX вв. по данным археологии // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 142 — 144.

25. Черная М. П., Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Бен Н. С. «Хождение за Камень» — освоение пространства в археологическом контексте (по материалам археологической кожи Тары как исторического источника) // Былые годы. 2020. Т. 58, № 4. С. 2292 — 2304.

Статья поступила в редакцию 03.09.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 17.11.2023.

Информация об авторе:

Сергей Валерьевич Горохов, научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>, gorokhov.sv@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Apollova NG. Economic Development of the Irtysh Region at the End of the XVI — First Half of the XIX Century. Moscow;1976. (In Russ.)

2. Vizgalov GP, Parhimovich SG. Mangazeya: Estate of the Polar City. Nefteyugansk;Ykaterinburg;2017. (In Russ.)

3. Goncharov IuM, Ivonin AR. Essays on the History of the City of Tara of the Late XVI — Early XX Centuries. Barnaul;2006. (In Russ.)

4. Gorohov SV. The Importance of Dendrochronological Studies at Archeological Sites Related to the Russian Colonization of Siberia (Late XVI to XVIII Century). *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*. 2020;(1):97—112. (In Russ.)

5. Gorokhov SV. History, Localization and Planigraphy of the Bergamak Prison. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: History. Philology*. 2021;20(3):78—92. (In Russ.)

6. Gorokhov SV. The Construction of the Aboveground Part of the Rear Walls of the Defensive Structures of the Russian State in Siberia and the Far East in the Late XVI — Early XVIII Century. *Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: History. Philology*. 2024;23(3):111—121. (In Russ.)

7. Klein LS. The History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and Personalities. St. Petersburg;2014;2. (In Russ.)

8. Kolesnikov AD. Omsk and Tarsky Counties in the Topographic, Historical and Economic Description of 1788. Omsk;2002. (In Russ.)

9. Miller GF. The History of Siberia. Moscow;1999;1. (In Russ.)

10. Osipov DO, Tataurov SF, Chernaia MP, Tihonov SS, Ben NS. Tara's Shoe Collection in the Context of Urban Development (Based on the Materials of Excavations in 2018). *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2021;(69):45—54. (In Russ.)

11. Sidorova MO, Zharnikov ZYu, Tataurov SF, Tataurova LV, Myglan VS. Dendrochronological Dating of Archaeological Sites of the Tarsky Irtysh Region (Omsk region). *Russian Archeology*. 2019;(2):134—144. (In Russ.)

12. Slepchenko SM, Tataurova LV. Possibilities of Anthropological and Bioarchaeological Studies of Burial Complexes of the XVII — XVIII Centuries. *Topical Issues of Historical, Cultural and Natural Heritage of the Tarsky Irtysh Region*. Collection of works. Tara;2010;1:67—70. (In Russ.)
13. Tataurov SF. Archaeological and Historical Sources on the Use of Wood in Tara in the XVII — XVIII Centuries. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2018;(1):28—35. (In Russ.)
14. Tataurov SF. Archaeological Research in the Historical Center of Tara in 2011. *Socio-Economic Development and Historical and Cultural Heritage of the Tarsky Irtysh Region*. Omsk;2012:77—80. (In Russ.)
15. Tataurov SF. Archaeological Research of the City of Tara in 2011. *Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk;2011;17:239—242. (In Russ.)
16. Tataurov SF. Archaeological Evidence of Trade Relations in Tara in the XVII — XIX Centuries. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2017;(46):103—109. (In Russ.)
17. Tataurov SF. Traditions and Innovations in the Wooden Architecture of Tara (According to the Archaeological Materials of the Excavations of the City). *Integration of Archaeological and Ethnographic Research*. Omsk;2018:117—122. (In Russ.)
18. Tataurov SF, Chernaya MP. The Earthen Chronicle of Tara: an Archaeological Commentary on the History of the City. *Archeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research*. Barnaul;2015:86—91. (In Russ.)
19. Tataurov SF, Chernaya MP. Manor in the Tarsk Fortress: Experience of Reconstruction of the Complex. *Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk;2015:214—219. (In Russ.)
20. Tataurov SF, Chernaya MP. The Estate on the Territory of the Tar Fortress: Results of Research 2011 — 2014. *Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk;2014;20:292—294. (In Russ.)
21. Tataurov SF, Tihonov SS, Chernaya MP. The Results of the Excavations of the Historical Center of the City of Tara in 2016. *Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk;2016;22:432—434. (In Russ.)
22. Tataurov SF, Tataurov FS, Tataurova LV, Tikhonov SS. Archaeological Chronicle of the Tarskaya Land. Omsk;2019. (In Russ.)
23. Tataurova LV. Excavations of the Bergamak Prison. *Archaeological Discoveries of 1996*. Moscow;1997:357—358.
24. Tataurova LV. The Life Support System of Russians in the XVII — XVIII Centuries. According to Archeology. *The Life Support System of Traditional Societies in Antiquity and Modernity. Theory, Methodology, Practice*. Tomsk;1998:142—144. (In Russ.)
25. Chernaya MP, Osipov DO, Tataurov SF, Ben NS. “Walking for a Stone” — the Exploration of Space in an Archaeological Context (Based on the Materials of the Archaeological Skin of Tara as a Historical Source). *Bygone Years*. 2020;58(4):2292—2304. (In Russ.)

The article was submitted 03.09.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Information about the author:

Sergej V. Gorokhov, Researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of the Novosibirsk State University (1 Pirogova Str., Novosibirsk 630090, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>, gorokhov.sv@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 821.161.1-821.411.21
EDN SOSPLU

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

«АРАБСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД» В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

Т. И. Акимова✉, К. Х. И. Ибрагим

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,

Саранск, Россия

✉akimova_ti@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность рассмотрения «арабского культурного кода» в поэзии Н. Гумилёва обусловлена как личными симпатиями поэта к путешествиям по странам арабского мира, так и общей тенденцией увлечения поэтическим Востоком представителей серебряного века, стремящихся расширить границы художественной образности, обогатить русскую литературу новой тематикой и стиховедческой практикой.

Материалы и методы. Материалом для статьи послужили два собрания сочинений Н. Гумилёва 1991 (перепечатка вашингтонского издания 1962 г.) и 1998 — 2007 гг. В работе использованы следующие методы: сравнительно-исторический, биографический, структурный, культурно-исторический и метод целостного анализа художественного произведения.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение сборников стихотворений Н. Гумилёва сквозь призму «арабского культурного кода» позволило выявить авторскую направленность на определяемые западным сообществом «нецивилизованные цивилизации», получившие в классификации Ф. Ницше статус «дионисийства». Описание структуры «арабского культурного кода» в поэзии Гумилёва привело к вычленению уровней, состоящих из образов, вызванных как личными впечатлениями автора от посещения стран Азии и Африки, так и разными традициями (средневековой арабской поэзии, поэзии периода принятия ислама, а также современной). Центральным смысловым ядром «арабского культурного кода» предстает поиск лирическим героем духовного совершенствования и идеальной возлюбленной, периферией — экзотический топос, сформированный и из географических особенностей обитания арабских жителей — бедуинов и феллахов, — и из исторических параллелей, отсылающих либо к периоду правления царицы Клеопатры, либо султана Гассана, либо времени жизни Хафиза.

Заключение. Полученные в ходе исследования выводы позволяют дополнить представление об «арабском культурном коде» в поэзии серебряного века, увидеть меняющееся отношение Н. Гумилёва к арабскому Востоку, определить специфику его авторских точек зрения, указывающих на установление межкультурного диалога, рассмотреть особенность русско-арабских связей на рубеже конца XIX — начала XX в.

© Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. И., 2024

Ключевые слова: «арабский культурный код», творчество Н. Гумилёва, русско-арабские связи, восточные мотивы и образы, экзотический топос

Для цитирования: Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. И. «Арабский культурный код» в поэзии Н. Гумилёва // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 185 — 195. EDN SOSPLU

Original article

“ARAB CULTURAL CODE” IN POETRY BY N. GUMILYOV

T. I. Akimova✉, K. H. I. Ibrahim

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia

✉akimova_ti@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the consideration of the “Arab cultural code” in the poetry of N. Gumilyov is due to both the poet’s personal sympathies for traveling around the countries of the Arab world and the general trend of passion for the poetic East for representatives of the Silver Age, seeking to expand the boundaries of artistic imagery, enrich Russian literature with new themes and poetry practice.

Materials and methods. The material for the article was two collections of works by N. Gumilyov 1991 (reprint of the Washington edition of 1962) and 1998 — 2007. The following methods were used in the work: comparative historical, biographical, structural, cultural and historical and the method of holistic analysis of the work of art.

Results and discussion. Study of collections of poems by N. Gumilyov through the prism of the “Arab cultural code” made it possible to reveal its structure, consisting of both book images and personal impressions of visiting Asian and African countries, focused both on the traditions of medieval Arabic poetry and the period of the adoption of Islam, and absorbing the details of modernity. The central semantic core of the “Arab cultural code” is the lyrical hero’s search for spiritual perfection and an ideal lover, the periphery is an exotic topos, consisting of geographical features of the habitat of Arab inhabitants — Bedouins and Fellahs — and historical parallels, referring either to the reign of Queen Cleopatra, or Sultan Ghassan, or the life of Hafiz.

Conclusion. The conclusions obtained during the study make it possible to supplement the idea of the “Arab cultural code” in the poetry of the Silver Age, to see N. Gumilyov’s changing attitude towards the Arab East, to determine the specifics of his author’s points of view indicating the establishment of intercultural dialogue, to consider the peculiarity of Russian-Arab relations at the turn of the late XIX — early XX centuries.

Keywords: “Arab cultural code”, the work of N. Gumilyov, Russian-Arab ties, oriental motives and images, exotic topos

For citation: Akimova TI, Ibrahim KHI. «Arab Cultural Code» in the Poetry by N. Gumilyov. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):185—195. EDN SOSPLU

Введение

Поэтическое наследие Н. Гумилёва, безусловно, — одно из наивысших достижений культуры серебряного века, в которой диалогизм стал главным признаком состоятельности любого искусства, прежде всего художественного слова. Вступая в литературный диалог с представителями разных культур, поэт утверждал ученичество не только как необходимость личностного самораскрытия, но и как важный

фактор развития поэзии, открой для разного рода творческих экспериментов, и для переосмысления предшествующей традиции. Многогранная арабская литература с ее глубинными пластами художественной образности предоставляла русскому писателю возможность не столько расширять границы поэтического мира, как это делали символисты, сколько уделять особое внимание самой литературной пластике, совершенствовать форму отечественной словесности. Символисты и акмеисты находили в азиатско-африканской литературе созвучное только себе, поэтому важность изучения собственно гумилевского отношения к арабской поэзии обуславливает актуальность данной работы, проведение которой позволит выявить «арабский код» в творчестве Гумилёва и обозначить специфику акмеистической рефлексии арабской художественной образности.

Обзор литературы

Тяготение поэта к экзотике с арабским уклоном отмечалось уже в первых рецензиях на поэтические сборники Н. Гумилёва. Так, В. Брюсов в отклике на «Путь конкистадоров» (1905) выделил эпиграф из А. Жида об образе кочевника и сам образ лирического героя, представшего под маской конкистадора, которые ассоциировались с арабским контекстом, хорошо знакомым «мэтру» московской школы символизма, а в рецензии на сборник «Романтические цветы» (1908) он указал на любовь поэта к экзотическим образам, за которыми проявляется «юг с его пышной пестротой»¹.

Это же стремление к красоте «тропических эффектов» создателя «Романтических цветов» подчеркнул и другой наставник Н. Гумилёва, И. Анненский, указывающий на парижский отсвет в нарисованных поэтом экзотических картинах, имеющих к тому же inferнальный след. Знакомый с автобиографическим подтекстом стихов своего ученика, Анненский заставлял его прочувствовать по-настоящему получившийся пока еще бутафорским «ассирийский роман».

В сравнительно пространной рецензии на «Романтические цветы» А. Я. Левинсон также доказывал тезис о французских источниках экзотических стихов Гумилёва, в которых отсутствует та органическая связь со «сказочным миром Востока», наблюдающаяся у воспевающих либо свою родину, либо далеких предков поэтов-парнасцев. Русский поэт, по мнению критика, синтезировал мотивы и образы романтической французской поэзии с найденными В. Брюсовым и К. Бальмонтом эквивалентами отечественной версификации. На необходимость запечатлевать разной поэтической формой творения, посвященные Риму, и стихи, описывающие озеро Чад, обратил внимание В. В. Гофман, еще один строгий критик «Романтических цветов», тем самым направляя автора в область более тщательного изучения литературы Востока, в том числе и арабской.

О следующей книге стихов Н. Гумилёва «Жемчуга» (1910) поэты-символисты, с одной стороны, свидетельствовали о формальном совершенствовании его поэзии (В. Брюсов), с другой стороны, отмечали особое изображение поэтом экзотического мира (Вяч. Иванов), в котором смешивается мечта и жизнь настолько, «что совер-

¹ Н. С. Гумилёв: Pro et contra: Личность и тв-во Н. Гумилёва в оценке рус. мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2000. С. 346 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием страницы).

шенное им одинокое путешествие за парой леопардовых шкур в Африку немногим отличается от задуманного — в Китай...» (с. 364), и, следовательно, представители символистского течения отмежевывались от способов гумилевского воссоздания поэтической реальности, в которой такое большое место заняла восточная сказка. Исследуя экзотическую романтику «Жемчугов», критики по-прежнему указывали на желание автора устремляться в далекие солнечные страны (с. 379) и рисовать восточного человека (с. 381), помещенного в сказочное пространство.

«Чужое небо» (1912) оценивалось критиками как книга стихов, продолжающая восточную линию (с. 384) и по форме и по содержанию, а «Колчан» (1916) рассматривался как поэтический сборник, в котором лирический герой предается поиску духовного пути, а война изображается «как мистерия духа» (с. 431), близкая по звучанию в арабском мире. М. М. Тумповская писала: «Иногда, становясь для нас наследием романтики, его поэзия своим героем делает мир, а вот моря, корабли и храмы становятся в них драматически действующими лицами» (с. 443). На связь в «Колчане» между земным миром и ратным делом указывал Г. И. Чулков в статье с красноречивым названием «Поэт-воин», доказывая утверждение об обращенности автора к древним культурам, для которых готовность к войне была естественным законом защиты своего народа. А. Я. Левинсон в рецензии на сборник «Костер» (1918) говорит об арабских и африканских образах и мотивах поэзии Гумилёва как о творческой новизне (с. 459) и блистательности решаемой автором задачи напомнить читателям о назначении поэта.

Последующие за критическими отзывами статьи 1920-х гг. также содержат высказывания о восточном колорите поэзии Гумилёва с его «знойными тканями песков», образом Египта в божественном лунном свете и с его эпосом Ассириававилонии (с. 493), но вся эта экзотика нужна поэту лишь для усиления патриотической темы, возвращения к родным берегам. По замечанию Ю. Верховского, от экзотических картин первых поэтических сборников Гумилёв переходит к тонкой стилизации восточной поэзии, к той, которая «напоминает нам чувственно-красочную и вместе с тем проникнутую, насыщенную действенной духовностью поэзию Хафиза» (с. 533). На успешную стилизацию арабско-персидского Востока указывал в 1964 г. видный литературовед русского зарубежья Г. Струве, подчеркивая умелое использование Гумилёвым жанра пантуна и демонстрацию «прелестного легкого стиха», а также подачу изящной эротической линии (с. 573).

В четвертом номере парижской «Беседы» за 1984 г. Е. Вагин обратил внимание на поиск Гумилёвым соответствий русской культуре африканским, на установление поэтом своеобразного поэтического диалога с землями дальних странствий, в которых яснее проступают не столько этнографические, сколько религиозные мотивы, когда, сталкиваясь с чужими культурами и верованиями, вдруг обнаруживается тесная связь лирического героя с православием, приходит понимание собственного кредо.

В 90-е гг. XX в. началось активное освоение гумилевской поэзии на Родине, в числе первых исследователей выступили Ю. Зобнин и С. Слободнюк. Так, С. Л. Слободнюк в монографии «Н. С. Гумилёв: проблемы мировоззрения и поэтики» представил ценные сведения об использовании поэтом арабских источников, прежде всего, это «Моаллаки» Имру-уль-Кайса, заявленные в работе А. Е. Крымского

«Арабская литература в очерках и образцах» (1911), а также прозаический перевод песни Насири-Хосрова, выполненный востоковедом-иранистом В. А. Жуковским в 1869 г. Вывод С. Л. Слободнюка после сопоставления найденных источников позволяет констатировать «блестящее мастерство» Н. Гумилёва как поэта и переводчика [7, с. 157].

В книге известного африканиста А. Давидсона «Муза дальних странствий» главным предметом рассмотрения выступает тема «Гумилёв и Африка». По мнению исследователя, именно посещение Египта становится исходной точкой в мечте поэта отправиться в другие страны африканского континента [1], именно там он излечивается от суицидальных мыслей, преследующих его в Париже после очередного отказа Ахматовой от предложения руки и сердца. Именно там поэт постигает понимание, что его привлекает не культура холодного Рима, а жаркий колорит пустынных стран. В 1995 г. российский читатель знакомится с работой современника Н. Гумилёва Н. Оцуа (участник третьего «Цеха поэтов»), в которой разбираются африканские стихи «Шатра» с точки зрения той системы, которую автор разработал будучи сотрудником «Аполлона» и рецензируя сочинения других поэтов в разделе журнала «Письма о русской поэзии». Н. Оцуа отмечает тщательную работу Гумилёва над формой стихов, поскольку «они как бы нарочно наивны, отражают восторженное удивление тайнами природы» [3, с. 83], а выбранный поэтом анапест свидетельствует о дополнительном значении стиховедческого усердия над темой — Африка должна выражаться звонкими и сильными интонациями.

В XXI в. было защищено много диссертаций, посвященных изучению поэзии серебряного века, в том числе и творчества Н. Гумилёва. Среди них следует назвать те, которые так или иначе затрагивают тему Востока в художественном сознании поэта, например: «Своеобразие поэтического „Востока“ в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилёв, В. Хлебников» Е. А. Концовой [2], «Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилёва» Е. Ю. Раскиной [5], «Ориентализм в общественном и художественном сознании серебряного века» Е. А. Чач [8], «Геокультурный образ Северной Африки в русской литературе путешествий конца XIX — начала XX веков» Мулахи Самиха [6].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили поэтические произведения сочинений Н. Гумилёва. В работе использованы следующие методы: сравнительно-исторический, биографический, структурный, культурно-исторический и метод целостного анализа художественного произведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Причинами обращения Н. Гумилёва к теме арабского Востока в поэзии можно назвать следующие: 1) рассказы отца о плавании по средиземному морю на фрегате «Пересвет» и посещении им как турецко-сирийской (на тот момент) Яффе, так и египетской Александрии [4, с. 15 —16]; 2) переезд на три года (1900 — 1902) гимназиста Гумилёва в Тифлис, в котором жили в том числе и арабы; 3) знакомство с парнасскими поэтами во Франции (1906), многие из которых бывали в арабских странах; 4) первая поездка Гумилёва в Египет (1907); 5) серьезное увлечение поэта Северной Африкой после второй поездки (1910) и организация научной экспедиции в Абиссинию в 1913 г.

Ко всему перечисленному следует добавить чтение сказок «Тысячи и одной ночи», стихотворений Хафиза и изучение многочисленной научной литературы об арабской поэзии. Скорее всего, горизонт поэтического видения как средневековой культуры арабов, так и периода принятия ислама был гораздо шире, но даже перечисленного, полагаем, достаточно для того, чтобы обосновать тему арабского Востока значимой для творчества Н. Гумилёва, которое подвергается анализу через «арабский культурный код».

Понятие «культурный код», введенное структуралистами еще в 1960-е гг., прежде всего Р. Бартом, должно было объяснять отражение в авторском тексте того или иного феномена культуры без точного воспроизведения источника, — это и сфера бессознательного, и интенциональность создателя текста, порой без ее рефлексии. Обращаясь к этому понятию на этапе постструктурализма, Ю. М. Лотман понимал под «культурным кодом» не остаточный смысл других культур, присутствующих в знаковой природе текста, а момент стыка двух культур, в диалоге («взрыве», по лотмановской терминологии), рождающий общий смысл. В настоящее время это понятие используется, как правило, семиотиками и культурологами, однако именно изучение литературы рубежа XIX — XX вв. сквозь призму «культурного кода» дает возможность литературоведам выявить в произведении разные пласты межкультурных взаимодействий.

Арабская литература по своей специфике многослойная, состоящая из многих культурных напластований, в связи с этим в творчестве Гумилёва выявлены разные хронологические и географические ориентиры, имеющие отношение к «арабскому культурному коду»: средневековая арабская поэзия, исламские образы и мотивы, современный автору североафриканский или только опосредованно имеющий влияние на африканские культуры арабский мир.

В зависимости от этого «арабский культурный код» в поэзии Гумилёва разбирается на многочисленные составляющие. В первый пласт входят визуальные картины арабской флоры и фауны, образы бедуина-кочевника и феллаха-крестьянина, а также образ восточной красавицы (царицы или обычной африканской девушки, неизменно изображенный сквозь магический кристалл арабо-персидской поэзии). Второй пласт — духовно-религиозный, состоящий из отсылок к образу Аллаха, Магомета, а также доисламский и суфийский, навеянный чтением Гумилёвым Корана и научных исследований по Исламу. Третий пласт — собственно диалог двух культур, когда в поэтических полотнах соседствуют русские и арабские образы.

Следует отметить, что в ранних стихах Н. Гумилёва образ кочевника отличается от представленного в поэзии символистов. Если, например, в поэзии В. Брюсова «арабский всадник» олицетворяет собой агрессию и тревогу, которую он может принести другим народам, то Гумилёв изначально представляет образ бедуина изнутри — не через реакцию опасности, которая возникает у оседлых жителей, а через внутреннее состояние воина — «величавого араба»² («Озеро Чад»).

² Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902 — 1910). М., 1998. С. 158 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

Гумилёвский кочевник, участвуя в походе, видит вокруг себя только прекрасное, поэтому кажущаяся цель его пути — любовь прекраснейшей из женщин. Лирический герой сборников «Путь конкистадора» и «Романтический цветок» кочует, но посещение им Каира («Зараза») или Багдада («Орел Синдбада») посвящено усилению силы духа, они — не конечные точки странствия, а лишь опорные пункты на его пути: «Мои мечты лишь вечному покорны» (1998, т. 2, с. 146).

Образы и мотивы ужасного, несущего смерть в стихотворениях Н. Гумилёва вызываются дикой природой пустыни. Этот взгляд на окружающее пространство свойственен не бесстрашным кочевникам-воинам, а «хмурым феллахам» (Там же, с. 134), вынужденным выживать в очень тяжелых погодных условиях. Взгляд поэта устремлен именно на этот окружающий мир, состоящий из диковинных зверей, птиц и экзотических растений. Жираф, носорог, ягуар тесно связаны с сознанием, в котором четко отложилось пребывание в теле животного: «Превращен внезапно в ягуара»³. Женщины избираются в жертвы животным, однако принимают эту участь с восторгом («Невеста льва»).

Пейзаж на поэтических полотнах Гумилёва изображается контрастными красками, преобладает темный, лунный и красный цвета. Видимо, ночная пустыня вызывала у автора более сильные эмоции, чем ее солнечные виды, но есть и картины, воссоздающие природу при свете дня, и тогда появляются «золотистый песок», лазурь, оттенки розового: «Рощи пальм и заросли алоэ, / серебристо-матовый ручей, / небо, бесконечно-голубое, / Небо, золотое от лучей (1991, т. 1, с. 133).

При всей живописности флоры и фауны песков больше всего поэта интересует загадочная женская душа, способная причинять боль, не сопоставимую с ранением в битве или укусом животного. Взаимоотношения лирического героя и женщины — это, как правило, центральный мотив многих поэтических сборников Н. Гумилёва, особенно ранних, при этом образ девушки / царицы подавался сквозь призму лунного света или сравнивался с луной (1998, т. 2, с. 60). Другой женский образ, противоположный первому, — «девы-жрицы с эбеновой кожей» (1991, т. 1, с. 79), т. е. смуглой на солнце, но с чистой и непорочной душой.

Описание прелестей девы в стихотворении «Сады души» Гумилёва вполне сопоставимо с женскими портретами, нарисованными поэтическими красками арабскими мастерами. Вначале описываются глаза, которые сравниваются поэтом с отблеском «чистой серой стали», затем взор переходит на лоб, который оказывается «белей восточных лилий», и губы, которые «никого не целовали и никогда ни с кем не говорили» (Там же, с. 73). Обязательный в восточной поэзии элемент — сравнение с драгоценными камнями — у Гумилёва встречается в описании щек («розоватый жемчуг юга») и рук девы («что ласкали лишь друг друга, / Переплетясь в молитвенном экстазе») (Там же, с. 74).

Сравним со стихотворением Омара Ибн Аби Рабиа: «...Я увидел глаза и точечную шею газелью. / <...> В полумраке сверкали жемчужины, бусы, подвески. / <...> Ее кожа бела, и налет золотистый на коже. / Сладки губы девичьи, на финик созрев-

³ Гумилёв Н. С. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 69 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

ший похожи»⁴; или со строками Башшара Ибн Бурда: «Ее кожа нежна, как тончайший атлас, / И сияет она, белизною лучась. / <...> Ее зубы — что ряд жемчугов дорогих, / Ее груди — два спелых граната тугих, / Ее пальцы, — на свете подобных им нет! — / Как травинки, впитавшие росный рассвет» (1975, с. 255).

Особая страница гумилевской поэзии — стихи, посвященные образам Ислама. Они появляются уже в акмеистических сборниках поэта, т. е., начиная с «Чужого неба», когда диалог с «чужим сознанием» и призывы обратить внимание на мировую литературу, а не только на западную, станут обязательными элементами нового художественного течения, провозглашенного Гумилёвым.

Так, в стихотворении «Паломник» дан образ старика Ахмет-Аглы, направляющегося в Мекку по призыву Аллаха, и, несмотря на преклонные годы и сложность длительного пути, поэт вселяет надежду в лирического героя, которого «в свои объятия примет Азраил»: «Все, что свершить возможно человеку, / Он совершил — и он увидит Меккку» (1991, с. 174). В стихотворении «Ослепительное» нарисован образ властительного Багдада и яростно сражавшегося за свои права с турецкими оккупантами в начале XX в. Леванте.

В стихотворении «Ислам» представлен образ эффенди, возмущенного непочтением к «черному камню Кабы» — важной святыни мусульман, но осознающего греховность и великую удаленность паломников Меккы от рая⁵. Согласно легенде, белый камень, принесенный из рая, окрасился в черный цвет из-за людских грехов. Эта святыня связана с пророком Мухаммедом и входит в ритуал хаджа. Как будто продолжая мысль о необходимости ритуалов в жизни человека, Гумилёв в произведении «Эзбекие» представил образ чудесного сада, исцелившего лирического героя от суицидальной мысли вследствие отказа возлюбленной. Именно в этом Каирском саду происходит обращение лирического героя к Богу, и через десять лет он делает то же самое, чтобы признаться в исполнении обета никогда не предаваться мысли о легкой смерти⁶.

Стихотворение «Пьяный дервиш» — пример обращения поэта к суфийским мотивам и образам⁷, тесно связанным с исламом. Так, по мнению арабского исследователя Хишама Мохамеда Махмуда, стихотворение Н. Гумилёва отсылает сразу к двум суфийским понятиям: к страждущим идти к абсолютной истине (Богу) и к самому состоянию этого тяготения к истине [9].

Ряд стихотворений об африканском континенте нашел отражение в сборнике «Шатер», в котором особое место отведено образу Египта. Прежде всего лирического героя покоряет специфический пейзаж — оазис в пустынном пространстве («изумрудные равнины и раскидистых пальм веера»), который дополняется истори-

⁴ Арабская поэзия средних веков. М., 1975. С. 212 — 213. (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года и страницы).

⁵ Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Стихотворения. Поэмы (1910 — 1913). М., 1998. С. 150.

⁶ Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914 — 1918). М., 1999. С. 162.

⁷ Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918 — 1921). М., 2001. С. 102.

ческими памятниками — черными и страшными пирамидами, улыбающимся сфинксом, а также легендами о Клеопатре и Антонии⁸. Далее все это сменяется видом Египта периода жизни султана Гассана, построившего высокую мечеть и читавшего Коран. Следующий образ — Египет поэтический, ютящийся в кафе Каира, где авторы читают свои стихи, «развалившись на мягкой софе, / пред кальяном и огненным кофе» (1991, т. 2, с. 76). Замыкают вереницу египетских образов образы феллахов, возделывающих поля возле священного Нила.

В целом вся панорама создает многогранный образ не только удивительного Египта, но и арабского мира в целом со своим историческим орнаментом, притягательной экзотикой, исламской архитектурой, с особыми традициями феллахов и бедуинов. Погружаясь в глубину культурной жизни арабских крестьян, лирический герой сборника «Шатер» начинает невольно сопоставлять безбрежность золотых песков с сибирскими лесными просторами и приходит к осознанию свершающегося диалога между разными национальностями, учится видеть «близкое» в «чужом».

Эта произошедшая смена поэтического взгляда на арабский Восток с любопытно-отчужденного в ранних стихах на проникновенно-знакомое в поздних позволила Н. Гумилёву не только совершенствоваться в стихотворной технике, но и глубоко проникать в чужой, незнакомый мир культуры для осмысления прежде всего своего «я» и своего Отечества.

Заключение

Выявление «арабского культурного кода» в поэзии Н. Гумилёва в сочетании со сравнительно-историческим и культурно-историческими методами позволило проследить развитие авторской точки зрения на «чужие» культуры Азии и Африки, представить именно те картины арабского мира, которые привлекли русского поэта конца XIX — начала XX в., рассмотреть их структуру, вычленив как смысловое ядро (отношения лирического героя с возлюбленной и его движение по намеченному духовному пути), так и периферию (экзотический топос, состоящий из флоры и фауны арабских регионов). Обращаясь к арабскому Востоку сначала опосредованно через книжный и окололитературный диалог, а потом через непосредственные личные наблюдения в ходе поездок по Азии и Африке, Н. Гумилёв обогатил свое творчество новыми образами и стихотворной техникой, почерпнутой у арабско-персидской поэзии, находил общее, что сближало русскую и африканскую культуры и ярче ощущал специфику отечественного духовного пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давидсон А. Б. Муза странствий Николая Гумилёва. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1992. 316 с.
2. Концова Е. А. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилёв, В. Хлебников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 22 с.
3. Оцуп Н. А. Николай Гумилёв. Жизнь и творчество. СПб.: Logos, 1995. 198 с.
4. Полушин В. Н. Николай Гумилёв: Жизнь расстрелянного поэта. М.: Молодая гвардия, 2006. 751 с.

⁸ Гумилёв Н. С. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1991. Т. 2. С. 74 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

5. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилёва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2009. 45 с.
6. Самих Мулахи. Геокультурный образ Северной Африки в русской литературе путешествий конца XIX — начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 26 с.
7. Слободнюк С. Л. Н. С. Гумилёв: проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе: Сино, 1992. 181 с.
8. Чач Е. А. Ориентализм в общественном и художественном сознании серебряного века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 26 с.
9. Хишам Мохамед Махмуд مداره آل اذ ج م ال س إ ل ا و بر ع ل ا . مداره آل اذ ج م ال س إ ل ا و بر ع ل ا : 100-96- بتا ك - 694 : ذ ح ف ص ل ل ا م 22-6-2014
ر ش ن ل ا خ ي ر ا ت . ر ص م - ع ر ه ا ق ل ا ر ا د ص ل ل ا ن ك م . د و م ح م د م ح م ا ش ي ه

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 04.07.2024.

Информация об авторах:

Татьяна Ивановна Акимова, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68), доктор филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru

Ибрагим Карван Хаджи Ибрагим, аспирант направления подготовки «Русская литература» Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68), khaji0033@gmail.com

Вклад авторов:

Акимова Т. И. — разработка концепции, критический анализ и научное редактирование текста;

Ибрагим Карван Хаджи Ибрагим — развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Davidson AB. Muse of Distant Wanderings. Moscow; 1992. (In Russ.)
2. Kontsova EA. The Originality of the Poetic “East” in the Literature of the Silver Age: K. Balmont, N. Gumilyov, V. Khlebnikov. Abstract. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Voronezh; 2003. (In Russ.)
3. Otsup NA. Nikolai Gumilyov. Life and Work. St. Petersburg; 1995. (In Russ.)
4. Polushin VN. Nikolai Gumilyov: The Life of an Executed Poet. Moscow; 2006. (In Russ.)
5. Raskina EYu. Geosophical Aspects of the Work of N. S. Gumilyov. Abstract Dis. ... Dr. of Philol. Sci. Arkhangelsk; 2009. (In Russ.)
6. The Mulahs Themselves. The Geocultural Image of North Africa in Russian Travel Literature of the Late XIX — Early XX Centuries. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow; 2023. (In Russ.)
7. Slobodnyuk SL. N. S. Gumilyov: Problems of Worldview and Poetics. Dushanbe; 1992. (In Russ.)
8. Chach EA. Orientalism in the Public and Artistic Consciousness of the Silver Age: Abstract Dis. ... Cand. of Hist. Sci. St. Petersburg; 2012. (In Russ.)
9. Hisham Mohamed Mahmoud. *Al-Ahram Magazine*. 2014;(694):100—96. (In Arabic)

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 04.07.2024.

Information about the authors:

Tatyana I. Akimova, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philological Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>; akimova_ti@mail.ru

Ibrahim Karwan Haji Ibrahim, Graduate Student of the Direction of Training “Russian Literature” of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia), khaji0033@gmail.com

Contribution of the authors:

Akimova T. I. — concept development, critical analysis and scientific text editing

Ibrahim Karwan Haji Ibrahim — methodology development, data collection and literature analysis, initial article writing.

Conflict of interests: the author declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 81'362[161.1+511.152.1]
EDN NTZTFL<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. Ф. Клементьева✉, Ю. А. Веретенникова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
✉klementeva.71@mail.ru*Аннотация*

Введение. Проблема типологии и классификации номинативных предложений является дискуссионной в русском и финно-угорском языкознании. Спорным представляется вопрос о природе главного члена таких предложений, степени их распространенности, а также предикативной характеристике, проявляющейся в грамматических категориях модальности, темпоральности и персональности.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили произведения русских и эрзянских писателей. Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования и их обсуждение. Вопросы синтаксиса относятся к малоизученным вопросам в мордовском языкознании, поэтому они требуют дальнейшего рассмотрения и исследования. Большой интерес вызывают работы сравнительно-сопоставительного характера, позволяющие провести типологическую характеристику синтаксических единиц в разносистемных языках. В статье рассматриваются номинативные предложения русского и эрзянского языков, проводится сравнительный анализ предложений данного типа, анализ их структуры и временной соотнесенности, затрагиваются проблемы определения синтаксической функции главного члена.

Заключение. В результате проведенного анализа выявлены общие и отличительные признаки номинативных предложений русского и эрзянского языков. Их сходство проявляется в грамматическом значении, дифференциации структурно-семантических типов. Отличия данных синтаксических единиц наблюдаются в их темпоральной характеристике, определении синтаксического статуса главного члена.

Ключевые слова: номинативные предложения, структура, тип, признак, явление, именные предложения, язык, грамматическая основа, предикативность

Для цитирования: Клементьева Е. Ф., Веретенникова Ю. А. Сравнительная характеристика номинативных предложений в русском и эрзянском языках // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 196 — 204. EDN NTZTFL

Original article

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF NOMINATIVE SENTENCES IN THE RUSSIAN AND ERZYA LANGUAGES

E. F. Klementyeva✉, Yu. A. Veretennikova
National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia
✉klementeva.71@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of typology and classification of nominative sentences is a controversial topic in Russian and Finno-Ugric linguistics. There is a discussion going on the nature of the principle part of nominative sentences, the degree of their prevalence, and on the predicative characteristics manifested in the grammatical categories of modality, temporality and personality.

Materials and methods. The study materials were the works by Russian and Erzya writers. The comparative analysis method was used as a main method for studying.

Results and discussion. The syntax issues are considered to be poorly studied in Mordovia linguistics, so they require further consideration and studying. The works of a comparative nature, which make it possible to conduct a typological description for syntactic units in the languages of different systems, are of greater interest. The article examines nominative sentences of the Russian and Erzya languages, conducts a comparative analysis of this type sentences, analyzes their structure and time correlation, and considers the problems of determining the syntactic function of the principle part.

Conclusion. The study has resulted in the identification of common and distinctive features of nominative sentences in the Russian and Erzya languages. Their similarity is manifested in grammatical meaning and differentiation of structural and semantic types. The differences between these syntactic units are in their temporal characteristics and in determining the syntactic status of the principle part.

Keywords: nominative sentences, structure, type, feature, phenomenon, nominal sentences, language, clause, predicativity

For citation: Klementyeva EF, Veretennikova YuA. Comparative Characteristics of Nominative Sentences in the Russian and Erzya Languages. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):196—204. EDN NTZTFL

Введение

Большое место в синтаксисе занимает изучение односоставных предложений как особого семантико-структурного типа простого предложения. Данные единицы имеют лишь один главный член, что отличает их от двусоставных предложений. Главный член одновременно называет предмет, состояние, явление и указывает на наличие его в действительности, а также выражает основные предикативные признаки — модальность, темпоральность и персональность. Способ выражения главного члена определяет структуру и семантику предложения. В русском и в эрзянском языках различают глагольные и именные односоставные предложения.

Так, в глагольных предложениях главный член представлен глагольными формами или содержит их в сочетании с другими категориями слов, например: рус. *Прямо скажу вам* — эрз. *Видьстэ ёвтан тенк*. В обоих вариантах главным членом предложения будет являться личная форма глагола. Отличия заключаются в морфологических показателях глагола: в русском языке -у — это окончание 1-го лица ед. числа, а в эрзянском -н — суффикс 1-го лица ед. числа.

Именные предложения без всякой финитной формы глагола (в том числе и без глагола-связки) в прафинно-угорский период имели большое распространение, о чем свидетельствует их употребление в современных финно-угорских языках, сохранивших эту древнюю особенность, или как живое нормативное, или как остаточное явление [9, с. 383].

Рассмотрению одного из типов именных предложений — номинативных — посвящена данная работа. Актуальность темы обусловлена недостаточным изучением вопросов синтаксиса в мордовских языках, отсутствием работ сравнительно-сопоставительного характера в этой области.

Обзор литературы

Теоретической основой послужили исследования ведущих русских лингвистов Н. С. Валгиной¹, А. М. Пешковского [10]. В финно-угорском и самодийском языкознании вопросам синтаксиса посвящены работы К. Е. Майтинской², Н. М. Терещенко³. В мордовских языках самыми значительными работами по этому разделу являются труды М. Н. Коляденкова⁴[8]. Конструкции с именительным падежом существительного в номинативных предложениях и именительных представлениях в эрзянском языке рассмотрела Р. А. Алёшкина [1]. Авторы вузовского учебника «Эрзянь кель. Синтаксис» номинативные предложения выделили как отдельный тип односоставных предложений⁵.

Номинативные предложения в структуре сложного синтаксического целого, а также номинативные представления и их эмотивные функции в произведениях мордовских писателей рассмотрены в работах Л. П. Водясовой [3; 4; 5]. В статье Т. П. Арискиной и Е. А. Бусаровой в рамках классификации простых предложений в финно-угорских языках затрагиваются и номинативные, которые авторы относят к подлежащим предложениям [2]. Сравнительная характеристика номинативных предложений в языках разных систем дана в работе П. В. Каштановой и Н. А. Нестеровой [6]. Синтаксические особенности номинативных предложений в эрзянском языке рассмотрены Е. Ф. Клементьевой [7].

Материалы и методы

В качестве источников практического материала послужили художественные произведения эрзянских и русских писателей и поэтов. При написании работы использовался сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий рассмотреть общие и отличительные признаки номинативных предложений в разносистемных языках.

Результаты исследования и их обсуждение

Именные односоставные предложения в рассматриваемых языках включают в себя преимущественно номинативные, т. е. назывные, в которых выражается суще-

¹ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: учеб. для вузов по спец. «Журналистика». 3-е изд., испр. М., 1991. 432 с.

² Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. 3: Синтаксис. М., 1960. 376 с.

³ Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков: простое предложение. Л., 1973. 324 с.

⁴ Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Синтаксис. Саранск, 1954. Ч. 2. 332 с.

⁵ Эрзянь кель. Синтаксис: тонавтнемапель / Н. А. Агафонова, Р. А. Алёшкина, Г. Ф. Беспалова [ды лиятне]. Саранск, 2011. 208 с.

ствование предмета в настоящем. Бытийное значение и указание на совпадение бытия с моментом речи выражаются в главном члене, который находится в независимой позиции. Предложения данного типа имеют отличительный формальный признак — выражение главного члена существительным в именительном падеже (реже — местоимением или числительным) или именным словосочетанием, например: рус. *Двадцатый год* — эрз. *Комсеце ие*.

Предложения являются номинативными в том случае, если имеют значение существования, бытия и могут функционировать автономно, независимо от предшествующей или последующей конструкции. Тогда и круг их определения становится значительно узким. К ним будут относиться синтаксические единицы типа рус. *Весна* — эрз. *Тундо*; рус. *Февраль месяц* — эрз. *Даволков*; рус. *Тишина* — эрз. *Сэтьмечи*.

Номинативные предложения могут быть нераспространенными или распространенными.

К нераспространенным относятся такие, которые состоят только из главного члена без употребления второстепенных, например: рус. — *Молчание*⁶; эрз. *Сёксь... Тюжалдсть сиртне ды килейтне, калътне уш невелеме кармасть*⁷ («Осень... Желтели ясени и березы, ивы уже стали облезать»)⁸.

Нераспространенными являются и предложения, осложненные частицами, например: эрз. *Оймем чаво. А паморькс, а зыйть, а варма, а чикордыця кенкишке...*⁹ («Душа моя пуста. Ни крупинки, ни звука, ни ветра, ни скрипящей дверцы»).

Распространенные номинативные предложения состоят из главного члена и относящегося к нему определения, например: рус. *Синий вечер*¹⁰; эрз. *Тундонь валске. Маней*¹¹ («Весеннее утро. Ясно»); *Кизэнь опаня чокшине*¹² («Летний душный вечер»).

Однако, по мнению М. Н. Коляденкова, в эрзянском языке главный член номинативного предложения может распространяться не только определением, но и обстоятельством, например: эрз. *Вирень покш кужо. Кужонть куникасо колмо сыре пекшетъ* (2013, т. 1, с. 78) («Большая лесная поляна. В середине поляны три большие липы»); *Кинть кавто ёнга вирь* (Там же, с. 221) («По обе стороны дороги лес»).

Вопрос о характеристике номинативных предложений неоднократно затрагивался учеными-лингвистами. Например, русские филологи А. М. Пешковский и А. А. Шахматов ассоциировали такие предложения с бытийностью. Время в них мыслится как настоящее. Такой же точки зрения придерживалась исследователь

⁶ Шукшин В. М. Рассказы. Барнаул, 1989. С. 4.

⁷ Доронин А. Кузьма Алексеев: роман. Саранск, 2001. С. 114 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года и страницы).

⁸ Здесь и далее перевод авторов — Е. К. и Ю. В.

⁹ Ерёмкина М. Шка: валморот [Время: стихи]. Саранск, 2023. С. 17 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года и страницы).

¹⁰ Ахматова А. А. Стихотворения. Петрозаводск; Карелия, 1989. С. 26.

¹¹ Абрамов К. Г. Полное собрание сочинений: в 12 т. Саранск, 2013. Т. 1. С. 38 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

¹² Нуянь Видяз. Эрязденть арсець [Размышляя о прожитом]. Саранск, 2010. С. 164 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года и страницы).

самодийских языков Н. М. Терещенко¹³. Однако К. Е. Майтинская, автор многочисленных статей и книг по общему и финно-угорскому языкознанию, отмечала, что в номинативных предложениях нет указания на время, так как в них отсутствует глагол¹⁴. По мнению М. Н. Колядёнкова, в номинативных предложениях к главному члену может присоединяться предикативный суффикс прошедшего времени *-ль*, например: *Вирель. Сэрей пичельть, тусто кузольть, килеельть* («Лес (был). Высокие сосны (были), густые ели (были), березы (были)»)¹⁵.

Соответственно, это позволяет определять время в подобных предложениях как прошедшее. Словообразование такого рода является особенностью эрзянского языка — агглютинативного, в котором изменения происходят посредством склеивания к словам различных формантов. В русском языке значение предикативности выражается констатирующей интонацией: для языка флективного типа, каким он и является, присоединение сказуемых суффиксов к существительным не характерно ввиду неодинаковой структурной принадлежности рассматриваемых языков.

Не менее интересной задачей является определение синтаксической функции главного члена номинативного предложения. Здесь также существует множество разных подходов, поэтому мнения и русских, и финно-угорских лингвистов разнятся.

Одни исследователи (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский) считают главный член номинативного предложения сказуемым, другие (Д. Н. Овсяннико-Куликовский и В. А. Богородицкий) определяют его как подлежащее, третьи (ученые-составители «Русской грамматики». Т. 2: Синтаксис) прибегают к попытке избежать определения функции главного члена по аналогии с двусоставным предложением. Однако в русской лингвистике точка зрения исследователей, наделяющая главный член номинативных предложений функцией подлежащего, считается традиционной.

Иная ситуация сложилась в мордовском языкознании. По мнению М. Н. Колядёнкова, главный член номинативного предложения — сказуемое. Ученый объясняет такое явление наличием в эрзянском языке суффиксов предикативности и возможностью этих суффиксов присоединяться к словам именного происхождения, например: эрз. *Теле* («Зима») — *Телель* («Зима (была)»)¹⁶. Исходя из практической основы данного факта, следует, что в эрзянском языке главный член номинативного предложения по грамматическим признакам является сказуемым. При определении номинативных предложений недостаточно учета только грамматических показателей при характеристике данного синтаксического явления. Номинативные предложения лексически ограничены словами, способными передать значение бытийности. Следовательно, главный член такого предложения содержит в себе семантику подлежащего. Иначе говоря, в одном главном члене аккумулируются значения двух синтаксических функций: сказуемого — с грамматической точки

¹³ Терещенко Н. М. Указ. соч. С. 113 — 116.

¹⁴ Майтинская К. Е. Указ. соч. С. 224.

¹⁵ Колядёнков М. Н. Указ. соч. С. 73.

¹⁶ Там же.

зрения, подлежащего — с семантической. С учетом данного факта, возможно, рациональнее бы было определять функцию главного члена с опорой не только на морфологические признаки, но и на смысловое содержание, т. е. в случае присоединения к словоформе суффиксов предикативности считать главный член сказуемым, а при их отсутствии — подлежащим.

В русском языкознании существуют разные точки зрения на дифференциацию семантико-функциональных типов номинативных предложений. Традиционной считается следующая их классификация: собственно бытийные, указательные и оценочно-бытийные. Н. С. Валгина помимо вышеупомянутых типов предложений выделяет еще предметно-бытийные, называющие расположенные в пространстве предметы, например: *Кустарник. Мох. Приземистые ели*, и желательно-бытийные, передающие желательность называемого, например: *Только бы здоровье!; Лишь бы не смерть!*¹⁷.

Ученые-финноугроведы также придерживаются традиционной классификации номинативных предложений.

Собственно бытийные предложения характеризуются наличием называемого явления, представляемого во временной протяженности, например: рус. *Вечер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн*¹⁸; эрз. *Пандт, лейть, сэдть, кудот, кудынетъ, велеть, ошт... Асодавикс чамат, ломанть, асодавикс кельсэ кортамот, зэртть* (2010, с. 166 — 167) («Горы, реки, мосты, дома, домики, деревни, города... Незнакомые лица, люди, разговоры на незнакомом языке, грохот»).

Указательные предложения содержат не только значение существования, но и указание на предметы и явления. Их структурный признак — наличие указательных частиц, например: рус. *Вот эти родственнички!*¹⁹; эрз. *А вана Уля...* (2001, с. 22) («А вот Уля...»); — *Вана сынъ! Вана сынъ! — атясь арсесь пижакадомо, кода лиясто сеересь ононзо пачк* (Там же, с. 102) («Вот они! Вот они! — старик пытался вскрикнуть, как иногда кричал сквозь сон»).

Оценочно-бытийные предложения характеризуются комбинацией значения бытийности и оценки предметов или явлений, например: рус. *Какая скука!*²⁰; *Какая жалость!* (1983, с. 57); *Ну, что за шейка, что за глазки! ... Какие перышки! Какой носок!*²¹; эрз. *Кельмень чавовт... Ды кодамо тансть!* (2023. с. 3) («Побитые морозом... И какой вкус!»).

Заключение

В ходе исследования были рассмотрены в сравнительном плане односоставные номинативные предложения эрзянского и русского языков. Данный тип предложений часто встречается в произведениях художественной литературы, что говорит о его продуктивности в языках. Традиционно главный член номинативных предложений выражен существительным или его эквивалентом в форме именительного

¹⁷ Валгина Н. С. Указ. соч. С. 185 — 186.

¹⁸ Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 86.

¹⁹ Шукшин В. М. Рассказы. Барнаул, 1989. С. 408.

²⁰ Чехов А. П. Драматургия. Письма. Воронеж, 1983. С. 46 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года и страницы).

²¹ Крылов И. А. Басни. М., 1978. С. 14.

падежа. Основным грамматическим значением таких предложений является выражение бытия, существования предметов или явлений. Анализ материала позволяет сделать выводы, что номинативные предложения в эрзянском и русском языках имеют как общие, так и отличительные признаки. Их сходство состоит в обобщенно-грамматическом значении, структурно-семантических типах. В сопоставляемых языках выделяются бытийные, указательные и оценочные номинативные предложения. Главной отличительной особенностью является то, что в эрзянском языке к главному члену номинативных предложений могут присоединяться суффиксы предикативности, прежде всего суффикс прошедшего времени *-ль*, позволяющий утверждать о выделении главного члена сказуемого и темпоральной соотнесенности с прошедшим временем. В русском языкознании существуют разные точки зрения на определение синтаксического статуса главного члена, но традиционной считается характеристика его как подлежащего. Как и любое простое предложение, номинативное может быть распространенным и нераспространенным. Мнения лингвистов расходятся в этом вопросе. На наш взгляд, степень распространенности данных синтаксических единиц зависит от грамматической природы главного члена — существительного, которое, как правило, образует субстантивные словосочетания с определительными отношениями и, следовательно, номинативные предложения могут распространяться определениями. Номинативные предложения обладают дифференцированностью и разнообразием, несмотря на конкретность их формально-грамматического признака (словоформа именного происхождения в форме именительного падежа). Этот дуализм и является причиной несогласованности мнений в понимании сущности номинативного предложения и определении функции его главного члена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алешкина Р. А. Конструкции с именительным падежом существительного в эрзянском языке // *Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки)»* (Саранск, 2 — 5 февраль 2000 г.). Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. С. 27 — 30.
2. Арискина Т. П., Бусарова Е. А. Систематизация простых предложений в финно-угорских языках // *Финно-угорский мир*. 2017. № 2. С. 30 — 40.
3. Водясова Л. П., Огарева А. Г. Номинативное предложение как средство оформления зачина сложного синтаксического целого в прозе К. Г. Абрамова // *Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Междунар. симп.* (Саранск, 13 — 15 июня 2013 г.). Саранск, 2014. С. 158 — 161.
4. Водясова Л. П., Жиндеева Е. А., Уткина Т. В. Номинативный представления и его эмоциональная функция в произведениях мордовских писателей // *Гуманитарные науки и образование*. 2016. № 2 (26). С. 105 — 108.
5. Водясова Л. П. Структура и функциональная направленность сложного синтаксического целого с номинативным зачином в прозе К. Г. Абрамова // *Гуманитарные науки и образование*. 2014. № 3 (19). С. 111 — 113.
6. Каштанова П. В., Нестерова Н. А. Сравнительная характеристика номинативных предложений в языках разных систем // *Родной язык как средство сохранения и трансляции культуры, истории и преемственности поколений в условиях многонационального государства: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч. конф. «Надькинские чтения»* (Саранск, 17 — 18 октября 2019 г.). Саранск, 2019. С. 118 — 122.

7. Клементьева Е. Ф. О некоторых синтаксических особенностях номинативных предложений в эрзянском языке // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов (Петрозаводск, 25 — 28 июня 2014 г.). Петрозаводск, 2014. С. 193 — 195.

8. Колядёнков М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск: Мордов. изд-во, 1959. 290 с.

9. Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 19.04.2024.

Информация об авторах:

Елена Филипповна Клементьева, доцент кафедры мордовских языков Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0606-7110>, klementeva.71@mail.ru

Юлия Александровна Веретенникова, студентка филологического факультета направления подготовки «Педагогическое образование» профиля «Филологическое образование» Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0192-3104>, veretennikovajusad@yandex.ru

Вклад авторов:

Клементьева Е. Ф. — разработка концепции, развитие методологии, критический анализ и научное редактирование текста, написание первоначального варианта статьи;

Веретенникова Ю. А. — сбор данных и анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Alyoshkina RA. Nominative Constructions in the Erzya Language. *Proceedings of the II All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Scholars “Finno-Ugric Studies on the Threshold of the III Millennium (Philological Sciences)”*. Saransk;2000:27—30. (In Russ.)

2. Ariskina TP, Busarova EA. Systematization of Simple Sentences in the Finno-Ugric Languages. *Finno-Ugric Word*. 2017;(2):30—40. (In Russ.)

3. Vodyasova LP, Ogareva AG. Nominative Sentence as a Means of Formalizing the Beginning of Complex Syntactic Entity in the Prose by K. G. Abramov. *Language Contacts of the Peoples of the Volga Region: Actual Problems of Morphology and Syntax*. Proceedings. Saransk;2014:158—161. (In Russ.)

4. Vodyasova LP, Zhindeeva EA, Utkina TV. The Nominative Imagination and its Emotive Function in the Works of Mordvin Fiction Writers. *The Humanities and Education*. 2016;(2):105—108. (In Russ.)

5. Vodyasova LP. Structure and Functional Direction of the Complex Syntax Integer With the Nominative Start in the Prose of K. G. Abramov. *The Humanities and Education*. 2014;(3):111—113. (In Russ.)

6. Kashtanova PV, Nesterova NA. Comparative Characteristics of Nominative Sentences in Languages of Different Systems. *Native Language as a Means of Preserving and Broadcasting Culture, History and Continuity of Generations in a Multinational State*. Collection of Scientific Papers. Saransk;2019:118—122. (In Russ.)

7. Klementeva EF. On Some Syntactic Features of Nominative Sentences in the Erzya Language. *Finno-Ugric Languages and Cultures in the Socio-Cultural Landscape of Russia*. Proceedings. Petrozavodsk;2014:193—195. (In Russ.)

8. Kolyadyonkov MN. The Structure of a Simple Sentence in the Mordovia Languages. The Sentence and its Principle Parts. Saransk;1959. (In Russ.)

9. Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: Issues of Origin and Development of Finno-Ugric Languages. Moscow;1974. (In Russ.)

10. Peshkovskiy AM. Russian Syntax in Scientific Course. Moscow;1956. (In Russ.)

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 19.04.2024.

Information about the authors:

Elena F. Klementyeva, Associate Professor of Department of Mordovian Languages of the National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Philological Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0606-7110>, klementeva.71@mail.ru

Yulia A. Veretennikova, Student of the Faculty of Philology in “Pedagogical Education” of the National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0192-3104>, veretennikovajusad@yandex.ru

Contribution of the authors:

Klementyeva E. Ph. — concept development and methodology, critical analysis and scientific editing of the text, writing the original version of the article;

Veretennikova Yu. A. — data collection and literature analysis.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 821.511.152:393.05
EDN AXHRFK

<http://vestnikniig.ru>

Научная статья

ГИПЕРБОЛА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЯХ МОРДВЫ

Н. Г. Юрчёнкова

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
nina-saransk@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена изучению одной из наиболее важных и широко используемых в похоронно-поминальных причитаниях стилистических фигур — гиперболы, обладающей специфической образностью, экспрессивностью, способной придать уникальность тексту и выразить отношение к объекту высказывания.

Материалы и методы. Источниками исследования являются собранные автором в ходе фольклорных экспедиций (1987 — 1989 гг.) в различных районах Мордовии и ранее опубликованные мокшанские и эрзянские похоронно-поминальные причитания, а также архивные материалы. Для сравнительного анализа использовались тексты причитаний коми. Продуктивному исследованию гиперболы в рамках заявленной темы способствовали структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный и проблемно-эстетический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Похоронно-поминальные причитания, как и другие фольклорные жанры, отличаются специфическими особенностями поэтического языка. В частности, в этом жанре фольклора мордвы и коми зафиксированы гиперболические высказывания, передающие широкий спектр эмоций плакальщицы, в которых сложным и опосредованным образом отражается отношение к действительности. Анализ текстов похоронно-поминальных причитаний позволил выявить средства выражения гиперболы и ее функции. В причитаниях коми и мордвы гипербола, как правило, оформлена в виде оборота, образованного при помощи сравнительного союза, или сравнения, выраженного при помощи существительного в форме творительного падежа. Наиболее распространенным видом в этом жанре является метафорическая гипербола.

Заключение. Гипербола в причети, с одной стороны, — проявление определенного эмоционального состояния плакальщицы, с другой — средство возбуждения аналогичных чувств слушателей по отношению к предмету гиперболизации. В причитаниях использование гиперболы не приводит к созданию образов, подобных эпическим или былинным, что является, на наш взгляд, особенностью причета как жанра. Даже широкое использование этого тропа вызывает у слушателей причети ощущение не чудесного, ирреального, а сугубой реальности происходящего.

Ключевые слова: плакальщица, причитания, гипербола, фольклор, мордва, коми

Для цитирования: Юрчёнкова Н. Г. Гипербола как средство выразительности речи в похоронно-поминальных причитаниях мордвы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 205 — 212. EDN AXHRFK

© Юрчёнкова Н. Г., 2024

Original article

HYPERBOLE AS A MEANS OF EXPRESSIVE SPEECH IN FUNERAL AND MEMORIAL LAMENTATIONS OF THE MORDOVIANS

N. G. Yurchenkova

Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice,
Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
nina-saransk@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of one of the most important and widespread uses of stylistic figures in funeral and memorial lamentations — hyperboles, which have specific imagery, expressiveness, the ability to give uniqueness and originality to the text and express the attitude towards the object of the statement.

Materials and methods. The study combines methods of structural-semantic, comparative-contrastive and problematic-aesthetic analysis for the productive study of hyperbole within the framework of the stated topic. The empirical data is based on folklore texts of funeral and memorial lamentations collected by the author during folklore expeditions of 1987 — 1989 in various regions of Mordovia, archival materials, as well as published Moksha and Erzya lamentations.

Research results and discussion. Among the traditional folk genres of folklore, funeral and memorial lamentations stand out as a feature of the poetic and linguistic style. In particular, in this genre of Mordovian and Komi folklore, hyperbolic statements are recorded that convey a wide range of emotions of the mourner, which reflect reality in a complex and indirect way. Analysis of the texts of funeral and memorial lamentations of these peoples made it possible to identify the means by which hyperbole is expressed in them, as well as for what purpose it is used and what exactly is expressed with its help. In the lamentations of the Komi and Mordovians, hyperbole, as a rule, is formed using an ordinary comparison or simile in the form of the instrumental case, but the most favorite in this genre is metaphorical hyperbole.

Conclusion. Hyperbole in a lament, on the one hand, is a manifestation of a certain emotional state of the mourner, and on the other, a means of arousing similar speech effects in listeners, charging them with the same attitude towards the subject of hyperbolization. In lamentations, the use of hyperbole does not lead to the creation of images similar to epic or epic, which is, in our opinion, a feature of lamentation as a genre. Even with the widespread use of this trope, listeners of the lament get the impression of the pure reality of what is happening, they do not get the impression of the miraculous, surreal.

Keywords: mourner, lamentation, hyperbole, folklore, Mordovians, Komi

For citation: Yurchenkova NG. Hyperbole as a Means of Expressive Speech in Funeral and Memorial Lamentations of the Mordovians. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):205—212. EDN AXHRFK

Введение

Похоронно-поминальные причитания по природе своей являются наиболее импровизационным жанром фольклора, так как всегда связаны с конкретными жизненными обстоятельствами, требующими индивидуального подхода и выражения. Так, в причети мордвы и коми учитываются обстоятельства смерти оплакиваемого, акцентируется внимание на нравственном облике умершего, характеризуются отношения покойного с односельчанами, указывается на тяжелую судьбу близких после его смерти и др.

В плаче всегда передаются переживания плакальщицы, в которых отражено отношение самой вопленицы к умершему и факту его смерти. При этом исполнитель-

ницы плача располагают традиционными композиционными схемами и художественными средствами, выработанными для основных типических случаев (смерть отца, матери, мужа и т. д.). Если каждая определенная схема наполняется конкретным жизненным материалом, то применение художественно-поэтических средств является индивидуальным, личностным и во многом зависит от мастерства плакальщицы. Чтобы излить переполняющее чувство горя, страдания плакальщица использует всю палитру стилистических фигур (символы, эпитеты, поэтическая тавтология), разворачивает целую систему сравнений, вызывая соответствующие сострадательные эмоции у окружающих. Одной из наиболее важных и широко используемых в похоронно-поминальных причитаниях стилистических фигур является гипербола, наличие которой придает тексту яркую эмоциональную окраску и убедительность.

Материалы и методы

Основными источниками для исследования послужили тексты похоронно-поминальных причитаний XIX — XX вв., которые составляют богатый раздел фольклора мордовского народа. Были проанализированы тексты причитаний, опубликованные в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», изданные НИИЯЛИЭ при Совете министров МАССР (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), а также тексты, собранные автором в ходе фольклорных экспедиций (1987 — 1989 гг.) в различных районах Мордовии. Для сравнительного анализа поэтического языка и особенностей употребления гиперболы у двух родственных народов использовались опубликованные тексты причитаний коми. Продуктивному исследованию гиперболы в рамках заявленной темы способствовали структурно-семантический, сравнительно-текстологический, мифо-поэтический методы, а также комплексный метод (привлекались данные культурологии и этнографии).

Обзор литературы

Первый этап изучения причитаний финно-угорских народов (в том числе мордвы) в первой половине XIX в. был направлен на сбор и публикацию образцов причети. Полнее всего в этот период причитания мордвы были представлены в публикациях Х. Паасонена. Значительный вклад в сбор и публикацию похоронно-поминальных причитаний внесли дореволюционные российские ученые академик А. А. Шахматов и М. Е. Евсевьев.

Публикация текстов причитаний, накопление фактического материала позволили в 1940-е — 1960-е гг. советским фольклористам приступить к описанию и анализу похоронно-поминальной причети: на материалах мордвы это было проделано М. Г. Имярековым [2], на материалах коми — А. К. Микушевым [4]. Они отмечают непосредственную связь причитаний с обрядом похорон и поминания, их бытовую направленность и художественные особенности. М. Г. Имяреков, рассматривая изобразительные средства мордовских причитаний, проанализировал особенности применения и функциональное назначение метафоры, сравнения, эпитета и символа. К. Микушев исследовал основные образы и частично символику причитаний коми. Их работы сыграли значительную роль для последующего изучения причитаний и, в частности, особенностей использования в них изобразительных средств. К. Т. Самородов, анализируя художественные средства в мордовской народной поэзии, выделил эпитет и сравнение в качестве излюбленных поэтических средств мордовских плакальщиц [5]. Похоронно-поминальные плачи

восточных финно-угорских народов и их поэтические особенности изучены нами [6; 7; 8]. Образная система причитаний и их функциональная направленность нашли отражение в статье И. И. Шеяновой в энциклопедии «Мордовская мифология»¹. В ходе анализа художественных особенностей причети и характеристики используемых в ней стилистических фигур о гиперболе как специфическом тропе только упоминалось. Специальных исследований, посвященных изучению особенностей использования гиперболы как стилистического приема выразительности речи в похоронно-поминальной причети мордовского и других финно-угорских народов, не предпринималось.

Результаты исследования и их обсуждение

Важным эффективным средством усиления изобразительных и выразительных качеств речи в причитаниях является гипербола, в которой сложным и опосредованным образом отражается действительность, свойства и отношения реальных явлений.

В. П. Андрианова-Перетц отмечает, что общим свойством похоронных причитаний разных народов является гиперболизм в изображении горя [1, с. 79]. Это положение находит подтверждение при анализе похоронно-поминальных и бытовых причитаний восточных финно-угорских народов, в которых наблюдается широкое применение гиперболы. Именно многократное использование рассматриваемого тропа при передаче горя является характерной особенностью анализируемого жанра фольклора.

Гипербола в причети, с одной стороны, — проявление определенного эмоционального состояния плакальщицы, с другой — средство возбуждения подобных эффектов речи у слушателей, зарядение их тем же отношением к предмету гиперболзации.

Гипербола в причитаниях применяется с той же целью, что и в лирических песнях. С. Г. Лазутин отмечает, что в былинах она в основном является средством изобразительности, а в лирических песнях используется для усиления психологизма, эмоциональной выразительности [3, с. 69]. Именно поэтому плакальщицы используют гиперболу в моменты наивысшей эмоциональной напряженности, усиливая тем самым драматизм плача. Кроме того, на наш взгляд, в похоронно-поминальных причитаниях применение гиперболы способствует выполнению предохранительных магических действий. Веруя в то, что душа умершего незримо присутствует на похоронах и поминках, принимает участие в общей трапезе, вопленицы с помощью гиперболы нарочито его восхваляют, явно приукрашивая внешность, поступки и т. д.

В причитаниях коми и мордвы гипербола, как правило, образуется с помощью обычного сравнения или сравнения в форме творительного падежа, но наиболее излюбленный вид в этом жанре — гипербола метафорическая, например: *А тусов мор мозтай синвао менам — а белоя ко да личе кузяо визу втышто-а...* («Слезы у меня текут по лицу вешним потоком...»)².

¹ Шеянова И. И. Причитания // Мордовская мифология: энциклопедия. Саранск, 2020. С. 742 — 746.

² Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс / лосьбдіс И. А. Осипов. Сыктывкар, 1986. С. 212.

*Ох, шкайназе-маманязе —
Оцю горянь тишнязе.
Тутя горянсь, матушкой,
Менельдонга сериня.
Мастордонга келиня, ой-ой!
Вай шобдалгодсть белай светкяське,
Шинятне арасть куваканят,
Кизонданга синь кельмонят...*

(«Ох, боженька-матушка моя,
Большое горе нам сделала.
Это горе, матушка,
Большое до небес,
Широкое до окраин земли, ой-ой!
Ой, потемнел весь свет,
Дни стали длинные,
Даже летом они холодные...»)³.

С помощью явного и намеренного преувеличения гиперболой метафорическая способствует созданию трагической картины состояния родственников и близких усопшего:

*Ох, тядяняй, оцю горянь кандыняй,
Тон лоткафтыть якамда пильгонянень,
Тон матрафтыть работай кяднянень,
Седисон пичефксьсь шокшезне шокиши,
Якстерь вернязень нозозне нозы...*

(«Ох, маменька, зачем такое горе нам
принесла?
У меня подкосились ноженьки,
Опустились мои работающие ручки,
Сердце мое от печали разрывается,
Душа горит огнем черной печали...»)⁴.

В гиперболизированной метафоре может фигурировать как существительное, так и прилагательное. Яркие примеры имеются в причитаниях мордвы, где используется одновременно метафора и сравнение как гиперболизирующие элементы:

*Седейнем пешксе горядо,
Потмом пешксе тошнадо,
А чиненьгак ёвтавить,
А вененьгак кортавить,
А кувака уктазь уктавить,
А пси сельведьсэ паневить*

(«Мое сердце наполнено горем,
Грудь полна тоски,
Не рассказать их мне за целый день,
Не объяснить их мне за целую ночь,
И вздохом глубоким не выдохнуть,
И слезами горячими не разогнать»)⁵.

Важным объектом гиперболизации в похоронно-поминальных причитаниях является сам усопший и его характеристика. Почти каждое причитание содержит описание внешности усопшего. При этом в используемых гиперболах чаще всего фигурируют прилагательные. Этот прием характерен как для причитаний коми, так и для мордвы.

В коми причеты при характеристике внешности мужчины чаще преувеличивается величина (размеры плеч, рук, головы), например: *аршиннэй ота пельнома, поларшиннэй ота мореса, четвертайтэма кузь мушкуэ* («аршинные широкие плечи, поларшинная широкая грудь, четвертая длинная спина»). В мордовских плачах преобладают лирические мотивы (гиперболизуются такие признаки, как цвет, особенности формы), например: *пилькс копейке сельмоняй, сиянь монетань кенженяй* («как звезды твои глазоньки, как серебряные монеты ногти твои»). При описании

³ Мокшанские причитания // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1979. Т. 7, ч. 2. С. 46, 47.

⁴ Там же. С. 40, 41.

⁵ Эрзянские причитания-плачи // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1972. Т. 7, ч. 1. С. 74.

внешности женщины плакальщица прежде всего дает портретную характеристику, в которой усопшая представлена красавицей:

<i>Ашо килей — сэрезэ,</i>	(«Статная, как белая береза,
<i>Куз мадамо — рунгозо,</i>	Рослая, как стройная ель,
<i>Куз тараткетъ — кедензе,</i>	Еловые ветви — руки ее,
<i>Розъ пиринеть — суронзо,</i>	Ржаные колосья — пальцы ее,
<i>Мазы ягода — чамазо,</i>	Красивая ягода — личико ее,
<i>Якстере умарнетъ — штёканзо...</i>	Румяное яблоко — щеки ее...») ⁶ .

Кроме того, для создания целостного образа вводится информация о делах и поступках оплакиваемого при жизни. У женщин подчеркивается ее аккуратность, сноровка, трудолюбие, умение заботиться о близких. У мужчин (если усопший погиб на войне) преувеличиваются его ратные подвиги, смелость и отвага. У труженика восхваляются его умение и усердие трудиться. Подобные преувеличения характерны для бытовых причитаний коми.

Довершает портретную характеристику усопшего рассказ о взаимоотношениях с родственниками, соседями и односельчанами. Особенно часто гипербола встречается в причитаниях, посвященных матери:

<i>Стиль, авакай, виев варма,</i>	(«Когда поднимался, матушка, сильный ветер,
<i>Сьргиль, кормакай, керезь пиземе,</i>	Начинал лить, кормилица, проливной дождь,
<i>Ланат алов мазы какан пурнылить,</i>	За пазухой детей моих ты прятала,
<i>Сёлмткетъ алов пиже какан</i>	Крыльшками детей моих
<i>кекишилить...</i>	прикрывала...») ⁷ .

В некоторых похоронно-поминальных и бытовых причитаниях коми и мордвы плачеи нарушают древнейшее правило: «О покойном говорить только хорошее». В таких случаях с помощью гиперболы заостряется внимание на негативных сторонах жизни усопшего. Яркие примеры подобного можно найти в причитаниях коми, например: «Энькалы» («Свекрови»)⁸, «Мужиклы» («По мужу»)⁹; мордвы: «Ох, Ваяней-поланяй» («Ох, суженый, нареченный ты мой»)¹⁰.

Иногда объектом гиперболизации становится дом, в котором жил покойный. Подобное наблюдается в причитаниях коми, причем по форме здесь гипербола сходна с северно-русскими образцами, в которых дом представляется в виде большого и красивого терема:

<i>Э, царскойо ко да бур життьосьыд-а,</i>	(«Из царского из доброго жилища,
<i>Э, каменнойо ко бур полатасьыд-э</i>	Из каменной да из добротной палаты
<i>модыльшин жо...</i>	отправляешься...») ¹¹ .

⁶ Эрзянские причитания-плачи. С. 257, 260.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Коми народные песни. Т. 1: Вычегда и сысола / А. К. Микушев, П. И. Чисталев. Сыктывкар, 1966. С. 214.

⁹ Коми народные песни. Т. 2: Ижма и Печора / А. К. Микушев. Сыктывкар, 1968. С. 77.

¹⁰ Мокшанские причитания. С. 185.

¹¹ Коми народные песни. Т. 3: Вымь и Удора / А. К. Микушев, П. И. Чисталев. Сыктывкар, 1971. С. 172.

В мордовской причети этот объект гиперболизуется довольно редко. Мордовские плакальщицы достаточно часто применяют гиперболу при характеристике дерева, из которого должен быть сделан гроб. При этом явно преувеличиваются его размеры, страшным представляется даже место, где оно росло. В результате гиперболизации данное дерево представляется таким некрасивым, что пригодно только для того, чтобы снова «уйти в сырую землю», в «холодную могилу»¹².

Заключение

Характерным тропом для поэтического текста похоронно-поминальных причитаний является гипербола, которая способствует усилению изобразительных и выразительных качеств речи плакальщицы. Использование указанного тропа, с одной стороны, отражает отношение плачеи к объекту высказывания, с другой — является приемом выражения таких эмоций, как тоска, горе, страх. Гипербола в похоронно-поминальной причети выступает разновидностью метафоры (метафорическая гипербола), в которой предполагается наличие сопоставляемого и сопоставляющего компонентов, при этом последнее наличествует, а сопоставляемое лишь подразумевается. В основе принципа образования гиперболы лежит принцип переноса, который предполагает явное или скрытое сравнение предметов, в результате которого одному предмету приписываются свойства другого.

Применение гиперболы в жанрах фольклора обычно влечет за собой создание эпического образа, наделенного сверхъестественной силой (эпос, былины, исторические песни), или же образа заземленного-окарикатуренного, мелкого (былины, волшебные сказки). В причитаниях использование гиперболы не приводит к созданию образа, подобного вышеназванным, что является, на наш взгляд, особенностью причета как жанра. Даже широкое использование данного тропа у слушателей причети вызывает ощущение не чудесного, ирреального, а сугубой реальности происходящего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о предании великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1947. Т. 5. С. 73 — 36.
2. Имяреков М. Г. Мордовская обрядовая поэзия: Причитания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 18 с.
3. Лазутин С. Г. О фольклористическом аспекте в изучении языка народной поэзии // Русская литература. 1959. № 3. С. 69 — 78.
4. Микущев А. К. Песенное творчество народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956. 124 с.
5. Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 168 с.
6. Юрчёнкова Н. Г. Плачи восточных финно-угорских народов. (Сравнительно-типологическое изучение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1990. 25 с.
7. Юрчёнкова Н. Г. Традиция бытования причитаний у восточных финно-угорских народов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 114 — 122. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2021-na-sajt.pdf>
8. Юрчёнкова Н. Г. Символика горя, тоски и печали в похоронно-поминальной причети мордовского народа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 181 — 187. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-20.pdf>

¹² Эрзянские причитания-плачи. С. 44.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

Информация об авторе:

Нина Георгиевна Юрчёнкова, профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (430005, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6); ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Andrianova-Peretz VP. The Word about the Life and Representation of Grand Duke Dmitry Ivanovich, Tsar of Russia. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad;1947;5:73—36. (In Russ.)
2. Imyarekov MG. Mordovian ritual poetry: Lamentations. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu;1974. (In Russ.)
3. Lazutin SG. On the Folkloristic Aspect in the Study of the Language of Folk Poetry. *Russian literature*. 1959;(3):69—78. (In Russ.)
4. Mikushev AK. Songwriting of the Komi People. Syktyvkar;1956. (In Russ.)
5. Samorodov KT. Mordovian Ritual Poetry. Saransk;1980. (In Russ.)
6. Yurchenkova NG. The Lamentations of the Eastern Finno-Ugric Peoples. (Comparative typological study). Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;1990. (In Russ.)
7. Yurchenkova NG. The Tradition of Lamentation Among the Eastern Finno-Ugric Peoples. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;(3):114—122. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2021-na-sajt.pdf> (In Russ.)
8. Yurchenkova NG. The Symbolism of Grief, Longing and Sadness in the Funeral and Memorial Service of the Mordovian People. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):181—187. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-20.pdf> (In Russ.)

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Information about the author:

Nina G. Yurchenkova, Professor of Department of Humanitarian and Special Disciplines of the Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (6 Fedoseenko Str., Saransk 430003, Russia); Leading Researcher of Department of Literature and Folklore of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philosophical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

НАШИ ПРОЕКТЫ OUR PROJECTS

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МОРДОВИИ»* «LITERARY ENCYCLOPEDIA OF MORDOVIA»

Буква Л / Part Л

EDN NVNVWU

ЛАРИОНОВ Сергей Степанович (6.10.1908, с. Анаево ныне Zubovo-Polyansko-go r-na RM — 4.8.1991, г. Саранск), мокша-мордов. прозаик. Засл. писатель МАССР (1977). Чл. СП СССР (1958). Род. в крест. семье. Окончил 2 курса Саранского пед. техникума (1927), 1 курс ВПШ (1948), МГПИ им. А. И. Полежаева (1951, заочно). В 1927 — 30 — секр. сельского Совета, пред. колхоза в Анаеве. В 1930 — 32 (г. Пенза) и 1939 — 41 служил в РККА. В 1933 — 35 — ред. газеты полит. отдела Степановской МТС Пензенской обл.; 1935 — 37 — ред. мордов. обл. молодёжной газ. «Комсомолонь вайгяль», одновременно ред. дет. ж. «Як-стерь галстук». В 1937 был исключён из ВКП(б) за то, что работал вместе с подвергшимися репрессиям сотрудниками периодич. изданий В. Виардом и Т. Порватовым, и уволен с должности редактора. В течение полутора лет оставался без работы, в 1938 был принят лит. сотр. в газ. «Мокшень правда» и восстановлен

в партии. В 1938 — 39 возглавлял парт. отдел редакции этой газеты. Во время Вел. Отеч. войны (1941 — 43) служил командиром роты, батальона в составе 409-го, затем 843-го стрелкового полка. С 1943 — нач. Управления кинофикации при СМ МАССР; в 1948 — 51 — пред. Саранского горисполкома; 1952 — 60 — дир. Мордов. кн. изд-ва; 1960 — 62 — зав. отделом парт. жизни редакции газ. «Мокшень правда»; 1962 — 68 — цензор лит-ры в Мордов. обллите; 1968 — 71 — отв. секр. правления СП Мордовии.

Одним из учителей будущего писателя был Л. П. *Кирюков*, к-рый в 1925 посоветовал Л. поступить в Саранский пед. техникум. Первые публикации, по собств. признанию писателя, увидели свет в 1932 на страницах многотиражной газеты воинской части во время его службы в армии. Однако в течение последующих двух десятилетий Л. не занимался активной лит. деятельностью, интенсивно изучал жизн. материал. Первым произв., принесшим ему извест-

* Энциклопедические статьи / Encyclopedic articles

ность, является рассказ «Лектор» (1954), основ. на подлинных событиях нач. 1930-х гг. в мордов. деревне — коллективизации сельского хоз-ва, сопровождавшейся жестоким сопротивлением кулачества, доходящим до физич. уничтожения строителей новой жизни. Автор удачно использовал приём ретроспекции, к-рый помог ярко показать то трагич. время. Героиня, приехавшая через 23 года в отдалённый колхоз, оказалась быв. агрономом, вместе с мужем двадцатипятилетним борющейся за укрепление коллективного хоз-ва. Более всего на неё произвели впечатление не изменения, произошедшие в селе, а то, как бережно его жители хранили память о давних событиях. Др. рассказ «Ёлка деда Архипа» (1955) посвящён теме Вел. Отеч. войны. Гл. герой — мордвин, переехавший накануне войны к сыну на Смоленщину, — совершает на оккупиров. немцами терр. подвиг, взорвав штаб фашистов, но при этом погибает. Образ деда Архипа, его поступок психологически мотивированы — это осознанное выполнение долга перед Родиной, проявление мужества патриота, наделённого нар. смекалкой и обладающего безграничной любовью к Отечеству.

В кон. 1950-х гг. Л. обратился к жанру повести («Совесть», 1958), выдвинув на первый план отображение морально-нравств. облика человека. Писатель сопоставляет человека труда (доярку Настю, ставшую впоследствии зав. колхозной фермой) и любителя лёгкой жизни (её мужа Андрея, студента кооп. техникума). Настю он наделяет высокими нравств. качествами — трудолюбием, честностью, порядочностью, а Андрея изображает пребывающим в бездельи, желающим жить за счёт других, капризным и эгоистичным человеком с потребительской психологией. Автор стре-

мится утвердить нар. представление о счастье, к-рое немисливо без общественно полезного труда, и сформировать у читателя отрицат. отношение к людям, ведущим праздный образ жизни. При этом трудолюбие писатель не отделяет от категорий нравственности и порядочности, в произв. они выступают в качестве мерила совершенства человек. личности. В финале повести молодая семья распадается по причине существ. различий в воспитании супругов, их характерах и взглядах на жизнь, в силу отсутствия духовного родства.

От создания рассказов и повестей Л. постепенно перешёл к разработке крупных эпич. форм. В 1962 увидело свет произв. «Лямбе кядьса» («Тёплыми руками»), жанровую принадлежность к-рого лит-веды определяют как социально-бытовой роман. В центре произв. — изображение колхозной деревни сер. 1950-х гг., постановка проблем развития сельского хоз-ва, выявление роли молодёжи в их решении, осмысление духовного облика современников. Раскрытию проблематики романа способствует переплетение двух сюжетных линий — семейно-бытовой и обществ.-производств., объединяющим началом к-рых выступает образ Бориса Константиновича Поргова, инженера-конструктора, быв. фронтовика. Его профессионализм, организаторские способности и личностные качества (честность, порядочность, принципиальность) помогают решить мн. проблемы, несмотря на активное сопротивление дир. МТС Салмова, клеветника и интригана, озабоч. гл. обр. сохранением собств. благополучия. Группировка героев в конфликте произв. осуществлена в зависимости от поддержки новых методов руководства, заботы об экон. подъёме сельского хоз-ва (Поргов, Степашкин, Зобов) и стрем-

ления сохранить отжившие традиции (Салмов, Варламов). Для своего времени ром. «Тёплыми руками» был значит. лит. явлением, хотя и имел недостатки. К наиболее значимым относятся статичность нек-рых образов, в т. ч. гл. героя, слабая связанность личной судьбы персонажей с их трудовой деятельностью, разовые портретные характеристики.

В 1970 отд. книгой была издана автобиографич. пов. «Шачень-касонь» (букв.: «Родился-вырос», рус. вариант назв. «Дни детства»), напис. в 1968 и первоначально опубл. в ж. «Мокша» (1968 — 69). Ценность данного произв. заключается не только в освоении редкой в нац. лит-ре жанровой разновидности автобиографич. прозы (см. *Автобиография*), но и в достоверном показе мордов. деревни нач. 20 в. Повествование ведётся от лица гл. героя — самого автора, к-рый знакомит читателей с образом жизни, традициями и обычаями жителей с. Анаево накануне рев. преобразований. События представлены сквозь призму восприятия 7-летнего мальчика Серёги, выходца из бедной многодетной семьи, к-рый зимой из-за отсутствия тёплой одежды и обуви вынужден значит. часть времени проводить на печи. Из игр и развлечений у него есть лишь запугивание рыжих тараканов, находившихся в большом кол-ве между потолочными досками и брёвнами стен. Единств. радостью ребёнка были сказки, к-рые рассказывал ему брат Матвей. Повесть насыщена драматич. картинками, рисующими морально-нравств., социокультурный и психол. облик крестьянства, духовенства и представителей власти, поддерживающих и обеспечивающих существующий порядок. Особенно ярко представлена горькая жизнь мордов. женщин, выполнявших тяжёлую работу, терпевших нужду, а также побои му-

жей. Доказательством тому служит образ Дарьи, сестры гл. героя, надел. физич. и духовной красотой, трудолюбием, певч. талантом, оптимизмом и любовью к людям, но несчастной в силу того, что родилась в бедной семье. Выданная замуж по воле отца взамен обещ. жеребёнка за богатого, злого и физически не совсем полноценного мужчину, в семье мужа она превращается в живой скелет, потерявший интерес к жизни. Двойств. чувство вызывает образ Степана, отца Серёги, к-рый показан, с одной стороны, трудолюбивым человеком, с др. — любящим выпить и в пьяном виде устраивающим скандалы, терроризирующим домашних. В аспекте психологизма удачны страницы повести, где показаны взаимоотношения гл. героя с девочками-сиротами — нищенками и анализируются собств. поступки, приводящие к негативным последствиям. Автор не пытается приукрасить себя и окружающих людей, а стремится к реалистич. изображению характеров. Несомненно, в произв. есть авт. вымысел и типизация, что способствует объективному воссозданию действительности со всеми её сложностями и противоречиями, разнообразными взглядами на жизнь и человек. взаимоотношения.

В ром. «Хрусталень пайкт» («Хрустальные колокола»; 1974 — 89, кн. 1 — 2) повествуется о формировании рабочего класса Мордовии, нравств. аспектах индустриального труда. Объектом изображения стали события, связ. со стр-вом и открытием новых цехов на Саранском электроламповом з-де, с подготовкой квалифициров. специалистов из числа вчерашних колхозников. Худож. конфликт основан на разном понимании первоочередных задач и способов их решения между дир. з-да Вербовым и гл. инженером Ухановым. Если

образ первого получился достаточно убедительным, реалистичным, воплотившим в себе положит. черты хоз. рук., то для показа второго у автора не хватило мастерства. Увлечение выделением отрицат. черт обусловило тенденциозность и односторонность характера персонажа. В произв. более 70 действующих лиц, бóльшая часть к-рых выполняет эпизодич. роль и не несёт значимой худож.-эстетич. нагрузки. Кроме того, местами на первый план выходит изображение производств. процесса, а не живых характеров, что снижает остроту противоречий и читательский интерес. Во многом этим определяются недостаточность внимания писателя к внутр. миру героев, слабая психол. мотивировка их поведения на уровне личных взаимоотношений. Одни, люди в зрелом возрасте (Вербов и Доянова), оставшись наедине, неуверенно смущаются, другие демонстрируют неземную любовь (примерная работница Катя не может жить без слесаря Максима, имеющего золотые руки, но злоупотребляющего алкоголем). В целом ром. «Хрустальень пайкт» сыграл положит. роль в отображении ведущих тенденций бурно развивающейся пром-сти Мордовии во 2-й пол. 20 в., в осмыслении изменений социально-демографич. структуры, психологии и нравств. облика вновь формирующегося рабочего класса.

Л. — автор 17 публиц. произв., преимущ. очерков о писателях, особенностях развития мордов. лит-ры и др.

Награждён орденами Красного Знамени (1944), Знак Почёта (1989), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» (1945).

Соч.: Лектор : рассказ // Литературная Мордовия. Саранск, 1954. № 8 (12); Ёлка деда Архипа // Там же. 1955. № 10 (14); Рассказ.

Саранск, 1956; Живая история : рассказы / [пер. В. Авдеева, И. Пиняева]. Саранск, 1958; Лямбе кядьса : роман. Саранск, 1962; на рус. яз.: Тёплыми руками : роман / авторизов. пер. с мокша-мордов. А. Кременского. М., 1968; 1983; Колма вармат : повесть. Саранск, 1967; на рус. яз.: Три ветра : роман / авторизов. пер. с мокша-мордов. В. Авдеева. Саранск, 1971; 1978; М., 1973; Совесть : рассказы и повесть / авторизов. пер. с мокша-мордов. В. Авдеева. М., 1961; Саранск, 1968; Шачень-касонь : [повесть]. Саранск, 1970; на рус. яз.: Дни детства : повесть / авторизов. пер. с мокша-мордов. В. Авдеева. Саранск, 1972; Хрустальень пайкт : роман : [в 2 кн.]. Саранск, 1974 — 1989; на рус. яз.: Хрустальные колокола : роман / пер. с мокша-мордов. М. Шкерина. М., 1976; Саранск, 1987; Каргонь шяй : повесть. Саранск, 1980; На берегах полноводной Сивини : повесть / пер. с мокша-мордов. В. Авдеева. М., 1981; Фкя шинь бойста : повесть. Саранск, 1983; В июльский долгий день : повесть / пер. с мокша-мордов. М. Шкерина. Саранск, 1986.

Лит.: КЛЭ. Т. 4; ПМ. 2001; 2015. Т. 2; История мордовской советской литературы. Саранск, 1971. Т. 2; **Макушкин В. М.** Раздвигая горизонты // Проблемы современной мордовской литературы. Саранск, 1980; Жить достойно : [интервью С. С. Ларионова, запис. Т. Кириченко] // Сов. Мордовия. 1988. 20 нояб.; **Зиновьев Н. В.** Прозаики о прозе жизни : (Сергей Ларионов и Михаил Сайгин) // Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы. Саранск, 1991. Ч. 1. Гл. 2; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1.

А. М. Каторова.

EDN NXUSEU

ЛЁВИН Виктор Михайлович (27.2. 1941, с. Болдово ныне Рузаевского р-на РМ — 1.9.1971, г. Саранск, похоронен в родном селе), мокша-мордов. прозаик. Род. в крест. семье. Окончил филол. ф-т Мордов. гос. ун-та (1967). До поступления в вуз в Саранском ПТУ освоил про-

фессию столяра, занимался изготовлением мебели. В 1967 — 70 — корр. газ. «Сов. Мордовия»; 1970 — 71 — ред. дет. передач мордов. радио и телевидения К-та по телевидению и радиовещанию СМ МАССР, ред. худож. лит-ры Мордов. кн. изд-ва.

Первые рассказы и зарисовки юмористич. характера Л. были опубл. в газ. «Мокшень правда» и ж. «Мокша». Подборка юмористич. рассказов вошла в сб-к трёх авторов «Васедема» («Встреча», 1969). В нём особое внимание привлекают юморески «Алясь алякс и ляды» («Мужик остаётся мужиком») и «Кона пенгясь качады» («Которое полено дымится»). В первой высмеивается муж. несообразительность (увидев на столе записку жены, персонаж затопил в летний зной печь, впоследствии оказалось, что записка была написана зимой), во второй — низкий уровень науч. иссл., создаваемых дилетантами. Первый и единств. прижизн. сб-к Л. «Аера варма» («Метель») вышел в свет в 1970, после смерти автора издана книга повестей и рассказов «Гурьян» (1978). Осн. часть сб. «Аера варма» составляют рассказы, напис. на морально-бытовые темы («Стака канкс» — «Тяжёлая ноша», «Ки лангса» — «В дороге», и др.), небольшие новеллы о Вел. Отеч. войне («Аера варма», «Сёрмаста строчкат» — «Строки из письма»), рассказы, раскрывающие проблему зависимости судьбы учёных и их науч. открытий от обществ.-полит. установок («Форст докторть экспериментонза» — «Эксперименты доктора Форста»), тяготы сельской жизни («Алят-цёрат» — «Отец с сыном») и др. Наиболее удачными с точки зрения постановки актуальных проблем, реализации принципа психологизма, индивидуализации и типизации характеров, в целом в аспекте худож.-эстетич.

ценности произведений являются «Аера варма» и «Стака канкс». Примерно треть сб-ка занимают юмористич. миниатюры (юморески), в к-рых автор проявил умение одним-двумя штрихами создать худож. образ, характер, вызвать у читателя смех. Неск. таких произв. посвящено «братьям по перу», начинающим писателям, сталкивающимся с разными проблемами и попадающим в комич. ситуации. Наибольший смех вызывает миниатюра «Мокорев Стёпань эряфста» («Из жизни Стёпы Мокорева»), где автор высмеивает дилетантство молодого журналиста, не умеющего не только выявлять злободневные проблемы, но и правильно строить предложения, что приводит к двусмысленности, иногда даже к скабрёзности высказываний. Из юморесок, обличающих нелепость действий руководителей нек-рых орг-ций, особо выделяются «Сявомасть работама» («Примите на работу») и «Ортат улихть — перяфкс... аш» («Ворота есть, забора... нет»). Во вторую книгу Л. вошли две повести («Гурьян», «Ломань ширеса» — «В гостях»), неск. юмористич. рассказов и юморесок. Первая повесть ист. содержания, в её основу легла легенда о борьбе мордов. народа против монг.-тат. ига. Она написана совм. с братом Фёдором, к-рый был военным и писательским творчеством самостоятельно не занимался. Опора на произведения устного нар. творчества предопределила преобладание в повести худож. вымысла над историзмом, синтез фантастич. и реальных картин жизни. Пов. «Гурьян» интересна прежде всего с точки зрения раскрытия особенностей характера мордов. народа, показа традиций и уклада жизни древней мордвы. В пов. «Ломань ширеса», посвящ. изображению взаимоотношений в семье, проявилось умение автора создавать яркие, художественно

аргументиров. отрицат. образы. Это касается в первую очередь Лизы, негативные черты характера к-рой (алчность, злобность, лживость, ненависть к людям) отчётливо выражены в её действиях и поступках, в т. ч. по отношению к близким людям. Вместе с тем образ Максима, мужа Лизы, получился малоубедительным. Вошедшие в сб-к рассказы юмористич. содержания и юморески продолжают вызывать читательский интерес.

Соч.: Пидевсь : юмористич. рассказ // Мокша. 1961. № 4 ; Апак яфт казнет : (Сценка) // Там же. 1962. № 1 ; Кайги лем : юмористич. рассказ // Там же. 1963. № 1 ; Панчфт и палакст // Кузнецов Ю., Л., Тимошкин Е. Васедема : рассказ. Саранск, 1969 ; Аера варма : рассказ. Саранск, 1970 ; Гурьян : повесть и рассказ. Саранск, 1978 ; Мзярда аф сатни пингсь : [пеетькс] // Мокша. 2013. № 3 ; Эряви актёр : [пеетькс] // Там же. 2017. № 3.

Лит.: ПМ. 2015. Т. 2 ; Писательхне и критикне В. М. Лёвинонь колга // Мокша. 2001. № 2 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 2 ; **Лобанов В.** Сон пеедсь сельмоведьбачк : Виктор Михайлович Лёвинонь шачема шистонза 75 кизонь топодемати // Мокша. 2016. № 2.

А. М. Каторова.

EDN NWUZGL

ЛЕВЧÁЕВ Пётр Иванович (1.3.1913, с. Промзино ныне Zubovo-Полянско-го р-на РМ — 7.5.1985, г. Саранск), мокша-мордов. прозаик. Засл. писатель МАССР (1983). Чл. СП СССР (1934). Род. в крест. семье. Окончил рабфак (1932), учился в Саранском учительском ин-те (1935 — 37). Работал учителем в д. Пичёвка Zubovo-Полянского р-на (1932 — 33), в ред. газ. «Од веле» (Саранск). В 1937 был репрессирован, долгие годы провёл на Колыме, в Енисейском За-

полярье (г. Игарка). После реабилитации (1956) вернулся в Саранск. Работал ред. газ. «Мокшень правда», ж. «Мокша» (1956 — 58).

Л. начал писательское творчество с создания стихов. Первое стих. «Тонаф-нема» («Учёба») было опубл. в 1930 в газ. «Од веле», единств. поэтич. сб. «Даволхт» («Бури») увидел свет в 1936. Широкому кругу мордов. читателей Л. изв. как прозаик. В 1934 в Саранске вышел его сб-к очерков и рассказов «Ушеткс» («Начало»), в 1935 — пов. «Сяпи шит» («Горькие дни»; первоначально под назв. «Пяле эряф» — «Половина жизни», ж. «Колхозонь эряф», 1934) и сб-к рассказов и повестей «Кяж» («Злоба»), в 1936 — сб. «Расскаст» («Рассказы»). В результате репрессий книги писателя были изъяты из библиотечных фондов. В течение последующих 20 лет он не печатался. После реабилитации лучшие произв. из ранее выпущ. вошли в неск. переработ. виде в сб. «Повесть, рассказ» («Повести, рассказы», 1962) и «Кярьмаз» («Гроздь», 1972). Начало нового этапа творчества отмечено публикацией рассказа «Серёжать аляц» («Серёжин отец»; газ. «Мокшень правда», 1957). В нём раскрывается тема ответственности родителей за своих детей. Мальчик Серёжа часто задавал маме вопрос об отце, а она не могла сказать сыну правду, чтобы не травмировать его дет. психику. Отец оставил семью, как только Серёжа родился. После прочтения в газете заметки об ударнике труда, к-рый носил те же фам. и имя, что и его отец, мальчик через редакцию разыскал его. Письмо второклассника произвело на героя очерка и др. рабочих цеха, где он трудился, сильное впечатление, поэтому они начали оказывать Серёже материальную помощь. В рассказе на рус. яз. «Хозяин тайги» (1958) Л. делится с чи-

тателем наблюдениями за жизнью охотников в Енисейском Заполярье, описывая их труд и мастерство, а также красоту и несметные богатства тайги. Изд. в 1959 сб. «Вирсь увнай» («Лес шумит») содержит 22 рассказа, в т. ч. неск. напис. ранее, 5 очерков и одноим. повесть. В её основе лежат события, связ. со становлением сов. власти в 1918 — 1920-х гг. на терр. совр. Zubovo-Полянского и Темниковского р-нов Мордовии. Писатель изображает, как люди отстаивали идеи свободы в борьбе с бандитами Моргом, Понкратом и др.

Из произведений, изд. на рубеже 1950 — 60-х гг., наиболее удачной в худож. плане является пов. «Кафонц куда» («Два свата»; написана в 1937, опубл. в 1958, на рус. яз. — в 1962, под назв. «Малиновый рассвет» — в 1964). В ней правдиво переданы борьба крестьянства против власть имущих в период столыпинской реформы, рост его самосознания, психол. эволюция коллективного героя. Автор создал много ярких характеров, в числе к-рых — молодой человек Гарой, его родственник Ачур, дед Алексей, Самоша, а также представитель рус. рабочего класса Кирей Михайлович. Гарой наделён лучшими человек. качествами: трудолюбием, интеллектом, высокой нравственностью, любовью к людям. Л. показывает становление его характера под влиянием мн. событий, в т. ч. в результате общения с рабочими в Н. Новгороде, куда он был вынужден отправиться на заработки после ссоры с богачом Тулаем. Именно там Гарой приобретает способность к решит. действиям, его мысли и чувства становятся более зрелыми и нравственно богатыми. Идея о росте самосознания женщины-мордовки воплощена в образе девушки Анны, восставшей против патриархальных устоев и убежавшей из села с

любимым человеком. Она, как и Гарой, является носителем нравственности: трудолюбива, гуманна, уважительна, порядочна, правдива. Автор повести показал себя знатоком нар. культуры, быта, обычаев, фолькл. традиций и языка. В целях достижения индивидуализации и типизации речи действующих лиц писателем удачно использованы нар. лексика, пословицы и поговорки, сравнения и эпитеты, способствующие созданию яркого нац. колорита.

Годы, провед. Л. в Енисейском Заполярье, впоследствии отразились в его произведениях, особенно в пов. «Тайгань кить-ятт» («Таёжные пути-дороги», 1969). Читатель имеет возможность узнать о красоте сев. сияния, природных богатствах тайги и р. Енисей, обычаях, традициях, особенностях черт характера людей, их трудолюбии, проф. навыках охотников и рыболовов. Всё это передаётся через восприятие юноши Паши, к-рый отправляется на встречу с отцом в далёкую Игарку. Описание его пути по р. Енисей, Стрелке (месту слияния Енисея с Ангарой), посещения г. Енисейска и др. насел. пунктов сопровождается рассказами попутчика деда Андрея, знатока множества легенд и сказок о Сибири. Так, в повествование мастерски вплетена легенда об озере Байкал, от к-рого сбежала его единств. дочь Ангара. В Игарке Паша знакомится с рыбокомбинатом, где трудится его отец, пробует разные породы рыб, о к-рых раньше не имел представления, вместе со взрослыми рыбачит на Енисее, узнаёт о семи «замках» тайги (расположена далеко, добраться можно только на самолёте; зимние холода; летний гнус; вечная мерзлота; днём жара, ночью холод и др.), охотится в тайге. Данная повесть полезна для юношества с познават. точки зрения.

Отличит. особенностью романа Л. «Стирнят-якстернят» («Девушки-красавушки»; 1967 — 83, кн. 1 — 2) является искренность раздумий писателя о чело­веч. судьбах. Автор не стремится к показу проблем села, ему важно донести до читателя всё хорошее, что встречается в родной глубинке. Роман открывается великолепной картиной летнего утра на берегу реки, на фоне к-рой происходит знакомство с гл. действующими лицами — Мариной Сарайкиной и её подругой Катей. После окончания школы Марина остаётся работать на ферме, а Катя поступает учиться в ун-т. Марина, став дояркой, держится с достоинством, в меру сил старается помочь родному колхозу. Она не только не сомневается в правильности избр. пути, но и исподволь убеждает в этом подругу. Постепенно и у Кати, считавшей первоначально физич. труд недостойным занятием, формируется новое отношение к нему. Вместе с тем Марина не довольствуется работой на ферме: она поступает учиться заочно в ун-т. Кроме девушек, автор изображает др. молодых людей — механизаторов, строителей, тружеников полей (напр., Паша, Васёк, Дима, Федя, Даша, Ульяна, Агаша). Он не рассказывает о сложностях сельской жизни, у него иная задача — показать радость от повседневного нелёгкого, но вдохновенного и полезного труда. При создании романа Л. в полной мере учтены требования того времени, заключавшиеся в невозможности изображения полноценного и яркого героя без уважит. отношения к работе и коллективу. При этом трудолюбие представлялось в качестве общественно значимого понятия, а не способа достижения личного благополучия.

Л. изв. как переводчик. Он перевёл на мокш. яз. «Сказку о рыбаке и рыбке»

А. С. Пушкина, повести «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя, «Хаджи Мурат» и «Казачи» Л. Н. Толстого, ром. «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Соч.: Даволхт : стихт. Саранск, 1936 ; Хозяин тайги : Рассказ охотника / пер. с мокша-мордов. С. Пронина. Саранск, 1958 ; Вирь увнай : рассказ и очеркт. Саранск, 1959 ; Повесть, рассказ. Саранск, 1962 ; Малиновый рассвет : рассказы и повесть. Саранск, 1964 ; Малиновый рассвет : повесть / авторизов. пер. с мокша-мордов. А. Рутько. М., 1971; Саранск, 1981 ; Шум над тайгой : Рассказы о Енисейском Заполярье. Саранск, 1966 ; Стирнят-якстернят : роман : [2 кн.]. Саранск, 1967 — 1983; на рус. яз.: Девушки-красавушки : роман / пер. с мокша-мордов. Т. Т. Аюшева. Саранск, 1977; Кн. 2 / пер. с мокша-мордов. В. П. Бармичевой, В. Н. Бармичева. Саранск, 1986 ; Аляшка цёрокш : повесть. Саранск, 1969 ; Золотиночка : повесть и рассказы / [пер. А. Рутько, П. Левчаева, В. Юшкина, И. Законова]. Саранск, 1970 ; Золотань калня : [рассказ]. Саранск, 1971 ; Кярьмаз : кочкаф произведенийт. Саранск, 1972 ; Таёжные пути-дороги : (Повесть и рассказы о Енисейском Заполярье) / [пер. Л. Ханбекова, П. Левчаева, Н. Попова, А. Рутько]. Саранск, 1973 ; Взрослый парнишка : повесть. Саранск, 1978 ; Мани сёксе : рассказ. Саранск, 1985 ; Кочкаф произведенийт : колма томса. Саранск, 2014.

Лит.: КЛЭ. Т. 4 ; ПМ. 2001; 2015. Т. 2 ; Горбунов В. В. Голос жизни. Саранск, 1963 ; История мордовской советской литературы. Саранск, 1971. Т. 2 ; Соколова В. Е. Конфликты и характеры : Проблема конфликта и героя в мордов. повести о деревне. Саранск, 1972 ; Енакаев Р. Писательль эряфоц стакаль // Мокшень правда. 1990. 24 нояб. ; Зиновьев Н. В. Человек и время. Саранск, 1991 ; Алёшкин А. В. Коза ладяфоль киц? : Пётр Иванович Левчаевонь 80 кизонцты // Мокша. 1993. № 2 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. спра. Саранск, 2010. Ч. 1.

А. М. Каторова.

EDN NYQFNI

ЛЕГЕНДА (от лат. *legenda* — то, что должно быть прочитано), жанр фольклора и худож. лит-ры; разновидность фолькл. несказочной прозы, рассказ о выдающемся событии или человеке, чудесных или удивит. событиях, воспринимаемых как достоверные; один из характерных жанров ср.-век. лит-ры, предполагавший извлечения из житий, предназнач. для чтения в определённые дни; в лит-ре Нового времени жанр, сходный с мифом, преданием и *быличкой* по соотношению вымышленного и реального, устной нар. традиции и авт. творчества. В основе сюжетов мн. Л. лежит религ. «чудо», поэтому в фольклористике 19 в. термин «Л.» применялся к произведениям христ. тематики. Гл. героями в них выступали в основном библейские и языч. божества, показывались взаимоотношения между ними, а также между божествами и людьми. Фантастич. персонажи изображались часто в роли добрых пом. и советчиков человека, вместе с тем они наказывали злых и недобросовестных людей. В отеч. фольклористике 2-й пол. 20 в. выделялись следующие группы Л.: космогонич., геогр.-топонимич., этногонич., зоогонич., христ.-апокрифич., ист. и героич., социально-утопич. и др. (см.: Чистов К. В. Легенда // КЛЭ. Т. 4, стб. 90). В России вместо слова «Л.» долгое время употреблялись «сказание» и «житие». Под первым понималось предание (устное или письм.) о фактах церк. или светской истории (напр., «Сказание о Мамаевом побоище»), под вторым — жизнеописание святых («Житие святых Бориса и Глеба» и др.; см. *Житие*). В старину нередко сказание наз. повестью, это слово первоначально обозначало рассказ об ист. лицах и событиях. В лит-ре Др. Руси легендарные сказания

были распространены в 14 — 1-й пол. 15 в., они представляли собой самостоят. сюжеты, связ. с одним святым и образующие единый текст (напр., «Сказание о битве новгородцев с суздальцами», «Сказание о путешествии Иоанна на бесе» и «Сказание об открытии мощей Иоанна», к-рые входили в состав «Жития Иоанна Новгородского»).

Нар. Л. выступает в разных вариантах, авторская является единств. в своём роде, она ориентирована на раскрытие духовных возможностей и устремлений её создателя. В лит. Л. материал, как правило, организован строже и всецело подчинён авт. замыслу. Обращение проф. писателей к жанру Л. обусловлено разными причинами. В одних случаях это выглядит как своеобразное состязание с нар. устно-поэтич. творчеством, попытка привнесения авт. точки зрения на определённый предмет, личность, событие или явление действительности, наделения содержания личностным суждением или как один из способов достижения правдивости повествования, единения глубины мысли и простоты языка. Примером подобного творч. подхода могут служить «народные рассказы» Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова, «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Др. случаи связаны с реконструкцией Л. Так, использованные М. А. Булгаковым в ром. «Мастер и Маргарита» Л. о Понтии Пилате и докторе Фаусте настолько подвергнуты творч. трансформации, что могут рассматриваться лишь как образцы условно-поэтич. мировосприятия или как худож. реальность. Наконец, в молодых лит-рах, в т. ч. в творчестве писателей народов РФ (Ю. Рытхэу, В. Санги, Ф. С. Атянин, В. И. Мишанина, В. К. Радаев и др.), Л. встречается в изнач. смысле как память о прошлом и вместе с тем

OUT PROJECTS

как способ выражения определённого взгляда на настоящее. В совр. лит-ве дении выделяются следующие вариации лит. Л.: религ. (Толстой), сочетание фольк. и религ. (Лесков), фольк. (Д. С. Мамин-Сибиряк), сказочная (А. И. Куприн), Л.-миниатюра (И. А. Бунин), Л. как часть путевых картин (Куприн), Л.-пародия (А. С. Грин).

Мордов. Л., в отличие от русских, немногочисленны и образуют, по мнению фольклористов, две тематич. группы: «1) о сотворении мира и взаимоотношениях божеств с людьми; 2) о животных, растениях и их свойствах» (Седова Л. В. Предисловие // УПТМН. Т. 10, с. 9). Первую группу составляют произв. религиозно-библейского содержания о создании земли, звёзд, человека, о древних божествах мордвы, браках между ними и людьми, а также о происхождении нек-рых человек. пороков. Ко второй группе относятся Л. о происхождении отд. видов растений и животных, повадках зверей, птиц, насекомых, при этом используются мотивы библейского (напр., о птице Канюк) и сказочного характера. К жанру Л. обращались мн. мордов. писатели: Атянин, М. А. *Втулкин*, П. С. *Кириллов*, В. Н. *Корчеганов*, А. Д. *Куторкин*, В. М. *Лёвин*, Н. М. Мирская, Мишанина, В. К. Радаев и др. Создателем первой авт. Л. на мордов. яз. является Кириллов («Литова», 1940). Она представляет собой драму в 5 картинах, повествующую о борьбе мордов. народа за социальную справедливость, об участии в крест. войне под предводительством С. Разина. Прообразом гл. героини Литовы является Алёна Арзамасская (Темниковская), версия эрз. происхождения к-рой встречается в фольк. источниках и ист. док-тах. Следом к жанру Л. обратился В. К. Радаев («Кавказской легендат» — «Кавказские

легенды», 1941), познакомив мордов. читателя с элементами иной культуры («Машук» — о возникновении гор Эльбрус, Бештау и Машук; «Нарсана» — о появлении лечебной воды Нарзан, «Урызмек» — богатырях-нартах, способствовавших рождению горячих целебных источников, и др.). В 1950-е гг. традицию создания авт. Л. продолжил Куторкин («Кода цёковось тонадсь морамо» — «Как соловей научился петь», 1956). Произв. написано в стихотв. форме, с учётом идейно-худож. достоинств его можно считать одной из лучших Л. в мордов. лит-ре. В нём повествуется о великой силе материнской любви, способной преодолевать любые препятствия. Именно она, по мнению автора, предопределила редчайшую красоту и очарование соловьиного пения. Л. в полном объёме вошла в роман в стихах «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги», 1958) Куторкина. В 1960-е гг. увидели свет Л. «Варда» (1961) В. И. Радаева (Радина-Аловского), «Атямсь кельги мокшень стирь» («Невеста Грома», 1965) Атянина и «Пижекев» («Зелёный камень», 1965) Куторкина. В первой гл. героиней предстаёт девушка-эрзянка, надел. недюжинной силой, к-рая помогла защитить Нижегородский кремль от ногайцев. Вторая создана по мотивам мордов. эпоса, в ней речь идёт о закончившейся трагически попытке женитьбы божества на земной девушке Алдуне. Гром, ревнующий Алдуню к её возлюбленному Тургаю, лишает его жизни, а Молния, влюбл. в Грома, сражает насмерть Алдуню. В финале на месте убитых молодых людей вырастают берёза и дуб. Третья Л., не имеющая под собой фольк.-мифологич. основы, повествует о социальном неравенстве. Самое большое кол-во лит. Л. было написано в 1970-е гг.: «Сиянь ра-

какудня» («Серебряная ракушка», 1974) Мишаниной, «Эрзянь легендат, предания ды ёвтамот» («Эрзянские легенды, предания и сказы», 1977) В. К. Радаева и Втулкина (на рус. яз. «Как кузнец соседа подковал», 1988) и «Гурьян» Лёвина (1978). В произв. Мишаниной, воспеваящем красоту и силу любви, рассказывается о возникновении назв. р. Исса, протекающей по терр. Мордовии и Пензенской обл. Действующими лицами являются молодые люди Иса, Ламзурь и мифологич. персонаж — богиня воды Ведвава (Ведява). Рассердившись на молодого рыбака Ису за то, что он не ответил на её любовь, богиня губит сначала его возлюбленную Ламзурь, вовлекая в водную пучину, затем и его самого: превращает обоих в воду, а их счастье — в серебряную ракушку. Больше всего Л. представлено в сб-ке В. К. Радаева и Втулкина. Они различны по содержанию: об истории возникновения отд. насел. пунктов («Качел», «Алатырь и Инсар», «Кемля», «Село Андреевка» и др.), названий реки и моря («Волга-Рав и Каспий»), о рождении эпич. героя («Рождение Сияжара») и др. Пов. «Гурьян» Лёвина (о борьбе мордов. народа против монг.-тат. ига) основана на Л. «О чудесном Гурьяне», запис. И. А. Сорокиным от В. П. Тюркина в с. Нов. Захаркино Петровского у. Саратовской губ. в нач. 1920-х гг. и опубл. в 1940 в ж. «Сятко» (№ 11). В произв. от нар. Л. сохранился материал о мирной жизни мордов. народа в лесах, нападении на них чужих племён и об увлечении предводителя Гурьяна подосл. врагами красавицей, что привело к многочисл. жертвам; всё остальное — авт. вымысел.

Из русскоязычных писателей Мордовии к жанру Л. обращалась Мирская («Сандро», 1983). В произв. повествуется о двух художниках (талантливом Сан-

дро и бездарном, но превозносимом родителями Гермгеле). Особенностью Л. являются два варианта финала, второй из к-рых навеивает мысль о нек-ром сходстве с сюжетом трагедии «Моцарт и Сальери». Коварство Гермгеля проявляется в том, что сначала он лишает Сандро свободы и возможности видеть красоту окружающего мира (приказывает заточить в крепость), затем — слышать песни любимой, в завершение велит убить его родителей, чтобы тот окончательно лишился сил и вдохновения. Однако радость творчества и природный талант оказываются сильнее: увидев новые картины Сандро, Гермгель немеет, потом его сердце не выдерживает. Как Л. определил свою поэму по мифологич. сюжетам В. К. Абрамов («Легенда о серебряном всаднике», 1996). Она посвящена легендарному царю Тюште, герою мн. мордов. сказок, песен и преданий.

Тексты: УПТМН. Т. 10 : Легенды, предания, былички / сост. и авт. предисл. Л. В. Седова. Саранск, 1983 ; Из глубины веков : легенды, предания, былички и устные рассказы мордов. края / [сост. Л. В. Седова]. Саранск, 2011.

Лит.: ЛЭ. СЛТ. Т. 1 ; КЛЭ. Т. 4 ; **Белокурова С. П.** Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2005 ; **Книгин И. А.** Словарь литературоведческих терминов. Саратов, 2006 ; **Афанасьев А. Н.** Народные русские легенды. М., 1859 ; **Буслаев Ф. И.** Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861 ; **Драгоманов М. И.** Малорусские народные предания и рассказы : в 2 ч. СПб., 1861 ; **Веселовский А. Н.** Из истории литературного изучения Востока и Запада : Слав. сказания о Соломоне и Китоврасе. СПб., 1872 ; **Его же.** Опыты по истории развития христианской легенды // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1875 — 1877 ; **Чистов К. В.** Русские народные социально-утопические легенды XVII — XIX вв. М., 1967 ; **Фатеева Ю. Г.** Жанр легенды в

русской литературе рубежа XIX — XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006 ; *Тулякова Н. А.* Вариации жанра авторской легенды в русской литературе // От текста к контексту. Ишим, 2010. Вып. 9.

А. М. Каторова.

EDN ODHZAN

ЛИБРЕТТО (итал. libretto — книжечка), словесный текст муз.-сценич. произв.; лит. произв., предназнач. для воплощения в театре; краткое изложение содержания оперы, оперетты, балета. Пишется, как правило, в стихах, преимущ. рифмованных; для речитатива возможно употребление прозы. Возникло вместе с жанром оперы в 17 в. Тексты муз. произв. стали наз. Л. потому, что с кон. 17 в. для посетителей оперы их выпускали в виде книжечек. На афишах постановок имена авторов не указывали. Отношение к Л. изменилось во 2-й пол. 18 в., когда мн. либреттисты начали создавать тексты совм. с композиторами (напр., Р. Кальцабиджи сотрудничал с К. В. Глюком, Л. да Понте — с В. А. Моцартом, А. Бойто — с Дж. Верди, В. И. Бельский — с Н. А. Римским-Корсаковым). С 19 в. композиторы, обладавшие лит.-драм. дарованием, стали сочинять Л. своих опер самостоятельно (Г. Берлиоз, Р. Вагнер, Дж. Ф. Малипьеро, К. Орф, Дж. К. Менотти, А. Н. Серов, М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, С. С. Прокофьев, Р. К. Шедрин и др.). В 1970 — 80-х гг. изучение Л. получило развитие и стало наз. либреттологией.

Мордов. Л. развивалось так же, как заруб. и отечественное. В большинстве случаев Л. муз.-драм. произв. создавали не музыканты, а писатели. Так, первое Л. одного из самых ранних соч. мордов. композиторов для муз. театра — оперы «Сказка о попе и работнике его Балде»

Л. И. Воинова, было написано А. Хомяковым по одноим. произв. А. С. Пушкина. Постановку осуществили в 1924 темниковский самодеят. коллектив и оркестр рус. нар. инструментов под управлением автора оперы. Из мордов. писателей Л. создавали: Я. П. Григошин (1935 — 36, на эрзя-мордов. яз., для ист. оперы «Кузьма Алексеев» А. П. Александровского, по одноим. драме писателя); П. С. Кириллов (1943, на эрзя-мордов. яз., для муз. драмы «Литова» Л. П. Кирюкова); Н. Л. Эркай (переработал Л. драмы «Литова», сократив кол-во актов до четырёх из пяти, для её второй постановки в 1959, реж. В. И. Княжич); А. Д. Куторкин (1944, на эрзя-мордов. яз., по мотивам своего романа в стихах «Ламзурь», для оперы «Несмеян и Ламзурь» Кирюкова); М. А. Бебан (для напис. А. А. Бреннингом в 1961 оперы «Крылатый человек» о лётчике М. П. Девятаеве; оперы «Нормальня» Кирюкова, 1961); Ф. С. Атянин (на мокша-мордов. яз., по мотивам нар. сказок, для муз. драмы «Невеста грома» К. Д. Акимова, 1967); И. М. Девин и И. П. Кишняков (1974, на мокша-мордов. яз., авторизов. пер. на рус. яз. В. А. Иокара и Ю. С. Каменецкого, для лирико-бытовой оперетты «Мокшанские зори» Акимова и Г. В. Павлова); Л. М. Талалаевский (для оперетты «Главная роль» Г. Г. Вдовина, 1978; рок-шоу-оперы «Что же счастье?» Г. Г. Сураева-Королёва, 1990); В. С. Брыжинский (для вок.-хореографич. театрализов. представления «Тейтерень пия кудо» — «Дом девичьего пива» Вдовина, 1985); А. Ф. Ежов и Н. Б. Голенков (1990, пьеса-Л. «Сиянь эрхке» — «Серебряное озеро», по мотивам мордов. нар. сказок). Отд. муз.-сценич. произв. создавались отеч. композиторами и либреттистами. Так, в 1980 на сцене Мордов. театра муз. комедии шла оперетта «Чародей» В. П. Бе-

ренкова, посвящ. скульп. С. Д. Эрзе (авторы Л. — В. Есьман и К. Крикорян). В 1990 состоялась постановка оперы-балета «Невеста грома» Акимова и Р. Г. Губайдуллина на рус. яз. В отличие от одноим. муз. драмы в Л. (автор — Ю. А. Эдельман) были усилены социальные мотивы и более драматизировано действие.

В истории мордов. Л. есть случаи, когда его авторами становились композиторы и др. представители муз.-сценич. иск-ва. Это, напр., Г. И. Сураев-Королёв (Л. для собств. фантастич. оратории «Последний суд», 1972); М. И. Фроловский (Л. для созданных Вдовиным оперы по киносценарию В. М. Гусева «В шесть часов вечера после войны», 1975; муз. драмы «Ветер с Понизовья» по пьесе «Литова» Кириллова, рус. текст П. А. Железнова, 1981); В. Ф. Ирченко (г. Пермь) (Л. для вок.-хореографич. театрализов. представления «Мордовская свадьба» Н. В. Кошелевой, 1980); Вдовин (1986, Л. для своей камерной оперы «Пасынок судьбы», по одноим. драм. пьесе Я. В. Апушкина о жизни мордов. поэта А. И. Полежаева); М. Н. Фомин (Л. на эрзя-мордов. и рус. яз., для собств. лирико-эпич. оперы «Сияжар», по мотивам одноим. поэмы В. К. Радаева, 1995); В. В. Долгов (2002, Л. для второй оперы композитора «Патриарх Никон», по одноим. роману М. А. Филиппова и жизнеописанию патриарха, составл. И. К. Шушериним); Ю. А. Кондратенко (Л. для нац. балета в 2-х действиях и 6 картинах «Алёна Арзамасская» Кошелевой, 2001 (премьера 2012). Первонач. вариант Л., состоящий из 2-х действий и 5 картин, написан С. И. Гурарием, оба текста, заметно отличающиеся друг от друга, основаны на свободной трактовке сюжета; Л. для поставл. в 2020 балета-сказки «Мордовская легенда» Кошелевой,

основано на мордов. фольклоре, с использованием картин нар. сцен, обрядов и праздников).

Лит.: ЛЭТП; Мордовия: энциклопедия. Саранск, 2003 — 2004. Т. 1 — 2; **Бояркина Л. Б.** Мордовская музыкальная энциклопедия. Саранск, 2011.

И. И. Шеянова.

EDN OUTKIW

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ, носитель переживания, особой формы выражения авт. сознания, характеризующегося преобладающими над вымыслом искренностью, исповедальностью, своего рода документальностью; образ, с помощью которого поэт рассказывает читателю о своих эмоциях и переживаниях, передаёт собств. видение мира и заявляет о личных убеждениях. На основе Л. г. создаётся целостное представление о творчестве поэта. В отд. произв. Л. г. не свойственна многогранность. Он вырастает из текста лирич. композиций (цикл, книга стихов, лирич. поэма, вся лирика) как рельефно очерч. фигура или жизн. роль, как лицо, надел. конкретной индивидуальной судьбой и психол. отчётливостью внутр. мира. Л. г., как правило, не имеет бытийных черт: портрета, имени, возраста, иногда и пола. Он может существовать только в худож. времени и пространстве, вымысл. автором. Термин «Л. г.» был введён в теорию лит-ры в 1921 Ю. Н. Тыняновым применительно к лирике А. А. Блока. По мнению исследователя, Л. г. — это «посредник, миф о поэте, созданный им самим. Личность поэта при этом обладает идеальным содержанием, отвлечённым от приобретённого жизненного опыта» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 119). Термин начал широко употребляться в критике с кон.

1940-х гг. С этого времени понятие о Л. г. получило развитие в лит-ведении. В. А. Назаренко, Д. Е. Максимов, Г. А. Гуковский и мн. др. лит-веды в ходе дискуссий на страницах ж. «Звезда» и «На рубеже», «Лит. газеты» высказывались против использования данного термина, т. к., по их мнению, он узаконивал некий разрыв между реальной жизн. практикой поэта и его творчеством, рождал неверное представление о поэте как о лицедее, скрывающем истинное лицо под серией вымышл. «лирических масок». В дальнейшем разработкой проблемы Л. г. как одной из форм авт. сознания стали заниматься Л. Я. Гинзбург, Б. О. Корман, С. Н. Бройтман, И. Б. Роднянская и др., утверждавшие, что образ поэта в лирике условен и включает в себе элемент вымысла в той же мере, в какой условен любой худож. образ, но эта условность не вступает в противоречие ни с правдивостью образа, ни с искренностью поэта. Л. г. воплощает в себе не только неповторимые черты личности поэта, но и определенное обобщение, поэтому недопустимо отождествлять его с конкретным автором. Часто Л. г. близок к автору по складу личности, характеру переживаний, испытываемых чувств, но различие между ними принципиальное и всегда сохраняется. Несмотря на то, что термин «Л. г.» вошёл в лит-ведение и его целесообразность практически не подвергается сомнению, содержание и границы по-прежнему остаются спорными. Смысловая значимость данного понятия заключается в том, что на его основе формируется представление о творч. процессе в лирике.

Проблема Л. г. в определённой мере затрагивалась и в работах мордов. исследователей В. В. Горбунова, А. В. Алёшкина, О. В. Кузнецовой, О. И. Нал-

деевой, А. М. Каторовой, Н. Н. Лёвиной, С. В. Шеяновой, С. П. Гудковой и др.

Наиболее яркий собират. образ Л. г., созвучный с образом самого автора и изображаемого им мира в целом, представлен в творчестве поэтов Мордовии И. М. Девина, И. Н. Кудашкина, С. В. Кинякина, А. В. Арапова, К. В. Смородина и др. Так, в отд. лирич. произв. Девина («Монь масторозе» — «Моя земля», «Кода парчень пандомс» — «Как добро твоё оплатить», «Сенемас» — «Синева», «Ичкоздень ки» — «Далёкий путь») передаются различные состояния внутр. мира, но в совокупности они формируют определённый тип лирич. характера. Л. г. Девина — сильный духом человек, крепко связ. с родной землёй. Л. г. Кинякина, давно ставший городским жителем, в воспоминаниях часто возвращается в деревенское детство и юность и задумывается о прожитых годах («Вальмат» — «Окна», «Васенцеда» — «Впервые»). Для него характерна жажда познания человек. жизни в разрезе мировой истории. Отличит. чертой поэм Кудашкина, сыгравшего заметную роль в развитии жанра лирич. поэмы в мордов. лит-ре («Лихтибратне шавихть пайкт» — «Родники бьют в колокола», «...А Волгась шуди» — «...А Волга течёт», «Тон прать, штоб эрямс (корхтнемат алязень марта)» — «Ты упал, чтобы жить (беседа с отцом)», «Апак кучт сёрмат» — «Неотправленные письма», «Пизел пораса толгьярмаст» — «Костёр рябины красной», и др.), стала цельность образа Л. г. Он искренен и честен с читателем, заставляет его думать и сопереживать. Л. г. Кудашкина присущи покоряющая душу доброта, любовь к Родине, стремление к человечности, осознание значимости взаимопонимания и поддержки людей. Он неподдельно радуется и весне,

и сиянию лета, и осени, и белоснежному убору зимы, всему тому, чем богата родная земля. Л. г. Арапова — это человек, умудрённый жизн. опытом, ощущающий себя частицей природы. С помощью данного образа поэт познаёт и раскрывает тайну внутр. мира человека, его душу, нередко закрытую от посторонних глаз. В лирич. поэзии Арапова слияние природного и внутр. мира Л. г. доходит до неразличимости, что подчёркивает единую сущность этих начал («Ушось авардсь-авардсь — лоткась...») — «Улица плакала-плакала — перестала...», «Прянтъ мон сорновтса...» — «Головой я трягну...», «Сезян куяр, кона мери лелей...» — «Сорву огурец, который скажет: брат...», и др.). Л. г. Смородина в процессе творч. развития автора приобретает новые черты и качества. Так, сначала для его Л. г. основополагающими являлись такие ценности, как мир детства, друзья, близкие люди, образ родного дома; он был счастлив от воспоминаний светлых дней прошлой жизни и благодарен ей за душевный покой, ощущение счастья. Радость бытия дополняло чувство взаимной любви, к-рая придавала его жизни светлые краски (лирич. циклы «Крымский цикл», 1986 — 2010; «Повторение пройденного», 1989 — 96). В дальнейшем, после утраты гл. ориентира в жизни (цикл «Второе дыхание», 2016), Л. г. Смородина заново учится видеть человек. суть («Раньше были души, как реки...»), понимать онтологич. основу рус. народа («Мы — русские и с нами Бог!»), давать отчёт своим чувствам и переживаниям («Всё казалось, что я — молодой», «Что мне Цветаева и Мандельштам...»), «Стихи — это формула моего состояния», и др.); он осознаёт ничтожность масштаба своих бед и мук по сравнению

с тем тернистым путём, к-рый прошёл Иисус Христос ради спасения человечества («Нет ни мечты, ни надежды...»). В целом Л. г. в лит. произв. играет важную роль посредника между читателем и изображ. поэтом миром или лит. маской автора, через лирич. «я» последний может показывать читателю, каким бы хотел быть сам.

Лит.: КЛЭ. Т. 4; ЛЭС; ЛЭТП; **Назаренко В. А.** О так называемом «лирическом герое» // Звезда. 1953. № 10; **Максимов Д. Е.** Образ поэта в лирическом творчестве // На рубеже. 1954. № 6; **Гуковский Г. А.** Реализм Гоголя. М.; Л., 1959; **Гинзбург Л. Я.** О лирике. М.; Л., 1964; **Горбунов В. В.** Поэзия — душа народа. Саранск, 1973; **Тынянов Ю. Н.** Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977; **Алёшкин А. В.** Единство традиций. Саранск, 1978; **Корман Б. О.** Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск, 1982; **Кузнецова О. В.** Формирование и развитие жанра поэмы в мордовской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1982; **Бройтман С. Н.** Лирический субъект // Введение в литературоведение: Лит. произведение: основ. понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. М., 2000; **Тодоров Л. В.** Новая педагогика изящной словесности для грядущего. М., 2003; **Штраус А. В.** Лирический герой (теоретический термин в поэтической практике) // Филолог. [Пермь]. 2005. № 1; **Роднянская И. Б.** Движение литературы. М., 2006. Т. 1; **Утяев А. Ф.** Лирический герой современной башкирской поэзии. Стерлитамак, 2012; **Налдеева О. И.** Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск, 2013; **Сахневич М. С.** К вопросу о формах авторского сознания в лирике // Вопросы рус. лит.-ры. [Симферополь]. 2014. № 29; **Иванова Е. Ю.** Опыт осмысления категории «лирический герой» в художественном мире поэта (некоторые аспекты) // Культура. Духовность. Общество. [Новосибирск]. 2015. № 19; **Каторова А. М.** «Второе дыха-

ние К. Смородина): обусловленность переживаний лирического героя жизненными перипетиями // Вест. НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ. [Саранск]. 2017. № 1 ; **Шеянова С. В.** Модель взаимодействия мира и лирического субъекта в поэзии Л. Рябовой (сборник «Кие тон?» («Кто ты?»)) // Вест. угроведения. [Ханты-Мансийск]. 2018. Т. 8, № 2 ; **Лёвина Н. Н.** Специфика выражения индивидуально-авторского сознания в поэзии В. Нестерова (на материале сборника «Пефтома паксать моронза» («Песни бесконечного поля»)) // Там же. № 4 ; **Гудкова С. П., Самойленко В. А.** Художественные особенности любовного лирического цикла в современной русской поэзии Мордовии // Там же. 2020. Т. 10, № 1 ; **Антонов Ю. Г., Карпов Н. В.** Мотивно-образный мир лирики Дмитрия Таганова // Ежегодник фин.-угор. исследований. [Ижевск]. 2022. № 3.

И. И. Шеянова.

EDN OYЕJQI

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ, в стихотв. произв. собеседник, сподвижник или адресат *лирического героя*; специфическое, в эстетич. смысле сложное и значимое явление поэзии. Возможность использования термина «Л. п.» при анализе лирич. произв. впервые была обоснована одним из ведущих отеч. теоретиков лит-ры Г. Н. Поспеловым. Он утверждал, что персонажи присутствуют в стихотворениях, где «объектом лирической медитации становится отдельная личность, воплощающая в себе характерность социального бытия, обладающая какими-то индивидуальными чертами, а иногда и собственным именем и поэтому достойная названия „персонажа“ произведения» (Поспелов Г. Н. Лирика среди литературных родов. М., 1976, с. 151). Учёный выделил особую разновидность лирики — «персонажную», к к-рой причислил послание, эпи-

грамму, мадригал, эпитафию, надпись на книге и др. стихотв. жанры, предполагающие обрисовку определённого лица. В нач. 21 в. целесообразность применения понятия «Л. п.» в лит-ведч. и метод. науке была аргументирована изв. учёным Л. В. Тодоровым.

Типология Л. п. достаточно разнообразна, может быть представлена как реальными ист. и биографич. лицами, так и вымышленными, порождёнными творч. воображением поэтов. Вместе с тем, по мнению Тодорова, Л. п. в зависимости от выполняемых ими функций можно объединить в две группы: самодостаточные и играющие подчинённую лирич. герою роль. Наиболее распростран. разновидностью самодостаточного Л. п. является собеседник лирич. героя, реальный или воображаемый, имеющий, как правило, немаловажное худож.-эстетич. значение. Прямые диалоги с персонажами-собеседниками в поэзии встречаются достаточно редко. Классич. пример — образ генерала, с к-рым беседует лирич. герой стих. «Железная дорога» Н. А. Некрасова. Этот персонаж введён автором для того, чтобы вернее и колоритнее выразить демократич. взгляды на роль народа в истории. Иногда собеседник необходим автору для более яркого выражения собств. мыслей и переживаний. В мордов. лит-ре образцом может служить стих. «Тонавтомак, тетяй, тонавтомак...» («Научи меня, отец, научи...») А. В. Арапова. Л. п., к к-рому прямо обращается герой, способствует отображению взглядов поэта на сложность чело-веч. взаимоотношений. Др. примеры, в частности, показа личных мироощущений при обращении поэта к Л. п., встречаются в сб. «Послания к Анне» К. В. Смородина: «Ты была бальзамом на мои язвы...», «Моё солнышко, моя

радость...», «Такая женщина, как ты, Анна...», «Я пишу тебе письма в стихах...» и др. Эти стихи наполнены, с одной стороны, любовью и нежностью, с др. — скорбью и тоской, обусловл. ранним уходом Л. п. из жизни. Поэтически обобщённый и в определённой мере идеализиров. образ любимой женщины (жены) отчасти отодвигает образ лирич. героя на второй план.

Классич. примером беседы лирич. героя с воображаемым собеседником является стих. «Попытка ревности» М. А. Цветаевой. Подобные персонажи имеются и в произв. писателей Мордовии, напр. «Бессонница, оставь меня в покое!» Смородина; «Русь» А. Моро; «Ойме ды рунго» («Душа и тело»), «Сокор седей» («Слепое сердце»), «Ойме» («Душа») и «Эрзянь масторонтень» («Земле эрзянской») Н. И. Ишуткина. В этих стихотворениях Л. п. изображается пунктирно, фрагментарно, вместе с тем в неразрывной связи с переживаниями лирич. героя.

Ойме

Мезе ёнов молят, ойме?
Кие, каня, тень ёвтасы?
Мекс а сыредят, а оймат?
Мекс кияк тень а содасы?
Зяро арсемат, кевкстемат
Пряпотмован яла якить!
Ванта, натой стихень темас
Сыть. Арсеман лаказь лакить.

(Ишуткин Н. И. Кочказь
произведения. Саранск, 2014.
Т. 1, с. 190)

(На что ты похожа, душа?
Кто-нибудь может это сказать?
Почему не стареешь, не уймёшься?
Почему этого никто не знает?
Сколько раздумий, вопросов
В голове моей бродит!
Смотри, даже темой стиха
Стала. Мысли бурлят.)

Функцион. роль Л. п., в т. ч. в процитиров. отрывке, сводится к более глубокому раскрытию и пониманию внутр. мира лирич. героя.

К Л. п., имеющим реальных прототипов, относятся образы всемирно изв. мордов. скульп. С. Д. Эрзы («Эрзя» П. Я. Бардина, «Эрзя» В. Ф. Егорова, «Ине Эрзянень пшкадема» — «Обращение к великому Эрзю» И. А. Калинин, «Степан Эрзя марто кортнема» — «Разговор со Степаном Эрзю» Р. С. Кемайкиной, «Пусмо» — «Букет» Д. Т. Надькина, «Эрзянь скульптуранза» — «Скульптуры Эрзы» А. П. Тяпаева, «Эрзя» В. Ю. Юшкина, и др.), легендарного лётчика М. П. Девятаева («Баллада о М. Девятаеве» Г. И. Сураева-Королёва), художника Ф. В. Сычкова («Перед картинами Сычкова» В. А. Гадаева), героини, спасшей ценой своей жизни мн. людей, Татьяны Бибиной («Таня» П. У. Гайни, «Таня» А. С. Малькина) и др. В целом в Л. п., являющемся особым, эстетически значимым и сложным образом поэзии, выражаются жизн. реалии и закономерности развития изящной словесности. Их многообразие позволяет всесторонне представить систему взглядов на мир, размышления, чувства и переживания людей определённой эпохи и среды.

Лит.: *Поспелов Г. Н.* Лирика среди литературных родов. М., 1976; *Его же.* Вопросы методологии и поэтики. М., 1983; *Бройтман С. Н.* Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М., 1997; *Исакова И. Н.* О субъектной организации и системе персонажей в лирике // Филол. науки. 2003. № 1; *Тодоров Л. В.* Новая педагогика изящной словесности для грядущего. М., 2003; Введение в литературоведение: уч. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек [и др.]. М., 2004; Лирический персонаж // Сб. уч.-метод. материалов по курсу «Основы теории лите-

ратуры» / сост. Л. Г. Кихней. М., 2006. URL: <http://textarchive.ru/c-1832071-p3.html> (дата обращения: 17.07.2024).

А. М. Каторова.

EDN OYLXWU

ЛИТЕРАТУРА ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, одна из разновидностей мордов. лит-ры 19 — нач. 20 в., переводы рус. христ.-религ. произв.: катехизисов, Евангелия, библейских притч, молитв, рассказов о религ. праздниках и др. вероучит. материалов. Выпускалась в г. Москве, С.-Петербурге, Казани в виде отд. книг тиражом 1 — 2 тыс. экз., а также пособий, предназнач. для церковнослужителей и учителей мордов. классов в сельских шк., уч-щах и семинариях. К наиболее ранним изд. относятся: «Жертва ... Александру Первому... приносимая от Казанской академии, 1801 года, сентября дня» (М., 1801), «Сокращённый катехизис, переведённый в пользу мордвов на их природный язык, для удобнейшего им уразумения православного христианского языка, с присовокуплением некоторых молитв и символа веры» (М., 1804), «Тевть святойть апостолтнень кучовкст... Сёрмадозь эрзянь кельсэ... Петербургсо, типографиясо Николаень Гречань, 1827 иень» и др. Первыми переводчиками произв. христ. просвещения на мордов. яз. были рус. священники и преподаватели инородч. семинарий, владевшие мокш. и эрз. яз. (А. И. Охотин, А. И. Тюменев, Н. П. Барсов и др.). С организацией в Казани Переводч. комиссии Правосл. миссионерского об-ва при Братстве святителя Гурия к подготовке, изданию и пер. Л. х. п. стали привлекаться первые мордов. просветители и учёные А. Ф. Юртов, М. Е. Евсевьев и др. Юртову принадлежит пер. на эрз. яз. «Священной истории Ветхого и Нового Завета» (Каз., 1880) и

создание «Букваря для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки» (Каз., 1884). В пер. Евсевьева вышли «Букварь для мордвы-мокши», «Букварь для мордвы-эрзи» и «Первоначальные учебники русского языка» для мокши и эрзи с включением в них «Рассказов о двенадцатых праздниках» (1892, 1897). Братством святителя Гурия с 1867 до нач. 20 в. было издано более 20 книг переводной мордов. Л. х. п., в т. ч. в одну из книг в пер. Евсевьева на эрз. яз. вошли все четыре Евангелия — «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на мордовском языке» (Каз., 1910). Выпуском Л. х. п. была заложена традиция книгоизд. дела на мокш. и эрз. яз. (см. *История мордовской книги*). Этот вид лит-ры явился также первонач. формой выработки лит. норм мордов. яз., важным средством закрепления в нац. среде выверенных временем нравств. положений христианства как общечеловеч. или, по крайней мере, наиболее распростран. ориентиров. В нач. 1990-х гг. выпуск Л. х. п. на мокш. и эрз. яз. был возобновлён при активном содействии *Института перевода Библии*. См. также *Библия*.

Лит.: *Алёшкин А. В.* Формирование мордовского историко-литературного процесса // Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995 ; *Кубанцева И. А.* Переводные книги XIX в., используемые в просвещении мордвы // Интеграция образования. [Саранск]. 2013. № 4 ; *Дёмин В. И.* Первые письменные памятники народов Поволжского региона // Регионоведение. [Саранск]. 2015. № 1.

А. В. Алёшкин.

EDN PDNJRХ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА, жанр авт. фантастич. лит. произведения, берущий начало в нар. сказке и заимствующий у

неё в качестве жанрообразующего фактора концепцию «сказочной реальности», не имеющей науч. характера. Л. с. как жанр худож. лит-ры стала выделяться в отеч. энциклопедиях и словарях в кон. 20 в., хотя её изучение началось в 19 в. после выхода в свет сказок А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, П. П. Ершова и др.; вместе с тем чёткого разграничения нар. и лит. сказки в то время не было. Особый интерес к Л. с. возник у исследователей во 2-й пол. 20 в. (фундаментальные работы И. П. Лупановой, Т. Г. Леоновой, М. Н. Липовецкого и др.). Новый этап изучения начался на рубеже 20 — 21 вв. в связи с увлечением данным жанром писателей-постмодернистов, существенно расширивших его границы и внёсших в содержание элементы притчи, легенды, фэнтези, детектива. В отеч. лит-ведч. науке есть неск. систематизаций Л. с., основ. на разных концепциях. Наиболее удачной, на наш взгляд, является классификация И. Н. Райковой, к-рая выделяет по аналогии с народными сказками о животных, волшебные, бытовые, авантюрные; с учётом пафоса — героич., лирич., юмористич., сатирич., филос., психол.; на основе близости к др. лит. жанрам — сказки-поэмы, сказки-новеллы, сказки-повести, сказки-притчи, сказки-пьесы, сказки-пародии, науч.-фантастич. сказки, сказки абсурда и др. (ЛЭТП, с. 459).

Формированию мордов. Л. (авт.) с. предшествовал опыт худож. обработки/переработки устно-поэтич. сказочных сюжетов. В этом плане заслуживает внимания сб. «Мордовские народные сказки» С. В. Аникина (СПб., 1909), где представлены творчески переработ. и перевед. на рус. яз. произв. Впоследствии примеру Аникина последовал З. Ф. Дорофеев, создавший на основе сюжетов нар. сказок неск. собственных. Первой

наиболее значимой в худож.-эстетич. плане мордов. Л. с. является «Эрьмезь» Я. Я. Кулдуркаева (Саранск, 1935), к-рую регион. лит-веды долгое время относили к жанру эпич., героич., поэмы по мотивам устного нар. творчества. Наибольшее развитие Л. с. в мордов. лит-ре получила во 2-й пол. 20 в. в творчестве Ф. С. Атянина, Д. С. Куляскина, С. М. Люлякиной, Я. М. Пинясова, Т. Д. Тимохиной; в кон. 20 — нач. 21 в. — Н. Б. Голенкова, А. Ф. Ежова, В. И. Мишаниной, П. Е. Родькиной, Л. П. Седойкина, М. А. Тарасовой, Н. Я. Тремасова и др. Мордов. Л. с. исследовал А. В. Ерёмкин. Им обоснованы следующие её жанровые признаки: синтетичность, проявляющаяся в сочетании особенностей фольклора и письм. лит-ры, жанровых свойств сказки и басни, а также рус. и мордов. мифологий; расширение рамок сказочного пространства и времени, обусловл. привнесением совр. действительности; передача функции рассказчика осн. герою; перевоплощение сказочных персонажей в чelовеч. образы; создание новых образов, не встречающихся в нар. сказке; повышение роли диалогов (см. *Диалог*); образность и специфич. афористичность языка; повествование о невероятном как реально возможном в форме рассказа о достоверных событиях (Ерёмкин А. В. Поэтика мордовской литературной сказки. М., 2008, с. 6). В мордов. лит-ре встречаются такие разновидности Л. с., как сказка абсурда («Шобдanh лихнить» — «Выносящие темноту», «Бохаряму квасонкса» — «В погреб за квасом» Родькиной); сказка-аллегория («Куйгорож» Мишаниной), сказка-басня («Кяльготнесь эсь прянец» — «Сама себя обманула» Ежова, «Сеель ды ривезь» — «Ёж и лиса» Люлякиной); сказка-быль («Ёронь юромста стирня» — «Девочка из племени перепёлки» Мишаниной);

сказка-легенда («Постуфонь стирь» — «Дочь пастуха» Атянина, «Сиянь ракукундя» — «Серебряная ракушка» Мишаниной); сказка-новелла («Мрдань эсь велезон» — «Вернулся в свою деревню» Родькиной); сказка-поэма («Лундан» Ежова); сказка-притча («Келазень орхт» — «Лисьи шубы» Голенкова, «Козя аля» — «Богатый мужик», «Бславама» — «Благословение», «Керня» — «Кузовок» Родькиной); сказка-повесть («Сельведь-богатырь» — «Слеза-богатырь» Атянина); сказка-рассказ («Павазонь крандаз» — «Телега счастья» Голенкова). Все они имеют специфику, обусловл. индивидуально-авт. стилем писателей и тематикой, вместе с тем обладают нравоучит.-дидактич. характером, способствующим воспитанию детей в соответствии с принципами нар. педагогики.

Лит.: *Мещерякова М. И.* Краткий словарь литературных терминов. М., 1998 ; ЛЭТП ; *Самошкин С. А.* Мордовская детская литература. Саранск, 1970 ; *Лупанова И. П.* Современная литературная сказка и её критики. [Б. м.], 1981 ; *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в её отношении к народной сказке : (Поэтич. система жанра в ист. развитии). Томск, 1982 ; *Липовецкий М. Н.* Поэтика литературной сказки : (На материале рус. лит-ры 1920 — 1980-х гг.). Свердловск, 1992 ; *Имангулова Л. М.* Поэтика жанров современной мордовской детской литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1995 ; *Овчинникова Л. В.* Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001 ; *Шустов М. П.* Сказочная традиция в русской литературе XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новгород, 2003 ; *Ерёмки А. В.* Поэтика мордовской литературной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2008 ; *Сухорук Е. А.* Соотношение понятий «фольклорная — литературная — авторская сказка» (на примере современных экологических автор-

ских сказок) // Вест. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитар. науки. 2014. Вып. 19 ; *Абашева М. П., Зырянова А. И.* Литературная сказка в исторической и методологической перспективе // Вест. Удм. ун-та. 2019. Т. 29, вып. 2 ; *Кабанова Н. Г.* Поэтика современной русской литературной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2022.

А. М. Каторова.

EDN PEUSLT

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС, ист. существование, функционирование и эволюция худож. лит-ры Мордовии как в определённый период, так и на всём протяжении её зарождения, формирования и развития. Л. п. каждой ист. эпохи включает в себя социально, идеологически и эстетически разнокачественные словесно-худож. произв. — от образцов нар. устно-поэтич. творчества до разновременных произв. собственно лит. происхождения, а также формы их обществ. бытования — отд. издания, публикации, фиксируемые в науч., просветит. и мемуарной лит-ре, критику литературную, отзывы читателей и др. разновидности печатных откликов о произв. или явлениях истории словесно-худож. культуры населяющих Мордовию народов. Как непрерывно развивающееся явление культурной жизни Л. п. Мордовии складывался во 2-й пол. 19 в. на основе лит-ры трёх народов — мордвы, русских и татар. До Окт. рев. 1917 Л. п. каждого из этих народов возникал и функционировал по-разному. Мордов. лит-ра вплоть до 1917 ввиду отсутствия книгоизд. базы выпускалась в основном в г. Москве, С.-Петербурге и Казани в виде спорадически появляющихся сб-ков произв. учащихся духовных уч-щ и семинарий, переводных изд. Евангелия, зачатков лит-ры духовно-светского содержания,

публикаций фольклора, рассказов, повестей и поэтич. произв. русскоязычных мордов. литераторов (З. Ф. Дорощеева, С. В. Аникина, С. В. Кондурушкина и др.). Особенностью формирования Л. п. на мордов. яз. является позднее включение в него мн. писательских имён и произв., спустя годы, даже десятилетия после их создания или первой публикации (большое число дорев. стихотворений Дорощеева, рассказы и повести Аникина, Кондурушкина, А. И. Завалишина). Типология возникновения и развития лит-ры на мордов. яз. обуславливает отнесение нац. Л. п. к смеш. историко-культурному типу. В этом смысле специфич. элементом формирования мордов. Л. п. стали явления, к-рые в масштабах истории лит-ры Мордовии длит. время были изъяты из сферы лит. творчества по идеологич. причинам. Таким было, напр., отношение к *литературе христианского просвещения*, зарождавшейся лит-ре духовно-светского характера, к печатным образцам т. н. нар. лит-ры и русскоязычной мордов. лит-ры кон. 19 — нач. 20 в. Особенностью развития мордов. Л. п. является первонач. возникновение произв. реалистич. лит-ры на мокш. и эрз. яз. за пределами Мордовии и на рус. яз. (творчество Аникина в Саратове, Завалишина на Урале и в Москве, Кондурушкина в С.-Петербурге).

Важная сторона Л. п. Мордовии — взаимодействие худож. лит-ры с ист., идеологич. и науч. явлениями. Так, возникновение традиций мордов. лит-ры христ. просвещения на протяжении 18 — 19 вв. было связано с процессом христианизации мордов. народа. Неотъемлемым компонентом Л. п. Мордовии в 20 в., как и всей сов. лит-ры, стал факт борьбы за утверждение социалистич. реализма в качестве общего творч. метода нац. лит-р СССР.

В ист.-лит. смысле Л. п. как таковой в Мордовии начал осознаваться лишь в 1960-е гг., что нашло отражение в «Истории мордовской советской литературы» (1968 —74), где понятие о нём связывалось лишь с лит-рой сов. времени. Важным этапом науч. осмысления мордов. Л. п. явилась 2-я пол. 20 в., в частности работы филологов Мордовии А. П. Феоктистова, Н. И. Черепкина, В. В. Горбунова, А. В. Алёшкина и др. В них он был представлен в ист. целостности, с учётом двухстадиальных (фольк.-худож. и лит.-худож.) особенностей формирования и развития. С кон. 20 в. с появлением новых иссл. время возникновения Л. п. стало соотноситься с зарождением мордов. письменности и книгоизд. дела на мокш. и эрз. яз.

Большое значение в эволюции Л. п. имеет наследование лит.-худож. традиций, игнорирование этой особенности приводит к искажениям характера ист. преемственности в лит. развитии словесно-худож. культуры народа. Так, в сов. эпоху почти на всём протяжении 20 в. было принято считать, что до Окт. рев. 1917 мордва не имела ни письменности, ни лит-ры. Совр. лит.-ведение Мордовии пересмотрело эту концепцию, начав отсчёт истории мордов. лит-ры с 18 в., с первых публикаций произв. нар. устно-поэтич. творчества и отд. произв., посвящ. важным событиям в истории России.

Важный компонент Л. п. Мордовии — интенсивное развитие рус. и русскоязычной лит-ры мордов. писателей. Включение рус. лит-ры Мордовии в общую динамику формирования Л. п. в мордов. крае происходило в кон. 18 — нач. 19 в., когда из среды рус. населения региона стало выделяться первое поколение писателей. Одним из них был поэт и издатель Н. М. Струйский, от-

крывший в 1788 типографию в Рузаевке. В ней печатались его собств. стихи, произв. поэта И. М. Долгорукова, являвшегося в 1791 — 96 пензенским вице-губернатором и посещавшего Рузаевку. Типографией было выпущено более 30 книг, включавших отд. произв. самого Струйского и ряда др. литераторов того времени. В 1-й пол. 19 в. в Москве и С.-Петербурге начал активно печататься уроженец г. Шишкеева Инсарского у. Пензенской губ. рус. поэт и лит.-вед В. М. Перевощиков, автор кн. «Опыты Василия Перевощикова» (1822), в к-рую, кроме поэтич. произв., вошли его лит.-ведч. работы, в т. ч. «Три рассуждения о теории словесности» и «Житие князя Якова Фёдоровича Долгорукова», а также различные переводы. Почти в это же время в С.-Петербурге и Москве стали издаваться работы его родного брата — журналиста, математика и астронома Д. М. Перевощикова, автора соч. «Арифметика для начинающих» (1820), «Слово о неподвижных звёздах» (1826), «Теория планет» (1863). Из рус. литераторов 19 в. вклад в оживление лит. жизни мордов. края внесли также поэт А. А. Комаров; архивист, один из основоположников краеведения в мордов. крае Г. П. Петерсон; поэт, очеркист и мемуарист Н. М. Сатин; прозаик и драматург И. А. Сатин; поэт, критик и музыкант Д. Ю. Струйский; литератор-краевед А. Ф. Селиванов; рус. мемуарист Н. А. Тучкова-Огарёва, дочь декабриста А. А. Тучкова; драматург и переводчик Н. Н. Енгальчев; поэт, философ и критик Д. Н. Цертелев. Развитие рус. лит.-ры Мордовии 20 в. определялось творчеством таких рус. поэтов и писателей, как Н. С. Клементьев, И. Г. Осьмухин, И. А. Янюшкин, П. Я. Машканцев, А. А. Соболевский, А. Ф. Косенков, культурологов и лит.-ведов

И. Д. Воронина, С. С. Конкина, длит. время жившего и работавшего в Мордовии выдающегося лит.-веда современности М. М. Бахтина. Заметный вклад в развитие рус. лит.-ры Мордовии внесли Л. Г. Васильев и Н. Л. Васильев. Из Мордовии вышел ряд учёных, имена к-рых впоследствии стали широко изв. в академич. рос. лит.-ведении — Н. А. Гуляев, С. М. Петров, П. А. Николаев и др. Развитие совр. рус. лит.-ры Мордовии определяется творчеством А. И. и К. В. Смородиных, К. А. Тангалычева, А. А. Бажанова, А. В. Зевайкина, Г. Н. Петелина, Н. М. Мирской, Н. С. Рузанкиной и др.

Участие тат. лит.-ры в формировании Л. п. в республике в основном относится к 20 в. В более ранние периоды, в т. ч. в 19 в., тат. писатели печатались в Казани, Москве и С.-Петербурге. В 20 в. заметный вклад в развитие Л. п. Мордовии внесли её уроженцы: писатель и драматург Ш. Камал; поэт Х. Такташ, один из зачинателей тат. сов. поэзии; прозаик А. С. Абсалямов; журналист и поэт, погибший в годы Вел. Отеч. войны, А. С. Симаев; журналист и писатель Ф. Н. Агиев.

В целом Л. п. Мордовии представляет собой сложное многоац. явление, неравномерно и неоднозначно развивавшееся в различные периоды истории мордов. края.

Лит.: Черепкин Н. И. В братском содружестве. Саранск, 1969; Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения. Л., 1974; Литературный процесс / под ред. Г. Н. Пospelова. М., 1981; Горбунов В. В. Признание. Саранск, 1984; Хализев В. Е. Литературный процесс. М., 1987; Методология анализа литературного процесса / отв. ред. Ю. Б. Борев. М., 1989; Алёшкин А. В. Формирование мордовского историко-литературного процесса // Мордва: ист.-культура. очер-

ки. Саранск, 1995 ; **Полякова Л. В.** История литературы или литературный процесс? Контур проблем // Вест. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 1997. № 1 ; **Елина Е.** О соотношении понятий «литературный процесс» и «литературная жизнь» // Вопросы лит-ры. 1998. № 3 ; **Зырянова О. Н.** Совре-

менный литературный процесс: основные тенденции развития. Красноярск ; Лесосибирск, 2023.

А. В. Алёшкин.

Продолжение следует

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

авт. — автор; авторский
букв. — буквальный; буквально

быв. — бывший

в. — век

Вел. Отеч. война — Великая Отечественная
война 1941 — 1945 гг.

вок. — вокальный

в т. ч. — в том числе

г. — город (при названии)

газ. — газета (при названии)

гг. — годы (в датах)

геогр. — географический

гл. — главный

гл. обр. — главным образом

гос. — государственный

губ. — губерния (в названии)

дет. — детский

дир. — директор

дис. — диссертация

док-ты — документы

д-р — доктор

Др. — Древний

др. — другой

ж. — журнал (при названии)

зав. — заведующий

заруб. — зарубежный

засл. — заслуженный

з-д — завод

и др. — и другие

изв. — известный; известен

изд. — издание; издатель; издательский

изд-во — издательство

им. — имени

иск-во — искусство

иссл. — исследование; исследовательский

ист. — исторический

итал. — итальянский

канд. — кандидат; кандидатский

кн. — книга (при названии); книжный

кол-во — количество

* В именах прилагательных допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-альный», «-ельный», «-анный», «-енный», «-еский», «-ионный», «-ный».

- кон. — конец (в датах)
 кооп. — кооперативный
 корр. — корреспондент
 крест. — крестьянский
 к-рый — который
 к-т — комитет
 лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 лит-вед — литературовед
 лит-ведение — литературоведение
 лит-ра — литература
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 мл. — младший
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 монг. — монгольский
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 муж. — мужской
 Н. — Нижний (в топонимических названиях)
 наз. — называется; называемый
 назв. — название
 напр. — например
 нар. — народный
 науч. — научный
 нац. — национальный
 нач. — начало (в датах); начальный
 нач. — начальник
 нек-рый — некоторый
 неск. — несколько
 нояб. — ноябрь
 об-во — общество
 обл. — область, областной (в названии)
 окт. — октябрь; октябрьский
 опубл. — опубликован; опубликованный
 орг-ция — организация
 отв. — ответственный
 отд. — отдельный
 отеч. — отечественный
 парт. — партийный
 пед. — педагогический
 пер. — перевод
 пов. — повесть (при названии)
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 пом. — помощник
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 преимущ. — преимущественно
 произв. — произведение
 пром-сть — промышленность
 просветит. — просветительский
 проф. — профессиональный
 психол. — психологический
 публиц. — публицистический
 р. — река (при названии)
 рев. — революция; революционный
 ред. — редактор
 ред. — редакция
 реж. — режиссёр (при имени)
 религ. — религиозный
 респ. — республика; республиканский
 р-н — район (в названии)
 род. — родился
 ром. — роман (при названии)
 рос. — российский
 рук. — руководитель
 рус. — русский
 с. — село (при названии)
 сб. — сборник (при названии)
 сб-к — сборник
 сев. — северный
 секр. — секретарь
 сер. — середина (в датах)
 скульп. — скульптор (при имени)
 слав. — славянский
 сов. — советский
 совм. — совместный; совместно
 совр. — современный
 соч. — сочинение
 С.-Петербург — Санкт-Петербург
 ср.-век. — средневековый
 стих. — стихотворение (при названии)
 стихотв. — стихотворный
 стр-во — строительство
 тат. — татарский
 терр. — территория
 т. е. — то есть
 т. к. — так как

т. н. — так называемый	хоз. — хозяйственный
тыс. — тысяча	хоз-во — хозяйство
у. — уезд (в названии)	христ. — христианский
удм. — удмуртский	худож. — художественный
ун-т — университет	церк. — церковный
уч. — учебный	чл. — член
уч-ще — училище	шк. — школа; школьный
фам. — фамилия	экз. — экземпляр
филол. — филологический	экон. — экономический
филос. — философский	эмоц. — эмоциональный
фин.-угор. — финно-угорский	эрз. — эрзянский
фольк. — фольклорный	яз. — язык; языки
ф-т — факультет	

АББРЕВИАТУРЫ

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) (1925 — 52)	обллит — областное управление по охране государственных тайн в печати
ВПШ — Высшая партийная школа	ПТУ — профессионально-техническое училище
вуз — высшее учебное заведение	рабфак — рабочий факультет
горисполком — исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся	РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия (1918 — 46)
МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика (1934 — 90)	РМ — Республика Мордовия
МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт	РФ — Российская Федерация
МТС — машинно-тракторная станция	СМ — Совет министров
НИИ — научно-исследовательский институт	СП — Союз писателей
	СССР — Союз Советских Социалистических Республик
	УПТМН — «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»

СОКРАЩЕНИЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

<p>авт. — автор автореф. — автореферат б. м. — без места Вест. — Вестник вып. — выпуск журн. — журнал кн. — книга Л. — Ленинград Лит. — Литература М. — Москва</p>	<p>под ред. — под редакцией предисл. — предисловие сост. — составитель; составление Соч. — Сочинения СПб. — Санкт-Петербург справ. — справочник стб. — столбец т. — том ч. — часть энц. — энциклопедический</p>
---	--

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

<p>КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М., 1962 — 1978. Т. 1 — 9.</p> <p>ЛЭ. СЛТ — Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов / под ред. Н. Бродского [и др.]. М. ; Л., 1925. Т. 1 — 2</p> <p>ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987</p> <p>ЛЭТП — Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003</p>	<p>ЛЯ — Литература и язык : Совр. иллюстриров. энц. / гл. ред. А. П. Горкин. М., 2006</p> <p>ПМ — <i>Брыжинский А. И.</i> Писатели Мордовии : библиограф. ук. / А. И. Брыжинский, О. В. Пашутина, Е. И. Чернов. Саранск, 2001 ; Писатели Мордовии : библиограф. ук. / сост.: А. И. Брыжинский, Л. П. Бойнова, Е. И. Чернов. Саранск, 2015. Т. 1 — 2.</p>
--	--

*Информация об авторах проекта «Литературная энциклопедия Мордовии».
Буква «Л»*

*Information about the authors project «Literary Encyclopedia of Mordovia».
Part Л*

Алёшкин Андрей Васильевич — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Aleshkin Andrey Vasilyevich — Literary Critic, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктор педагогических наук, профессор, г. Саранск, Россия, amkatorova@mail.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Leading Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Saransk, Russia, amkatorova@mail.ru

Шеянова Ирина Ивановна — старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, shejanova.irina@yandex.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Senior Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Saransk, Russia, shejanova.irina@yandex.ru

ISSN 2077-3579 (Print)

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ
EVENTS. FACTS. COMMENTARY

EDN PGSWLK

*Научный отчет***РЯЗАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ****Е. Н. Струкова, И. С. Кучанов**✉Государственная публичная историческая библиотека России,
г. Москва, Россия
✉ilyask80@shpl.ru*Scientific report***RYAZANOV READINGS AT HISTORICAL LIBRARY****E. N. Strukova, I. S. Kuchanov**✉State Historical Public Library of Russia,
Moscow, Russia
✉ilyask80@shpl.ru

15 — 16 апреля 2024 г. в Центре социально-политической истории — филиале Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ) России состоялись Десятые Рязановские чтения «Люди, изменившие мир: памяти В. И. Ленина».

Рязановские чтения — ежегодная научная конференция ГПИБ России. Чтения посвящены памяти первого директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса, ученого, социал-демократа и общественного деятеля Д. Б. Рязанова (1870 — 1938). Первые Рязановские чтения состоялись в 2011 г. в связи с 140-летием со дня рождения Д. Б. Рязанова¹. Традиция была возобновлена в 2015 г.

Тематика I Рязановских чтений ориентировалась в основном на раскрытие музейных, архивных и библиотечных коллекций. II Рязановские чтения были озаглавлены «Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства»², III Рязановские чтения носили название «Предваряя Революцию: книж-

¹ Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870 — 1938): к 140-летию со дня рождения: материалы науч. конф.: Первые Рязановские чтения в честь основателя ГОПБ — Давида Борисовича Рязанова, [апрель 2011 г.]. М., 2011. 256 с.

² Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства: материалы науч. конф. «Вторые Рязановские чтения», 18 — 19 марта 2015 г. М., 2016. 199 с.

ные, архивные и музейные коллекции»³, IV чтения — «На пороге перемен»⁴ — также были посвящены указанной тематике.

В 2019 г. V Рязановские чтения были посвящены 100-летию Коминтерна. С этого времени тематика чтений приобретает общеисторический характер. V Рязановские чтения стали важной вехой в праздновании 100-летия международной коммунистической организации⁵.

VI Рязановские чтения объединили несколько памятных дат: 150-летие со дня рождения В. И. Ленина и Д. Б. Рязанова, а также 200-летие со дня рождения Ф. Энгельса⁶. VII чтения прошли в год 100-летия создания Института К. Маркса и Ф. Энгельса⁷. Политическому образованию и самообразованию были посвящены VIII Рязановские чтения⁸.

Биографические исследования стали основой докладов IX Рязановских чтений⁹. Эту традицию продолжили X Рязановские чтения.

В X Рязановских чтениях приняли участие 84 докладчика из России, Беларуси, Франции и Китая. В рамках конференции работали четыре секции: «Памяти В. И. Ленина», «Государство и общество», «Революция и революционеры»; студентов и аспирантов объединила «Молодежная секция».

С приветственным словом к участникам конференции обратились директор Государственной публичной исторической библиотеки М. Д. Афанасьев и ректор Российского государственного социального университета А. Л. Хазин. М. Д. Афанасьев подчеркнул важность преемственности традиций. В свою очередь А. Л. Хазин уделил внимание историческому комплексу зданий, в котором проходила конференция, а также возрождающемуся Музею Коминтерна.

В докладах пленарного заседания были обозначены основные проблемы, которые впоследствии обсуждались на конференции. Доклад профессора кафедры истории России Государственного университета просвещения (ГУП) доктора исторических наук Д. В. Маслова был посвящен личности В. И. Ленина и пониманию его деятельности на современном этапе. О становлении научной археографии В. И. Ленина и роли С. Н. Валка в этом рассказал главный специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ доктор исторических наук профессор М. В. Зеленев.

³ Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы науч. конф. «Третье Рязановские чтения», 19 февраля 2016 г. М., 2017. 246 с.

⁴ На пороге перемен: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы науч. конф. «Четвертые Рязановские чтения», 15 — 16 марта 2018 г. М., 2020. 224 с.

⁵ Время Коминтерна: материалы междунар. науч. конф. к 100-летию Коммунистического Интернационала: [Пятое Рязановские чтения]. М., 2020. 352 с.

⁶ VI Рязановские чтения: материалы междунар. науч. конф. [«Книга и революция»], 28 — 30 октября 2020 г. М., 2021. 314 с.

⁷ VII Рязановские чтения: материалы междунар. науч. конф.: [100 лет Институту К. Маркса и Ф. Энгельса], 21 — 23 апреля 2021 г. М., 2023. 314 с.

⁸ VIII Рязановские чтения: материалы науч. конф. «Школа революции: политическое образование и самообразование во второй половине XIX — начале XX века», 26 — 27 апреля 2022 г. М., 2023. 268 с.

⁹ IX Рязановские чтения: материалы науч. конф. «Биография в истории: к 100-летию Института В. И. Ленина», 20 — 21 апреля 2023 г. М., 2024. 272 с.

Традиционной темой Рязановских чтений является история Коминтерна. Лейпцигскому процессу над Георгием Димитровым был посвящен доклад ассоциированного исследователя Бизнес-школы г. Ренна (Франция) доктора исторических наук Гаэль-Жоржа Муллека.

Ключевая тема всех Рязановских чтений — личность и деятельность основателя Института К. Маркса и Ф. Энгельса Давида Борисовича Рязанова. «Д. Б. Рязанов и первое русское издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса» — так был озаглавлен доклад главного специалиста РГАСПИ, руководителя группы по подготовке международного Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА) кандидата эконмических наук Л. Л. Васиной.

На секции «Памяти В. И. Ленина» выступили 28 участников. Заседание открыли известные ученые профессор кафедры истории России новейшего времени РГГУ доктор исторических наук И. А. Анфертьева с докладом «Отношение В. И. Ленина к „Рабочей оппозиции“. 1920 — 1922 гг.» и главный специалист РГАСПИ доктор исторических наук П. Ю. Савельев с докладом «Отношение В. И. Ленина к Государственной думе и партийной фракции в ней».

В целом, участники секции отметили многогранную деятельность первого руководителя Советского государства. Профессор кафедры истории России ГУП доктор исторических наук Н. И. Суханова посвятила выступление В. И. Ленину как теоретика раннесоветской государственности. Доклад профессора кафедры «Социально-гуманитарные науки» Вавиловского университета (г. Саратов) доктора исторических наук Н. В. Шалаевой был озаглавлен «В. И. Ленин и культурная революция: теория и практика большевиков». В заключительном докладе первого дня заседания профессор кафедры истории России ГУП доктор исторических наук Л. Н. Лазарева обратила внимание участников конференции на «ленинские» лекала «сталинского» этапа догоняющей модернизации.

Интересная полемика развернулась вокруг доклада доцента кафедры истории России ГУП кандидата исторических наук В. А. Ермакова «Философский анализ Н. А. Бердяевым и И. А. Ильиным личности В. И. Ленина и влияния коммунизма на российский исторический процесс».

В первый день конференции также начала работу секция «Государство и общество». В рамках двухдневного заседания были представлены 24 доклада. Большой интерес вызвал доклад инженера-исследователя СПбГУ Сунь Ичжи «Пробольшевистский журналист Э. Е. Магарам: некоторые вопросы о его биографии и журналистской деятельности в Шанхае».

Секция собрала много ярких и интересных исследователей. В центре внимания были известные государственные и общественные деятели — советский педагог Н. М. Парфенова (докладчик — старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела ГИМ кандидат исторических наук Н. Н. Чевтайкина), ученый В. И. Покровский (советник фонда «Русский мир» кандидат исторических наук Б. В. Царьков), народный комиссар РСФСР К. И. Ландер (доцент кафедры истории России ГУП кандидат исторических наук Д. Д. Богоявленский), ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада М. Я. Фрумкина (аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова О. Д. Павлов). Также в рамках секции рас-

смотрела вопросы государственного строительства заместитель заведующего кафедрой гуманитарных и социальных наук РГУ-МИРЭА кандидат исторических наук доцент Е. Б. Беспятова в докладе «„Спасение республики в торфе“, или Стратегия электрификации России». В центре внимания главного специалиста Центра документации новейшей истории Волгоградской области Е. Л. Головиной находились ленинские декреты и развитие советской противоэпидемической работы в 1920 — 1940-е гг. (на материалах Сталинградской области).

Во второй день работы конференции на секции «Революция и революционеры» были представлены 13 докладов широкого спектра — от нелегальных ученических организаций России начала XX в. (доцент кафедры отечественной и всеобщей истории и социально-гуманитарных дисциплин Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна) кандидат исторических наук Н. С. Ватник) до деятельности и взглядов испанского коммуниста-реформатора Сантьяго Карильо (аспирант СПбГУ П. Н. Каторжевский). Большой интерес вызвали сообщения старшего научного сотрудника отдела собрания фондов музея В. И. Ленина ГИМ кандидата исторических наук З. М. Рубининой «Версия визуальной биографии исторического деятеля в определенном музейном собрании (на примере фотографической коллекции Центрального музея В. И. Ленина „Портретура И. В. Сталина“» и независимого исследователя А. Н. Богдановой «Работы И. Л. Гельфанда (Парвуса) в фондах ЦСПИ ГПИБ России: проблемы библиографического исследования». Оживленную полемику вызвал доклад аспиранта Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) И. М. Важенина «Критика позиции Л. Троцкого по „русскому вопросу“ на конференциях международного троцкистского движения (1930 — 1940 гг.)». Докладчик аргументировано ответил на все поставленные вопросы.

В рамках X Рязановских чтений также работала молодежная секция — площадка для пробы сил начинающих исследователей. Секция собрала 15 докладов, большинство из которых подготовили студенты и аспиранты РГСУ, ГУП и СПбГУ. Многие сообщения были сделаны на высоком уровне.

Чтения завершились презентацией книги «Рой Медведев. „Красный диссидент“» (М., 2024). Издание представляет собой литературную запись многочасовых бесед Роя Медведева со швейцарским историком Барбарой Мартин и российским филологом Олегом Устиновым.

Некоторые доклады участников X Рязановских чтений будут опубликованы в научном журнале «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».

Приглашаем к участию в дальнейших конференциях специалистов в области новейшей истории России. Информационное письмо по поводу XI Рязановских чтений будет размещено на официальном сайте ГПИБ (<https://www.shpl.ru/>) в начале 2025 г. Со всеми вопросами по поводу конференции можно обратиться в постоянно действующий Оргкомитет по электронной почте (rcht@shpl.ru).

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 17.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.

Информация об авторах:

Елена Николаевна Струкова, заведующая Центром социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/2), кандидат исторических наук, stru@ Rambler.ru

Илья Семенович Кучанов, главный библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки России (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/2), кандидат исторических наук, ilyask80@shpl.ru

Information about the authors:

Elena N. Strukova, Deputy Head of the Center for Socio-Political History the State Public Historical Library of Russia (4/2 Wilhelm Peak Str., Moscow 129226, Russia), Candidate of Historical Sciences, stru@ Rambler.ru

Ilya S. Kuchanov, Chief Librarian of the State Public Historical Library of Russia (4/2 Wilhelm Peak Str., Moscow 129226, Russia), Candidate of Historical Sciences, ilyask80@shpl.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ OUR ANNIVERSARIES

EDN TARPCR

Персоналия

«В ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДА ЕГО ИСТОРИЯ, БЫТ, ПРАВЫ, МЫСЛИ И ЧУВСТВА, ЕГО ПОЭТИЧНОСТЬ И МУЗЫКАЛЬНОСТЬ»

*К 115-летию со дня рождения фольклориста, этнографа,
краеведа Михаила Ивановича Чувашева*

Г. А. Корнишина

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
G.Kornihina@mail.ru

Personalities

“IN THE WORK OF THE PEOPLE, ITS HISTORY, WAY OF LIFE, CUSTOMS, THOUGHTS AND FEELINGS, ITS POETRY AND MUSICALITY IS”

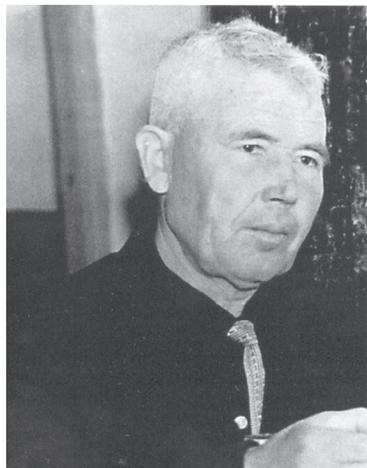
*On the 115th anniversary of the birth of the folklorist, ethnographer,
local historian Mikhail Ivanovich Chuvashhev*

G. A. Kornishina

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia
G.Kornihina@mail.ru

С наследием известного собирателя устно-поэтического творчества мордвы Михаила Ивановича Чувашева автору данной статьи удалось познакомиться при написании коллективной монографии «Мордва Заволжья». Это были его записи старинного девичьего праздника «Тейтерень пиянь кудо — Девичий дом пива», которые хранятся в Научном архиве Научно-исследовательского института гумани-

© Корнишина Г. А., 2024

тарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН)¹. В конце 1990-х гг. в последующих экспедициях по мордовским селам Самарской области произошло более близкое знакомство с жизнью и деятельностью этого человека. В с. Красные Ключи Похвистневского района нам порекомендовали встретиться с известной исполнительницей народных песен, причитаний и плачей Матреной Петровной Кавриной. К сожалению, к тому времени после перенесенного инсульта у исполнительницы была нарушена речь, поэтому с ней трудно было общаться. Тем не менее при содействии ее дочерей нам удалось записать ее причитание по погибшему брату. В нем и прозвучало имя М. И. Чувашева, который был свидетелем его гибели. В плаче она описы-

вает, что Михаил Иванович хотел взять ее в Москву для выступления на фольклорном фестивале, но Матрена Петровна отказалась, по ее словам — «не посмела»².

Впоследствии о М. И. Чувашеве ценную информацию сообщила известный фольклорист Самарской области Инна Александровна Касьянова, которая приложила много усилий для сохранения фольклорного наследия народов, проживающих в регионе. Именно к ней Михаил Иванович обратился за помощью, когда начал записывать мордовские причитания и плачи. Их совместная книга «Мордовские (эрзянские) причитания», где представлены фольклорные произведения этого жанра, вышла в 1979 г.³ К тому времени Михаила Ивановича уже не было, и именно Инна Александровна приложила все усилия, чтобы книга вышла в печати⁴.

Михаил Иванович Чувашев прожил интересную, насыщенную жизнь. Родился он в 1909 г. в с. Архангельские Ключи Бугурусланского уезда Самарской губернии (ныне с. Красные Ключи Похвистневского района Самарской области). Надо отметить, что Похвистневский район является родиной нескольких ярких представителей мордовского народа. Односельчанином М. И. Чувашева является известный мордовский поэт Артур Моро (Афанасий Осипов). В доме, где он родился, сейчас расположен дом-музей поэта. Родом из Красных Ключей мордовский писатель и журналист Алексей Миронович Лукьянов. Он написал первый роман в стихах на эрзянском языке «Кинель» (1933), а также был одним из первых редакторов журна-

¹ Чувашов М. И. Обобщенное описание старинного девичьего праздника «Тейтерень пия кудо» в эрзя-мордовских селениях левобережья реки Волги, собранные М. И. Чувашовым в 1964 году // НА НИИГН (Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). Л-397.

² Каврина Матрена Петровна, 1910 года рождения, с. Красные Ключи Похвистневского района Самарской области, запись 1998 г.

³ Касьянова И. А., Чувашев М. И. Мордовские (эрзянские) причитания. М., 1979. 99 с.

⁴ Фечина А. Инна Касьянова: интервью // Национальный акцент: медиапроект гильдии межэтнической журналистики. 2015. 20 окт. URL: <https://nazaccent.ru/interview/88/> (дата обращения: 05.06.2024).

ла «Сятко». Уроженцами села были Александр Васильевич Волженский — известный советский ученый в области технологии строительных материалов и изделий, Михаил Романович Боров — знаменитый борец классического стиля, ставший в 1920 г. первым чемпионом РСФСР в этом виде спорта. Здесь же в Похвистневском районе в с. Нижнеягодное родилась Серафима Марковна Люлякина — известная мордовская сказительница и поэтесса. В с. Большой Толкай этого же района выросли Василий Кузьмич Радаев (создатель мордовского эпоса «Сияжар»), мордовские поэты Михаил Алексеевич Втулкин и Числав Григорьевич Журавлёв. Такое окружение не могло не оказать влияние на М. И. Чувашева, который посвятил многие годы сохранению культуры своего народа.

Семья Чувашевых была многодетной, у родителей Михаила Ивановича было восемь детей, поэтому после ранней смерти отца они жили трудно. Помогал и поддерживал их священник Волженский живший по соседству. Его старшая дочь крестила детей Чувашевых, учила их русскому языку и грамоте. Михаил, чтобы продолжить образование, в возрасте 15 лет уезжает в Самару в интернат для мордовских детей. Здесь он познакомился с будущей женой — Анной Ивановной Инчиной, которая впоследствии стала врачом. Сам же Михаил Иванович поступает в Ульяновский педагогический техникум после окончания, которого работает учителем в мордовском селе Новая Малыкла Ульяновской области. Через некоторое время он заканчивает Куйбышевский индустриальный институт и начинает работать учителем физики вначале в с. Старая Шентала, а затем в районном центре Шентала Куйбышевской области.

Во время войны супруги Чувашевы уходят на фронт, оставив дочь Генриетту и сына Роберта на попечении матери Михаила Ивановича Неонилы Петровны. Практически в первом же бою М. И. Чувашев попадает в плен, откуда ему удалось бежать. Он воевал под Сталинградом, в Болгарии, Венгрии, Югославии. Был дважды тяжело ранен, стал полным кавалером ордена Славы. После войны вернулся в с. Шентала и с 1946 по 1962 г. продолжил преподавать физику в школе.

Коллеги, ученики, друзья вспоминают, что Михаил Иванович был разносторонне одаренным человеком. Он своими руками собирал необходимые для обучения школьников физические и химические приборы. В частности, изготовил магнитофон, с которым потом ездил по селам в поисках фольклорных произведений. Кроме того, увлекался фотографией, садоводством, разводил кроликов и пчел. Своими знаниями и опытом любил делиться с односельчанами⁵.

В 1962 г. Михаил Иванович вынужден был уйти на пенсию по инвалидности. Именно с этого времени начинается его активная деятельность по сбору мордовского фольклора. Перед тем как вплотную заняться этим, М. И. Чувашев изучил специальную литературу и выработал методику работы.

Михаил Иванович объездил не только всю Самарскую (тогда Куйбышевскую) область, но побывал и в соседних Ульяновской и Оренбургской областях, республиках Татарстан и Чувашия. Добрался он и до с. Шоржа в Армении, где жили

⁵ Волкова Т. И. Победитель, учитель, фольклорист: К 110-летию Чувашева Михаила Ивановича // Самарская лука. 2020. № 32. С. 51 — 53. URL: <https://samluka.ru/upload/iblock/835/835fa746016f79577a53769f62b727b8.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

М. И. Чувашев в фольклорной экспедиции
в с. Большой Толкай Похвистневского района Самарской области. 1969 г.

M. I. Chuvashov in a folklore expedition
to the village of Bolshoy Tolkai in the Pokhvistnevsky district of the Samara region. 1969

мордва-молokane, часть которых переселилась туда из с. Малый Толкай и Шентала бывшей Самарской губернии. В результате этих поездок было собрано большое количество образцов не только мордовского фольклора, но и фольклора других народов Поволжья. В архив М. И. Чувашева вошли эпические песни, заговорная магия, плачи и причитания, обрядовая и необрядовая лирика, колыбельные, частушки, комплексные описания таких ритуалов, как «Тейтерень пьянь кудо» («Дом девичьего пива»), свадебный обряд (например, свадьбу в родном селе Красные Ключи, записи которой находятся в НИИГН, он зафиксировал от М. П. Кавриной) и многое другое.

Особое внимание М. И. Чувашев уделял причитаниям и плачам как наименее исследованному жанру мордовского фольклора. В предисловии к книге «Мордовские (эрзянские) причитания» И. А. Касьянова пишет, что собиратель считал традиционные мордовские плачи глубоко эмоциональными, выражающими душевные переживания человека⁶. Причитания и плачи — один из архаичных жанров фольклора, поскольку в них можно найти отголоски древнейших верований народа, реликтовые обрядовые элементы. Например, при записях плача невесты М. И. Чувашев столкнулся с понятиями *плач на жизнь* и *плач на смерть*. Оказалось, что при прощании с родным домом и родителями невеста причитала на смерть, в том смысле, что она «умирает» в этом доме, т. е. уходит навсегда. Недаром невеста перед уходом в девичью баню в причитаниях давала наказы отцу купить на базаре доски

⁶ Касьянова И. А., Чувашев М. И. Указ. соч. С. 3 — 9.

для гроба, матери испечь поминальные блины, братьям созвать родственников и подруг для ее оплакивания и т. д. А после возвращения из бани она садилась на место, куда обычно клали покойника.

Михаил Иванович занимался сбором как мордовского, так и чувашского и русского фольклора. При этом он обозначил процесс взаимовлияния культур народов, проживающих в Самарском крае. Он отмечал, что именно в мордовских селах удалось записать сохранившиеся старинные русские песни, которые исполнялись многоголосием по типу мордовского.

М. И. Чувашев не только накапливал фольклорный материал, он занимался его популяризацией. Совместно с Владимиром Львовичем Митителло, композитором и педагогом, а также музыкальным редактором областного самарского радио, он подготовил передачу «Шкатулка песни народной». Эта передача была посвящена результатам полевых исследований: ученый рассказывал о народных исполнителях, транслировал записи тех произведений фольклора, которые ему удалось зафиксировать. Передача имела большой успех. Люди писали в редакцию письма, где просили записать от них уникальные образцы устно-поэтического творчества. Не без участия М. И. Чувашева самарский Дом народного творчества начал проводить областные фольклорные праздники, которые широко освещались в средствах массовой информации, на радио и телевидении. Фольклорные ансамбли Самарской области стали выезжать в Москву, где участвовали в концертах народной музыки. После этих поездок в Самаре было решено провести Всесоюзный фестиваль «Композитор и фольклор», всего состоялись три фестиваля⁷.

В результате многолетней поисковой работы М. И. Чувашеву удалось собрать более 2 тыс. записей. Они хранятся в музеях Финляндии, Эстонии, Санкт-Петербурга, Самары, есть они и в фондах Научного архива НИИГН. Многие из этих материалов были изданы в сборниках фольклорных произведений. Одним из первых таких изданий стала серия «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», в нескольких томах которой были опубликованы песни и причитания, записанные М. И. Чувашевым⁸. Полностью на его материалах была составлена уже упоминавшаяся ранее книга «Мордовские (эрзянские) причитания». Также собранные Михаилом Ивановичем произведения народного творчества легли в основу двух томов антологии «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки». Здесь представлены произведения различных жанров, начиная от описания праздника «Тейтерень пиянь кудо», эпических и обрядовых песен и причитаний (в том числе свадебных и похоронных) до малых жанров фольклора⁹.

В создании данной антологии активное участие приняли известные фольклористы И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев и руководитель музея М. И. Чувашева в с. Ста-

⁷ Фечина А. Указ. соч.

⁸ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1. Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972. 374 с.; Т. 9. Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982. 352 с.

⁹ Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / сост.: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев, А. Ю. Малыхин, Т. И. Волкова. Самара, 2001. [Т. 1]. 536 с.; Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / сост.: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев. Самара, 2008. Т. 2. 512 с.

рая Шентала Татьяна Ивановна Волкова. Татьяна Ивановна приложила немало усилий, чтобы получить копии записей собирателя, которые хранились в Фольклорном архиве Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда в Эстонии. Эти материалы стали основой фондов Старошенталинского историко-этнографического музея им. М. И. Чувашева. В музее постоянно организуются экскурсии, проводятся школьные уроки, конференции¹⁰. Таким образом, музей стал центром сохранения народной культуры, местом межнационального общения.

Жизнь и деятельность М. И. Чувашева представляют яркий пример служения своему народу. Исследователь внес значительный вклад в сохранение народной культуры. Многие произведения, собранные Михаилом Ивановичем в 1960 — 1970-е гг., сейчас уже не бытуют в среде мордовского населения, их исполнители и творцы ушли из жизни. В связи с этим ценность собранного М. И. Чувашевым фольклорного материала возрастает.

Интерес к жизни и деятельности Михаила Ивановича проявляют не только специалисты, но и обычные люди, в том числе представители молодого поколения. В Старошенталинской школе работает клуб «Чилисема», организованный учениками. Члены этого клуба регулярно совершают поездки по селам Самарской области, где ученый записывал фольклорные произведения. К 90-летию М. И. Чувашева был организован праздник мордовской культуры, который стал областным и проводится с того времени ежегодно. Таким образом, как пишет Т. И. Волкова, продолжательница дела выдающегося собирателя народного творчества, «ушел из жизни Михаил Иванович, но остался свет его души, его добрых дел...»¹¹.

Основные труды М. И. Чувашева

Чувашов М. И. Обобщенное описание старинного девичьего праздника в эрзя-мордовских селениях левобережья реки Волги, собранные М. И. Чувашовым в 1964 году // НА НИИГН. Л-397. 66 л.

Чувашов М. И. Тейтерень пия кудо (Девичий дом пива) у эрзян // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров / сост. И. Рюйтел. Таллинн, 1986. С. 284 — 311.

Касьянова И. А., Чувашев М. И. Мордовские (эрзянские) причитания. М.: Совет композитор, 1979. 99 с.

Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / сост.: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев, А. Ю. Малыхин, Т. И. Волкова. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. [Т. 1]. 536 с.

Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / сост.: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев. Самара: Книга, 2008. Т. 2. 512 с.

¹⁰ В память о собирателе фольклора // БезФормата: Новости Самары и Самарской области: [сайт]. URL: <https://samara.bezformata.com/listnews/v-pamyat-o-sobiratele-folklor/63014354/> (дата обращения: 05.06.2024).

¹¹ Духовное наследие народов Поволжья... [Т. 1]. С. 500.

Основные публикации о М. И. Чувашеве

Авдеева Ю., Долонько В. Живые истоки // Свежая газета. Культура. 2016. № 4 (92). С. 3.

Бояркин Н. И. Чувашев Михаил Иванович // Мордовия: энцикл.: в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 515.

Волкова Т. И. Все остается людям // Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / сост.: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев, А. Ю. Малыхин, Т. И. Волкова. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. [Т. 1]. С. 492 — 500.

Волкова Т. И. Победитель, учитель, фольклорист: к 110-летию Чувашева Михаила Ивановича // Самарская лука. 2020. № 32. С. 51 — 53.

Назарова И. Хранитель старины // Хранители Родины: [сайт]. URL: <https://хранителиродины.рф/Article/?id=23092>

Фечина А. Инна Касьянова: интервью // Национальный акцент: медиапроект гильдии межэтнич. журналистики. 2015. 20 окт. URL: <https://nazaccent.ru/interview/88/>

Финаева М. В. Из истории собирания и изучения календарно-обрядового фольклора // Центр и периферия. 2019. № 1. С. 35 — 41. URL: <http://niign.ru/centrandperiferiya/czentr-i-periferiya-nomer-1-2019-s-datoj.pdf>

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; accepted for publication on 07.05.2024.

Информация об авторе:

Галина Альбертовна Корнишина, профессор кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru

Information about the author:

Galina A. Kornishina, Department of History of Russia of the National Research Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила направления статей в научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Редакция научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки.

Для публикации принимаются оригинальные, не опубликованные ранее авторские статьи по следующим научным специальностям:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Публикация статей бесплатная.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат». При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

I. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

II. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

III. Все статьи публикуются на русском языке.

IV. Объем текста статьи должен составлять до одного печатного листа (24 страницы), включая рисунки, таблицы и графики.

V. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Подписи выполняются 12 кеглем на русском и английском языках. Рисунки предоставляются отдельно в формате .jpeg.

Текст таблиц набирается 12 кеглем на русском и английском языках. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

VI. Структура статьи:

1) Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

Индекс УДК помещают в начале статьи на отдельной строке слева.

2) Заглавие статьи.

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Заглавие выполняют прописными буквами и размещают по центру страницы. В конце заглавия статьи точку не ставят.

3) Инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку).

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у статьи несколько авторов, сведения о месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у авторов одно место работы (учебы), то эти сведения приводят один раз.

Информацию размещают по центру страницы.

4) Аннотация.

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Ее формируют по ГОСТ Р 7.0.7—2021.

В аннотации должны быть четко обозначены следующие составные части, выделенные следующими подзаголовками:

— Введение (Introduction): ставятся научная проблема и цель статьи.

— Материалы и методы (Materials and methods): представляются сведения об объекте и последовательности выполнения исследования.

— Результаты исследования и их обсуждение (Results and discussion): приводятся конкретные авторские результаты исследования и их практическая значимость.

— Заключение (Conclusion): указываются перспективы исследования.

Рекомендуемый объем аннотации — не более 250 слов.

Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» («Abstract»).

5) Ключевые слова.

Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Ключевые слова отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят. Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» («Keywords:»).

6) Финансирование.

Приводятся сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья. Сведения приводят, предваряя словом «Финансирование:» («Funding:»).

7) Благодарности.

Автор выражает признательность организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи. Сведения приводят, предваряя словом «Благодарности:» («Acknowledgments:»).

8) Информация о конфликте интересов.

В статье следует указать на реальный или потенциальный конфликт интересов.

Если конфликта интересов нет, то следует написать: «Конфликт интересов: автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов» («Conflict of interests: the author (authors) declares (declare) no conflict of interests»).

Данные п. 2 — 8 представляются в переводе на английский язык и размещаются после русского варианта.

VII. Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) Введение

В этом разделе осуществляется постановка научной проблемы, указываются ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. При его написании автор прежде всего должен заявить общую тему исследования, обозначить проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме того, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) Обзор литературы

В обзоре характеризуются основные современные исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; указываются нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы

В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование и т. д.).

4) Результаты исследования и их обсуждение

В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого — доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективности. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Необходимо обосновать, почему для анализа были выбраны именно эти данные. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и другие оформляются на русском и английском языках.

5) Заключение

Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде приводятся главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить попытки прогноза развития рассмотренных вопросов.

Все разделы требуется выделять соответствующими подзаголовками.

VIII. Оформление источников и ссылок.

1. В списке источников рекомендуется указывать не менее 10 позиций — только рецензируемые источники (монографии, статьи из научных журналов, диссертации, авторефераты, материалы конференций, тезисы докладов), используемые в тексте статьи. Если цитируемая статья имеет DOI или EDN, необходимо указывать это после описания цитируемой статьи.

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100—2018.

В журнале принят следующий стиль цитирования: отсылка в тексте в квадратных скобках, полное библиографическое описание источника в списке литературы в алфавитном порядке. При цитировании или воспроизведении статистического материала необходимо в квадратных скобках после источника указать через запятую номер конкретной страницы, например: [1, с. 15].

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки.

Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языке («REFERENCES»).

IX. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора.

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Информация об авторе (авторах)*» («*Information about the author (authors)*»).

X. Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, разработка концепции, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Вклад авторов:*» («*Contribution of the authors:*»).

XI. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

XII. Статьи, не соответствующие п. IV — X, не рассматриваются.

XIII. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование. Срок действия рецензии — 1 год. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

XIV. При подаче статьи в редакцию автором оформляются лицензионный договор и согласие о размещении личных данных.

Полную версию правил (с примерами) см. на сайте:
<http://vestnikniign.ru>

В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Том 16, № 3. 2024

Редакторы: *Т. И. Кильдюшкина, Т. В. Шугаева, Е. В. Глазкова*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. Ю. Ивлевой*

Подписано в печать 16.09.2024 г. Дата выхода в свет 30.09.2024 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ № 113.
Цена свободная

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru

Адрес издателя:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: inst.gum.nauk@e-mordovia.ru
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:

ООО «Типография „Рузаевский печатник“».
431444 Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул. Трынова, д. 67а.
e-mail: rutzitograf@ya.ru